

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 15

ВИТЕБСК 2013

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2013 • Том 15

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 9 от 20.06.2013 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (*главный редактор*),
И.М. Прищепа (*зам. главного редактора*),
В.Ю. Боровко, Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, Е.В. Давлятова, А.П. Косов,
О.В. Лапатинская, И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов,
В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, В.М. Шорец

Редакционный совет:

София Абрамович (*Польша*), Зина Гимпелевич (*Канада*), А.Н. Дулов (*Беларусь*),
Эрик Екабсонс (*Латвия*), И.А. Королева (*Россия*), А.А. Михайлов (*Россия*),
В.Н. Никитин (*Россия*), Н.Л. Пушкарева (*Беларусь*), Т.А. Ященко (*Украина*)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
В54 Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – Т. 15. – 218 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2013

Оглавление

Contents

История

Мандрик И.В. Членская база профсоюзов, типы мотивации ее рядов

5

Моторов С.А., Моторова Л.А. Тенденции и социально-политические условия развития исторического образования в системе высшей школы Беларуси (1944–1954 гг.)

23

Елизаров С.А. Трансформации областного деления БССР (1944–1960 гг.)

35

Кузнецова Т.И. 1812 год в контексте исторической памяти латышей (30-е годы XX века. Латвия)

44

Лотоцкий С.М. Проблемы военной истории эпохи античности в белорусской историографии (1945–1991 гг.)

50

Бобров Н.М. Деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на территории Западного военного округа (1918–1921 гг.) (на материалах Витебской губернии)

57

Жихарев С.Б. Вопросы железнодорожного хозяйства в деятельности органов городского самоуправления Витебской и Минской губерний в последней трети XIX века – 1914 г. ...

72

Философия

Демидов А.Б. Начала генезиса значений

82

Ростовская О.М. Город как место памяти: методологический анализ ...

105

Паршута И.Н. Постмодернистские рефлексии понятия о соци-

111

History

Mandrik I.V. Membership Base of Trade Unions, Motivation Types of its Composition

5

Motorov S.A., Motorova L.A. Tendencies and Social and Political Conditions of the Development of Historical Education at the Higher Educational Establishments of Belarus (1944–1954)

23

Yelizarau S.A. Transformation of the Regional Division of the BSSR (1944–1960).....

35

Kuznetsova T.I. 1812 in the Context of Historical Memory of the Latvians (the 30-ies of the XX Century. Latvia) ..

44

Lototski S.M. Issues of Military History in the Period of Antiquity in Belarusian Historiography (1945–1991)

50

Bobrov N.M. Operation of Deserter Combat Commissions on the territory of Western Military District (1918–1921) on the Materials of Vitebsk Region)

57

Zhiharev S.B. Issues of Railway Economy in Activity of Municipal Local Government Institutions of Vitebsk and Minsk Provinces in the Last Third of the XIX Century – 1914

72

Philosophy

Demidov A.B. Beginnings of the Genesis of Values

82

Rastouskaya O.M. City as the Place of memory: Methodological Analysis ..

105

Parshuto I.N. Postmodernist Reflections of the Conception about

111

альном	прогрессе	Social Progress	
Филология		Philology	
<i>Дубоўская Т.А.</i> Мастацкі канцэпт у кантэксце сучаснай навукі пра літаратуру	118	<i>Dubovskaya T.A.</i> Artistic Concept in the Context of Modern literature Studies	118
<i>Сенькевич Т.В.</i> Образ природы в художественной структуре исторического романа (на примере романа «Маслав» Ю.И. Крашевского)	124	<i>Senkevich T.V.</i> The Image of Nature in the Artistic Structure of the Historical Novel (on the Example of the Novel Maslav" by Yu. I. Kraszewski) ...	124
<i>Несцяровіч В.І.</i> Касмонімы ў легендзе “Мірадж”: праблемы этымалогіі	131	<i>Nesterovich V.I.</i> Astronyms in the Legend of Mi'rağ: Problems of Etymology	131
<i>Дорофеенко М.Л.</i> Отантропонимные виконимы Гомельской и Гродненской областей	137	<i>Dorofeenko M.L.</i> Viconyms of Gomel and Grodno Regions Derived from Anthroponyms	137
<i>Мужейко И.А.</i> Особенности вариативности адъективных устойчивых сравнений (на материале славянских, балтийских, германских языков)	144	<i>Muzheyko I.A.</i> Variability Peculiarities of Adjective Similes (On the Material of Slavonic, Baltic, Germanic Languages)	144
<i>Никитенко Т.В.</i> Семантические изменения как источник формирования негативно-оценочной лексики английского языка в среднеанглийский период	150	<i>Nikitenko T.V.</i> Semantic Transformations as the Source of English Negative Evaluation Vocabulary during the Middle English Period	150
<i>Бувевич А.А.</i> Концепт «Спаситель» в русской культуре	156	<i>Buyevich A.A.</i> The Concept of Savior in Russian Culture	156
<i>Лисова И.А.</i> Место конвергенции в неофициальной антропонимии	162	<i>Lisova I.A.</i> Convergence Place in Informal Anthroponymy	162
<i>Семченко Л.И.</i> Жанровая трансформация мемуарного наследия Ипполит Клерон в «Разговорах немецких беженцев» И.В. Гёте	168	<i>Siamchonak L.I.</i> Genre Transformation of Hippolyte Cleron Memoirs in “Conversations of German Refugees” by J.W. Goethe	168
<i>Падстаўленка В.Ф.</i> Самабытнасць беларускай аўтарскай казкі пачатку XX стагоддзя	176	<i>Podstavlenko V.F.</i> Peculiarities of the Belarusian Author Written Fairy Tale of the Early XX century	176
<i>Харошка Г.П.</i> Жанр драматычнай паэмы ў беларускай савецкай літаратуры 20–30-х гадоў XX стагоддзя	184	<i>Kharoshka G.P.</i> Genre of Dramatic Poem in Belarusian Soviet Literature of the 20-s–30-ies of the XX Century ..	184
<i>Воробьева О.И.</i> Сокращения в электронной деловой переписке на английском языке	199	<i>Vorobyova O.I.</i> Shortenings in Electronic Business Correspondence in English	199

.....		
<i>Романова С.В.</i> Поэтика сказа в «Бухтинах вологодских» В.И. Бело- ва	206	<i>Romanova S.V.</i> The poetic of tale in «Stories of Vologda» of I. Belov 206

ИСТОРИЯ

УДК 329.7

Членская база профсоюзов, типы мотивации ее рядов

Мандрик И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье освещается проблема взаимодействия профсоюзов с властными структурами и бизнес-сообществом в процессе становления белорусской модели социально ориентированного государства. Отмечается, что роль, место и статус профсоюзов, по сравнению с начальным периодом их образования, претерпели существенные изменения. От первых попыток диалога с хозяевами предприятий начала XX века, создания стачечных касс, обществ взаимопомощи, «примирительных камер», тарифных согласительных комиссий и протестных движений в разных формах к цивилизованным отношениям с государством и нанимателями – системе социального партнерства – профсоюзам потребовался отрезок времени больше столетия. Особое внимание в работе уделяется изучению состава членской базы профсоюзов. Дано теоретическое обоснование существующим типам мотивации. На основе проведенного социологического исследования определена мотивация профсоюзного членства среди различных категорий трудящихся Витебской области. По результатам исследования сделан вывод о том, что в Республике Беларусь профсоюзы являются главным институтом формирующегося гражданского общества. В статье признается, что профсоюзы могут сегодня более эффективно влиять на включение трудящихся в управление производством, расширение участия наемных работников в собственности предприятий, вовлечение их в справедливое распределение результатов труда. Исходным положением, которое позволит этого достичь, является общность интересов, совместные действия, ответственность и активная позиция рядовых членов многочисленных профсоюзных общественных формирований.

Результаты исследования могут лечь в основу дальнейшей научной разработки вопросов мотивации профсоюзного членства в современных условиях, а также найти практическое применение в профсоюзных организациях. Выводы и предложения статьи направлены на усиление профсоюзного влияния на многогранную жизнь белорусского общества.

Ключевые слова: профсоюзное членство, работники наемного труда, типы мотивации, солидаристский тип, инерционно-страховочный тип, потребительский тип, социальное партнерство.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 5–22)

Membership Base of Trade Unions, Motivation Types of its Composition

Mandrik I.V.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

Counteraction of trade unions with authorities and business community in the process of establishing Belarusian model of socially oriented state is highlighted in the article. It is pointed out that the role, place and status of trade unions, compared to the initial period of their setting up, have changed considerably. From the first attempts of the dialogue with company owners in the early XX century, setting up strike funds, mutual assistance societies, "making up chambers", tariff agreement commissions and protest movements in different forms to civilized relations with the state and the employer – the system of social partnership – it took trade unions more than a century long. Special attention is paid in the work to the study of the composition of the trade union membership base. Theoretical grounds of the existing motivation types are given. On the basis of a sociological research motivation of trade union membership among different categories of workers of Vitebsk region is defined. According to the research findings conclusion is made that trade unions in Belarus are the main institution of the civil society which is being formed. The article states that trade

Адрес для корреспонденции: e-mail: ivan_mandrik@mail.ru – И.В. Мандрик

unions today can influence more efficiently the involvement of workers into production management, increase of the participation of employees in the ownership of companies, their involvement into just distribution of the results of their work. The starting point, which would make it possible, is unity of interests, common activity, responsibility and active position of members of multiple trade union public organizations. Findings of the research can become the basis for further scientific development of the issues of trade union membership motivation in modern conditions as well as find practical application in trade union organizations. Conclusions and suggestions of the article aim at strengthening trade union influence on manifold life of Belarusian society.

Key words: trade union membership, employees, motivation types, solidarity type, insertion and insurance type, consumer type, social partnership.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 5–22)

Изменившаяся с переходом к рыночным отношениям социально-экономическая и политическая ситуация в государстве требует от профсоюзов адекватных ответов на вызов времени. В этой связи наиболее актуальным на нынешнем этапе является вопрос об организационном укреплении самих профсоюзов. Без организационного укрепления профсоюзам трудно противостоять нанимателям, вести равноправный диалог по вопросам социально-трудовых прав и интересов работников со структурами власти.

Усиление профсоюзного влияния на решение наиболее важных для трудящихся проблем во многом определяется сохранением и укреплением членской базы профсоюзов. Вопрос о членской базе профсоюзов (степень охвата профсоюзным членством экономически активного населения и мотивация профсоюзного членства) – один из основных вопросов теории и практики профсоюзного строительства. По численности профсоюзных рядов, степени охвата профсоюзным членством людей труда можно первоначально судить о силе и возможностях этой организации. Но, углубляясь в проблему, становится понятно, что при определении дееспособности профсоюзного движения не менее важным остается вопрос внутренней психологической настроенности, сплоченности, консолидированности и активности членов этой организации в достижении поставленных целей. Поведение человека, состоящего в профсоюзе, по тому, как он здесь реализует свою социальную роль, определяется типом профсоюзного членства.

Членов профсоюза, которые добровольно, осознанно вступили в организацию, обладают высокой социальной активностью и ответственностью, способных на коллективные действия в отстаивании прав и интересов трудящихся, относят к солидаристскому типу профсоюзного членства. Очень важно определить, каково процентное соотношение членов профсоюза данного типа к другим типам.

Цель статьи – изучить степень устойчивости профсоюзного движения в республике, предложить пути его дальнейшего его укрепления.

Материал и методы. В статье использовались исторические сведения об образовании и становлении профсоюзов в отдельных странах, в том числе и в нашей республике, публикации выступлений государственных и общественных деятелей, ученых, практических работников профсоюзного движения о месте и роли профсоюзов на современном этапе. Основой статьи стали данные ранее проведенных и обобщенных автором социологических исследований по тематике, раскрывающей опыт и проблемы функционирования крупнейшей в стране общественной организации трудящихся.

При подготовке и написании статьи использовались методы исторического и логического анализа, а также описательно-аналитический.

Результаты и их обсуждение. С первых дней создания профсоюзного движения в странах капитала его организаторы уделяли (такой подход сохранился и теперь) серьезное внимание формированию его устойчивой структуры, приему новых членов, сохранению

солидарного членства своих рядов. Бурный рост профсоюзного движения в мире наблюдался во время становления капиталистических производственных отношений, а также в сложных экономических условиях после Второй мировой войны. Профсоюзы, как и другие общественные организации, в это время находились в тесном сотрудничестве и взаимодействии с государством и бизнес-сообществами, что и стало действенным фактором быстрого восстановления разрушенной войной экономики многих стран Европы и Азии.

Однако с середины 1970-х годов рост профсоюзного членства повсеместно замедлился, а уже с середины 1980-х профсоюзы имели довольно масштабные потери своих рядов. В Британии – на родине тред-юнионов – степень охвата профсоюзным членством в начале XXI ст. составляла 26%, в США – около 13%, в Японии – близко к 19%. В странах Центральной и Восточной Европы после так называемых «бархатных революций» в профсоюзных рядах осталось в среднем от

30 до 50% трудящихся. Высокая численность профсоюзного членства в настоящее время сохраняется в скандинавских странах: 77,2% экономически активного населения состоит в профсоюзах Швеции, 70,7% – в Исландии, 68% – в Дании, 59,7% – в Финляндии, 51,7% – в Норвегии. Создав и сохранив сильное организованное профсоюзное движение, работники промышленности, других сфер этих стран тем самым обеспечили себе в противостоянии с работодателями достойный уровень оплаты труда и социальных гарантий. Рыночное хозяйство, демократическое устройство их общественно-политических систем держалось и укреплялось благодаря хорошо отлаженному механизму согласования интересов сторон, представляющих государственные структуры, организации трудящихся и нанимателей. Профсоюзы в этих странах как самые массовые и многоцелевые организации на протяжении длительного времени, на разных исторических этапах доказывали свою способность проводить

эффективную защитную деятельность работников наемного труда. Как будет работать механизм социального партнерства в условиях затяжного кризиса, высокой безработицы, обнищания масс, что по нарастающей происходит здесь в последние годы и ведет к напряженности между трудом и капиталом, – этот вопрос пока остается открытым. В то же время можно с большой долей уверенности предполагать, что нарастающая классовая борьба даже в стремительно развивающихся рыночных экономиках (вышеперечисленных и других стран) неизбежно поставит перед профсоюзным движением как объединением наемных работников задачу усиления действий по защите интересов трудящихся.

В Беларуси профсоюзы образовались более 100 лет назад, прошли разные этапы в своем развитии. Исходным пунктом протестного движения и возмущения рабочих были беспощадная, жестокая их эксплуатация и несправедливость. Как указывал К. Маркс, в России в начале XX столетия имелись «в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы» [1, с. 564]. Условия труда были нестерпимы. Длительность рабочего дня составляла 11,5 часа, к тому же были широко распространены сверхурочные работы. В Беларуси, по сравнению с центральными губерниями России, условия жизни рабочих были еще более тяжелыми. Заработная плата не обеспечивала минимального жизненного уровня. Антисанитарное состояние рабочих помещений, отсутствие правил техники безопасности становились причиной высокого производственного травматизма, часто со смертельным исходом. Только по учетным сведениям за 1904 год на 17% предприятий пяти западных губерний произошло 24744 тяжелых несчастных случая, большинство которых окончилось потерей трудоспособности или гибелью рабочих. Повсеместно наблюдалась неустроенность жилищных условий. В небольших по размерам комнатах, как их называли «углах нищеты», ютилось по 9–12 человек [2, с. 18–19]. Это изнурило ра-

бочих, приводило к раннему старению и преждевременной смерти. Полное бесправие человека вело к подспудному и постоянному накоплению социальных противоречий. Этим и было обусловлено то, что здесь сознание рабочих о быстрейшем создании профессиональных организаций созрело еще в конце XIX столетия.

До 1917 года организационное строение и деятельность профсоюзов носили общепринятый в мировой практике характер. При советской власти модель согласования интересов трудящихся и государства претерпела существенное изменение. Она уже имела принципиальное отличие от модели, характерной для стран с рыночной экономикой. Идеология советской модели предполагала равенство интересов государства и населения в процессе труда и общественных отношений. Администрация государственных предприятий, учреждений и профсоюзы как самая массовая организация трудящихся находились в одной связке, были элементами единой системы, полностью подчинялись директивам партийных структур. Являясь значимым элементом в структуре государства и его идеологемы, профсоюзы были наделены рядом важнейших государственных функций. Им вменялось в обязанность осуществлять надзор за соблюдением законодательства о труде и охране труда, управлять делом социального страхования и оздоровления трудящихся (и они не без успеха их выполняли). Усилия профсоюзов, в основном, были направлены на поддержание дисциплины труда, организацию трудового соперничества, экономической учебы трудящихся, и только в особых случаях, при серьезных конфликтах руководителя и работников, они включались в их разрешение. Таков был результат реализации советской концепции профсоюзного движения как школы вовлечения широких масс в дело управления производственными и общественными делами. К 1980-м годам в БССР достигнута очень высокая степень профсоюзного членства. В профсоюзных организациях состояло более 99% всех

трудящихся, студентов высших, учащихся средних специальных и профессионально-технических учебных заведений.

В период перехода к рыночной экономике (1990 – сентябрь 2002 г.) из-за перетока рабочей силы в негосударственный сектор, появившихся безработных, вмешательства государственных структур во внутрив профсоюзную жизнь, лишения профсоюзов ранее присущих им государственных функций, других причин доверие к профсоюзам у работников всех сфер производства резко снизилось, отсюда весьма значительное сокращение профсоюзных рядов.

С 2002 года в условиях стабилизации политической и социально-экономической обстановки, с учетом заявленного ФПБ курса о переходе профсоюзов к конструктивному сотрудничеству с государственными структурами на основе социального партнерства, происходило вступление новых, а более всего – восстановление в профсоюзах рабочих, ИТР, служащих и учащихся, ранее покинувших их. С этого времени в республике отмечался постоянный рост профсоюзного членства. На предприятиях, в учреждениях государственной формы собственности (почти на всех, даже там, где насчитывалось не более десятка сотрудников) начали вновь функционировать профсоюзные организации. Большое число профсоюзных организаций в последние годы создано на предприятиях с частной формой собственности. Теперь в профсоюзах состоит большинство экономически активного населения страны. Охват профсоюзным членством в конце 2010 года в республике приблизился к советскому периоду (более 4 млн человек) и находился на уровне 94,8% [3, с. 7, 12].

Сегодня профсоюзы Беларуси имеют упорядоченную организационную структуру, широкую социальную базу, довольно высокий социальный статус и социальный опыт в решении наиболее важных социально-экономических проблем в жизни общества. Они имеют широкие внешние связи, сферу взаимодействия и сотрудничества с другими струк-

турами общества и, прежде всего, опыт коллективно-договорной практики с государственными институтами и объединениями работодателей.

Опросы членов профсоюза, проведенные в 2007 и 2009 годах подтвердили, что профсоюзы находятся в числе основных социальных сил общества: респонденты не случайно отнесли свою организацию по заинтересованности в решении проблем, стоящих перед обществом, на третье место, отдав ей чуть менее 20% голосов (после Президента и Правительства, которые получили соответственно – 71 и 21,2%) [4, с. 7]. Позади профсоюзов остались политические партии, милиция, суд и прокуратура, все другие государственные учреждения и общественные объединения. То, что профсоюзы оказались в данном опросе следом за Президентом и Правительством для исследователей, конечно же, не стало неожиданностью. Анкетирование тех лет подтвердило изначально выдвинутую исследователями посылку: члены профсоюза должны отводить своей организации ключевую роль в решении социально-экономических проблем, но они в период становления рыночных отношений едва ли смогут отдать ей предпочтение перед государственными структурами.

Эта изначально выдвинутая посылка связывалась исследователями с основополагающим положением, определяющим социально ориентированное государство. Оно утверждает, что поддержание качества жизни, которое обеспечивает нормальное воспроизводство общества, – это важнейшая функция социального государства. Закономерно, что надежды граждан республики на улучшение своих жизненных условий респонденты связали, прежде всего, с президентской вертикалью и государственными учреждениями.

Не случайным стало и то, что респонденты (все люди, состоящие в профсоюзах, определяющие и ощущающие их позицию и влияние) поставили профсоюзы выше других организаций и учреждений, отметив тем самым силу профсоюзов, их способность осуществлять защит-

ную деятельность работников наемного труда. Однако, двадцатипроцентный рейтинг общественного объединения среди своих членов показывает, что, оставаясь социальным партнером государства, профсоюзам предстояло приложить дополнительные усилия по защите прав и интересов трудящихся с учетом процессов, протекающих в белорусском обществе.

В публикациях, которые подготовлены и напечатаны ранее, автор указывал, что в нашей республике тесное взаимодействие профсоюзов с государственной властью в решении внутренних проблем и активизации социально-позитивных процессов в обществе усиливается еще и по той причине, что в стране не сформировалась партийно-политическая система. В данных специфических условиях профсоюзы должны находиться в числе наиболее сильных субъектов формирующегося гражданского общества.

На такой подход профсоюзы ориентирует Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. В его выступлениях внимание постоянно акцентируется на том положении, что профсоюзам в нашей стране отводится роль главного института формирующегося гражданского общества. Профсоюзы, как он считает, могут и должны использовать возможности состоящих в этой организации людей для расширения самостоятельных форм работы, создания в трудовых коллективах условий, при которых жизненная энергия человека, направленная на индивидуальную личностную самореализацию, сочеталась бы с вовлечением его в содержательную производственную и общественную жизнь. По мнению Президента, «именно профсоюзы могут и должны мобилизовать трудовые массы на прорыв» [5, с. 1].

На рабочей встрече председателя ФПБ Л. Козика с Главой государства в феврале 2013 года А.Г. Лукашенко отметил, что до него порой доходят противоречивые оценки работы профсоюзов, и поинтересовался тем, что происходит в профсоюзном движении, не теряют ли профсоюзы свои позиции в трудовых

коллективах? Президент акцентировал внимание профсоюзного лидера на необходимости защиты прав трудящихся частных предприятий и поручил ФПБ продолжить работу по созданию на предприятиях нормальных условий труда и быта [6, с. 2].

Вопрос Президента и его предложения по совершенствованию профсоюзной работы, связанной с защитой профкома интересов трудящихся в вопросах справедливой и своевременной оплаты за труд, как показывает реальная жизнь, оказываются актуальными. Имеется достаточно примеров неадекватной реакции профсоюзных организаций трудовых коллективов на нарушения, допускаемые нанимателями в области оплаты и охраны труда, а также здоровья работников. Приведем здесь только один пример. В агропромышленном комплексе Минской области в 2012 году специалисты обкома и райкомов профсоюза выявили 700 нарушений по оплате труда труженикам села. После проверок администрация хозяйств вынуждена была возратить работникам более 2 млрд 122 млн рублей, которые были им недоплачены или незаконно удержаны [7, с. 13].

Данный пример говорит, как бы, о содержательной деятельности профсоюзов по защите социально-трудовых прав трудящихся. Областные и районные комитеты профсоюза, обладая представительскими, посредническими и консультативными функциями вправе оказывать поддержку работникам-членам профсоюза предприятий и организаций. В то же время этот случай наглядно показывает: многие профсоюзные организации, функционирующие на сельскохозяйственных предприятиях области (в этом примере нарушения выявлены в 372 организациях), оказываются попросту не способными выдержать давление работодателей. Столь серьезные нарушения со стороны администрации в начислении и оплате труда работникам хозяйств свидетельствуют о невысоком коэффициенте полезного действия в работе профсоюзных организаций первичного звена – на предприятии, в учреж-

дении, где, согласно нормативным документам, должен осуществляться основной объем социальной работы, связанной с выражением и отстаиванием интересов и гарантий работников трудового коллектива. Именно здесь через конкретные результаты наиболее ярко проявляются все основные функции профсоюзов, ведется основная работа по составлению коллективных договоров и соглашений, контроль за их реализацией. Первичная профсоюзная организация является центральным звеном по расширению членской базы профсоюзов. Здесь же, в первую очередь, складываются все важнейшие мотивационные факторы профсоюзного членства.

Неумелое или запоздалое решение насущных проблем человека труда со стороны первичных профсоюзных организаций, что наблюдалось в агропромышленном комплексе Минской области, снижает мотивацию осознанного профсоюзного членства в среде трудового коллектива и свидетельствует о следующем: порой даже крупные по численности (не говоря о малочисленных) и мощные в потенциале профсоюзные организации оказываются не способными на солидарные действия.

Этот и другие примеры, взятые из жизни и жизнью проверенные, доказывают, что количественный состав еще не может полностью определять силу профсоюзов. Не менее важным при определении боеспособности профсоюзного движения остается вопрос качественного состава тех, кто в нем принимает участие. Эффективная работа профсоюзов по всем направлениям определяется мотивированно-осознанным профсоюзным членством.

Какие же мотивы сегодня преобладают у людей, непосредственно включенных в профсоюзные членские организации, находящиеся под влиянием ФПБ? Научно обоснованного ответа на этот вопрос ранее найти не удалось в силу отсутствия в республике фундаментальных теоретических разработок, опирающихся на эмпирический материал, кото-

рый бы раскрывал тип мотивации населения республики при вступлении в профсоюз и их нынешнее осознание необходимости сохранения в нем своего членства. Практики (освобожденные и неосвобожденные профсоюзные работники) чувствуют этот спектр, как говорится, «нутром», находятся в поиске мотивирующих факторов членства, рассматривают его на семинарах, но обобщений и выводов пока не сделали. Ученые, освещающие деятельность профсоюзов с разных сторон, до такой постановки не дошли. И те, и другие понимают, что на том уровне, на котором эта тема разработана, останавливаться нельзя. Имевшийся интерес (думается он и остался) к данной проблеме положил начало сбору недостающей информации. По предложению отраслевых комитетов профсоюза Витебской области и с их участием на кафедре социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»» (здесь положено начало), а в последующем – на кафедре истории Беларуси Витебского государственного университета имени П.М. Машерова (ученые кафедры включились в разработку данной темы с 2010 г. в рамках госбюджетного заказа по проблеме: «Государственные и общественные институты в процессе становления белорусской модели социально ориентированного государства (1991–2010 гг.))» проведено исследование по теме «Мотивация профсоюзного членства в организациях, входящих в ФПБ».

При изучении темы исследователям пришлось обратиться к фундаментальным теоретическим разработкам понятия мотивации психологами, а также к мнению ученых Московской академии труда и социальных отношений (АТиСО), которые первыми сделали попытку теоретического определения типов мотивации профсоюзного членства.

Психологи раскрывают понятие мотивации как процесс, происходящий внутри человека, который определяет его поведение, его выбор, то есть заставляет поступать именно так, а не иначе. В нашем

случае мотивация (речь пойдет только о мотивации профсоюзного членства) является внутренним побуждением человека для вступления в организацию и его включения в активную деятельность в ней.

Самым перспективным типом мотивации среди рядовых членов профсоюза ученые АТиСО назвали солидаристский тип. Члены профсоюза, которых следует относить к этому типу, по их мнению, вступают в профсоюз, считая это осознанным внутренним выбором. К данному определению, сделанному московскими учеными, дополним, что члены профсоюза солидаристской мотивации не голословно, а реально влияют на реализацию присущих для профсоюзного движения функций, которые предполагают коллективные действия в защиту своих социально-трудовых интересов перед работодателем. Наиболее важным фактором здесь, как считает автор статьи, является то, что такие члены профсоюза считают себя органичной частью трудового коллектива, чувствуют в себе уверенность в отстаивании своих прав и интересов и готовы подставить плечо для солидарных действий другим, нуждающимся в этом людям. Члены профсоюза солидаристского типа имеют серьезные намерения совместно с другими работниками трудового коллектива добиваться своих целей в социально-трудовой сфере. Они обладают высокой ответственностью и даже при экстремальных обстоятельствах не покинут организацию, а будут настойчиво отстаивать первоначально заложенные в фундамент организации цели и задачи.

В научной литературе, кроме солидаристского типа мотивации профсоюзного членства, выделяют еще два основных – инерционно-страховочный и потребительский. Можно также обозначить еще творческий и карьерный типы, которые проявляются у людей, избранных на руководящие (освобожденные и общественные) должности в профсоюзных организациях.

Представители инерционно-страховочного типа мотивации состоят в

профсоюзах в силу инерции, по привычке. Члены профсоюза с такой мотивацией слабо вовлечены в работу общественных советов и комиссий. Деятельность выборных профсоюзных органов, защитные возможности этой организации они оценивают довольно скептически, но в профсоюзах остаются для страховки, для защиты на случай неоправданного увольнения или тяжелых жизненных обстоятельств. Они в редком случае знакомы с положениями коллективных договоров, а многие даже не знают о их наличии на предприятиях. Члены профсоюза потребительского типа мотивации воспринимают профсоюзы как распределяющие субъекты материальных благ и как своего рода потребительские общества. У данного типа членов профсоюза личное слишком превалирует над общим. Они с готовностью принимают от профсоюзных организаций социальную помощь в удовлетворении ряда жизненных потребностей: собственное и детское оздоровление, спортивный и культурный досуг и т.п., но своей активности в работе профсоюзов, как правило, не проявляют. У отдельных представителей данной мотивации (а их, как будет показано ниже, не малое число) сложилось представление, что профсоюзы – неэффективная, недееспособная организация, которая только берет взносы.

Характеристика типов мотивации дает право на следующее утверждение: для каждой профсоюзной организации наилучший вариант, когда в ней преимущественное число членов профсоюза относятся себя к солидаристскому типу мотивации. Для того чтобы профсоюзная организация могла с большей эффективностью влиять на процесс формирования у своих членов мотивации по данному типу и прилагать усилия по назначению, нужно иметь эмпирический материал (мнение самих членов профсоюза, а также и людей, которые не являются таковыми, но могли бы пополнить эту организацию).

Этой цели было подчинено анкетирование широкого круга членов профсоюза в профсоюзных организациях Витебской

области. Общая численность участвовавших в экспертном, анкетном опросе 920 респондентов, из них женщин – 670, мужчин – 250. Возраст анкетированных от 18 до 65 лет. Образование – среднее, средне-специальное, высшее.

Респондентам предлагалось ответить на вопросы, касающиеся их отношения к основным направлениям деятельности профсоюзов по вовлечению трудящихся в свои ряды, включению их в работу профсоюзных формирований, применению наиболее эффективных форм и методов по выработке у членов профсоюзов активной позиции, навыков управления, сплоченности и солидарности.

Все вопросы, без исключения, имели научную и практическую направленность, соответствовали комплексному изучению главной проблемы – степени устойчивости профсоюзного движения в республике и поиску путей дальнейшего его укрепления.

Прямой вопрос о мотивации профсоюзного членства в анкете был поставлен следующим образом: Укажите, пожалуйста, как член профсоюза, Вы себя относите к какому типу профсоюзного членства?

К солидаристскому (имею возможность совместно с другими добиваться своих целей в социально-трудовой сфере, являюсь частью коллектива);

потребительскому (хочу получать от профсоюза или посредством его конкретные материальные блага);

к творческому (в рамках профсоюзной работы занимаюсь интересным делом, добиваюсь общественно важных целей);

к страховочному (хочу иметь защиту на случай непредвиденных обстоятельств, несправедливых действий администрации, возникновения тяжелых жизненных ситуаций).

Как видно, составители анкеты сформулировали вопросы таким образом, чтобы рядовые члены профсоюза смогли разобраться в сути каждого типа мотивации.

Респонденты имели возможность выбрать несколько вариантов ответов, поэтому сумма распределений ответов могла превышать 100%.

Ответы расположились следующим образом: к солидаристскому типу мотивации профсоюзного членства из общего числа анкетированных отнесли себя 35% респондентов, к потребительскому – 21, к творческому – 8,8, к страховочному – 38. К солидаристскому типу отнесли себя 35,4% мужчин и 34,2% женщин [8].

Из четырех представленных социальных групп (рабочие, ИТР, студенты, работники образования) больше всех солидаристскими мотивами профсоюзного членства руководствуется учительский состав (37%). За ними следуют ИТР (33,3%) и рабочие (32,6%).

Особый интерес вызывают данные о мотивации представителей профсоюзных организаций в соответствии с трудовым стажем и стажем профсоюзного членства.

Анализ результатов анкетирования подтверждает изначально выдвинутую гипотезу о связи типов мотивации и профсоюзного стажа. Здесь наиболее устойчивая по мотивации солидаристская группа находится среди тех, кто вступил в профсоюз 10 и более лет назад. С таким профсоюзным стажем к солидаристскому типу отнесли себя 37,2%, в то время как к потребительскому – только 10% и к страховочному – 34%. Закономерность о большей преданности профсоюзному членству в соответствии с продолжительностью вовлеченности человека в ряды этой организации подтверждается и возрастом респондентов. Так, 59% членов профсоюза старше 50 лет высоко оценили деятельность профкомов и осознали свое членство мотивированно-солидаристским типом, 10% – потребительским и столько же – творческим.

К страховочному типу членства в профсоюзах, согласно опросу, отнесли себя 21% респондентов этого возраста, что несколько не укладывается в привычную схему: люди предпенсионного и пенсионного возраста, им бы следовало надеяться на сохранение своего рабочего

статуса с помощью профсоюзного комитета.

30% респондентов в возрасте от 30 до 50 лет и 26% в возрасте до 30 лет назвали свое членство в профсоюзах осознанным (солидаристским).

Значительное число участвующих в опросе членов профсоюза (38%) указали, что они определяют себя как представителей инерционно-страховочного типа мотивации. К этому типу мотивации отнесли себя 39% женщин и 25% мужчин.

По стажу работы на предприятии, где проводилось анкетирование, к инерционно-страховочному типу отнесли себя до 3-х лет работы – 47%, 3–5 лет – 44,4%, 5–7 лет – 44%, 7–10 лет – 36%, 10–15 лет – 44,1% и свыше 15 лет – 32%. Больше других в эту группу вошло респондентов, состоящих в профсоюзах от 5 до 7 лет (62,5%), а вот членов профсоюза со стажем до 3-х лет – только 33%. В других стажевых профсоюзных группах в блоке инерционно-страховочного типа мотивации насчитывается от 35 до 44% членов профсоюза.

Выше уже указывалось, что согласно общей выборке потребительский тип мотивации профсоюзного членства, представители которого рассматривают профсоюзы как своего рода потребительское общество и состоят в нем из-за предоставляемой материальной помощи, выделение путевок в дома отдыха (со скидкой) и т.п., не является распространенным. Только 16% членов профсоюза женщин и 4% мужчин указали, что они состоят в профсоюзах с учетом этого типа мотивации. Больше других к потребительскому типу профсоюзной мотивации отнесли себя люди старших возрастных групп (от 40 лет и старше), состоящие в профсоюзах более 10 лет (18,4%), а также учащиеся (29%).

Распространенность такого типа мотивации профсоюзного членства старших возрастов, как представляется исследователям, связано с предыдущим советским периодом, когда с участием профсоюзных организаций трудовых коллективов решались практически все вопросы их материального и культурно-

го благосостояния. Что касается совсем молодых членов профсоюза – здесь, скорее, доминирует современный прагматичный расчет, а также неполное осознание того значения, которое имеет для работающих данное общественное объединение.

Ощущение причастности к сильному общественному институту, чувство сплоченности и солидарности, защищенности и уверенности в завтрашнем дне среди анкетированных испытывают 50% респондентов, и никаких при этом чувств, находясь в профсоюзе, не испытывают столько же. Больше других социальных групп, являясь членами профсоюза, никаких чувств не испытывают представители рабочего класса (50%). На этом фоне еще большим скептицизмом выделяются молодые члены профсоюза. Вступив в профсоюз, многие не осознали, что они являются в нем активными участниками, а не пассивными сторонними наблюдателями. Среди тех, чей профсоюзный стаж насчитывает от одного до трех лет, на вопрос «Какие чувства Вы испытываете от того, что являетесь членом профсоюза?» 77% ответили «никаких».

Как показал опрос, среди значительной части членов профсоюза наблюдается равнодушие и даже отчуждение от общественного самоуправления. На вопрос «Входите ли Вы в профсоюзный актив?» только 24% женщин и 21% мужчин указали, что они участвуют и удовлетворены общественной работой в своей организации. Остальные респонденты отметили, что они не входят в актив и не принимают участия ни в одной из комиссий профкома из-за того, что у них нет организаторских способностей (36% женщин и 30% мужчин). Не входят из-за того, что не видят в этом смысла, 21% женщин и 15% мужчин и около 18% – не имеют желания избираться в профсоюзный актив по причине отсутствия подлинной демократичности выборов здесь руководящих органов.

Наиболее активны в общественной работе профсоюзов – инженерно-

технические работники. Что это именно так отметили 46% анкетированных. В то же время, согласно ответам, выявляется высокая инертность в общественной жизни рабочего класса: 88% респондентов, представляющих рабочий класс, будучи членами профсоюза, не вовлечены в актив своих организаций. 27% из них отметили в ответах «Не вхожу, не вижу в этом смысла», 49% – «Не вхожу, нет организаторских способностей», 6% – «Не вхожу по причине отсутствия подлинной демократичности выборов в руководящие органы» и 6% опрошиваемых рабочих обусловили свою пассивность другими причинами (в отдельных анкетах встречались личные замечания: в актив не избран, не предлагали).

Несомненно, что определенное число рядовых членов профсоюза, как видно из ответов (в основном, это ИТР и служащие), в той или иной мере участвуют в выработке и принятии решений на разных уровнях в составе выборных профсоюзных формирований. Однако, как вытекает из ответов респондентов, при переходе к рынку, партнерские отношения, имевшие место в советский период в процессе производства между администрацией и работниками, сегодня так заметно не проявляются. Они вытесняются и заменяются патерналистскими. У людей подменяются те ценности, которые у них были ранее сформированы, в том числе и духовные, взамен настойчиво навязываются потребительские инстинкты. Такая обстановка требует от профсоюзных организаций повышенного внимания к внедрению у работников предприятий общественных начал в управление производством, к развитию у них активности в выработке планов социального развития трудовых коллективов через участие в комиссиях профкомов и творческих объединениях. Будет, скорее всего, уместным взять из исторического прошлого профсоюзной деятельности то, что может и сегодня войти в их арсенал (как здесь не вспомнить практику работы постоянно действующих производственных совещаний (ПДПС),

налаженную профкомами экономическую учебу, другие полезные дела) и будет помогать модернизации, ускорению в развитии отраслей промышленности и сельского хозяйства страны, общественному подъему.

Немалый интерес в изучении мотивации профсоюзного членства представляли ответы респондентов на вопросы анкеты, связанные с источниками информации о внутрипрофсоюзной жизни и, конкретно, как часто в профсоюзных организациях они слышат информацию в пользу профсоюзного членства, которая воспринимается как убедительная. Полученные здесь результаты выглядят следующим образом: 13,5% анкетированных получали информацию о внутрипрофсоюзной жизни на профсоюзных собраниях (казалось бы основной источник для рядового члена профсоюза); не более 18% – пользовались для ее получения профсоюзными стендами и еще около 12% – пользовались для получения информации о профсоюзной жизни журналами, газетами, информационными материалами ФПБ.

До 12–13% членов профсоюза, участвующих в выборке, указали, что информация о профсоюзной работе до них не доходит. Слабо информированной группой о деятельности профсоюзов, по выполнению ими своих функций, оказалась молодежь. Только 5,5% молодых людей в возрасте до 30 лет получали информацию через газеты, журналы, материалы, исходящие от ФПБ, еще меньше – на профсоюзных собраниях (4,7%).

Ограниченность информации о деятельности профсоюзной организации в трудовом коллективе, на что указывают респонденты, скорее всего, может происходить из-за бессистемности проведения профсоюзных собраний, а также и от того, что речь на профсоюзных собраниях ведется по вопросам выполнения производственных заданий, о перспективах развития коллектива и т.п., несомненно, о вопросах насущных, но без связи с тем, как профсоюз влияет на происходящие события, какие профсоюзный комитет

проводит акции, какие он поднимает проблемы, как они решаются и что следует ждать от профсоюзов в будущем.

Слабая осведомленность членов профсоюза о важнейших событиях, мероприятиях и акциях профсоюзов общереспубликанского уровня – это недостаточное внимание к распространению среди трудящихся газеты «Беларускі час».

С этими данными тесно связан ответ респондентов на вопрос «Как часто Вы слышите убедительную информацию о пользе профчленства?». 25% респондентов отметили хорошую информированность в пользу профсоюзного членства. 35% указали, что такое случается иногда, 32% – очень редко и 7,2% – такого не помнят вообще. Мнение респондентов по данному вопросу свидетельствует: такое может происходить лишь от того, что в отдельных профсоюзных организациях в работе с людьми допускается много формализма. Этим недостатком особенно страдает информационная работа в малочисленных организациях. По этой причине у членов профсоюза присутствует синдром неуверенности в силу своей организации.

В то же время обобщение анкет с выделением профсоюзов по отраслевому признаку раскрывает различие в подходах к постановке здесь информационной работы, в том числе и в той ее части, которая касается мотивации профсоюзного членства. Например, значительно лучше обстоят дела с мотивацией профсоюзного членства на предприятиях местной промышленности и коммунально-бытового обслуживания области. Здесь убедительную информацию в пользу профчленства в своих организациях довольно часто слышали более 60% анкетированных, то, что такое здесь случается иногда, подтверждают 30,2%. О том, что в организациях этой отрасли информация о профсоюзном членстве слышна очень редко, указали только 10% опрошенных, а что вовсе не помнят – менее 5%. В организациях данной отрасли к солидаристскому типу профсоюзного членства отнесли себя на 7% больше анкетированных, чем в среднем по всей выборке. Ре-

зультаты опроса в этих профсоюзных организациях нельзя не связать с той работой, которую проводит областной комитет профсоюза (председатель обкома профсоюза Л.В. Волкова). Это и есть убедительное доказательство, что в тех организациях, где понимают толк и значение хорошо налаженной информационной, повседневной работы с людьми, и мотивационные факторы ближе к солидаристскому типу.

Ответы анкетированных выпячивают и такую проблему: рядовым членам профсоюза определенно не хватает общения с освобожденными профсоюзными работниками и активом. Доклады и выступления работников и активистов в их организациях как форму информации респонденты назвали очень редкой. Ее наличие отметили 12,5% инженерно-технических работников, 6% респондентов из рабочих, 3% учителей и 1,2% других социальных групп.

Анкета предусматривала получение ответа на вопрос «Каковы основные причины утраты людьми членства в профсоюзах?». Главной причиной, по которой происходит выход из профсоюза, респонденты назвали обострение отношений с администрацией и неудовлетворенность поведением руководства профсоюзной организации при защите прав работников. На это указали 70,5% респондентов. Из-за нежелания вносить взносы покидают профсоюз, как отразили респонденты в ответах, только 15%, ранее состоявших в его рядах. Иногда профсоюзное членство работники теряют при переходе на другое предприятие (10%). Около 4% респондентов указали, что выход из профсоюзов обуславливается пассивным поведением других членов профсоюза.

На вопрос «Какие пути укрепления роли профорганизации в трудовом коллективе Вы назвали бы в первую очередь?» ответы распределились следующим образом: за то, чтобы профсоюзные комитеты использовали в работе с администрацией мнение трудящихся, добились решений, улучшающих положение работающих (учащихся), высказались 62% респондентов; за умение проф-

союзных организаций ставить и решать вместе с администрацией проблемные вопросы – 50%; за четкое выполнение присущих профсоюзам защитных функций подано 25% голосов; за демократический подбор профсоюзных кадров – 25%; перестройку организационной структуры предложили 5%; затруднение с ответом на данный вопрос возникло у 15% респондентов.

Серьезные затруднения с ответом на вопрос «Какие пути укрепления роли профорганизаций трудовых коллективов Вы могли бы предложить сегодня?» возникли у респондентов с профсоюзным стажем до 3-х лет: 55% из них поставили на вариант «Затрудняюсь ответить». Подобная оценка главных направлений в деятельности профсоюзов показывает, что респонденты желали бы ощутить на себе усиление таких мотивационных факторов, как защита профсоюзными организациями социально-трудовых прав во всем их объеме. Что касается ответов на этот вопрос только что вступивших в профсоюз людей, то он, скорее всего, свидетельствует о недостаточном знании ими не только истории и теории становления и развития профсоюзного движения, но и ныне действующих (хотя бы основополагающих) профсоюзных документов и направлений в деятельности своей организации.

Итак, встает закономерный вопрос, какие требуются изменения в работе профсоюзов? Как сделать привлекательным профсоюзное членство и одновременно повысить престиж профсоюзов? Что нужно делать, чтобы те члены профсоюза, которые не чувствуют в профсоюзном объединении силу, способную реализовать их личные и общественные интересы, а в себе – уверенность, находясь в профсоюзах, отстаивать свои права, поменяли бы свои взгляды на убежденность в своей потребности быть активным членом профсоюза?

Во-первых, всем профсоюзным формированиям, от низу до верху, следует признать, что проблема мотивации профсоюзного членства пока существует. Подтверждение тому – нынешнее со-

стояние, характеризующее мотивацию профсоюзного членства (правда, только по результатам исследования в рамках одного региона) в организациях Витебского областного объединения профсоюзов. Оно показывает, что ряды представителей, имеющих мотивацию солидаристского типа, в профсоюзных организациях хотя и занимают второе место после страховочного, но не так многочисленны как требуется для стабильно-устойчивой и эффективно функционирующей организационной системы. Члены профсоюза с инерционно-страховочным и потребительским типом мотивации, которых в сумме оказалось большинство, не являются прочным элементом, способным противостоять негативному внешнему воздействию на профсоюзы. Они в сложных моментах – слабое звено в укреплении внутренней устойчивости профсоюзных организаций.

Устойчивость внутренней системы профсоюзов обеспечивается преобладающим количеством в них членов профсоюза с осознанным солидаристским и творческим типами. Члены профсоюза с такой мотивацией верят в способность профсоюзных структур отстаивать их жизненные интересы в любой, в том числе и в сложной социально-экономической обстановке, проявляют заинтересованность в содержательном коллективном договоре и подлинно коллективной защите социально-трудовых интересов всех работников предприятия перед нанимателем.

Во-вторых, необходимо учесть, что мотивация по признакам, описанным выше, хотя и довольно устойчивое явление (изменить свой взгляд или тип мотивации человек сиюминутно не может, он весьма не охотно расстаётся со своими старыми представлениями, стереотипами), но ее не следует рассматривать как застывшее состояние. Профсоюзы, как и другие общественные формирования, состоят из суммы многих людей, и в каждый отдельный момент времени человек стремится к удовлетворению той потребности, которая для него является более важной или сильной: различные

потребности формируют разные типы мотивации и вступления в профсоюз, и сохранения профсоюзного членства. Обойтись без противоречий здесь невозможно. Но противоречия эти (не антогонистические) преодолимы вместе с развитием и совершенствованием деятельности профсоюзов в части мотивации профсоюзного членства. При переходе профсоюзных организаций от упрощенного к профессиональному подходу в решении вопроса мотивации члены профсоюза меняют личное мнение и часто переходят в солидаристский тип мотивации. Этому в большей мере способствует реальная оценка профсоюзным руководством положения дел в организации и в трудовом коллективе, адекватная реакция на ситуацию, профсоюзный плюрализм, непосредственное и реальное включение членов профсоюза в производственную и общественную жизнь, а также повышение информированности рядовых членов профсоюза о деятельности профсоюзных организаций и их объединений. Мотивация членов профсоюза по солидаристскому типу на уровне 50% и выше позволит профсоюзам поднять свой имидж, уменьшить пассивность в своих рядах, увеличить число симпатизантов. Поэтому вопрос о мотивации профсоюзного членства среди вновь вступающих и состоящих длительное время в профсоюзах людей следует отнести к основному и важнейшему направлению организационной работы на данном этапе.

В-третьих, для эффективного воздействия на данную проблему профсоюзным организациям, начиная от первички и до республиканского уровня, нужен эмпирический материал, характеризующий распространенность типов мотивации в современных условиях. Получение и обобщение данных, опора на них в повседневной деятельности помогут определять настроение людей, будут способствовать научному пониманию тех процессов, которые происходят в трудовых коллективах. На их основе профсоюзные организации смогут проводить эффективные, направленные действия по соз-

данию побудительных факторов, которые помогут ускорить трансформацию перехода членов профсоюза от потребительского и инерционно-страховочного к осознанно-солидаристскому и творческому типам.

Отыскание наиболее оптимального пути привлечения в профсоюз новых людей и сохранения состояния удовлетворенности своим статусом ранее вступивших – задача не из легких. Решается она согласованным и комплексным подходом профсоюзных структур к данной проблеме. Центральным же звеном работы по мотивации профсоюзного членства остается первичная профсоюзная организация. Здесь формируется мотивационный механизм через тщательно продуманную и хорошо спланированную деятельность по приему новых членов и формированию такой среды, при которой члены профсоюза постоянно ощущают свою причастность к сильному общественному институту.

Не следует доказывать, что мотивация формируется под воздействием условий, в которых человек находится и ведет свою деятельность. Главные факторы, которые ускоряют трансформацию от одной категории мотивации к другой, – это рациональная деятельность профсоюзов при достижении конкретных результатов в решении назревших проблем. В том случае, когда член профсоюза наблюдает не голословное, а реальное, ежедневной практикой подкрепленное участие своей профсоюзной организации в решении спорных вопросов на стороне трудящихся, он непременно будет подвигаться к солидаристскому типу. А это и есть положительное решение той задачи, которая является важнейшей для современного профсоюзного движения.

Как предлагают респонденты, профсоюзам следует четко выполнять присущие им защитные функции, использовать в работе с администрацией мнение трудящихся, добиваться исполнения решений, улучшающих положение работающих и учащихся. Такого мнения придерживаются около 85% опрошен-

ных. Больше всего на данный вариант ответа сориентированы члены профсоюза, имеющие высшее образование (более 90%), и люди с десятилетним (и больше) профсоюзным стажем.

Обобщение ответов респондентов, которые были рассмотрены выше, показывает, что новый уровень развития белорусского общества, умонастроение людей, увеличение доли частного сектора требуют широкой и развитой демократии в этой самой многочисленной и влиятельной организации. Чтобы изменить соотношение членов профсоюза, которые не испытывают никаких чувств от своей принадлежности к профсоюзу, на преобладающее число тех, кто, находясь в профсоюзах, ощущает причастность к сильному общественному институту, – каждой членской организации и ФПБ в целом предстоит осуществить комплекс организационных и информационных мероприятий. Следует неотложно решать задачу формирования более демократичного уклада внутренней жизни в первичных профсоюзных организациях через поднятие роли профсоюзных собраний, активизацию работы общественных формирований профсоюзных органов, своевременное информирование членов профсоюза о принятых решениях и их выполнении, добиваться баланса интересов при реализации механизма социального партнерства и т.д.

В качестве первоочередной перед профсоюзными организациями, определенно, стоит задача придания профсоюзным собраниям такой сути, где господствуют подлинные формы демократии. В первую очередь, следовало бы наладить регулярность в их проведении (респонденты отметили чрезмерно редкое проведение собраний и низкое качество их подготовки, особенно, в малочисленных организациях). Альтернативы собраниям членов профсоюза не может быть. Только они являются формой прямой демократии, только здесь каждый член профсоюза может реализовать данное ему уставом право свободно отстаивать свою точку зрения по всем вопросам жизни и деятельности своей организа-

ции, участвовать в разработке и принятии решений, оценивать деятельность выборных органов.

Эффективность профсоюзных действий, привлекательность образа профсоюзов для их членов во многом зависит от насыщенности информационного поля. По мнению исследователей, сегодня информационная работа в профсоюзных организациях нуждается в коренном улучшении. Исходя из полученных результатов исследования, она должна идти по пути технологического и качественного совершенствования путем отлаженности форм взаимодействия внутри профсоюзных структур, быть многообразной, оперативной, правдивой, а самое главное – носить дифференцированный характер. Широкое информирование людей как об успехах, например, удачно проведенной акции, так и о трудностях, возникающих в результате работы с администрацией, работодателем при решении конфликтных вопросов имеет важнейшее значение. Информация об имеющихся трудностях, их причинах, как видно из ответов респондентов (а также советского опыта постановки информации), не отталкивает людей от профсоюзов. Открытость и правдивость информации ведет к усилению их имиджа.

Важным фактором укрепления профсоюзного движения является их кадровый состав. Деятельность профсоюзных выборных органов и организаций в целом находится в прямой связи с качеством работы их руководителей. Данное и ранее проведенные автором исследования подтверждают: профессионализм и компетентность штатных профсоюзных работников, их твердость в отстаивании профессиональных и социально-трудовых интересов работников предприятия, учреждения даже при сильной зависимости от средовых факторов (социально-экономических, политических, правовых) может быть самой убедительной аргументацией при осознании и коррекции типов мотивации ее членами [9].

Заключение. Таким образом, все вышеизложенное позволяет сделать следующий вывод. Профсоюзы в Республике Беларусь, как и в других странах с рыночной экономикой, находятся в тесном взаимодействии с государством и бизнес-структурами, строят свои отношения с ними на основе социального партнерства. Формируя и укрепляя свой членский состав, совершенствуя механизм согласования интересов сторон, они защищают права своих членов. Эффективные действия профсоюзов приводят к снижению напряженности в обществе.

Крупнейшим национальным профсоюзным центром в стране является Федерация профсоюзов Беларуси. В организациях, входящих в ФПБ, состоит большинство экономически активного населения страны. ФПБ поддерживает курс Главы государства. Вопрос количественного и качественного состава рассматривается в этом профсоюзном объединении как решающий фактор, от которого зависит эффективность деятельности профсоюзов. Создание первичных профсоюзных организаций на предприятиях с новыми формами собственности, вовлечение в профсоюзное движение производителей и учащейся молодежи, развитие их активности – таковы первоочередные задачи, которые определены руководством ФПБ своим структурным звеньям. Такой подход следует признать естественным и рациональным. Он позволяет профсоюзам объединять людей в единую, целостную, оптимально структурированную организацию, расширяет их влияние в обществе, усиливает потенциал членов профсоюза для обеспечения социальной стабильности в трудовых коллективах, заставляет считаться с собой государственные и бизнес-структуры при выполнении ими своих обязанностей перед трудящимися.

Высокий уровень профсоюзного членства и солидаристская мотивация среди членов профсоюза повышают статус профсоюзов республики среди других общественных организаций, укрепляют их финансовое положение, расширяют возможности для решения уставных за-

дач по защите наемных работников. Согласно опросам респондентов, профсоюзы находятся в числе основных социальных сил общества. К большинству членов профсоюза пришло осознание потребности в объединении для защиты своих прав и интересов (солидаристский и страховочный типы мотивации, «водораздел» между которыми не очень велик, вместе составляет более 73%).

На данном этапе развития страны, как показало исследование, доминантой профсоюзной мотивации является решение, прежде всего, первоначально заложенных в фундамент этой организации целей и задач с учетом вновь возникающих проблем: наемные работники ожидают от профсоюзов в меньшей мере материальной помощи, а в большей, что и требуется от профсоюзов в нынешних условиях, – усиления их влияния на обеспечение социальных гарантий и защиты от возможного произвола отдельных нанимателей.

Научно-прикладные исследования, раскрывающие профсоюзную тематику, показывают, что имидж профсоюзов во многом определяется типами мотивации профсоюзного членства. Чем выше степень членов профсоюза солидаристского типа мотивации в профсоюзной организации, тем выше оценка ее деятельности. В то время как члены профсоюза потребительского типа мотивации (несколько меньше инерционно-страховочного) довольно скептически оценивают возможности профсоюзов в решении насущных проблем трудящихся, находятся преимущественно в пассивном состоянии, члены профсоюза солидаристского типа мотивации ориентируются на солидарную включенность в выполнение программных положений профсоюзного движения и решение текущих задач. Поэтому формирование солидаристского типа профсоюзного членства является основным звеном организационной работы, важнейшим элементом укрепления внутренней устойчивости профсоюзов всех уровней.

Опираясь на эмпирический материал, можно констатировать, что у профсоюзов

республики имеется необходимость усилить это направление, найти оптимальные рычаги, способные сформировать у людей, состоящих в профсоюзе, прочную мировоззренческую установку, выраженную в формуле: профсоюз – это представительство трудящихся, полноценная сторона социального треугольника. Защитные возможности профсоюзов (как и при реализации других функций) определяют сами их члены своей активной позицией, реальным влиянием на положение дел в трудовых коллективах и в стране в целом.

Литература

1. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1.
2. Очерки истории профсоюзов Белоруссии. – Минск: Беларусь, 1970.
3. Доклад председателя Федерации профсоюзов Беларуси Л.П. Козика VI съезду ФПБ // Беларускі час. – 2010. – 17–23 сент.
4. Мандрик, И.В. Социальная безопасность: место и роль профсоюзов в ее обеспечении / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2008. – № 2.
5. Лукашенко, А.Г. Наша цель – создать обновленный облик Беларуси (выступление президента А.Г. Лукашенко на VI съезде Федерации профсоюзов Беларуси / А.Г. Лукашенко // СБ Беларусь сегодня. – 2010. – 18 сент.
6. См.: По сообщениям пресс-службы Президента // СБ Беларусь сегодня. – 2013. – 26 февр.
7. Азаренко, К.В. Одни экономят на зарплатах, другие возвращают недоплаченные деньги работникам / К. Азаренко, В. Симанович // Беларускі час. – 2013. – 22–28 февр.
8. Автор ссылается на данные анкетирования респондентов, проведенные в 2010 г. В выборку включены рабочие, инженерно-технические работники, студенты, в том числе и актив профсоюзных организаций предприятий и учреждений Витебской области.
9. Мандрик, И.В. Профессиограмма профсоюзного лидера: теоретический и социологический аспект / И.В. Мандрик // Профсоюзы как школа социального об-

разования: материалы междунар. конгресса, Минск, 24–25 мая 2001 г. / УО ФПБ МИТСО. – Минск, 2001. – С. 109–113; Мандрик, И.В. Школа для профсоюзов / И.В. Мандрик // Беларуская думка. – 2005. – № 10. – С. 94–98; Мандрик, И.В. Повышение теоретического уровня профсоюзных кадров и актива – настоятельные требования сегодняшнего времени / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2005. – № 3. – С. 17–21; Мандрик, И.В. Социально ори-

ентированное государство и профсоюзы / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2006. – № 4. – С. 23–26; Мандрик, И.В. Профсоюзы как субъект социальной сплоченности общества / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2010. – № 2. – С. 9–13; Мандрик, И.В. Степень информированности членов профсоюза о содержании соглашений и коллективных договоров / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2007. – № 1. – С. 3–7.

Поступила в редакцию 03.05.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 378.016:94(476)“1944/1954”

Тенденции и социально-политические условия развития исторического образования в системе высшей школы Беларуси (1944–1954 гг.)

Моторов С.А., Моторова Л.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается проблема развития специального исторического образования в системе высшей школы Беларуси в период с 1944 по 1954 г. Своеобразие конкретных социально-политических условий, в которых находилась высшая школа Беларуси в исследуемый период, определяло как само функционирование системы высшего исторического образования, так и направления ее последующего развития.

Главной задачей системы высшего исторического образования в то время являлось как можно более быстрое насыщение общеобразовательной школы кадрами педагогов-предметников (учителей истории). Учительские институты являлись основным звеном этой системы.

Существенным фактором, влиявшим на развитие высшего гуманитарного образования в системе высшей школы Беларуси вообще, и исторического в частности, являлось в исследуемый период и состояние учебно-материальной базы высших учебных заведений. На данном этапе высшие учебные заведения, в которых велась подготовка специалистов-историков, получили значительные денежные средства. Это позволило расширить учебные площади вузов, ввести в строй большое число новых студенческих общежитий, улучшить оснащение кабинетов и лабораторий учебным оборудованием.

Уровень и качество профессиональной подготовки специалистов-историков в исследуемый период полностью определялись официальной, государственной политикой в области высшего образования. Согласно ей исторические факультеты и отделения белорусских вузов рассматривались не только как их структурные, базовые элементы, но и в качестве своеобразных идеологических учреждений, призванных осуществлять подготовку будущих специалистов-историков на основе, главным образом, идеологических, а не профессиональных критериев.

Ключевые слова: *социально-политические условия, идеологическая сфера, историческое образование, белорусская высшая школа, исторический факультет, учительский институт, материальная база, учебно-воспитательный процесс, профессиональная подготовка, специалист-историк, учитель истории.*

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 23–34)

Tendencies and Social and Political Conditions of the Development of Historical Education at the Higher Educational Establishments of Belarus (1944–1954)

Motorov S.A., Motorova L.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article deals with the issue of the development of special historical education at the higher educational establishments of Belarus from 1944 to 1954. The peculiarity of specific social and political context, in which higher school was in Belarus during the investigated period, defined both the functioning of the system of higher historical education, and the directions of its future development.

The main objective of the system of higher history education at that time was as fast as possible saturation

Адрес для корреспонденции: e-mail: msa1960@rambler.ru – С.А. Моторов

of the secondary school with History teachers. Teachers' institutes were the main element of the system. The essential factor which influenced the development of the higher humanitarian education in the system of higher education in Belarus in general, and historical in particular, was, in the studied period, the state of the training facilities of higher education. At that stage higher education establishments, which trained History teachers, received significant amounts of money. This made it possible to expand area of educational establishments, to commission a large number of new student housing, improve equipping classrooms and laboratories.

The level and quality of training specialists in history during the studied period was completely determined by the official state policy in the field of higher education. According to its History Faculties and departments of Belarusian universities were considered not only as their structural and basic elements, but also as a sort of ideological institutions designed to train future experts and historians on the basis of mainly ideological, rather than professional criteria.

Key words: *social and political conditions, ideological sphere, historical education, Belarusian Higher School, Faculty of History, Teachers' Institute, material resources, educational process, professional training, specialist-historian, teacher of History.*

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 23–34)

В духовной жизни общества, в сфере образования специалистам-историкам всегда принадлежала и принадлежит одна из самых важных ролей. В системе высшей и средней школы Беларуси они составляют значительную часть преподавательского и педагогического корпуса.

Кроме того, современное состояние общества, в котором происходят сложные, неоднозначные социально-экономические, политические и духовные процессы, обусловленные приобретением Беларусью в 90-е годы суверенного государственно-политического статуса, выдвигает необходимость как можно более тщательно и продуманно подходить к организации, функционированию и реформированию всей системы образования. Современный опыт многих стран Центральной и Восточной Европы, новых независимых государств из числа бывших советских республик, где в конце XX века были осуществлены радикальные изменения в сфере образования, направленные на категорический отказ от всего, что связывало бы ее с ушедшей советской эпохой, особенно в сфере гуманитарного знания, наглядно демонстрирует негативные последствия такого подхода. Он привел к возникновению тенденции разрушения традиционной системы высшего образования как единого целого, ограничил перспективы ее будущего развития.

Реализация поставленной задачи невозможна без учета практического опы-

та, накопленного в предшествующие годы. Научное осмысление данного наследия, на основе тщательного и глубокого анализа всех аспектов подготовки специалистов-историков в системе высшей школы Беларуси, непременно будет способствовать более быстрому переходу высшего исторического образования на новый уровень развития, позволит избежать ошибок, влияющих на его качество и результативность.

Цель статьи – изучение деятельности высших учебных заведений Беларуси в 1944–1954 годах, осуществлявших подготовку специалистов-историков. С одной стороны, будет составлена реальная картина функционирования самой системы высшего исторического образования в указанный период; с другой – установлены причины, которые обусловили наличие серьезных недостатков и негативных тенденций в ее развитии, сохранившихся вплоть до нашего времени.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили различные официальные документы центральных (ЦК КПСС и Совета Министров СССР) и республиканских (ЦК КПБ и Совета Министров) партийно-государственных органов власти о политике в области образования, развитии высшей школы, ее организационной структуре и содержании учебно-воспитательного процесса, изданные в 40-е – начале 60-х годов; материалы сборников нормативных документов, изданных центральными

ми руководящими ведомствами системы высшего образования СССР; документы и материалы Национального архива Республики Беларусь и государственных областных архивов.

Методологической базой исследования являются принципы историзма, научной достоверности и объективности, системного и конкретного рассмотрения изучаемых фактов и явлений в их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Помимо общих методологических принципов при проведении исследования использованы и традиционные специально-исторические методы: историко-генетический, историко-типологический, а также синхронно-логический метод и метод периодизации. Подобный подход дал возможность осуществить в ходе исследования анализ значительного количества разнообразного фактического материала вербального и статистического характера, который присутствует в официальных письменных документах, а также сделать обобщающие выводы.

Результаты и их обсуждение. Разгром в 1945 году нацистской Германии и ее союзников принципиально изменил баланс сил на международной арене. Иным стало содержание как геополитического, так и внутривосточного развития всех стран и народов современного мира. Многонациональное советское общество, внесшее решающий вклад в победу над Германией, несмотря на господство тоталитарного политического режима как формы своей государственно-политической организации, также оказалось втянутым в процесс перемен. Его динамика была медленной, прерывистой, непоследовательной, но все же она охватила, затронула все сферы общественной жизни, включая духовную, идеологическую.

Однако, на темпах перемен, на перспективах дальнейшего развития крайне негативно сказывались те гигантские масштабы потерь и разрушений, которые понес СССР в годы Великой Отечественной войны. Особенно были они велики на территории Беларуси. За годы немецко-фашистской оккупации (1941–

1944 гг.) были практически полностью разрушены социально-экономические потенциал и инфраструктура, которые имела Беларусь до войны. Ущерб, нанесенный народному хозяйству, составил 75 млрд рублей (50%) всего довоенного национального богатства белорусского народа. Что касается высшей школы (накануне войны, в 1941 году, в БССР функционировало 22 вуза; в 16 из них, относившихся к системе образования и просвещения – педагогических и учительских институтах, а также в Белорусском государственном университете, существовали исторические факультеты и отделения), то вся ее материальная и учебная база была целиком уничтожена [1].

Первым белорусским высшим учебным заведением, возобновившим свою деятельность по подготовке специалистов-историков (преподавателей, педагогов, научных работников), стал Белорусский государственный университет. Еще задолго до полного и окончательного освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, 15 мая 1943 года Совнарком СССР принял специальное постановление о возобновлении работы Белорусского государственного университета. Для размещения его структур было выделено здание средней школы и помещения 40 близлежащих к этой школе дач на станции Сходня Октябрьской железной дороги в окрестностях Москвы. Ведущим высшим учебным заведением СССР и Москвы – МГУ им. М.В. Ломоносова, Московскому пединституту им. В.И. Ленина, Московскому городскому институту, предписывалось выделить факультетам БГУ для организации и проведения учебного процесса необходимое количество учебников, учебно-методических пособий и лабораторного оборудования.

В начале 1945 года в Беларуси, кроме Белорусского государственного университета, возобновили свою деятельность еще 5 педагогических (Витебский, Гомельский, Гродненский, Минский, Могилевский) и 8 учительских институтов (Барановичский, Витебский, Гомель-

ский, Минский, Могилевский, Мозырский, Оршанский, Пинский). В структуре каждого из них, за исключением Гродненского педагогического и Пинского учительского институтов, имелся исторический факультет или отделение истории. Необходимо отметить, что поскольку контингент студентов в педагогических и учительских институтах был сравнительно небольшим (от 200 до 600 человек на всех курсах вместе взятых), а число факультетов и отделений не превышало 3–5 в каждом отдельно взятом вузе, то и удельный вес студентов, обучавшихся по основной специальности «история» являлся самым высоким в разрезе всех специальностей [2]. Так, из 168 студентов первого курса, обучавшихся на трех факультетах Витебского педагогического института в 1944/1945 году, 65 являлись студентами исторического факультета [3].

Однако, несмотря на значительную организационную работу, проделанную центральными и местными органами партийно-государственной власти Беларуси в первый послевоенный год по восстановлению сети педагогических вузов, потребность в педагогических кадрах вообще, в том числе и в кадрах учителей-историков, оставалась крайне острой. По данным Народного комиссариата просвещения БССР, в Беларуси, в 1944/1945 учебном году не хватало 11 тысяч учителей, причем значительную часть от этого числа составляла нехватка учителей истории. Качественный же состав работников народного образования был также крайне низок. В том же 1944/1945 учебном году лишь 8,8% учителей имели высшее педагогическое образование. Кроме того, уже к концу второго послевоенного, 1945/1946 учебного года, сеть общеобразовательных школ выросла по сравнению с предшествующим учебным годом на 250 единиц, что сделало проблему наличия квалифицированных педагогов-историков еще более актуальной [4].

Важным дополнительным фактором, который обусловил острую необходимость именно в кадрах педагогов-историков, было своеобразие выполняе-

мых ими функций в рамках существовавшей тогда советской партийно-государственной политической системы. На рядового учителя-историка, в отличие от всех остальных категорий педагогических кадров, возлагалась не только функция «уполномоченного социалистического государства» – проводника политики партии в сфере духовной жизни, идеологии, но и прямая обязанность непосредственно реализовывать эту политику на местах. Поэтому в тех конкретных общественно-политических условиях загруженность различными общественными поручениями, участие в агитационно-пропагандистских мероприятиях, в том числе и за пределами учреждений образования, а не добросовестное, профессиональное отношение к своему прямому учительскому долгу, являлись главным критерием оценки труда учителей истории. Главным образом из лиц, имевших высшее педагогическое образование исторического профиля, комплектовались в первую очередь руководящие кадры системы народного образования (директора, завучи школ и т.д.), различные категории освобожденных партийных, советских, комсомольских, профсоюзных работников, и даже кадры хозяйственных руководителей на местах – на уровне сельсовета, района, города. Что же касается идеологической сферы, то здесь практически все профессиональные идеологические работники на местном и на центральном уровнях в условиях того времени должны были иметь высшее историческое образование.

Как свидетельствуют документы тех лет, на педагогов-историков и, вообще, на всех тех, кто был занят управленческой деятельностью (работа в партийных, советских, профсоюзных, комсомольских органах) и имел высшее историческое образование, после завершения Великой Отечественной войны возлагалось решение одной главной задачи – сформировать конформистское поведение у представителей различных возрастных групп, социальных слоев советского общества. Этот тип политического поведения предполагает, что личность обяза-

тельно должна покорно приспособляться к существующему в обществе экономическому и политическому строю, безропотно выполнять требования властей, всегда соглашаться с авторитетами, безусловно подчиняться устоявшимся взглядам и традициям, следовать стереотипам массового сознания и в то же время никоим образом не высказывать своих суждений, отличных от общепринятых. Такое поведение становится возможным в силу, с одной стороны, отсутствия собственной позиции или твердости в ней, беспринципности, общественной и политической пассивности, а с другой – в результате колоссального идеологического воздействия со стороны властных структур. Конформистское поведение граждан всегда является обязательным атрибутом существования любого типа тоталитарного политического режима.

Начиная с 1946 года идеологическое давление со стороны сталинского политического режима на все категории советских граждан, и прежде всего на молодежь, резко усиливается. Под лозунгом борьбы за чистоту марксистско-ленинского мировоззрения, против любых проявлений «безыдейности и аполитичности» был принят ряд специальных постановлений ЦК ВКП (б) по идеологическим вопросам: «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» (14 августа 1946 г.), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа 1946 г.), «О кинофильме “Большая жизнь”» (4 сентября 1946 г.), «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели» (10 февраля 1948 г.) [5]. Их главный тезис состоял в том, что в деле воспитания советских людей, особенно молодежи, необходимо «руководствоваться тем, что составляет жизненную основу строя, – его политикой. Советский строй не может терпеть воспитания молодежи в духе безразличия к советской политике, в духе наплевизма и безыдейности» [6].

Принятие этих постановлений означало развертывание беспрецедентной по своим масштабам для первых послевоенных лет кампании идеологического, психологического давления, своеобраз-

ного «промывания мозгов», призванной охватить все советское общество, в проведении которой интеллигенции отводилась роль активного участника. В Беларуси, особенно в сфере образования, такая кампания осуществлялась самыми активными формами и методами. Идеологические работники партийных и комсомольских органов в полной мере учитывали то обстоятельство, что в течение трех

лет, с лета 1941 по лето 1944 года, вся территория Беларуси находилась под немецко-фашистской оккупацией, а западные районы БССР, где проживало почти 40% от всей численности населения, с 1921 по 1939 год входили в состав Польши. Исходя из этого было очевидным, что в массовом сознании белорусского общества в самые первые послевоенные годы могли не только присутствовать, но даже в какой-то мере утвердиться взгляды, суждения, оценки, весьма далекие от безоговорочного одобрения существовавшей тогда советской действительности.

В январе 1947 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе ЦК КП(б) Белоруссии», в котором, в частности, резко критиковалось состояние всей идеологической, массово-политической работы в республике. ЦК ВКП(б) отметил, что в духовной сфере, в массовом сознании белорусского народа получили определенное распространение взгляды «буржуазных националистов, католического духовенства и их пособников». В постановлении давалась негативная оценка уровню руководства идеологической работы со стороны партийных органов Белоруссии; предписывалось в кратчайшие сроки принять исчерпывающие меры административного характера для изменения положения. Так, в отношении общеобразовательной школы было выдвинуто требование о полном восстановлении до начала 1947/1948 учебного года всей сети начальных, неполных средних и средних школ, снабжении их учебниками и наглядными пособиями, укомплектовании педагогических коллективов квалифицированными преподавателями, включая даже принудительное

возвращение всех тех, кто имел педагогическое образование, на педагогическую работу [7].

Летом 1947 года состоялся специальный пленум ЦК КП(б) Белоруссии, на котором были рассмотрены вопросы организации идеологической работы в республике. В принятом на нем постановлении «О политической и идеологической работе КП(б) Белоруссии среди интеллигенции» констатировалось, что важнейшей политической задачей партийных организаций республики является воспитание всей интеллигенции «в духе советского патриотизма, в духе советской национальной гордости, развертывание борьбы против низкопоклонства перед заграницей, перед реакционной буржуазной культурой со стороны некоторой части интеллигенции. Партийные организации должны решительно разоблачать антипатриотические и антигосударственные поступки со стороны отдельных представителей интеллигенции, учить интеллигенцию высоко держать свое патриотическое достоинство». В постановлении пленума особо подчеркивалось, что: «...пленум ЦК КП(б) обращает внимание партийных организаций республики на то, что агенты разведки иностранных империалистических государств и зарубежных националистических центров пытаются идейно и впредь будут пытаться идейно и морально разложить нашу интеллигенцию и нашу молодежь, окопаться с этой целью в учебных и культурных учреждениях, использовать и раздувать националистические настроения некоторой части интеллигенции и учащихся, посеять национальную рознь, породить неприязнь к русским кадрам и к белорусам, прошедшим школу советской культуры». Такие требования означали, что процессы постоянной «чистки мозгов», давления на внутренний мир личности, на иерархию ее духовных ценностей, на менталитет и стереотип ее поведения, особенно в среде интеллигенции и учащейся молодежи, являлись официальной партийно-государственной идеологической доктриной в сфере образования

в первые послевоенные годы. Ее суть формулировалась достаточно просто: «Пленум ЦК КП(б)Б обязывает обкомы, горкомы и райкомы КП(б)Б, партийные и комсомольские организации учебных заведений и школ, Министерство просвещения БССР и его местные органы коренным образом улучшить всю постановку политической и учебно-воспитательной работы в школах и вузах. Необходимо обеспечить подлинно большевистское воспитание учительства, преподавателей и студентов вузов, учащихся школ, постоянно разъяснять им политику нашей партии, воспитывать молодое поколение интеллигенции в духе советского патриотизма и дружбы народов СССР, прививать ему коммунистическое мировоззрение». Исходя из этого формулировался перечень конкретных задач и приоритетов в идеологической сфере, имевший самое непосредственное отношение и к системе исторического образования: «Пленум ЦК КП(б)Б считает, что первоочередными задачами... должны стать: окончательное разоблачение националистической идеологии как наиболее опасного и вредного проявления низкопоклонства перед заграницей; решительная борьба против всякого рода извращений и ошибок националистического порядка в области истории БССР, литературы и искусства; создание большевистских научных трудов по истории БССР, по истории белорусской культуры, литературы и искусства; широкая популяризация великих достижений Белоруссии в эпоху Советской власти» [8].

Таким образом, эта новая официальная линия в идеологической сфере, в духовной жизни общества стала тем объективным политическим фоном, который во многом определил во второй половине 40-х годов направления и перспективы развития средней школы, системы высшего образования в Беларуси, включая и высшее историческое образование.

Функционировавшая в 1944–1954 гг. сеть учебных заведений в Беларуси, обеспечивавшая подготовку педагогов-историков, не имела интегрированного

характера. Она включала в себя три элемента: исторический факультет Белорусского государственного университета (5 лет обучения), исторические факультеты педагогических институтов (4 года обучения) и отделения истории учительских институтов (2 года обучения).

Что касается учительских институтов, имевших двухгодичный цикл обучения, то в Беларуси, со второй половины 40-х годов и до 1952 года, они являлись основным типом учебных заведений, готовивших педагогов-историков.

За шесть первых послевоенных лет, с 1946 по 1951 год, в учительских институтах было подготовлено 4852 учителя, из них историков – 953 (20% от всего выпуска учителей). Педагогическими же институтами Беларуси за указанный срок был выпущен 2051 учитель, в том числе

446 учителей истории. В Белорусском государственном университете в течение 1946–1951 гг. было подготовлено 900 квалифицированных специалистов по всем специальностям, включая 165 историков [9].

Такая важная роль, которую играли учительские институты в подготовке кадров педагогов-историков в первые послевоенные годы, вполне объяснима. В конкретных социально-политических условиях того времени, на территории Беларуси основным типом общеобразовательных учреждений являлась семилетняя школа. Именно она, главным образом в сельской местности, испытывала дефицит в кадрах учителей-предметников и, особенно, нехватку историков. Изучение истории в качестве отдельного предмета начиналось с IV класса и включало в себя три больших (по объему учебного времени, фактологическому, понятийному содержанию) самостоятельных курса: историю СССР, историю древнего мира и историю средних веков. Соответственно и исторические отделения учительских институтов с их двухгодичным циклом подготовки учителей для семилетней школы были ориентированы на выпуск специалистов не высшей, а средней ква-

лификации.

Прием в учительские институты на историческую специальность мог осуществляться даже на базе неполного среднего образования. Такую возможность через систему подготовительного отделения с выдачей аттестата о среднем образовании предоставлял сам институт. Следует отметить, что в Беларуси во второй половине 40-х годов, если учитывать реально сложившуюся тогда демографическую ситуацию, была развернута слишком широкая сеть учительских институтов, которые готовили учителей истории. К 1950/1951 учебному году 9 из 10 учительских институтов республики имели в своей организационной структуре отделения истории. Но в то же время все они были небольшими по численности студентов: в среднем, на каждом из двух курсов обучалось не более 60–70 человек; имели очень слабую учебную базу и были недостаточно обеспечены преподавательскими кадрами. Обеспечение в таких условиях надлежащего уровня профессиональной подготовки педагогов-историков, которое соответствовало бы стандартам высшего исторического образования, так и осталось нерешенной задачей.

Огромное влияние на развитие исторического образования в системе высшей школы Беларуси в годы первой послевоенной пятилетки оказала и та, исключительно сложная, социально-экономическая действительность, в условиях которой находились все белорусские вузы.

Восстанавливать сеть высших учебных заведений в Беларуси, в которых готовились кадры специалистов-историков, приходилось практически с нуля. Многие вузы вынуждены были арендовать не приспособленные для организации и проведения учебного процесса здания средних школ, других учреждений. Так, учебные корпуса Минского и Могилевского пединститутов первоначально размещались в полуразрушенных зданиях средних школ, Витебского педагогического института, Оршанского учительского института – в

зданиях бывших студенческих общежитий, Пинского учительского института – в приспособленном здании детского дома [10].

Несмотря на трудное экономическое положение партийно-государственные структуры власти и управления республики как на центральном, так и на местном уровне, осуществляли мероприятия по укреплению материально-технической базы высшей школы: выделяли значительные для тех лет финансовые, материальные средства на строительство учебных корпусов, закупку оборудования, на издание учебников, учебно-наглядных пособий. По мере восстановления экономики и улучшения социально-экономических показателей развития Беларуси, денежные суммы, которые выделялись госбюджетом на нужды высшей школы и просвещения, росли и в абсолютном, и в процентном отношении вплоть до середины 50-х годов. Так, за период с 1946 по 1950 год ассигнования вузам на капитальное строительство увеличились в 2,2 раза, на мебель и учебное оборудование – в 1,8 раза [11].

Тем не менее, необходимо отметить, что во внутренней организационной структуре практически всех вузов, включая даже Белорусский государственный университет, уровень оснащенности, учебно-материальная база исторических факультетов и отделений находились на последнем месте по сравнению с другими факультетами и отделениями, особенно естественно-научного и физико-математического профилей. На уровне вузов, у руководства (ректората, дирекции) в то время сформировались устойчивые, стереотипные представления, что организовать эффективный учебно-воспитательный процесс в рамках специальности «история», подготовить высококвалифицированного специалиста-историка возможно даже при самом минимальном наличии специальной исторической литературы (учебников, монографий, справочных и энциклопедических изданий), поскольку ее в полной мере заменяет литература общественно-политического характера. Что же касает-

ся степени обеспеченности наглядными и методическими пособиями, техническими средствами обучения исторических факультетов и отделений, то и здесь господствовало расхожее мнение, что такой их элемент, как учебные карты по каким-либо разделам истории, аналогичные тем, которые использовались в учебном процессе в общеобразовательной школе, являются самым эффективным средством обучения и в процессе преподавания исторических дисциплин, курсов в условиях вуза. Таким образом, доминирование остаточного принципа финансирования, материально-технического обеспечения исторических факультетов и отделений в рамках каждого конкретного белорусского вуза не могло отрицательно не сказаться на качестве подготовки специалистов-историков в конце 40-х годов.

Анализ факторов, определявших развитие системы высшего исторического образования Беларуси в течение 1944–1950 гг., показал, что существенное влияние на ее функционирование оказывал и такой фактор, как планирование и обеспечение набора на специальность «история». В первые послевоенные годы набор на исторические факультеты Белорусского государственного университета, пединститутов, на исторические отделения учительских институтов осуществлялся, за редким исключением, за счет выпускников школ довоенных лет. В целях успешного проведения набора абитуриентам вузов были предоставлены существенные льготы.

Выпускники подготовительных отделений и курсов составляли 25–30% от всего количества абитуриентов, поступивших на специальность «история» в Белорусский государственный университет, педагогические и учительские институты.

Планы приема на специальность «история» в системе высшей школы Беларуси в 1945–1950 гг. устанавливались с таким расчетом, чтобы, во-первых, как можно быстрее решить вопрос обеспечения школ учителями-историками и, во-вторых, чтобы постоянно увеличивать

выпуск специалистов-историков с высшим педагогическим образованием. Именно первое обстоятельство определило тенденцию, что в указанный период прием в учительские институты был гораздо выше, чем в пединституты, так как учительские институты более быстрыми темпами осуществляли выпуск специалистов.

В начале 50-х годов в развитии специального исторического образования в системе высшей школы Беларуси наступает принципиально новый этап. Прежде всего, коренным образом изменяется его структурная организация. Исторические отделения учительских институтов, которые в конце 40-х годов являлись основным, самым массовым звеном подготовки педагогов-историков, полностью исчерпали весь ресурс своего развития, как и вообще данная категория учебных заведений. Завершение в этот период перехода на обязательное семилетнее обучение привело к значительному расширению сети средних школ и контингента учащихся в них по сравнению с первым послевоенным годом. Для сравнения заметим: в 1945/1946 учебном году в Беларуси функционировало 1641 неполная средняя и 353 средние школы, где обучалось 585 тысяч детей; в 1950/1951 учебном году – 2904 неполных средних и 761 средняя школа с численностью учащихся 1 миллион 78 тысяч [12]. Такие изменения в структуре общеобразовательной школы объективно требовали принципиально иного уровня и качества подготовки педагогических кадров вообще и преподавателей, учителей истории в частности. В августе 1954 года центральными партийными и государственными органами власти (ЦК КПСС и Советом Министров СССР) было принято постановление «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов с высшим и средним специальным образованием». В нем, перед Министерством высшего образования СССР, республиканскими министерствами просвещения были поставлены следующие задачи: во-первых, пересмотреть состав факультетов и номенклатуру специальностей

в вузах; во-вторых, привести подготовку учителей в соответствие с потребностями различных регионов; в-третьих, ликвидировать неоправданный параллелизм в подготовке кадров и, в-четвертых, укрупнить педагогические вузы [13].

Принятие указанного документа, который в условиях советской действительности 50-х годов стал квинтэссенцией официальной государственной политики в сфере высшего образования, во многом определило дальнейшие тенденции развития организационной структуры высшей школы.

Уже с 1952 года учительские институты как промежуточный тип между высшими средними педагогическими учебными заведениями были полностью упразднены либо реорганизованы в пединституты или введены в состав пединститутутов.

Закрытие учительских институтов в определенной мере оптимизировало организационную структуру высшей педагогической школы Беларуси, но в то же время негативно сказалось на таком ее важном элементе, как специальное историческое образование. Исторические отделения учительских институтов, в отличие от отделений языка и литературы и, особенно, от физико-математического, естественно-географического отделений, закрывались с полной ликвидацией всей учебной базы, которая могла быть передана пединститутам. При этом не предусматривалось значительного увеличения набора на специальность «история» дневной, вечерней и заочной форм обучения ни в Белорусский государственный университет, ни в Витебский, Гомельский, Минский, Могилевский пединституты, где функционировали в первой половине 50-х годов исторические факультеты. Единичными были и случаи перевода преподавательского состава исторических отделений, особенно периферийных (Бобруйского, Барановичского, Молодечненского, Оршанского) учительских институтов на исторические кафедры или кафедры общественных наук Белорусского государственного

университета и педагогических институтов. Полное упразднение исторических отделений учительских институтов привело к резкому сокращению притока педагогов-историков в неполные средние и средние общеобразовательные школы республики и, главным образом, в школы, расположенные в сельской местности. С точки зрения республиканских управленческих структур, руководивших деятельностью системы высшего педагогического образования и просвещения, такой подход был полностью оправданным [14].

Начатое с закрытия учительских институтов реформирование внутренней структуры высшей педагогической школы Беларуси осуществлялось в середине 50-х годов очень активно, что принесло негативные последствия для исторических факультетов вузов республики, особенно на региональном уровне. В 1954 г. был прекращен прием на специальность «история» в Витебском педагогическом институте, а с 1955 года исторический факультет указанного педвуза, созданный одним из самых первых в Беларуси, ликвидируется вообще. Студенты 3-го и 4-го курсов дневного отделения и отделения заочного обучения были переведены на исторический факультет Могилевского педагогического института. В Могилевский пединститут была передана и материально-техническая база исторического факультета Витебского пединститута в виде большого количества специальной научной, учебной, учебно-методической литературы и оборудования кабинетов истории [15]. Руководство и коллектив Витебского педагогического института пытались не допустить полной ликвидации исторического факультета. В Министерство просвещения БССР было отправлено письмо с просьбой о создании в институте вместо закрываемого исторического факультета гуманитарного с двумя отделениями: филологическим и историческим. Однако, она была отклонена. Более того, в ответе министерства указывалось, что вопрос о том, сколько и каких факультетов должно быть в педвузах республики, находится

полностью в компетенции ЦК КПСС. В то же время, чтобы компенсировать возможную нехватку в квалифицированных кадрах педагогов-историков в западных областях Беларуси – Брестской и Гродненской, на уровне союзного Министерства высшего образования было принято решение об открытии с 1954/1955 учебного года специальности «история» в Гродненском педагогическом институте с набором в 25 человек на дневное отделение [16].

Закрытие исторического факультета в Витебском педагогическом институте одного из четырех истфаков, имевшихся в структуре педвузов Беларуси, было командно-административным, волюнтаристским решением, не имевшим к тому же объективных оснований.

Заключение. В период с 1944 по 1954 год система исторического образования в высшей школе Беларуси была представлена тремя элементами: историческим факультетом Белорусского государственного университета, историческими факультетами педагогических институтов и отделениями истории учительских институтов. Ее главной задачей в то время являлось как можно более быстрое насыщение общеобразовательной школы кадрами педагогов-предметников (учителей истории). Учительские институты являлись основным звеном этой системы, поскольку в них осуществлялась подготовка учителей истории для неполной средней (семилетней) школы, которая была в первые послевоенные годы основным типом общеобразовательных учреждений на территории Беларуси.

В то же время конкретные социально-политические условия развития исторического образования в системе высшей школы Беларуси в период 1944–1954 гг. определяли основные направления его функционирования и перспективы дальнейшей эволюции. В исследуемый период такие социально-политические условия, как полное господство командно-административной системы, имевшей к тому же во второй

половине 40-х – начале 50-х годов ярко выраженный тоталитарный характер; сложное экономическое положение Беларуси; крайняя степень идеологизации всех сфер общественной жизни, включая и образование; отсутствие альтернативных систем образования по гуманитарным специальностям, отрицательно сказались на развитии системы высшего исторического образования.

Узкоутилитарный подход и поверхностное понимание тех функций и задач, которые выполняют гуманитарная интеллигенция, педагоги-историки в социокультурной, духовной жизни общества вообще, а не только в сфере просвещения и образования, являлись одним из главных объективных препятствий на пути развития специального исторического образования в системе высшей школы Беларуси в 50-е годы.

Литература

1. Красовский, Н.И. Высшая школа Советской Белоруссии / Н.И. Красовский. – Минск: Вышэйшая школа, 1972. – С. 171; Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 4. – Оп. 47. – Д. 114. – Л. 86; Д. 123. – Л. 1–2.
2. Государственный архив (ГА) Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 10. – Л. 4; НА РБ. – Фонд 42. – Оп. 4. – Д. 262. – Л. 1–5; Д. 266. – Л. 177, 239; Д. 276. – Л. 36.
3. ГА Витебской области. – Фонд 1974. – Оп. 2. – Д. 1566. – Л. 6.
4. НА РБ. – Фонд 42. – Оп. 17. – Д. 21. – Л. 21; Саевич, П.В. Народное образование за 30 лет / П.В. Саевич. – Минск: Госиздат БССР, 1948. – С. 23.
5. История Коммунистической партии Советского Союза: в 6 т. // Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1980. – Т. 5, кн. 2. – С. 255–256.
6. О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. – М.: Госполитиздат, 1958. – С. 5–6.
7. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). – 9-е изд., доп. и испр. – М.: Политиздат, 1985. – Т. 8: 1946–1955. – С. 83–85, 92–93.
8. Коммунистическая партия Белоруссии в резолюциях и решениях съездов и пленумов ЦК (1945–1955). – Минск: Беларусь, 1985. – Т. 4. – С. 197–199; НА РБ. – Фонд 4. – Оп. 20. – Д. 243. – Л. 4–20, 28–41.
9. Кованцева, Г.М. Восстановление и развитие высшей школы Советской Белоруссии (1943–1950): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Г.М. Кованцева. – Минск, 1955. – С. 207; НА РБ. – Фонд 4. – Оп. 59. – Д. 41. – Л. 44.
10. ГА Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 3. – Л. 2; Минский педагогический институт имени А.М. Горького. Исторический очерк. – Минск: Выш. шк., 1974. – С. 52–53; НА РБ. – Фонд 4. – Оп. 17. – Д. 21. – Л. 20.
11. НА РБ. – Фонд 42. – Оп. 4. – Д. 375. – Л. 293.
12. Народное образование, наука и культура в СССР. 1917–1967 гг. Статистический сборник. – М.: Статистика, 1977. – С. 39.
13. КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. – М.: Политиздат, 1963. – С. 397.
14. НА РБ. – Фонд 4. – Оп. 17. – Д. 92. – Л. 76–77; Д. 158. – Л. 97; Д. 187. – Л. 143–144; Д. 195. – Л. 169; НА РБ. – Фонд 42. – Оп. 4. – Д. 261. – Л. 375.
15. ГА Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 41. – Л. 29–31, 42.
16. ГА Витебской области. – Фонд 204. – Оп. 10. – Д. 42. – Л. 42.

Поступила в редакцию 05.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 947(476):342.26

Трансформации областного деления БССР (1944–1960 гг.)

Елизаров С.А.

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П.О. Сухого», Гомель

Статья посвящена вопросам трансформации областного деления БССР 1944–1960 гг., которые рассматривались партийно-советским руководством как действенное средство создания системы местной власти и управления, отвечавшей менявшимся приоритетам государственной политики. Отмечается, что в первые годы после освобождения территории республики от немецко-фашистских оккупантов продолжалась линия на разукрупнение областного звена административно-территориальной системы в целях усиления контроля за всеми сторонами жизни советского общества. Формальным поводом для областной реорганизации послужило решение руководства СССР передать часть территории БССР в состав Польши. Анализируется проект образования Полоцкой области в составе РСФСР. Укрупнение областей в 1954 г. представлено как средство решения задачи сокращения аппарата управления и концентрации специалистов-управленцев в решающих звеньях власти и субъектах хозяйствования, а также сокращения административно-управленческих расходов с их направлением в социально-экономическую сферу. Отмечается, что с точки зрения оптимизации системы управления областная реорганизация была вполне целесообразна: при сохранении уровня управляемости территориями укрупненных областей расходы областных бюджетов на содержание аппарата управления значительно уменьшились. Ликвидация Молодечненской области в 1960 г. завершила процесс областной реорганизации в БССР.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, области, система органов местной власти и управления, укрупнение, разукрупнение.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 35–43)

Transformation of the Regional Division of the BSSR (1944–1960)

Yelizarau S.A.

Educational establishment “Gomel State P.J. Sukhoi Technical University”, Gomel

The article is devoted to the issues of transformation of the regional division of the BSSR in 1944–1960, which were considered by the party and soviet authorities as an effective means of creating a system of local government and administration, which met the requirements of changing priorities of state policy. It is stated that during first years after the liberation of the territory from the German occupiers the policy continued to unbundle regions for greater control over all aspects of the life of Soviet society. Formal reason for the regional reorganization was the decision of Soviet authorities to transfer part of the territory of the BSSR to Poland. The project to establish Polotsk region within the RSFSR is analyzed. Expansion of regions in 1954 is presented, as a means of addressing the challenges of downsizing and concentration of management officials in decisive chains of administration and economic entities, as well as reduction of administrative costs with their further direction into the social and economic sphere. It is noted that from the point of view of optimizing administration system the regional reorganization was quite expedient: while maintaining the level of manageability of the territories of enlarged regions, administration expenditures of regional budgets decreased significantly. Elimination of Molodechno region in 1960 completed the regional reorganization in the BSSR.

Key words: administrative and territorial divisions, regions, local authorities and system management, exstension, unbundle.

Адрес для корреспонденции: e-mail: sergeyelisarov@mail.ru – С.А. Елизаров

На протяжении всего советского периода истории руководство СССР и БССР рассматривало административно-территориальную систему как инструмент текущей политики, одно из средств реализации конкретных социально-экономических и политических задач. Главным мотивом для всех советских административно-территориальных преобразований было стремление партийно-государственного руководства создать систему местного государственного управления, адекватную задачам, приоритетным для каждого исторического периода. Соответственно и административно-территориальное деление БССР менялось с изменением или корректировкой этих задач. Цель данной статьи – анализ реорганизации областного звена административно-территориального деления БССР в период после освобождения территории республики от немецко-фашистской оккупации до 1960 г. (последней областной трансформации в республике) в их связи с переменами в партийно-государственных властных приоритетах. Специальные исследования по вопросам областного деления БССР в советской и современной белорусской историографии отсутствуют, а имеющиеся материалы представлены в информационно-справочном виде без анализа причин, целей и задач перестроек в областном звене административно-территориального деления республики.

Материал и методы. Статья подготовлена на основе как уже опубликованных источников (главным образом нормативно-правового характера), так и новых архивных документов, выявленных автором в фондах Национального архива Республики Беларусь и Российского Государственного архива социально-политической истории. Для решения поставленной в статье задачи применялись историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный ме-

тоды научного поиска.

Результаты и их обсуждение. Ликвидация в 1930 г. округов и упор на районы как главный элемент политики в деревне породили проблемы осуществления руководства все более возрастающим их количеством непосредственно из республиканского центра. Появилась потребность в создании промежуточного звена между республиканским центром и районами, что привело к дроблению системы административно-территориального деления БССР и созданию в 1938 г. областей.

В условиях Великой Отечественной войны в СССР продолжался начавшийся с середины 1930-х гг. процесс разукрупнения административно-территориальных единиц (прежде всего областей) как следствие линии высшего партийно-советского руководства на «приближение органов управления к местам», укрепление «вертикали власти», регламентацию всех сфер жизни общества: с января 1943 по август 1944 г. за счет дробления областей была образована 21 новая область (в том числе в РСФСР – 14). В БССР в 1944 г. также осуществили разукрупнение Барановичской, Брестской, Вилейской, Витебской, Могилевской, Минской, Полесской областей и ликвидацию Белостокской области, результатом чего стало создание трех новых областей – Бобруйской, Гродненской и Полоцкой. Формальное обстоятельство, потребовавшее корректировки довоенного административно-территориального деления Советской Белоруссии, было связано с внешнеполитическими факторами. 27 июля 1944 г. правительство СССР и Польский комитет национального освобождения подписали соглашение о советско-польской границе, признав советско-польскую границу по «линии Керзона» с отступлением от нее в пользу Польши части территорий, расположенных к востоку от этой линии до реки Западн-Буг, и части территории Бело-

вежской пуши. Это соглашение было закреплено Договором между СССР и Польской Республикой о советско-польской границе (16 августа 1945 г.) [1, с. 156, 541].

В результате от Белорусской ССР в состав Польши отошли 17 районов Белостокской и 3 района Брестской областей. Территория БССР сокращалась с довоенных 225,7 до 207,6 тыс. км² [2, с. 232].

В БССР от Белостокской области остались только 6 районов общей площадью в 5620 км² (примерно 25% прежней территории области) с населением (по данным на начало 1940 г.) в 291216 человек (около 22,5% ее населения), 1 из 3 городов областного подчинения (г. Гродно). Белостокская область по сути теряла основания для существования как административно-территориальная единица. Потери Брестской области были менее существенные: ее территория сократилась на 18%, численность населения – на 19%. В составе Брестской области осталось 15 районов общей площадью 14100 км² с населением 607156 человек (подсчитано автором по [2, с. 236–237]). В такой ситуации реально «право на существование» в качестве отдельной областной единицы сохраняла только Брестская область.

Необходимость областного перерайонирования западных территорий БССР подтолкнула и процесс разукрупнения восточных областей республики, в первую очередь Могилевской (территория 29,1 тыс. км²), Минской (28,3 тыс. км²), Витебской (28,1 тыс. км²), Полесской (24,6 тыс. км²). Этого требовали как официальная линия на «улучшение повседневного руководства и обслуживания нужд и запросов населения», так и потребности быстрее восстановления разрушенного войной хозяйства.

25 августа 1944 г. Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение об образовании Бобруйской, Гродненской и Полоцкой областей. Одновременно предлагалось центр Вилейской области перенести из г. Вилейка (прежний выбор этого города в качестве областного центра вполне справедливо был назван «недостаточно обос-

нованным») в более крупный промышленный город и железнодорожный центр Молодечно с соответствующим переименованием области в Молодечненскую. В связи с тем, что Воложинский, Ивьевский и Юратишковский районы Барановичской области в большей степени экономически были связаны с г. Молодечно и Молодечненской областью, предусматривалось передать их в ее состав, а Березинский район Могилевской области по тем же причинам – в состав Минской области [3, л. 5–10].

По воспоминаниям П.К. Пономаренко, идея создания в БССР новых областей с центрами в Бобруйске, Гродно и Полоцке на оперативных направлениях времен двух мировых войн и польско-советской войны принадлежала И.В. Сталину [4, с. 156]. Вместе с тем в отчете ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) эта инициатива подается как предложение ЦК КП(б)Б: «ЦК КПБ в свете уроков войны считал необходимым поднять значение этих исторически сложившихся городов как стратегически важных центров, лежащих на главных оперативных направлениях, и развить эти города в промышленном и культурном отношении» [5, л. 35]. Сомнительно, что в тех условиях предложение

И.В. Сталина руководство ЦК КП(б)Б решилось бы присвоить. Кроме того, по словам П.К. Пономаренко, И.В. Сталин предложил образовать 4 области – Барановичскую, Бобруйскую, Молодечненскую и Полоцкую [4, с. 157]. Однако Барановичская область была создана еще в 1939 г., существовала и Молодечненская (под названием «Вилейская»).

Отдельно необходимо остановиться на проблеме создания Полоцкой области. По воспоминаниям П.К. Пономаренко, в Политбюро ЦК ВКП(б) находился проект образования Полоцкой области с ее передачей в состав РСФСР. Инициаторами такого решения П.К. Пономаренко называет Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева. Вопрос этот, как утверждает П.К. Пономаренко, обсуждался на встрече с И.В. Сталиным 14 августа 1944 г. и ему (П.К. Пономарен-

ко) удалось убедить И.В. Сталина в необходимости сохранить новую область в составе БССР [4, с. 156–159].

Долгое время документальных подтверждений наличия такого «полоцкого проекта» не было. Вместе с тем, учитывая характер принятия И.В. Сталиным решений (в том числе и по территориальным вопросам), нельзя было отрицать возможность его существования. Такой проект мог быть частью плана массового разукрупнения областей на освобожденных от немецко-фашистской оккупации территориях: так, в РСФСР с целью быстрого восстановления разрушенного войной народного хозяйства только в июле и августе 1944 г. появились Брянская, Великолукская, Владимирская, Калужская, Костромская, Новгородская, Псковская области. При этом образование Псковской области сопровождалось изменением межреспубликанских границ: в ее состав были включены части территорий Латвии и Эстонии.

Вместе с тем, анализируя воспоминания П.К. Пономаренко, складывалось впечатление, что даже при наличии такого проекта он вряд ли бы мог иметь для БССР серьезные последствия. Во-первых, достаточно простая аргументация

П.К. Пономаренко о необходимости сохранения Полоцкой области в составе БССР, где решающим был тезис о том, что «это не будет понято народом и многих обидит», быстро убедила И.В. Сталина: «Полоцкую область надо образовать, но в составе Белоруссии. Народ хороший и обижать его, действительно, не следует». Во-вторых, по словам П.К. Пономаренко, никто из членов Политбюро ЦК ВКП(б) проект передачи Полоцкой области не поддержал. В-третьих, на этом заседании, как утверждает П.К. Пономаренко, «основное внимание было уделено проблемам осушения и сельскохозяйственного освоения Полесья», хотя вопрос пересмотра республиканских границ в случае его серьезной поддержки в высшем союзном руководстве был бы безусловно основным на этой встрече.

Сомнения в существовании такого «полоцкого проекта» снял недавно российский исследователь Ю.А. Борисенко, обнаруживший в Архиве Президента Российской Федерации проекты постановления ЦК ВКП(б) «Об образовании в составе РСФСР Полоцкой области» и соответствующего указа Президиума Верховного Совета СССР. 17 июля 1944 г. эти документы, подписанные Г.М. Маленковым, А.А. Андреевым, А.С. Щербаковым,

А.А. Ждановым, были представлены И.В. Сталину. Область предполагалось создать за счет разукрупнения Витебской и Вилейской областей БССР и Калининской области РСФСР [6, с. 126–127].

Ю.А. Борисенко считает, что проект Полоцкой области РСФСР обуславливался прежде всего интересами восстановления народного хозяйства Ленинграда: область проектировалась вдоль железной дороги Бологое-Седлец с Полоцком, Великими Луками и Торопцом (Калининская область) как важнейшими станциями и должна была обеспечить ресурсами послеблокадный Ленинград [6, с. 128]. Эта версия выглядит достаточно спорной. Территория предполагаемой Полоцкой области была одним из центров партизанского движения, местом проведения масштабных карательных акций оккупантов, которая сильно пострадала за годы Великой Отечественной войны и не могла быть источником средств для Ленинграда. Она сама требовала огромных финансовых и материальных вложений для восстановления: так, здесь остались без жилья 34% семей, а в 13 районах области большинство центров сельсоветов вследствие огромных разрушений были после освобождения перенесены в другие населенные пункты.

Можно согласиться с утверждением Ю.А. Борисенка, что решающую роль в отказе от создания Полоцкой области в составе РСФСР сыграли внешнеполитические факторы («польский вопрос») [6, с. 128–129]. Вместе с тем представляется, что и в мотивации образования Полоц-

кой области в составе РСФСР также решающую роль сыграл этот же «польский фактор». Проект был подготовлен незадолго до принятия решения о передаче Польше большей части Белостокской и части Брестской областей БССР. Вероятно, этот вариант был своеобразным средством давления на руководство БССР с целью минимизации его сопротивления как при принципиальном решении вопроса передачи части территории республике Польше, так и при определении конкретных размеров белорусских территориальных потерь. О наличии такого, хотя и завуалированного, сопротивления свидетельствуют материалы VI сессии Верховного Совета БССР первого созыва

(21–24 марта 1944 г.). Выступая на сессии, Председатель СНК БССР П.К. Пономаренко заявил, что «...границы, установленные в 1939 г., справедливые как в историческом, так и в этнографическом отношении, соответствуют интересам как Польши, так и Белорусской Советской Социалистической Республики и интересам дружеских добрососедских отношений польского и белорусского государств», а Председатель Президиума Верховного Совета БССР Н.Я. Наталевич, отметив признание в январе 1944 г. Советским правительством «линии Керзона», одновременно обратился с просьбой к Верховному Совету (правда, так и не получившей отклика в выступлениях депутатов и не нашедшей отражения в итоговых документах сессии) «рассмотреть этот вопрос» (что требовали положения и Конституции СССР, и Конституции БССР) и «просить Союзное правительство при определении государственных границ между Советским Союзом и Польшей учесть вполне законное и справедливое желание белорусского народа воссоединить белорусские земли в единое Белорусское Советское государство» [7, с. 14, 224]. Как представляется, «полоцким проектом» белорусские власти ставились перед выбором: либо согласиться с передачей части территории республики в состав Польши и оставить в своем составе Полоччину (наиболее

реалистичный в тех условиях, на взгляд автора, подход), либо бороться (с более чем вероятным отрицательным результатом) за сохранение всех довоенных границ республики, либо (что было явно не в интересах партийно-советских руководителей БССР) пытаться сохранить «постбуржуазные» западные части БССР в ответ на согласие передать уже советизированную Полоцкую область в РСФСР.

После того как 27 июля 1944 г. вопрос о передаче части территории БССР Польше в Москве был принципиально решен, потребность в проекте образования Полоцкой области в составе РСФСР отпала. В сентябре 1944 г. ЦК КП(б)Б направил в ЦК ВКП(б) предложения по организации в составе республики трех новых областей – Бобруйской, Гродненской и Полоцкой [8, л. 92–95]. При этом состав Полоцкой области практически повторял вариант Полоцкой области в составе РСФСР: к 12 его районам добавили еще 3. 19 сентября 1944 г. эти предложения об образовании областей и переносе центра Вилейской области получили одобрение Политбюро ЦК ВКП(б) [9, л. 11]. В советском порядке они были оформлены Постановлением Президиума Верховного Совета БССР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1944 г., а передача районов из состава одной области в другую – Указами Президиума Верховного Совета БССР [10, с. 16–17].

Областная реорганизация 1944 г. не преследовала цели совершенствования системы размещения производительных сил, в значительной мере нарушая сложившиеся экономические связи. За счет создания новых областных структур увеличились административные расходы, обострилась проблема кадрового обеспечения (только для комплектования государственных органов управления одной области в среднем требовалось около 500 человек). Решающими же стали мотивы усиления контроля и оперативного управления в условиях послевоенного возрождения, для чего использовали уже привычное разукрупнение административно-территориальных единиц.

После избрания в сентябре 1953 г. Первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущева начинается новый период массовых изменений в административно-территориальном делении Советского Союза. Четкой программы реформ у нового руководства не было и главным методом деятельности стало устранение наиболее ярко выраженных проблем, для чего использовались средства, приносившие быстрый, хотя чаще всего недолговременный эффект. Основная роль отводилась традиционному для многих советских реформ организационному фактору, в том числе мерам по упрощению и удешевлению аппарата управления, укреплению его низового и среднего звеньев. Предполагалось за счет сокращения аппарата управления и концентрации специалистов-управленцев в решающих звеньях власти сделать его более квалифицированным, а также сократить административно-управленческие расходы, направив высвободившиеся средства в социально-экономическую сферу. Такая стратегия определила и новую линию в административно-территориальных трансформациях — укрупнение административно-территориальных единиц.

Длительная полоса изменений в административно-территориальном делении БССР началась в январе 1954 г. с реорганизации областного деления. Решающим толчком к этому послужил сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС, принявший программу преобразования сельского хозяйства. Новые задачи вызвали необходимость укрепления прежде всего колхозно-совхозного и районного звеньев управления, что требовало перемещения туда кадров из областных организаций (другого варианта быстрого кадрового усиления не было из-за дефицита квалифицированных специалистов-управленцев). На это, как главную причину сокращения количества областей, ясно указывает выступление на VIII Гомельской областной партконференции (январь 1954 г.) секретаря ЦК КПБ Т.С. Горбунова: «Сентябрьский пленум поставил огромные задачи по подъему

сельского хозяйства. Партия расставляет свои кадры так, как этого требуют интересы дела. ЦК КПБ и попросил ЦК КПСС, чтобы в Белоруссии упразднили пять областей. Областные аппараты оттягивали много кадров. А в селе был недостаток кадров. Образовалась целая каста пропившихся и проворовавшихся председателей колхозов и других низовых работников... Они подрывали колхозное дело. Их всех погнали. А где еще не выгнали, надо это сделать... Все основные кадры пяти упраздненных областей будут направлены на работу в село, в районы... Вы комплектуйте областной аппарат, но не забывайте главного — укрепляйте лучшими кадрами колхозы, МТС, совхозы, райкомы, райисполкомы, все районные организации» [11, л. 162–163].

Вопрос сокращения областей решался в очень короткие сроки без длительной предварительной проработки. Частично использовался вариант областного деления 1938 г.: созданные в 1944 г. Бобруйская и Полоцкая области ликвидировались, а их районы (за исключением одного) возвращались в состав прежних областей. Были востребованы и довоенные, нереализованные в свое время, варианты объединения областей: Брестской — с Пинской, Гомельской — с Полесской и образованием укрупненных Брестской и Гомельской областей.

31 декабря 1953 г. Бюро ЦК КПБ утвердило проект областной реорганизации республики. Официально это решение было оформлено Постановлением Президиума Верховного Совета БССР от 8 января 1954 г. и Указом Президиума Верховного Совета СССР, согласно которым ликвидировались Барановичская, Бобруйская, Пинская, Полесская и Полоцкая области [10, с. 23].

Районы Пинской области вошли в состав Брестской, а районы Полесской — Гомельской областей. Из Бобруйской области 8 районов отошли к Минской, 4 района и г. Бобруйск — к Могилевской, 2 района — к Гомельской областям. 9 районов Полоцкой области были включены в Молодечненскую, 6 районов и г. Полоцк — в Витебскую. Районы Барано-

вичской области распределили между Гродненской (7 районов), Брестской (4 района и г. Барановичи), Минской (3 района) и Молодечненской (1 район) областями. С целью расширения территории небольшой Гродненской области ей дополнительно передали Ивьевский район Молодечненской и Ружанский район Брестской областей (возвращенный в состав Брестской области в июле 1954 г.).

С точки зрения оптимизации системы управления областная реорганизация была вполне целесообразна: при сохранении уровня управляемости территориями укрупненных областей расходы областных бюджетов на содержание аппарата управления за год сократились на 20%.

Последнее изменение в областном звене административно-территориального деления БССР прошло в 1960 г. по инициативе белорусского руководства. В постановлении Бюро ЦК КПБ от 7 января 1960 г. «Об упразднении Молодечненской области» необходимость такой реорганизации по-прежнему объяснялась потребностью «сокращения расходов на управление... и укрепления квалифицированными кадрами райисполкомов, колхозов и совхозов» [12, л. 34].

К тому времени решение о ликвидации Молодечненской области вполне назрело (можно утверждать, что назрело оно гораздо раньше и могло быть осуществлено еще в 1954 г.). По всем основным показателям эта область уступала остальным (за исключением только Гродненской области, однако та имела статус пограничной, к тому же ее промышленный потенциал в 2,5 раза превосходил Молодечненскую).

В соответствии с решением Бюро ЦК КПБ была создана специальная комиссия во главе с секретарем ЦК П.М. Машеровым для разработки проекта ликвидации Молодечненской области [12, л. 34]. Ее конфигурация (вытянутая вдоль административной границы БССР) определила решение: южную часть передать в состав Гродненской области, а

центральную и северную, соответственно, включить в Минскую и Витебскую области. Корректировка границ передаваемых территорий проводилась с учетом экономического тяготения к областным центрам и размеров укрупняемых областей. Значительное расширение самой маленькой в республике Гродненской области было признано нецелесообразным в связи с экономическим тяготением центра Молодечненской области к Минску, а севера – к Минску и Витебску. С другой стороны, включение всех тяготеющих к Минску территорий в состав Минской области превратило бы ее в «сверхобласть». Поэтому решили в основном увеличить Витебскую область за счет северной части Молодечненской, сходной по климатическим и хозяйственным условиям с другими районами Витебщины. Чтобы существенно не расширять территорию Минской области, предполагалось передать из ее состава Березинский район – в Могилевскую, а Бегомльский район – в Витебскую области.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 20 января 1960 г. Молодечненская область упразднялась, а ее районы в своих границах распределялись между соседними областями: 9 вошли в состав Витебской, 4 – Гродненской, 7 и города Молодечно и Вилейка – Минской областей [10, с. 32].

Кроме этого были осуществлены и другие уточнения областных границ. Вместо первоначально планировавшейся передачи Березинского района из состава Минской области в Могилевскую перешел Глусский район. Большая часть упраздненного Бегомльского района и два сельсовета Холопеничского района Минской области вошли в состав Витебской области. В результате распределения территорий упраздненного Ленинского района Брестской области в Минскую передали три сельсовета, еще один – в Гомельскую области. После 1960 г. система областного административно-территориального деления до настоящего времени остается стабильной.

Заключение. Трансформации област-

ного деления БССР 1944–1960 гг. решали задачи формирования оптимальной для советской командно-административной системы структуры органов местной власти и управления. В целом сформировавшееся в БССР к 1960 г. областное деление отвечало выбранному варианту развития советского общества, являясь организационной основой построения верхнего звена системы местной власти и управления с его координирующими, контролирующими и распределительными функциями. Вместе с тем на уровне ряда областей специалисты отмечали несовпадение их границ с объективно сложившимися на практике зонами социально-экономического притяжения. В 1980-е гг. были разработаны проекты ликвидации областного звена и перехода от трехзвенной (область–район–сельсовет) к двухзвенной системе административно-территориального деления (территориальные комплексы межрайонного (внутриобластного) масштаба – местных территориальных систем расселения). Такие проекты разрабатываются белорусскими специалистами и в настоящее время.

Представляется, что сокращение звеньев (в том числе и областного) и количества административно-территориальных единиц может быть полезно лишь в контексте программы по кардинальной перестройке всей системы местной власти, перераспределения функций между управленческими звеньями разного уровня, развития местного самоуправления и превращения его в реальную и влиятельную силу. В рамках этой программы целесообразна разработка специальной концепции реформирования административно-территориальной организации республики. Эта концепция должна основываться на анализе исторического опыта административно-территориального деления, его реализованных и нереализованных вариантов, серьезного экономического обоснования необходимости такой реорганизации, оценки финансовых затрат, возможных психологических последствий для населения и управленцев, мониторинге об-

щественного мнения, учете факторов, которые могут привести к опрделенным отклонениям от принятого варианта.

Литература

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 12 т. / редкол.: совет. часть: И.А. Хренов (отв. ред.) [и др.]; пол. часть: И. Гонсаровская-Грабовская (отв. ред.) [и др.]; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения, Пол. акад. наук, Сектор истории совет.-пол. отношений. – М.: Наука, 1963–1986. – Т. 8: Январь 1944 – декабрь 1945. – 1974. – 680 с.
2. СССР. Административно-территориальное деление союзных республик на 1 января 1946 г. / Информ.-стат. отд. при Секретариате Президиума Верхов. Совета СССР. – 4-е изд., доп. – М.: Изв. Президиума Верхов. Совета СССР, 1946. – VI, 484 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 61. – Д. 62. Протоколы заседаний Бюро ЦК КПБ, 1944 г.
4. Куманев, Г.А. Рядом со Сталиным / Г.А. Куманев. – Смоленск: Русич, 2001. – 528 с.
5. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 521. Отчет ЦК КП(б)Б в ЦК ВКП(б) за 1946 г.
6. Борисенок, Ю.А. «Этот город называется Полоцк...» / Ю.А. Борисенок // Родина. – 2012. – № 1. – С. 122–130.
7. Шестая сессия Верховного Совета БССР. 21–24 марта 1944 г. Стенографический отчет. – Минск: Гос. изд. БССР, Ред. пол. лит. лит-ры, 1946. – 311 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Фонд 17. – Оп. 122. – Д. 83. Проекты постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР, Указов Президиума Верховного Совета СССР, докладные записки и письма ЦК КП(б) Белоруссии, Грузии, Литвы. Январь 1944 – март 1945 г.
9. РГАСПИ. – Фонд 17. – Оп. 3. – Д. 1051. Протоколы заседаний Политбюро ЦК ВКП(б), 1944 г.
10. Административно-территориальное устройство БССР: справочник: в 2 т. // Гл. арх. упр. при Совете Министров БССР, Ин-т философии и права АН БССР; редкол.: В.А. Круталевич [и др.]. – Минск: Беларусь, 1985–1987. –

- Т. 2 (1944–1980 гг.) / сост.: С.Д. Гриневич [и др.]. – 1987. – 283 с.
11. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 144. – Оп. 61. – Д. 41. Стенограмма VIII Гомельской областной конференции КПБ от 28–29 января 1954 г.
12. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 62. – Д. 528. Докладные записки и отчеты ЦК КПБ в ЦК КПСС и Совет Министров СССР, 1960 г.

Поступила в редакцию 13.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 94(474.3)“1812”

1812 год в контексте исторической памяти латышей (30-е годы XX века. Латвия)

Кузнецова Т.И.

Даугавпилсский университет, Республика Латвия

Целью данной статьи является определение модели самоидентификации латышей, формируемой при изложении событий 1812 года в текстах, имеющих массовую аудиторию. Источниковую базу исследования составляют часто переиздававшиеся в Первой Латвийской республике (1918–1940) школьные учебники по истории Латвии, «Исторические воспоминания», публиковавшиеся на страницах газеты “Brīvā zeme”/«Свободная земля», исторические предания латышей, записанные в Латвии в 30-е годы XX века. Статистический, лексико-статистический и сравнительный анализ выбранных источников позволил выявить, во-первых, формируемую школьными учебниками по истории Латвии этносоциальную идентичность школьной молодежи и пространственную – взрослой аудитории и, во-вторых, несовпадение формируемой и наличной исторической памяти латышей в той ее части, которая связана с событиями войны 1812 года.

Ключевые слова: историческая память, «образ 1812 года», латыши, консолидация, народ, идентичность.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 44–49)

1812 in the Context of Historical Memory of the Latvians (the 30-ies of the XX Century. Latvia)

Kuznetsova T.I.

Daugavpils University, the Republic of Latvia

The article aims at defining the model of self identification of the Latvians, which is formulated while relating the events of 1812 in texts for mass auditorium. The source basis of the research is made up by frequently reedited in the First Latvian Republic (1918–1940) school textbooks on the history of Latvia, “Historical Reminiscences”, which were published in the newspaper “Brīvā zeme”/«Free land», historical tales of the Latvians, written down in Latvia in the 30-ies of the XX century. Statistical, lexical and statistical and comparative analysis of the chosen sources made it possible to find out, first of all, ethnical and social identity of schoolchildren, which is formed by schoolbooks on Latvian history, as well as space identity of adults and, secondly, lack of coincidence of the formed and present historical memory of the Latvians concerning the events of the 1812 war.

Key words: historical memory, “1812 image”, the Latvians, consolidation, people, identity.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 44–49)

Тема исторической памяти сегодня весьма востребована [1]. При этом не все возможные планы и уровни исторической памяти в равной мере привлекают

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatjana.kuznecova@du.lv – Т.И. Кузнецова

мание исследователей. Пожалуй, чаще всего «открывают план содержания», т.е. актуализированные факты прошлой социальной реальности или инструменты формирования исторической памяти [2]. Реже исследуются ментальные установки, наличные и закрепляемые печатными текстами, являющимися одним из средств формирования исторической памяти.

Историческая память – это всегда ментальная конструкция, в создании которой «участвует» широкий спектр текстов, различающихся по жанровой принадлежности, степени распространенности, целевой и реальной аудитории и имеющих место быть в каналах устной и письменной коммуникации. Значимость формирования исторической памяти возрастает в периоды становления нации, образования государственности, социально-политических кризисов, когда именно она – историческая память – становится одним из важнейших идеологических средств консолидации общества в целом или отдельных его сегментов. Особой остротой проблема формирования исторической памяти обладала в Латвии, коренное население которой – латыши – не имело собственной государственности до провозглашения создания государства 18 ноября 1918 года. Об осознаваемой значимости исторической памяти в деле консолидации латышей свидетельствуют, в частности, зафиксированные в воспоминаниях А. Кливе сетования К. Улманиса (лидера ведущей политической партии – Латышского Крестьянского Союза, организатора государственного переворота в мае 1934 года, президента страны с 1936 года), относящиеся к 1929 году и пробуждающие интерес к историческому прошлому латышей: «Нет ничего объединяющего народ, непреходящего, вечного. Нет ничего особенного, только для нас характерного. Нет ни прошлого, ни будущего... С образованием Латвии латыш со всеми для него характерными положительными качествами как будто исчез в обществе и вместо него появился какой-то неопределенный, «универсальный» гражданин, у кото-

рого нет ни Латвийского неба над головой, ни Латвийской земли под ногами» [3, с. 252].

Поискам корней, объединяющего начала отвечало и расширение сферы исторической информации на страницах газеты “Brīvā Zeme”/«Свободная земля» [1, с. 100, 107, 108]. Газета, будучи партийным изданием Латышского Крестьянского Союза, тем не менее, сохранила свои позиции в информационном пространстве страны даже после переворота, совершенного К. Улманисом. Стабильное преобладание исторической информации над материалами политического и экономического характера, публикация с 1928 года на последней странице газеты «Исторического календаря», который при практически неизменном его фактологическом содержании с 1931 года стал называться «Историческими воспоминаниями», создали для этого необходимые условия. Сама смена названий указывает на стремление создать интегрированное знание прошлого, что вкупе с лапидарной, эмоционально сухой, в отличие от эмоционального потенциала названия рубрики, информацией проявляет тенденцию формирования не столько исторического сознания, сколько исторической памяти. О том же говорят многочисленные учебники по истории Латвии, ряд из которых переиздавался неоднократно. Так, например, учебник Фр. Залитиса по истории Латвии для основной школы в 1937 году был издан уже в 10-й раз, а для средней школы – в 8-й раз. Примечательно, что первый из учебников был переиздан в эмиграции в 1947 году, а второй в очередной раз выпущен в свет в 1996 году в Латвии. Это придает особое значение именно этим учебным книгам как средствам формирования исторической памяти латышей.

Содержание исторической памяти составляет не сущностное, а феноменное знание (потому эмоционально насыщенное) о себе и других. Как отметил М. Ферро, «история в том виде, как ее рассказывают детям, да и взрослым, позво-

ляет одновременно узнать и то, что общество думает о себе, и то, как изменяется его положение с течением времени» [4, с. 9]. Т.е. историческая информация, содержащаяся в текстах, адресованных массовой аудитории, «задает» определенную модель мироотношения, модель самоидентификации индивида и человеческой общности/общества.

Цель данной статьи – определение «содержания» формируемой исторической памяти латышей о 1812 годе и соответственно «отраженного» в этом содержании и форме его подачи внушаемого представления о латышах.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составляют неоднократно переиздававшиеся в Первой Латвийской республике (1918–1940) школьные учебники по истории Латвии, «Исторические воспоминания», публиковавшиеся на страницах газеты “Brīvā Zeme”/«Свободная Земля», исторические предания латышей, фиксирующие наличную историческую память о событиях 1812 г.

Цель и выбранные источники обусловили использование в работе таких методов анализа, как статистический, лексико-статистический, контекстуально-семантический и сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Итак, каков «образ» 1812 года в некоторых, имеющих широкое бытование, учебниках по истории Латвии и «Исторических воспоминаниях», публикуемых в газете “Brīvā Zeme”/«Свободная земля», и какова его корреляция «образу» 1812 года в исторических преданиях?

Прежде всего, заметим, что 1812 год не обойден вниманием, но информация о нем подается в различном контексте. В рассматриваемых учебниках по истории Латвии – в контексте освобождения крестьян и ухудшения их материального положения, на что указывает размещение материала о 1812 годе. В учебниках, написанных Фр. Залитисом, он, объемом в 125 слов (в учебнике для основной школы) [5, с. 146] и 157 слов (в учебнике для средней школы) [6, с. 187], расположен в разделе под названием “Krievu

valdība Latvijā”/«Русское управление в Латвии» в теме “Zemnieku brīvlatīšana Igaunijā, Kurzemē un Vidzemē”/«Освобождение крестьян в Эстонии, Курземе и Видземе». В учебнике для средней школы раздел имеет другое название “Lielais agrāro reformu laikmets”/«Великая эпоха аграрных реформ», которое, однако, сохраняет крестьянский контекст всей излагаемой исторической информации. Подобное оформление материала закладывает в сознание (скорее – подсознание) учащихся представление о том, что население Латвии состоит только из крестьян. Сведения о 1812 годе находятся в подглавке, которая в обоих учебниках именуется одинаково: “Franču kara notikumi”/«События французской войны». О том же свидетельствуют исторические предания, записанные в 30-е годы XX века на территории Латвии от людей примерно 50-летнего возраста [7, с. 365, 370]. Таким образом, 1812 год предстает временем французской войны. Примечательно использование при характеристике воюющих сторон не названий государств, а этнонимов (французы, русские, пруссаки). Например: «В ожидании французов уже весной 1812 года в Курземе собралось много русских войск... когда в июне русские поспешно отступили... Тогда в Курземе вошли войска французов, которые по большей части состояли из прусских воинов», «Пройдя Курземе, пруссаки дошли до самой Риги...». Такое описание противников в войне при отсутствии этнонима «латыши/латышский» в отношении к крестьянству, материально страдающему от реквизиций, задает этническую призму восприятия людской общности, в частности местных жителей – крестьян. Так неявно, но реально молодым людям – учащимся – предлагалось ощущать/осознавать себя крестьянами-латышами.

Название главки, посвященной «французской войне», акцентирует события. Но что есть событие? Событием предстают материальные потери крестьян, которые они понесли в результате реквизиций, проводимых как русскими,

так и французами/пруссаками.

Так, оба учебника, написанные Фр. Залитисом по истории Латвии, сообщают: «Крестьянам для нужд русских войск нужно было отдать коней, телеги, скот и продовольствие. Когда в июне русские поспешно отступили, от крестьян потребовали около 25000 человек для выполнения гужевой повинности, и им надо было следовать за армией многие сотни верст. Для французских войск также надо было предоставлять продовольствие и выполнять различные военные повинности» [5, с. 146; 6, с. 187]. Такое описание, которое заканчивается констатацией того, что «от всего пережитого особенно сильно пострадало хозяйственное благосостояние крестьян» [5, с. 146; 6, с. 187], неявно отмечает зажиточность крестьян, их достаточно высокий уровень материального благополучия. В итоге же формировалось представление о хозяйственной состоятельности крестьян, прежде всего в Курземе. Однако оно не вполне отвечало представлениям, хранящимся в наличной исторической памяти жителей Латвии (причем этой же ее части – Курземе), о которой свидетельствуют исторические предания.

Лейтмотивом исторических сказаний, связанных с «французской войной», являлись богатства французов, которые, будучи найденными, становились источником обогащения нашедших их. Так, например, 52-летний житель Добеле в 1936 году рассказывал следующее: «Во время великой французской войны, которая прошла через Курземе, французы расположились у реки Иецува и построили траншеи недалеко от Гарозского волостного дома. Дальше французы продвинуться не могли, с собой взять ничего не могли и оставить тоже не хотели; тогда они все свои деньги засунули в ствол пушки и утопили ее в реке Иецува у хутора Намеки; чтобы потом можно было бы найти спрятанное, французский офицер вонзил меч в ближайшую сосну и сломал его. И так прошло много времени: сосна росла, выросла толстая, скрыла вонзенный в нее меч, и никто больше не знал, в каком месте спрятаны

деньги. Когда случайно рубили лес и хозяин хутора Намеки нашел в сосне кусок меча, вспомнили о спрятанных в стволе пушки деньгах, которые тогда нашли и вытащили. С того времени хозяин хутора Намеки стал богат» [7, с. 365].

Второе событие, о котором следует помнить, согласно учебникам Фр. Залитиса, – это сожжение предместий Риги, в результате чего примерно третья часть всех жителей города осталась без крова и продовольствия.

Таким образом, отбор событий «французской войны» в рассматриваемых учебных книгах по истории Латвии, как для основной, так и для средней школы, формировал представление о населении будущей Латвии как о пассивном, страдающем от воздействия чужих, враждебных друг другу сил, объекте. Следует отметить, что это внедряемое в сознание/подсознание молодежной аудитории представление не вполне соответствовало наличной исторической памяти. Она фиксировала, например, факты участия местных крестьян совместно с воинами в преследовании французов [7, с. 366]. Однако заложенная в 30-е годы XX века в память учащихся модель социальной самоидентификации проявляется, нередко, и сегодня в работах историков Латвии [8, с. 9; 9, с. 178].

Исторические же воспоминания, публиковавшиеся в 30-е годы каждый день в газете «Brīvā Zeme»/«Свободная земля», организованные по хронологическому принципу, были призваны, по выражению И.Г. Дройзена, заполнить «пустоту минувшего» [10, с. 61]. Оставаясь неизменными в своей содержательной части, они, обращаясь к взрослой аудитории, несколько иначе расставляли акценты. Так, например, «Исторические воспоминания» в 1934 году включали в себя 1666 информационных единиц, 776 из которых относились к событийной истории, причем 159 из них были связаны с фиксацией военных действий. В канве событийной истории наиболее частотными являлись 1919 (66 упоминаний), 1920 (29 упоминаний), 1918 (24) и 1812 год, упомянутый 20 раз [11]. Т.е. 1812 год является одним из наи-

более часто упоминаемых, что указывает на его немалое значение в формировании исторической памяти читательской аудитории. Все упоминания 1812 года привязаны к военным действиям на территории Латвии. При этом военные действия представляют собой, прежде всего и главным образом, стремительное продвижение франко/прусских войск, занятие ими городов и местечек на территории Латвии, а также потери русских.

Так, например: «– 10 августа. Бои французских и русских войск у Доле, Олайне; – 15 сентября. Началась битва у Бауски, которая после четырех дней закончилась победой наполеоновских войск над русскими; – 17 сентября. Русские войска изгоняют пруссаков из Слокки; – 3 ноября. Начались четырехдневные бои у Добеле, Яунелгавы, Вецмуйжи и Иецавы, в которых войска Наполеона наносят тяжелое поражение русским». Таким образом, тексты, адресованные взрослой аудитории и акцентирующие внимание на сражениях между воюющими сторонами, во-первых, создавали образ Латвии как проходной территории, как арены кровопролитных боев, ведущихся чужими силами. Во-вторых, подобной фиксацией мест формировали представление о «нашем» пространстве – едином в его конкретной множественности, что служило некоторому ослаблению локальных связей, доминировавших в самоощущении жителей Латвии. Этому же намерению, соответствующему политике объединения общества, прежде всего его латышского сегмента, отвечал и высокий уровень частотности упоминания в «Исторических воспоминаниях» топонимов. Так, в «Исторических воспоминаниях», опубликованных в “Brīvā Zeme”/«Свободная земля» в 1934 году, они встречаются 805 раз, причем частотность их увеличивается именно во втором полугодии, т.е. после государственного переворота и провозглашения курса на единение народа (в первом полугодии топонимы упоминались 249 раз, во втором – 456). Чаше всего упоминалась Рига (в первом полугодии – 105 раз, во втором – 204), что создавало образ, остающийся в

силе и сегодня, центростремительного организованного общества. Насыщенность «Исторических воспоминаний», и особенно их части, посвященной «вторжению Наполеона в Россию», топонимами внушало читателям теллургическое видение государственности, т.е. отождествление его с территорией, землей.

Общим же в изложении «событий французской войны» является заметная деперсонализация истории, создававшаяся отсутствием упоминаний личностей в описании событий, за исключением Наполеона, имя которого стало символическим обозначением как воюющей армии, так и государства. Безличность информации о 1812 годе, пожалуй, соотносилась с заметной с конца XIX века переориентацией с индивида на народ, что проявилось, например, и в картинах импрессионистов (например: Клод Моне – Улица Сен-Дени. Праздник 30 июня 1878 г. [13, с. 229]; Пьер Огюст Ренуар – Бал в Мулен де ла Галет [12, с. 202]; Клод Моне – Вокзал Сен-Лазар [12, с. 203] и др.) и в философском осмыслении феномена массы [13, с. 40–228], равно как и осмысление народа как коллективной личности [14, с. 116 и далее]. О значимости этой духовной переориентации и в Латвии свидетельствует, например, речь президента страны К. Улманиса на открытии Первой конференции историков Балтии, состоявшейся в Риге в августе 1937 года. Так, он сказал: «...в конце мировой войны вынырнуло новое понятие, которое, хотя и было известно раньше, еще не приобрело всего своего значения. Это понятие народа. Народ, который в 19 столетии был скорее этническим обозначением, обрел политические права... Современная эпоха признает народ синтезом массы и политики» [15]. И на вопрос «Кто делает историю?» – К. Улманис дал однозначный ответ – «Народ». Апология народа как коллективной личности – творца истории, которую в силу этого можно и должно любить, станет лейтмотивом идеологии авторитарного режима, начало которому положит государственный переворот, совершенный К. Улманисом 15 мая 1934 года.

Заключение. Таким образом, анализ различных по целевой аудитории вербальных средств формирования исторической памяти и сравнение ее с наличной исторической памятью латышей позволяет заключить, что, во-первых, формируемая школьными учебниками по истории Латвии историческая память юношества была ориентирована на этносоциальную идентичность, тогда как текстами, адресованными взрослой аудитории, акцентировалась идентичность пространственная и, во-вторых, имел место зазор между формируемой и наличной исторической памятью латышей.

Литература

1. Кузнецова, Т.И. История на страницах “Brīvā zeme” (1929): некоторые особенности подачи информации в историческом календаре / Daugavpils Universitātes Humanitārās fakultātes XII Zinātniskie lasījumi: Vēsture VI (I). – Daugavpils: DU „Saule”, 2003. – 100. – 109. lpp.
2. Арнаутова, Ю.Е. Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа / Ю.Е. Арнаутова // Одиссей. – 2002. – С. 53–75.
3. Klīve, A. Latvijas neatkarības gadi. [B.v.]: Grāmatu Draugs, 1976. – 508 lpp.
4. Ферро, М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира / М. Ферро. – М.: Высшая школа, 1992. – 351 с.
5. Zālītis, Fr. Latvijas vēsture pamatskolai. – Rīga: Valtera un Rapas akc. sab. apgāds, 1937. – 282 lpp.
6. Zālītis, Fr. Latvijas vēsture vidusskolai. – Rīga: Valtera un Rapas akc. sab. apgāds, 1996 (1937). – 337 lpp.
7. Latviešu tautas teikas: Vēsturiskās teikas. – Rīga: Zinātne, 1989. – 462 lpp.
8. 20. gadsimta Latvijas vēsture I: Latvija no gadsimta sākuma līdz neatkarības pasludināšanai 1900. – 1918. – Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 2000. – 1022 lpp.
9. Feldmanis, I. Latvija vācu okupācijas laikā (1941.–1945. gadā): aktuālās izpētes problēmas // Totalitārie režīmi un to represijas. – Rīga: Latvijas Vēstures institūta apgāds, 2001. – 173. – 184. lpp.
10. Дройзен, И.Г. Энциклопедия и методология истории / И.Г. Дройзен // Историка. – СПб.: «Владимир Даль», 2004. – С. 41–448.
11. Brīvā Zeme, 1934.
12. Ревалд, Дж. История импрессионизма / Дж. Ревалд. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
13. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Дегуманизация искусства. – М.: Радуга, 1991. – С. 40–228.
14. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 351 с.
15. Ulmanis, K. Valsts Prezidenta K. Ulmaņa atklāšanas runa Pirmā Baltijas vēsturnieku konferencē Rīgā, 1937. gada 16. augustā. – 2. lpp.

Поступила в редакцию 27.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 303.446.4:94(3)

Проблемы военной истории эпохи античности в белорусской историографии (1945–1991 гг.)

Лотоцкий С.М.

*Учреждение образования «Гродненский государственный университет
имени Янки Купаль», Гродно*

В статье дается оценка работ белорусских ученых в период 1945–1991 гг. по военной истории античности. Рассматриваются отдельные вопросы и проблемы в освещении событий древних Греции и Рима, формирование белорусской историографии военной истории античности. Автором рассматриваются общее положение и условия создания и развития собственной школы антиковедения, которые имели место в области научных исследований в советский период Беларуси. Белорусское антиковедение, в первую очередь, представляет собой историю религии и философии эпохи классической древности. В работе дан анализ основных работ по военно-исторической тематике периода античности, представлены проблемы изучения военной истории Древней Греции и Древнего Рима. Статья представляет собой обобщающий материал по военной историографии античности, что позволит сформировать достаточно ясное представление в выбранной области исторической науки.

Ключевые слова: *военно-историческая тематика, история Древней Греции и Древнего Рима, Пунические войны, военная кампания, Римская республика, военная историография, социально-экономические условия, Пелопоннесская война, внешняя и внутренняя политика Афин.*

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 50–56)

Issues of Military History in the Period of Antiquity in Belarusian Historiography (1945–1991)

Lototski S.M.

Educational establishment “Grodno State Y. Kupala University”, Grodno

The article gives a summarizing assessment by Belarusian scientists in the period of 1945–1991 on the military history of antiquity. Selected issues and problems in the coverage of ancient events in Greece and Rome as well as formation of Belarusian historiography of military history of antiquity are considered. The author considers the general situation and the conditions of creation and development of own school of antique studies that took place in the field of scientific research in the Soviet period of Belarus. Belarusian antique studies, in the first place, are the history of religion and philosophy of classical antiquity. The paper analyzes main works on military history topics of the period of antiquity; issues of studying military history of ancient Greece and Rome are presented. The article is to summarize the military historiography of antiquity, thus allowing a fairly clear idea in the chosen field of history.

Key words: *military and historical themes, history of Ancient Greece and Rome, the Punic Wars, military campaign, the Roman Republic, military historiography, social and economic conditions, the Peloponnesian War, home and foreign policy of Athens.*

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 50–56)

Адрес для корреспонденции: e-mail: smlot@mail.ru. – С.М. Лотоцкий

С падением Западной Римской империи в 476 г. н.э. и с образованием на ее территории ряда феодальных государств «античность сразу положительно повлияла на все сферы социально-экономических структур Европы. И там, где наиболее глубоким было ее влияние, развитие общества, его экономика и культура развивались быстрее. Большая роль в этом чувствовалась с совершенствованием и освоением античной техники в земледелии, ремесле и повседневной жизни...» [1, с. 3]. Значительное влияние на тактику действий, применение, унификацию боевого построения войск средневековой Европы оказало военное искусство греков и римлян. Строительные технологии Римской империи, греческой цивилизации широко использовались при строительстве фортификационных сооружений, замков магнатов, королевских дворцов. Такие постройки есть и в Беларуси.

Трудность в изучении военной историографии античности состоит главным образом в относительной тематической узости исследований по истории древних Греции и Рима. В основе своей белорусское антиковедение представляет собой историю религии и философии эпохи классической древности. Данные обстоятельства всесторонне рассмотрены в первой обобщающей монографии «Античная спадчына на Беларусі» [1], посвященной белорусскому антиковедению.

Цель статьи – рассмотрение отдельных вопросов и проблем в освещении событий древних Греции и Рима, формировании белорусской историографии военной истории античности.

Материал и методы. Источниковую базу исследования составили работы белорусских историков, освещавших военно-историческую проблематику событий древних Греции и Рима. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие рассмотрение отдельных явлений и факторов во взаимосвязи и взаимовлиянии. При написании статьи использовались системный и факторный методы для рассмот-

рения особенностей изучения военной истории античности в белорусской советской историографии.

Результаты и их обсуждение. Первое, что необходимо отметить, это относительно небольшое количество работ указанной тематической направленности. Их скромное количество, в свою очередь, объясняется не очень продолжительным существованием собственно белорусской школы в антиковедении. Таковой, если считать атрибутом научной школы непрерывную преемственность поколений, является кафедра истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета.

С образованием Белорусской ССР (1919 г.) был открыт в 1921 г. государственный университет, а в 1934 г. начал работать исторический факультет, однако история античности не нашла отражения в исследованиях сотрудников факультета. И только со второй половины 30-х годов центром научных исследований античности на Беларуси стала кафедра истории древнего мира Белорусского государственного университета. Ее научные исследования велись по трем главным направлениям: изучение некоторых проблем Древней Греции, исследование проблем истории Древнего Рима и исследование христианства [2, с. 176].

С 1946 г. одним из направлений научных исследований исторического факультета Минского государственного педагогического института имени А.М. Горького (с 1993 г. – Белорусский государственный педагогический университет) является период античности. Работы по данной тематике велись на кафедре всеобщей истории, которую возглавлял доцент Г.М. Лившиц.

Первыми монографическими исследованиями, включающими аспекты военной истории античности, являются работы Р.А. Никольской «Афинская демократия как форма диктатуры рабовладельцев» (1946 г.) [3, с. 105], «Государственное устройство Афинской демократии» (1956 г.) [4]. В данных исследованиях в основном рассматривается «формирова-

ние Афинской рабовладельческой державы в наиболее прогрессивной ее форме – форме демократической республики» [1, с. 48]. Не остались без внимания вопросы военного строительства, влияния социально-экономического и политического положения в Афинах на формирование вооруженных формирований с целью выполнения ими тех или иных задач.

Широко представлена военно-историческая проблематика в работе Г.М. Лившица «Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима» (1957 г.) [5]. Три ее последние главы (VIII–X) специально посвящены военно-политическим событиям, связанным с восстаниями евреев против римского владычества. Работы Г.М. Лившица античной тематики направлены на изучение раннего христианства, где находил свое отражение «анализ военно-политических событий, опирающийся на постулат о «классовой борьбе» [6]. Автор пишет: «Бедствия и страдания трудящихся масс, неудачи в классовой борьбе с местными и иноземными поработителями, неуверенность в завтрашнем дне» [5, с. 329] приводили к вооруженному сопротивлению римским завоевателям.

Многогранно рассматривается военная история Древней Греции и Древнего Рима в работах Ф.М. Нечая. Его важнейшие труды – монографии «Рим и италики» (1963 г.) [7], «Образование римского государства» (1972 г.) [8] – посвящены отнюдь не военной истории в ее чистом виде. Это исследование в первом случае – «генезиса римско-италийской федерации, а во втором – путей складывания римской государственной системы как процесса, производного от поэтапной интеграции плебеев в римскую гражданскую общину» [6]. Однако данные исследования осуществлены с учетом всех факторов, включая военные. В монографии «Рим и италики» один из параграфов так и называется «Хронология основных событий Союзнической войны». Исследуя военную службу италиков в римской армии, ученый обращает внимание, что она

была своеобразной эксплуатацией италиков Римом, который постоянно проводил завоевания в Италии и за ее пределами. Неравенство между римскими гражданами и их союзниками в рамках римско-италийской федерации было основным стержнем внутренних противоречий государства. Стремление ликвидировать это неравенство стало составной частью программы демократического движения и демократических реформ братьев Гракхов [2, с. 177].

Анализируя вопросы, связанные с римскими союзниками в движении Гракхов и не получившие соответствующего внимания в историографии, Ф.М. Нечай отмечает «некоторые фальсификаторские тенденции» (с его точки зрения) в работах историков второй половины XIX и даже XX в. Он пишет, что в 90 г. до н.э. италийские союзники Рима с оружием в руках поднялись на борьбу против Рима и создали демократическую федерацию «Италия» [1, с. 55].

В развернутом виде военно-исторический момент нашел отражение во второй монографии. Это объясняется тематической «ориентированностью указанной работы на анализ процессов в основном внутренней римской истории, то есть истории римского плебса. С интеграцией этого класса-сословия в римскую гражданскую общину, как это четко прослеживается у автора, и связан рост военной активности Римской республики» [6]. Данное обстоятельство позволило ученому уделить место сугубо военным событиям, составляющим существеннейшую часть истории италийской политики Рима в период до начала Пунических войн. Ф.М. Нечай отмечает: «В процессе покорения... народов окончательно сформировался римский нобилитет, в составе которого оказались 19 родов патрициев и 29 родов плебеев. Нобилитет, являясь господствующим классом-сословием римского государства, использовал аграрные распри малоземельных римских крестьян для привлечения их к военной

службе и выселения в колонии на *ager publicus*» [7, с. 202].

В 70-е гг. закладывается определенная традиция в белорусском антиковедении – привлечения материала по военной истории для характеристики внутрисоциальных и внутривосточных процессов в античном обществе.

В заданном направлении продолжил изучение греческой античной демократии М.С. Корзун. Он сузил хронологические рамки исследования и смог более детально выяснить социально-политическую борьбу в Афинах в 444–425 гг. до н.э. [9]. Данный период характеризуется военным триумфом Афин в Пиласе.

Пиласско-сфактерийская операция ознаменовала собой определенный этап во внешней и внутренней политике Афин. Автор рассматривает внутренние и внешние кризисы, которые были пережиты афинянами в первые шесть лет Пелопонесской войны. Одна из задач исследования – сравнить политическую борьбу между социальными группировками довоенных и военных лет. В основу исследования легла борьба между демократами и олигархами, раскол демократии в связи с отношениями этих группировок. Военно-исторический сюжет прослеживается через рассмотрение внутренней политики в Афинском полисе, союзнической политики в Афинской архэ и внешней политики. М.С. Корзун пишет: «Пелопонесская война, потребовавшая колоссальных расходов на непроизводительные нужды, явилась катализатором процесса обострения классовых противоречий и внутри афинского гражданского коллектива» [9, с. 139].

Глубокие и обширные знания эпохи древних греков нашли свое отражение в работе Ф.М. Нечая «Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей» (1977 г.) [10]. Здесь основательно проанализированы данные «Илиады» и освещены вопросы социального статуса греков эпохи Троянской войны,

обоснована точка зрения на вопрос о количестве греческих войск под Троей.

Достаточно ярко прослеживается преемственность в белорусской школе антиковедения в ее военно-исторической составляющей, что нашло свое отражение в работе К.А. Ревяко «Отношение этрусков ко 2-й Пунической войне» (1974 г.) [11]. Этрурия издавна привлекала римских рабовладельцев, которые в результате войн V–III вв. до н.э. включили ее в состав Римского государства. Раскрыты причины враждебности этруских общин к Риму во время войны с Ганнибалом: ликвидация самостоятельной государственности этрусков, несправное политическое и тяжелое экономическое положение, принудительные реквизиции со стороны римской армии, навязанное обязательство поставлять войска в случае войны. Таким образом, «все народы, которые жили на севере Италии, восстали против Рима, чтобы примкнуть к карфагенянам. Делали они это не из любви к карфагенянам, а из ненависти к римской власти. Только этими мотивами можно объяснить, что карфагеняне имели союзников во всех северных племенах» [11, с. 65]. Автор указывает на кризис союзнических отношений с Этрурией в годы войны: «оккупация союзного города Арреция и взятие заложников – свидетельство того, что в Этрурии в 209–208 гг. до н.э. создалось очень опасное положение для Рима» [11, с. 66]. Исследователем подвергается анализу военная кампания пунийцев 205 г. до н.э. после высадки в Лигурии Магона, младшего брата Ганнибала. Всестороннее рассмотрение проблем 2-й Пунической войны позволило автору прийти к выводу, что «несмотря на то, что война вскрыла глубочайшие противоречия между Римом и итальянским плебсом и вызвала неоднократно временные недовольства и даже волнения, плебс большинства областей Италии видел более опасного врага в лице пунийцев. Итальянцы чувствовали, какое порабощение им нес Ганнибал, поэтому римско-итальянская федерация оказалась все же сильнее нового складывающегося коло-

ниального государства-завоевателя» [11, с. 71].

Продолжение исследований Пунических войн, установления римской гегемонии в Западном Средиземноморье, причем в связи с активностью плебса, К.А. Ревяко представляет в монографии «Роль римского и италийского плебса во 2-й Пунической войне» (1977 г.) [12]. На основе античных источников и исследований зарубежных ученых А. Тойнби, Ж. Лейзенби, Э. Габба и др. проанализированы изменение социального состава римской армии и призыв в армию плебеев шестого разряда, которые ранее не призывались. Только в результате крайней опасности, после разгрома римлян при Каннах, для пролетариев был снижен имущественный ценз в 215 г. до н.э. с 11 тыс. асов до 4 тыс. Плебеи шестого разряда (пролетарии) сразу же пополнили армию, которая омолодилась и состав ее качественно улучшился. Это нововведение, на которое впервые серьезно обращено внимание и которое аргументировано в монографии и статьях, сразу же проявилась на военных действиях и принесла победу Рима над Ганнибалом.

В монографии К.А. Ревяко «Пунические войны» (1988 г.) [13] впервые в советской историографии исследованы три войны Рима с Карфагеном, которые открыли путь Рима к господству в Средиземноморье, уничтожив Пуническую цивилизацию. На примере данного исследования мы видим, как эволюция научных интересов ученого развилась в сторону преимущественно военно-историческую. Хотя и здесь мы наблюдаем особое внимание к проблеме участия плебса в политической жизни ранней Римской республики. В монографии мы находим подробный анализ, не исключая статистического, причин поражений и побед Рима. Однако не меньшее значение, на наш взгляд, имеет авторский анализ моральной стороны событий, составивших содержание Пунических

войн. Историк определенным образом решает вопросы об ответственности сторон за развязывание войны, о ее характере в целом.

Военное искусство римлян и карфагенян рассматривается ученым в тесной связи с социально-экономическими условиями той эпохи, сосредотачивается внимание на таланте полководцев Ганнибала и Сципионов, как свидетельство этого рассмотрены военные события при Каннах, Бекуле и др. С историей Пунических войн связаны и совершенствования военной техники, тактики и стратегии, пережившие не только свою эпоху, но и повторяющиеся в войнах даже нового времени. Причины победы Рима над Карфагеном автор видит в том, что сама система молодого рабовладельческого государства способствовала новым проявлениям в ведении войны и, главное, в изменении внутренней социальной политики: привлечения на войну плебеев шестого разряда. Рим в результате этих перемен одержал неисчерпаемый источник комплектования новых легионов в противопоставлении наемникам Ганнибала. Это была одна из основных причин победы Рима над Ганнибалом, но она дополняется рядом других объективных и субъективных причин.

В монографии рассмотрен один из важнейших аспектов сословно-классовой борьбы в Римской рабовладельческой республике – выступление рабов в форме сговора во время похода Ганнибала в Италию.

Безусловно Риму трудно было достичь мирового господства, но еще труднее было сохранить его. Первую задачу он совершил успешно, что же касается второй – то она оказалась ему не под силу. Автором в итоге сделан вывод: «Непримиримая борьба двух рабовладельческих хищников – Рима и Карфагена за господство в Западном и Восточном Средиземноморье, длившаяся 118 лет (264–146 годы), кончилась победоносно для Рима. Оба государства вели захват-

нические войны. Только третья Пуническая война в системе этих войн со стороны Карфагена была справедливой» [13, с. 246].

Интересен анализ зарубежной историографии проблемы. Ученый отмечает, что немецкая историография античности – одна из самых представительных в исследовании войн Рима с Карфагеном. Многие аспекты международных отношений и войны рассматриваются немецкими учеными на то время по-новому. Они признают римский империализм, который особенно проявлялся во всех трех войнах под видом «защиты своей независимости». Обращено ими внимание и на то, что в историографии нет единой политической оценки предыстории Пунических войн [13, с. 13–32].

Заключение. Эпоха античности характеризуется «сложными этнокультурными процессами, которые выразились в значительных перемещениях племен, взаимодействии различных этнических группировок, исчезновении одних и появлении других культур» [14, с. 88]. Эти процессы сопровождались вооруженными столкновениями, войнами между государствами античности. Белорусскими историками ярко описаны военно-исторические события, проведен многосторонний анализ процессов, послуживших причинами многочисленных вооруженных конфликтов в древних Греции и Риме. Необходимо отметить, что «стремление подчинить ход военных событий анализу внутреннего социально-политического развития – это, очевидно, отличительная черта белорусской историографии военной истории античности» [6]. Определенное влияние оказывала тенденция идеологической направленности советского времени – отражение в научных работах классовой борьбы, социального положения угнетенных масс. И все же ради справедливости стоит подчеркнуть, что большинство исследований белорусских антиковедов в выяснении проблем античной истории базировалось на научных позициях.

Литература

1. Рэвяко, К.А. Антычная спадчына на Беларусі: манаграфія / К.А. Рэвяко; пад рэд. М.С. Корзуна. – Мінск: Веды, 1998. – 100 с.
2. Лотоцкий, С.М. Античное военное наследие в белорусской советской историографии / С.М. Лотоцкий, О.Н. Бородей // Боевое братство славян на защите мира: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: С.А. Пивоварчик (гл. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2012. – С. 175–183.
3. Докторские и кандидатские диссертации по историческим наукам БССР. 1944–1987 гг.: библиогр. указ. / сост. В.Н. Михнюк, Л.Н. Новицкая. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск: Гос. б-ка БССР им. В.И. Ленина, Ин-т истории АН БССР, 1988. – 126 с.
4. Никольская, Р.А. Государственное устройство афинской демократии / Р.А. Никольская // Учен. записки Белорус. ун-та. Сер. история. – 1956. – Вып. 30. – С. 3–35.
5. Лившиц, Г.М. Классовая борьба в Иудее и восстания против Рима / Г.М. Лившиц. – Минск: Изд. БГУ, 1957. – 436 с.
6. Телепень, С.В. Военная история античности в трудах белорусских ученых / С.В. Телепень // Портал филолога [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://filologdirect.ru/content/voennaya-istoriya-antichnosti-v-trudakh-belorusskikh-uchenykh>. – Дата доступа: 14.10.2011.
7. Нечай, Ф.М. Рим и италики / Ф.М. Нечай. – Минск: Изд. Мин-ва ВССиПО, 1963. – 195 с.
8. Нечай, Ф.М. Образование римского государства / Ф.М. Нечай. – Минск: Изд. БГУ, 1972. – 272 с.
9. Корзун, М.С. Социально-политическая борьба в Афинах в 444–425 гг. до н.э. / М.С. Корзун. – Минск: Изд. БГУ, 1975. – 160 с.
10. Нечай, Ф.М. Социальный статус греков эпохи Троянской войны и количество греческих войск под Троей // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Минск: Изд. БГУ, 1977. – С. 29–38.
11. Рэвяко, К.А. Отношение этрусков ко 2-й Пунической войне / К.А. Рэвяко // Вопросы истории древнего мира и средних веков. – Минск: Изд. БГУ, 1974. – С. 64–71.
12. Рэвяко, К.А. Роль римского и итальянского плебса во 2-й Пунической войне /

- К.А. Ревяко. – Минск: Изд. БГУ, 1977. – 170 с.
13. Ревяко, К.А. Пунические войны / К.А. Ревяко. – Минск: Университетское, 1988. – 272 с.
14. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.

Поступила в редакцию 15.05.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 343.343.5:94(476)“1918/1921”

Деятельность комиссий по борьбе с дезертирством на территории Западного военного округа (1918–1921 гг.) (на материалах Витебской губернии)

Бобров Н.М.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье освещены мероприятия Советской власти по организации Рабоче-крестьянской Красной Армии и борьбе с дезертирством на первоначальном этапе военного строительства. На основе фондов Российского государственного военного архива и Государственного архива Витебской области проведен анализ ситуации, связанной с уклонением от службы в армии. Рассмотрены основные направления деятельности комиссий по борьбе с дезертирством Западного военного округа в 1918–21 гг., образованных местными органами власти на территории Витебской губернии. Комплексно представлены основные методы противодействия дезертирству и результаты работы. В статье отмечается неспособность комиссий по борьбе с дезертирством в полном объеме реализовать установки власти, что привело к созданию дополнительного органа, ведущего борьбу с дезертирством.

Ключевые слова: Гражданская война, Рабоче-крестьянская Красная Армия, мобилизация, дезертирство.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 57–71)

Operation of Deserter Combat Commissions on the Territory of Western Military District (1918–1921) (on the Materials of Vitebsk Region)

Bobrov N.M.

Educational establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

Mesures of Soviet administration on building up Workers' and Peasants' Red Army and deserter combating at the initial stage of military construction are highlighted in the article. On the basis of funds of the Russian State Military Archive and those of State Archive of Vitebsk Region analysis of the situation connected with escaping military service is made. Main directions of operation of deserter combat commissions in Western Military District in 1918–21 are considered. The commissions were set up by local authorities on the territory of Vitebsk region. Main methods to counteract deserting and results of the work are presented in a complex way. Inability of deserter combat commissions to fully implement regulations of the authorities, which resulted in the establishment of another body of deserter combat, is stressed in the article.

Key words: Civil War, Workers' and Peasants' Red Army, mobilization, deserting.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 57–71)

Обеспечение военной безопасности нашего государства сегодня осуществляется в принципиально новых геополитических, политических и экономических условиях. Первейшей опорой государственной безопасности являются вооруженные силы. Хорошо известно, что концептуальные ошибки в организации строительства вооруженных сил могут отразиться на всех сторонах функционирования военной организации государства, в том числе на состоянии воинской дисциплины. В настоящее время в Республике Беларусь полностью сформирована комплексная система обеспечения национальной безопасности, разработаны и утверждены Военная доктрина Республики Беларусь, План заблаговременной подготовки Республики Беларусь к обороне и Концепция национальной безопасности.

Процесс развития и реформирования вооруженных сил является непрерывным, так как время не стоит на месте и изменяющиеся реалии требуют корректировки или изменения подходов в оборонной сфере. Одним из основных национальных интересов в военной сфере является «укрепление в обществе чувства патриотизма, готовности к защите национальных интересов Республики Беларусь» [1]. В то же время в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь при оценке состояния национальной безопасности на современном этапе отмечается, что «не удалось в полной мере преодолеть негативные тенденции, связанные с ухудшением состояния военной инфраструктуры, снижением престижа военной службы» [1]. Укрепление воинской дисциплины — одна из важнейших задач, особенно в условиях боевых действий, когда возможно появление такого негативного для армии явления, как дезертирство. Поэтому о важности и актуальности проблемы исследования можно говорить и с точки зрения возможности использования исторического опыта, необходимости извлечения уроков из прошлого. Освещение вопросов, связанных с историей во-

енного строительства Красной Армии на территории современной Беларуси, позволит глубже и объективнее осмыслить историческое наследие, совокупный опыт прошлого и обеспечить укрепление обороноспособности.

Проблема борьбы с дезертирством в Красной Армии в период ее зарождения впервые освещена в работе С.П. Оликова «Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним» [2], вышедшей в 1926 году. Автор ведет речь о мероприятиях Советской власти по борьбе с дезертирством, между тем в предисловии указал, что его работа «не обладает достаточным количеством фактического материала» [2, с. 5]. В дальнейшем исследовании данной проблемы занимались 1920–30 гг. М. Баторский, А. Буйский, С.И. Гусев, А. Казаков, Р. Муклевич, Г.С. Пухов, Н.А. Корнатовский, в послевоенный период — А.С. Умнов, Ю.С. Кулышев. В российской историографии постсоветского периода тема дезертирства во время Гражданской войны нашла отражение в работах Г.Ф. Кривошеева, Н.Н. Мовчина, А.В. Долгова, К.В. Левшина, Н.В. Ракова, В.В. Овечкина, Г.А. Молодцыгина, С.В. Макаева.

В советской отечественной историографии различные аспекты военного строительства в Беларуси изучались И.И. Парфеновым, А.Г. Хохловым, П.А. Селивановым, В.В. Герменчуком, В.В. Куницким. Современная белорусская историография представлена работами Л.С. Мальцева, Г.И. Лянкевича, И.И. Птуха, А.Н. Гура, С.В. Бобрикова, А.П. Грицкевича и др. Однако в отечественной историографии тема деятельности комиссий по борьбе с дезертирством в годы Гражданской войны до сих пор остается малоизученной. Для более полного представления об истории военного строительства в Беларуси следует осветить многогранную деятельность Советской власти по укреплению Красной Армии и изучить опыт комиссий по борьбе с дезертирством.

Цель данной статьи — анализ деятельности комиссий по борьбе с дезертирством Западного военного округа на

территории Витебской губернии с 1918 по 1921 г.

Материал и методы. Для написания статьи использованы фонды Российского государственного военного архива. Были проработаны материалы Управления Западного Особого военного округа, сборники документов, изданные в РГВА, содержащие сведения об организации комиссий по борьбе с дезертирством, проведенных мероприятиях и статистические данные о результатах работы по Западному военному округу (губерниям). Также использованы фонды революционных комитетов, исполкомов местных Советов Витебской губернии Государственного архива Витебской области, содержащие приказы, доклады и переписку комиссий по борьбе с дезертирством.

В статье проанализированы декреты Советской власти, которые определяли направления деятельности органов власти по вопросам военного строительства и, в частности, в борьбе с дезертирством. Освещены материалы периодической печати.

Методологическую основу статьи составляют принципы историзма и объективности, системный подход. В соответствии с принципом историзма создание системы, нацеленной на борьбу с дезертирством, деятельность соответствующих органов по реализации мер, направленных на ликвидацию данного явления в армии, рассматриваются во временной динамике, в контексте соответствующего исторического фона. Используются также такие методы, как историко-сравнительный, индукции, анализа и синтеза. В статье осуществлен междисциплинарный подход к проблеме исследования.

Результаты и их обсуждение. Создание Красной Армии – одно из важнейших событий в истории нашего государства. Однако на первоначальном этапе строительства армии нового типа молодое советское государство столкнулось с таким негативным явлением, как дезертирство.

Во время Гражданской войны и военной интервенции в понятие «дезертирство» входило не только самовольное ос-

тавление части, но и другие формы уклонения от службы в армии: предоставление фальсифицированных документов с целью уклонения от службы, неявка военнообязанных по призыву, отказ от постановки на учет в военкомате, побеги из воинских команд при следовании в часть, принятии присяги и др. В работе С.П. Оликова о причинах дезертирства в Красной Армии отмечалось, что «большинство Красной Армии составляли солдаты старой армии. Несмотря на революционный подъем и искреннее желание защищать революцию, вся эта утомленная старой войной масса еще способна была на короткий период встать в ряды армии и жертвовать собой в «одноактной форме», но ее не хватало на длительную борьбу, бесконечные лишения, голод и холод. И эта масса бежала часто не от боязни участия в сражении, а от бесконечности этих сражений» [2, с. 12–13].

Первоначально комплектование РККА осуществлялось на основании принятого 15 января 1918 года СНК РСФСР декрета «О Рабоче-Крестьянской Красной Армии» (РККА), в котором указывалось: «Совет Народных Комиссаров постановляет: организовать новую армию под названием «Рабоче-Крестьянская Красная армия», на следующих основаниях. 1) Рабоче-Крестьянская Красная армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов. 2) Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных и профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование» [3, с. 352–355]. Поскольку комплектование РККА планировалось осуществлять на добровольных началах, то такое явление, как дезертирство, особой угрозы

не представляло и в вышеуказанном декрете о нем не упоминалось. Впервые ответственность за самовольное оставление службы была закреплена в Декрете СНК РСФСР от 11.02.1918 г. «Об организации Рабоче-Крестьянского Красного Флота», в котором также предусматривался добровольный принцип комплектования с 1 февраля (старого стиля) 1918 года на основе заключения контракта. Но в утвержденном образце бланка «Договора при поступлении в Социалистический Рабоче-Крестьянский Военный Флот Российской Советской Республики», в п. 5 говорилось: «За побег со службы, что равносильно нарушению контракта, подвергаюсь или исключению из профессиональных союзов, или из демократической организации, или подлежу отдаче на общественные работы. (Понятие побега – самовольное отсутствие свыше пяти дней без всяких на то оснований причин.)» [3, с. 439].

В дальнейшем в условиях нарастающего неблагоприятного положения страны и армии был осуществлен переход от добровольной армии к всеобщей мобилизации. В резолюции «О войне и мире» VII экстренного съезда РКП(б) (Петроград. 6–8 марта 1918 г.) отмечалось: «Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унижайший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей...» [4, с. 26]. Исходя из содержания данной резолюции, можно сделать вывод, что в данный период процесс формирования новой боеспособной армии только начинался и многие негативные явления, в том числе и дезертирство, имели место. Добровольцев с целью формирования армии, способной вести боевые действия на многих фронтах, было недостаточно.

Для учета, обучения и призыва годного к военной службе населения 8 апреля 1918 года был издан декрет СНК «Об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам» [5, с. 63–70]. 22 апреля

1918 г. принято три декрета ВЦИК, первый о сроке службы в Красной Армии, которым установлено, что «всякий гражданин, добровольно вступивший в ряды Красной Армии, обязуется прослужить не менее

6 месяцев со дня подписания обязательства. Солдат, который самовольно покинет ряды Красной Армии до истечения указанного срока, подвергается ответственности по всей строгости революционных законов, вплоть до лишения прав гражданина Советской республики» [5, с. 156]. Второй – о порядке замещения должностей в РККА [5, с. 154], которым предусматривалось составление списков кандидатов на должности командиров, местными комиссариатами по военным делам.

И третий декрет – об обязательном обучении военному искусству, предусматривавший обучение военному делу и вооружение только рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян [5, с. 152], тем самым закрепились новые основы военного строительства.

Порядок комплектования РККА корректировался с учетом активизации контрреволюционной деятельности и началом военной интервенции. 29 мая 1918 года вышло Постановление ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в РККА. Переход от добровольной армии к всеобщей мобилизации диктовался положением страны. Пополнение личным составом РККА осуществлялось как на основе добровольного поступления, так и по призыву.

Необходимо отметить, что 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске был подписан мирный договор (на данный период времени основная территория Белоруссии была оккупирована за исключением Витебска и 14 уездов Витебской и Могилевской губ.). В дальнейшем 27 августа 1918 года начался вывод немецких войск, и Красная Западная армия 17 ноября 1918 года двинулась вслед за отступающими немецкими частями и 10 декабря 1918 года вступила в Минск. На территории Витебской губернии активные боевые

действия не проводились. Напряженность на западном направлении несколько ослабла и жестких массовых мер к лицам, уклонившимся от службы, и населению не применялось. Так, 8 ноября 1918 г. Военным Комиссаром Витебской губернии по делу дезертировавших 15 мая 1918 года красноармейцев Федора Голубева и Федота Шнипова принято решение «из-под ареста освободить – их имена опубликовать в Советской печати и о сем сделать отметку в документах» [6, д. 118, л. 35]. В Докладе № 797 от 23 декабря 1918 г. Председателя Следственной комиссии Витебскому Губернскому военному комиссару, по делу арестованного в ноябре 1918 г. жителя д. Новоселки Бочейковской волости Лепельского уезда Прокофия Пивоварова, за совершение дезертирства предлагалось «исключить из рядов Армии с отметкой о том на всех его документах, причем фамилия его, место происхождения и жительства должны быть опубликованы в местных Советских Известиях в списке изгоняемых из Красной Армии за недостойное поведение» [6, д. 118, л. 64]. В Витебской газете «Известия Витебского Губернского Совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов» № 286 за декабрь 1918 г. помещен список красноармейцев 1-го Витебского Интернационального Батальона, подлежащих задержанию и доставлению в батальон как самовольно отлучившихся (всего десять фамилий) [7, д. 43, л. 43].

Изданные одновременно 29 мая 1918 г. декреты СНК РСФСР «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную Армию», «О принятии на учет годных к военной службе граждан в возрасте 18–40 лет» ввели в стране всеобщую воинскую обязанность [9, с. 108–109]. Закреплялась обязанность всех граждан Российской Социалистической Федеративной Советской Республики в возрасте от 18 до 40 лет по первому призыву Рабочего и Крестьянского Правительства явиться на военную службу. В Декрете СНК от 29 июля 1918 г. «О призыве на действительную военную службу

бывших офицеров, врачей, фельдшеров, лекарских помощников и военных чиновников» указывалось, что «уклонившиеся от призыва лица подлежат суду революционного трибунала» [9, с. 113].

Борьба с дезертирством осуществлялась во всех военных округах того времени, в том числе и Западном. Западный Военный округ был образован Приказом РВСР № 377 от 14 декабря 1918 г. на территории Смоленской, Витебской, Могилевской, Минской и Виленской губерний. На органы управления военных округов, наряду с другими функциями, возлагалось ведение военно-мобилизационной и учетно-призывной работы. Одной из задач при этом являлась организация борьбы с дезертирством на территории округа.

В Витебской губернии от принципа добровольного комплектования армии перешли к обязательной мобилизации осенью 1918 г. [15, с. 215]. К концу 1918 года было мобилизовано более 70 тысяч рядового и командного состава [8]. Во время проведения мобилизаций дезертирство начало приобретать характер массового явления. По сведениям Мобилизационного отдела штаба РККА по результатам мобилизаций 1918 г. и нач. 1919 г., из состоящих на учете 3388600 человек не явилось на призывные пункты 676398, по Западному военному округу уклонилось от мобилизации 240852 [2, с. 32]. На территории Витебской губернии мобилизация проходила в трудных условиях. В телеграмме Военкома округа от 27 ноября 1918 г., направленной Витебскому губернскому военкому, отмечалось, что «мероприятия по призыву в ряды Красной Армии, мобилизации молодежи и отправки на фронт проводятся неумело и вызывают раздражение масс», при этом предлагалось усилить агитацию ответственным советским работникам и военкому [6, д. 222, л. 17].

Предотвращение фактов дезертирства требовало со стороны государства определенных мер и вызвало ужесточение наказаний. Так, для непосредственного осуществления мер по борьбе с дезертирством постановлением Совета рабочей и

крестьянской обороны (СРКО) «О дезертирстве» от 25 декабря 1918 г. была учреждена Центральная комиссия по борьбе с дезертирством в составе представителей Всероссийского Главного Штаба, Всероссийского Бюро военных комиссаров и Народного Комиссариата Внутренних Дел (Цекомдез). Дезертирство стало квалифицироваться как одно из самых тяжких и позорных преступлений. Дезертиры, явившиеся в течение двухнедельного срока со дня опубликования особого приказа, освобождались от наказаний с постановкой на особый учет. В случае уклонения от явки постановление от 25 декабря 1918 г. предписывало применять к дезертирам систему наказаний, в пределах от денежных вычетов (в утреннем размере причитавшегося им за время отсутствия из части содержания) до расстрела включительно. Одновременно устанавливалась ответственность для укрывателей дезертиров: «Всех укрывателей дезертиров, председателей домовых комитетов и хозяев квартир, в коих будут обнаружены укрывающиеся, — привлекать к принудительным работам на срок до 5 лет» [10]. Ответственность за принятие мер по борьбе с дезертирством возлагалась на губернских, уездных и волостных военных комиссаров, сельские и волостные Комитеты Бедноты и Исполнительные Комитеты Советов Депутатов.

Первоначально Цекомдез создавалась как орган, разрабатывающий нормативные документы, определяющие порядок организации борьбы с дезертирством, и ведущий статистический учет по республике. Однако сложившаяся в дальнейшем неблагоприятная ситуация показала необходимость создания разветвленного местного аппарата для борьбы с дезертирством. 25 января 1919 г. Цекомдез издал приказ об организации при соответствующих военкоматах губернских и уездных комиссий по борьбе с дезертирством. Вышеуказанные комиссии состояли из трех лиц: председателя — представителя соответствующего военкомата и членов — представителей культполитпросвета военкомата и отдела управле-

ния губернского (уездного) исполкома. В результате на местах были созданы губернские и уездные комиссии по борьбе с дезертирством.

Витебская губернская комиссия по борьбе с дезертирством была образована 5 февраля 1919 г. приказом губернского комиссара по военным делам [6, д. 227, л. 13]. В ее состав вошли: председатель губвоенкома Скудре, представитель от агитационно-просветительного отдела губвоенкома Никитин и от отдела управления губернского исполкома Петров. Данным приказом во всех уездных военкоматах (Витебском, Велижском, Городокском, Дриссенском, Невельском, Себежском, Сенненском, Суражском, Полоцком, Лепельском) учреждались комиссии по борьбе с дезертирством. Был определен перечень мероприятий, проводимых комиссиями: проверка документов лиц мужского пола, выставление пикетов, направление патрулей для осмотра домов и проведения облав, разбор с задержанными в течение 48 часов, направление дезертиров в части или передача суду Революционного трибунала. В обязанность командиров воинских частей вменялось сообщать комиссиям о количестве дезертиров по телеграфу. Губернская комиссия представляла сведения в Центральную комиссию по борьбе с дезертирством и окружному военному. Однако, исходя из анализа архивных документов Витебского губернского военного комиссариата, фактически приступили к работе уездные комиссии лишь к июлю 1919 г.

Так, в секретной телеграмме Председателя Революционного Военного Совета Республики Троцкого от 27 февраля 1919 г., адресованной Витебскому губернскому военному комиссару, сообщалось: «Из ведомости сведений о дезертирах усматриваю, что в Витебской губернии борьба с дезертирством поставлена в высшей степени слабо, на 5786 неявившихся и дезертировавших задержано всего около 300 человек... Губернский военный комиссариат должен объявить, если к такому-то числу в волостях и селах окажутся уклонившиеся, то задержанию

подлежат дезертиры и представители местной Советской власти, для передачи в руки революционного трибунала» [6, д. 227, л. 32]. В результате принятых мер три председателя волостных исполкомов Городокского уезда водворены на гарнизонную гауптвахту и отбыли от 3 до 10 суток ареста, на девять председателей волостных исполкомов Невельского уезда и 13 Витебского за бездеятельность по борьбе с дезертирством наложен штраф в размере 500 рублей [6, д. 227, л. 439]. После оккупации польскими войсками части Белоруссии (февраль–август 1919 г.) Витебская губерния была передана РСФСР.

В дальнейшем порядок организации и деятельности уездных комиссий по борьбе с дезертирством на территории Западного военного округа конкретизирован приказом Окружной комиссии по борьбе с дезертирством № 31 от 7 октября 1919 г. [6, д. 230, л. 43–44]. Уездная комиссия по борьбе с дезертирством состояла из председателя (представителя от отдела управления уездного исполкома) и двух членов (представителей уездного военкомата), ее состав утверждался Губернской комиссией по борьбе с дезертирством. Члены уездной комиссии подчинялись Губкомдезертир, информировали ее о своей работе, исполняли отданные приказы и распоряжения. В обязанности председателя Уездкомдезертир входило руководство борьбой с дезертирством по уезду. Один из членов ведал следственно-комендантской частью. Осуществлял наблюдение за препровождением и размещением дезертиров, составлял анкеты, разделяя дезертиров на злостных и незлостных. Производил следствие по фактам дезертирства, составлял заключение, которое представлял на утверждение Уездкомдезертир. Незлостных дезертиров передавали в уездный военкомат, злостных – в Губкомдезертир. Второй член комиссии занимал оперативно-политическую часть. Собирал сведения о дезертирах по уезду, руководил облавами, принимал

меры к задержанию отдельных дезертиров через уездные военкоматы, так как уездным комиссиям по борьбе с дезертирством подчинялись волостные военные комиссары по вопросам борьбы с дезертирством. Распространял приказы, воззвания и принимал через агитационно-просветительные отделы меры к направлению агитаторов и организации митингов. Осуществлял меры предупредительного характера против дезертирства: собирал сведения о положении семей красноармейцев, контролировал их обеспечение, производил разбирательство по фактам притеснения семей красноармейцев и привлекал к ответственности виновных лиц. На канцелярию возлагалось осуществление делопроизводства, учет дезертиров и их регистрация. При уездной комиссии прикреплялся взвод особого назначения, который привлекался для мелких операций по борьбе с дезертирством.

Исходя из организационно-штатной структуры, уездные комиссии по борьбе с дезертирством в своей деятельности осуществляли следующие мероприятия: производили мелкие облавы по волостям, задерживали отдельных дезертиров с помощью взвода особого назначения, милиции, коммунистов; назначали на контрольные пункты района своих уполномоченных; наблюдали за правильностью мобилизации; принимали меры к предупреждению дезертирства из команд мобилизованных; следили за обоснованностью выдачи документов и проверяли призывные врачебные комиссии. Основными же средствами борьбы с дезертирством были политико-воспитательные и организационные мероприятия: агитация и пропаганда в деревне, разъяснение целей войны, улучшение работы местного военного аппарата, информирование населения о призывах, объявление амнистий и др.

Из анализа сводок о количестве дезертиров в целом по РККА с февраля по декабрь 1919 года, представлявшихся Комиссару Полевого Штаба и правительству, видно, что количество задержанных дезертиров составило 862572,

добровольно явившихся 898533. За аналогичный период по Западному военному округу следующие сведения: было задержано дезертиров 75047, добровольно явились 140086 [2, с. 30–31]. Основную массу дезертиров (в т.ч. и уклонившихся от призывов) составляли крестьяне-середняки. Но, конечно же, количественные показатели дезертирства в Красной Армии относительно, и их нельзя признать достаточно полными.

На территории Витебской губернии агитация и политико-просветительные мероприятия почти всегда предшествовали проведению принудительных мер. Традицией стало проведение «Недели борьбы с дезертирством», добровольно явившиеся дезертиры амнистировались, и самое активное участие в организации данных мероприятий принимала местная печать. Так, газета «Известия Губернского совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов»

№ 135 от 21 июня 1919 г. в основном посвящена агитационным мероприятиям, направленным на борьбу с дезертирством. В статье «На общем собрании Витебской организации Р.К.П. (большевиков)» говорилось о позиции коммунистов по вопросу борьбы с дезертирством. Было принято решение не прибегать первоначально к «полицейским мерам». Членам партии поручили провести широкую борьбу с дезертирством примером и убеждением, устройством «Недели борьбы с дезертирством». В случае их недостаточности Советская власть должна принять крайние меры. В этом же номере газеты размещена статья «Отряды для борьбы с дезертирством», в которой говорится: «Губвоенком с разрешения высших военных властей приступает к организации особых отрядов для борьбы с дезертирством, которая будет открыта по всей губернии немедленно после окончания «недели борьбы с дезертирством» [7, д. 42, л. 11].

В статье «Опомнись дезертир» разъяснялось, что солдат Красной Армии служит не царю, а народу и себе самому. В печати появлялись объявления о митингах

«Недели борьбы с дезертирством», проводимых в г. Витебске. В № 185 «Известий Губернского совета Крестьянских, Рабочих, Красноармейских и Батрацких Депутатов» от 19 августа 1919 г. опубликована статья под названием «Зверства белых казаков», в которой шла речь о действиях казаков в захваченных деревнях возле Тамбова [7, д. 42, л. 13]. Тем самым разъяснялось населению о трагических последствиях уклонения от явки по призыву. Повсеместно размещались лозунги: «Рабочий, твои братья на фронте. Спешите к нам», «Дезертир, явись добровольно, и ты станешь честным сыном революции», «Дезертир, ты куешь цепи для своих внуков» и др. [7, д. 42, л. 11–14].

Агитация и политико-просветительные мероприятия не всегда достигали положительных результатов. В дальнейшем СРКО для усиления борьбы с дезертирством принял 3 марта 1919 г. постановления «О мерах борьбы с дезертирством» и 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства». Постановление от 3 марта 1919 года было направлено на пресечение преступлений со стороны должностных лиц. За укрывательство дезертира должностные лица подвергались заключению на срок до 5 лет с обязательными принудительными работами или без. Должностные лица, виновные в халатности при проведении мер борьбы с дезертирством, подвергались увольнению от должности или заключению на срок до 3 лет, с обязательными принудительными работами или без них. Квартирохозяева, предоставившие дезертирам возможность проживания, подвергались заключению на срок до 5 лет с принудительными работами или без них.

Постановление от 3 июня 1919 г. «О мерах к искоренению дезертирства» подробно регламентировало борьбу с дезертирством, уточнив категории виновных в этом преступлении. К категории лиц, несших ответственность за дезертирство и уклонение от службы в рядах Красной Армии, теперь относились: лица, не явившиеся в армию в течение ус-

тановленного срока; укрыватели дезертиров; семьи дезертиров, виновные в укрывательстве; местное население и должностные лица, виновные в укрывательстве дезертиров. В тех случаях, когда местное население упорно укрывало дезертиров или не оказывало содействия, Губернским Комиссиям по борьбе с дезертирством предоставлялось право налагать штрафы на целые волости, села и деревни или назначать для них принудительные общественные работы.

Постановление также дифференцировало меры наказания, устанавливая их виды и сроки для каждой категории виновных. В отношении дезертиров и лиц, уклоняющихся от службы в Красной Армии, могли применяться такие меры наказания, как расстрел, конфискация всего имущества или его части (строения, скот, земледельческое орудие и т.п.), лишение навсегда или на срок всего или части земельного надела (покос, огород, сад и т.п.). Расстрел предусматривался в отношении злостных дезертиров. С целью недопущения нарушений при вынесении приговоров о высшей мере наказания

12 декабря 1919 года Окружная Комиссия по борьбе с дезертирством Западного военного округа издала приказ № 85, который требовал, чтобы приговоры о смертной казни выносились относительно лиц, с безусловно установленной виновностью и с отягчающими вину обстоятельствами [6, д. 230, л. 142]. Дела о дезертирах, признанных злостными, а также в отношении их укрывателей и пособников направлялись Комиссиями по борьбе с дезертирством в Революционные Трибуналы, которые учреждались во всех губернских городах Республики [12].

Следует отметить, что в вышеуказанном постановлении СРКО от 3 июня 1919 года законодатель особое внимание обращает на борьбу с укрывательством, поскольку оно стало одним из серьезнейших факторов, осложнявших борьбу с дезертирством. Как правило, дезертиры скрывались в родных деревнях или у ближайших родственников. В отноше-

нии местного населения, упорно укрывающего дезертиров или не оказывающего помощи органам власти в поимке дезертиров, применялись в порядке круговой поруки штрафы или принудительные работы. В Государственном архиве Витебской области имеется подписанный председателем Витебской губернской комиссии Никитиным образец постановления по борьбе с дезертирством следующего содержания: «Принимая во внимание злостное укрывательство дезертиров... волости подлежащих призыву в ряды Красной Армии, в чем Комиссия усматривает вину всех граждан... волости, которая не только не старается выдать властям укрывающихся дезертиров, но способствует их дальнейшему укрывательству, а потому губернская Комиссия постановила наложить на граждан... волости денежный штраф в размере... руб. Не внесшие штраф будут арестованы, и все их имущество будет подвергнуто конфискации [6, д. 230, л. 46]. Тем самым в отношении населения вводился принцип коллективной ответственности с применением имущественных наказаний.

Должностные лица, виновные в укрывательстве дезертиров и мобилизованных, объявлялись изменниками рабоче-крестьянскому делу и приговаривались к самым тяжким наказаниям, вплоть до расстрела. Квалификация дезертирства и укрывательства как измена революции и значительное усиление наказания за них обуславливалось накалом Гражданской войны, которая находилась в самом разгаре и власть принимала чрезвычайные меры, чтобы устоять в военном противостоянии.

С июня 1919 года стал применяться принцип заложничества. Поскольку заложничество не регламентировалось нормативными документами, процедура взятия в заложники зависела исключительно от местных властей. Так, в приказе, подписанном председателем Витебской Губернской Комиссии по борьбе с дезертирством Никитиным и опубликованном в газете «Известия Витебского Губисполкома» (№ 11 от 12 сентября 1919 г.), говорилось следующее: «Прика-

зывают всем не явившимся по мобилизации, а равно и бежавшим из рядов Красной Армии дезертирам, явиться в волостной военный комиссариат в трехдневный срок со дня опубликования настоящего приказа. В случае же неявки дезертиров в означенный срок, то на волость будет наложен денежный штраф, и будут взяты заложники, которые будут заключены в тюрьму и привлечены к несению работ по обслуживанию нужд Красной Армии и находиться там впредь до явки неявившихся дезертиров. Подлежащие явке и не явившиеся по приказу – будут судимы по всей строгости закона военно-революционного времени и преданы расстрелу» [7, д. 43, л. 11].

В целях выяснения и устранения причин, вызывающих дезертирство, во исполнение приказа Революционного военного совета Республики № 3077, поступившего 20 декабря 1919 г. в Витебскую губернскую комиссию по борьбе с дезертирством, предписывалось совместно с военкомом периодически обследовать воинские части. Комиссии по борьбе с дезертирством обязаны были проверять: условия казарменной жизни, политработу, снабжение литературой, проведение митингов, лекций, собеседований, порядок ведения занятий [6, д. 230, л. 131]. Основные недостатки выявлялись в области материального обеспечения. По результатам проверки одного из полков 16-й Армии отмечалось: «красноармейцы не получали жалования по несколько месяцев ввиду отсутствия денег в местном казначействе» [11, д. 109, л. 14]. В совместном приказе Витебского Губернского военного комиссара и Губернской комиссии по борьбе с дезертирством вменялось в обязанность всем зав. отделам, начальникам войсковых частей гарнизона ежемесячно обменивать удостоверения личности у служащих и красноармейцев или делать соответствующие отметки о действительном состоянии их на службе. За неисполнение данного приказа предусматривалось предание соответствующих должностных лиц суду по законам военно-революционного времени [6, д. 230,

л. 39]. Предполагалось, что данная мера будет эффективна, поскольку с целью выявления дезертиров в соответствии с приказом Губернского военного комиссара и Витебской Губкомдезертир № 19, изданным в ноябре 1919 года, предусматривалось проведение «частых и крупных облав» [6, д. 230, л. 41].

К концу 1919 года обстановка на территории Витебской губернии стабилизировалась, так как военные действия на Западном фронте фактически прекратились и линия фронта проходила в 40–50 километрах западнее Витебска. На обширной тыловой территории Западного фронта Реввоенсовет получил возможность провести мероприятия для обеспечения будущего наступления. Одним из направлений в области военных мероприятий по укреплению армии и тыла являлась борьба с дезертирством и пополнение за счет дезертиров личного состава частей. Проанализировав деятельность по борьбе с дезертирством, Реввоенсовет Западного фронта пришел к выводу о том, что положение неблагоприятно и имеющиеся органы не способны справиться с этим явлением. Например, в почто-телеграмме, направленной в Окружную комиссию по борьбе с дезертирством в г. Смоленск, в предоставленных сведениях о борьбе с дезертирством по Витебской губернии указывалось: «с 23 августа по 30 августа 1919 г. явилось добровольно – 425, задержано – 492, всего – 917; передано во 2-й запасной полк – 910, в штрафную роту – 7; вновь дезертировало – 1071» [13, д. 28, л. 16]. Для сравнения, в соседней Смоленской губернии

с 23 по 30 августа 1919 г. явилось добровольно – 2535, задержано – 787, вновь дезертировало – 316 [13, д. 28, л. 22]. По Гомельской губернии с 23 по 31 августа 1919 г. явилось добровольно – 2224, задержано – 817, вновь дезертировало – 245 [13, д. 28, л. 17].

В архивных источниках можно найти массу примеров того, что комиссии по борьбе с дезертирством не в состоянии были в полном объеме выполнить воз-

ложенные на них обязанности. Это было связано с некомплектном членов комиссий, нарушениями дисциплины, что особенно проявлялось в недостаточном материальном обеспечении. Так, в протоколе заседания Суражской уездной комиссии по борьбе с дезертирством от 12 ноября 1919 г. содержатся сведения о том, что «сил для ловли дезертиров никаких не имеется, меры по обеспечению семей красноармейцев, в связи с отсутствием связи с волостями и отделом социального обеспечения не принимались, волостные милиционеры помощи не оказывают» [6, д. 230, л. 2]. Между тем и сами члены комиссии не исполняли надлежащим образом свои обязанности, отлучались и самовольно покидали месторасположение службы.

С целью недопущения данных фактов в ноябре 1919 года был издан приказ Витебской Губкомдезертир следующего содержания: «В последнее время участились случаи самовольных отлучек членов комиссий по делам, не имеющим отношения к борьбе с дезертирством. В Суражском уезде был случай оставления комиссии одновременно председателем и членами. Заявляю, что Председатель комиссии не может уехать из территории своего уезда без разрешения Предгубкомдезертира, с сообщением мотивов поездки» [13, д. 28, л. 38]. За бездействие члены комиссии отстранялись от занимаемых должностей.

Представляют интерес сведения Окружной Комиссии по борьбе с дезертирством Западного Военного Округа на 20 января 1920 г. об организационно-штатной структуре соответствующих комиссий Витебской губернии и их обеспечении, приведенные в таблице ниже [13, д. 278, л. 4].

Таблица

Организационно-штатная структура комиссий по борьбе с дезертирством Витебской губернии

Наименование управлений и учреждений	Пункт расположения	людей		лошадей		Повозок кухонь, автомобилей, и проч. имущества
		по штату	на лицо	по штату	на лицо	
Витебская губкомдезертир	Витебск	17	12	—	—	—
Витебская уездкомдезертир	Витебск	9	9	15	13	седел 8 узdechek 10
Оршанская Уездкомдезертир при ней взвод особого назначения	Орша	10	9	15	5	седел 5
Суражская уездкомдезертир	Сураж	9	6	—	—	—
Велижская уездкомдезертир при ней взвод особого назначения	Велиж	9	7	30	10	— повозок 12 саней 5 двуколок 1
Дриссенская уездкомдезертир при ней взвод особого назначения	Освея	9	6	15	11	седел 10 узdechek 10
Лепельская уездкомдезертир	Бешенковичи	9	6	—	—	—
Городокская уездкомдезертир	Городок	9	7	10	4	—

Как видно, для обеспечения нормальной деятельности комиссий по борьбе с дезертирством ресурсов явно не хватало и необходимо было принять соответствующие меры. Так, 13 ноября 1919 года Реввоенсовет Западного фронта издал постановление, которым учредил орган «Чрезвычайная Тройка по борьбе с бандитизмом и дезертирством». В ее состав входил представитель РВС Западного фронта начальник тыла Неклюдов, председатель Окркомдезертир Галактионов, начальник Запсектора Филиппов, Смоленский Губвоенком Адамович [6, д. 227, л. 700]. Тройке были представлены особые чрезвычайные полномочия в проведении мероприятий по борьбе с дезертирством и бандитизмом. Ей подчинялись все органы, осуществляющие борьбу с бандитизмом и дезертирством, в том числе Губчека, войска внутренней охраны. В каждом неблагополучном районе по требованию Тройки организовывались выездные сессии Губревтрибунала, в ходе которых на местах рассматривались дела против бандитов, дезертиров и попустителей. На территории Западного фронта процесс создания Троек происходил под руководством военного командования. Телеграмма из Смоленска в Витебск о создании «Чрезвычайной тройки» поступила от имени председателя Окркомдезертир Галактионова 26 ноября 1919 года [6, д. 230, л. 59]. «Чрезвычайная тройка» издала приказ, в котором Губкомдезертир должен был приступить к рассмотрению дел дезертиров с правом вынесения приговоров по ним. Всякий задержанный дезертир подлежал расстрелу по приговору Губкомдезертир, Губревтрибунала. Добровольно явившиеся лица подлежали отправлению в запасные части, а затем на фронт без всякого наказания [6, д. 230, л. 63].

По сведениям Витебской губернии на 27 ноября 1919 г. подлежал задержанию 8421 дезертир [6, д. 227, л. 761], на 12 января 1920 г. – 6704 [6, д. 229, л. 214], на

15 января 1920 г. – 7401 [6, д. 229, л. 309]. Об объективности данных сведений говорить трудно, Витебская губерния, находившаяся в прифронтовой полосе, не направляла своевременно отчетов о результатах борьбы с дезертирством в Центральную комиссию по борьбе с дезертирством. Некоторые дезертиры после соответствующего разбирательства возвращались в армию, а затем вновь сбегали. Уездные комиссии по борьбе с дезертирством не всегда предоставляли сведения в губернскую, а губернские – в окружную, несмотря на соответствующие неоднократные указания. Так, приказом Центральной комиссии по борьбе с дезертирством от 22 июля 1920 г. № 154/п за непредставление в срок сводок по Гомельской и Витебской губерниям за первую половину июня председателю комиссии по борьбе с дезертирством Западного военного округа объявлен строгий выговор с предупреждением ареста в случае дальнейшего промедления [11, д. 109, л. 17].

В соответствии с приказом Реввоенсовета с целью борьбы с дезертирством практиковалась такая мера наказания, как направление в штрафную роту с условным смертным приговором, что означало отсрочку исполнения приговора. Осужденным присваивался особый отличительный знак – черная полоса на левом рукаве. Условные приговоры к смертной казни практически не приводились в исполнение, так как приговоренные погибали или искупали свою вину. По состоянию на октябрь 1920 года в состав Западного военного округа входили: 1-я, 2-я Смоленская отд. штраф. рота (г. Смоленск), 1-я, 2-я, 3-я Витебская отд. штраф. рота (г. Витебск) и Гомельская отд. штраф. рота (г. Гомель) [11, д. 109, л. 27].

Совместно с репрессивными действиями в отношении дезертиров Советская власть выработала также систему мер помощи красноармейским семьям, что способствовало искоренению дезертирства.

В газете «Известия Витебского Губис-

полкома» (№ 10 от 8 сентября 1919 г.) была опубликована инструкция уездным и волостным комиссиям по оказанию помощи семьям красноармейцев и добровольцев Витебской губернии [7, д. 43, л. 10]. Предусматривалось предоставление ссуд нуждающимся семьям красноармейцев и добровольцев на хозяйственные нужды, реализацию данного права отслеживали и Комиссии по борьбе с дезертирством.

С целью оказания помощи семьям красноармейцев проводились «Недели Красной Казармы», после чего подводились итоги. Так, в помещении Президиума Витебского Губисполкома 22 января 1921 г. состоялось заседание Комиссии по оказанию помощи семьям красноармейцев и проведения «Недели Красной Казармы». Повестка была следующей: «Об удовлетворении красноармейских семей денежным пособием, дровами, продуктами по карточкам «Красной звезды», предметами широкого потребления (за 1920 г.)» [14, д. 29, л. 2]. Во время заседания обсуждался вопрос о невыплаченных пособиях семьям красноармейцев за 1920 год. По Витебской губернии сумма составила 60 млн рублей [14, д. 29, л. 11].

2 февраля 1921 г. Декретом СНК, ВЦИК «О борьбе с дезертирством» были упразднены все временные комиссии по борьбе с дезертирством, отделения Губернских Революционных Трибуналов по дезертирским делам и установлен судебный порядок рассмотрения дел о дезертирстве и соучастниках в Народных Судах. За Революционными Военными Трибуналами фронтов, армий и округов закреплялась обязанность рассматривать дела о дезертирстве: в боевой обстановке, лиц командного, административного и комиссарского состава, отягощенном участием в вооруженных шайках (бандитизм), за укрывательство, пособничество и попустительство дезертирству со стороны ответственных должностных лиц, с участием в шайках, изготавливающих и распространяющих фальшивые воинские документы. Декрет вступил в силу

1 марта 1921 года. О дальнейшей деятельности в области борьбы с дезертирством можно судить по докладам Витебской губернской милиции. 25 мая 1921 года из Витебской губернской милиции начальникам милиции всех уездов была направлена телеграмма, в которой предлагалось пунктуально за каждый месяц представлять в Губмилицию сведения о дезертирах [14, д. 485, л. 3]. Губернское управление Советской Рабоче-Крестьянской милиции соответственно сведения анализировало и направляло в Главмилицию в Москву. Так, в 1921 году милицией по Витебской губернии за январь было задержано – 17, за февраль – 61, за март – 27, за апрель – 40, за май – 17 дезертиров [14, д. 485, л. 8]. С принятием в 1922 году Уголовного кодекса РСФСР утратили силу все ранее действовавшие правовые акты, определявшие ответственность за дезертирство.

Заключение. Таким образом, борьба с дезертирством на территории Витебской губернии, входившей в Западный военный округ, осуществлялась в течение всего периода Гражданской войны и военной интервенции. За короткие промежутки времени организовывались новые структуры по укреплению Красной Армии. В своей работе комиссии широко использовали как агитационно-просветительные, так и карательно-контролирующие меры с целью активизации добровольной явки дезертиров, формирования нетерпимости к ним со стороны гражданского населения и реализации надлежащего обеспечения красноармейцев и их семей. Деятельность комиссий по борьбе с дезертирством осуществлялась в условиях низкого материально-технического и кадрового обеспечения, что не позволяло полностью реализовать поставленные перед ними задачи. 13 ноября 1919 года Реввоенсовет Западного фронта был вынужден учредить дополнительный орган, ведущий борьбу с дезертирством, – «Чрезвычайную Тройку по борьбе с бандитизмом и дезертирством». Борьба с дезертирством Витебской губернии осуществлялась в условиях сложного прифронтового положения и являлась составной ча-

стью общего военного строительства РККА.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575: в ред. Указа Респ. Беларусь от 30.12.2011 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Оликов, С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним / С. Оликов // Штаб РККА. Управление по исследованию и использованию опыта войн. – М.: Наркомвоенмор и РВС СССР, 1926. – 128 с.
3. Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1. – С. 624.
4. КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 2. – С. 543.
5. Декреты Советской власти. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2. – С. 686.
6. Витебский губернский военный комиссариат (Витгубвоенкомат) окружного военкомата Западного военного округа, г. Витебск // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1582. – Оп. 1.
7. Коллекция периодической печати, тематических подборок периодической печати и периодических изданий // Государственный архив Витебской области. – Фонд 2289. – Оп. 2.
8. Селиванов, А.П. Военное строительство в Белоруссии (ноябрь 1917 – начало 1919 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.П. Селиванов; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1968. – 19 с.
9. Декреты Советской власти. – М.: Издательство политической литературы, 1964. – Т. 3. – С. 664.
10. О дезертирстве: постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны РСФСР. 25 дек. 1918 г. // Полное собрание законодательства СССР [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc.com/ussrdoc communism/ussr_429.htm. – Дата доступа: 24.03.2012.
11. Управление Западного Особого военного округа // Российский государственный военный архив. – Фонд 25874. – Оп. 1.
12. О революционных трибуналах. 18 марта 1920 г. // Полное собрание законодательства СССР [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc.com/ussrdoc communism/ussr_429.htm. – Дата доступа: 24.03.2012.
13. Управление Западного Особого военного округа // Российский государственный военный архив. – Фонд 25874. – Оп. 2.
14. Подотдел Витебской губернской милиции и уголовного розыска административного отдела исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Витебск // Государственный архив Витебской области. – Фонд 7. – Оп. 1.
15. Крылов, С. Военная работа / С. Крылов // Красная быль. Большевики в Витебске: сб. статей, воспоминаний и материалов; под ред. С. Крылова. – Витебское губернское бюро Истпарта, 1923. – С. 141–154.

Поступила в редакцию 19.03.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 656.2:94(476)“18/19”

Вопросы железнодорожного хозяйства в деятельности органов городского самоуправле- ния Витебской и Минской губерний в последней трети XIX века – 1914 г.

Жихарев С.Б.

*Учреждение образования «Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорина», Гомель*

В статье исследована деятельность органов городского самоуправления Минска, Витебска и их уездных городов в контексте строительства и эксплуатации железных дорог. Научный интерес представляет также выявление направлений и содержания экономического сотрудничества между городскими думами и расположенными в городах (на примере Минска) управлениями железных дорог. Особое внимание уделяется значению железнодорожного хозяйства в повседневной жизни Минска, Витебска и их уездных городов. На примере железнодорожного хозяйства в статье продемонстрирована способность городского населения к идущей «снизу» самоорганизации. Этим доказано, что органы общественного городского самоуправления не стали придатком местной исполнительной власти. Безусловно, далеко не всегда предпринимаемые шаги могли обеспечить результат, так как окончательное слово принадлежало правительственным структурам или правлениям частных железнодорожных обществ. Тем не менее, жители городов в лице своих полномочных представителей (гласных) получили возможность бороться за повышение благосостояния своих населенных пунктов, где железным дорогам по праву отводилась определяющая роль.

Ключевые слова: железные дороги, городской бюджет, железнодорожное строительство, органы городского самоуправления, проект, железнодорожная сеть, городская дума, городская управа.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 72–80)

Issues of Railway Economy in Activity of Municipal Local Government Institutions of Vitebsk and Minsk Provinces in the Last Third of the XIX Century – 1914

Zhiharev S.B.

Educational establishment “Gomel State F. Scorina University”, Gomel

In the article the activity of municipal local government institutions of Minsk, Vitebsk and some provincial towns in the context of building and maintenance of railroads is analyzed. The article studies directions and content of economic collaboration between municipal authorities and railroad administration located in cities (like Minsk). Special attention is given to great importance of railway economy in everyday life of Minsk, Vitebsk and their provincial towns. Railway economy example is given to confirm the ability of urban population for local self government. This proves that municipal local self government institutions didn't become the supplement of local administration. It goes without saying that not always efforts were effective enough because Saint-Petersburg officials and administration of private railroad share-stock companies had the right of decisive decision. Nevertheless urban population through their deputies obtained the opportuni-

Адрес для корреспонденции: 246028, г. Гомель, ул. Кирова, 115; моб. тел.: 8(029)173-56-65 (Velcom) – С.Б. Жихарев

ty to struggle for the increase of the welfare of their cities where railroads brought in a substantial contribution.

Key words: *railways, municipal budget, railroad construction, municipal self-government institutions, project, railroad network, municipal дума, municipal administration.*

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 72–80)

Активное строительство железных дорог в России началось после крестьянской реформы 1861 г. и высокими темпами велось на протяжении первого пореформенного десятилетия. Железнодорожные магистрали соединили хлебопроизводящие районы страны с судоходными реками и портами Черного и Балтийского морей. Стимулируя развитие межрегиональных экономических связей, железные дороги превращались в важнейший фактор, влиявший на размещение промышленности и на динамику ее развития. Сооружение железных дорог способствовало развитию экономики как в центре страны, так и на ее окраинах.

Городская реформа 1870 г. открыла новые возможности для участия широких слоев городского населения в хозяйственной жизни своих населенных пунктов. В результате были созданы всесловные органы местного самоуправления, где распорядительные функции возлагались на представительный орган городского общества – городскую думу. Последняя избирала исполнительный орган общественного управления – управу и городского голову. Из всего многообразия хозяйственных функций, возложенных на органы городского самоуправления, остается неисследованным участие городских общественных учреждений в развитии железнодорожного транспорта на подконтрольной им территории и связанной с его обслуживанием инфраструктуры.

В начале XX в. железнодорожное хозяйство уже настолько тесно переплеталось с экономической жизнью городов, что их раздельное существование становилось едва ли возможным. При всей неисчерпаемости темы и многоплановости ее отдельных сюжетов целью статьи является исследование влияния железнодорожного транспорта на экономиче-

скую жизнь таких губернских центров, как Витебск, Минск и их уездные города.

Материал и методы. Автором использованы материалы фондов Национального исторического архива Беларуси. Архивные источники дают довольно полное представление о том месте, которое отводилось железнодорожному транспорту губернскими и уездными городскими думами и управами в повседневной жизни своих жителей. Объектом исследования является железнодорожный транспорт в России. Предметом исследования – экономика железнодорожного транспорта в деятельности органов городского самоуправления Витебской и Минской губерний. В качестве метода исследования применяется историко-генетический.

Результаты и их обсуждение. В результате проведенного исследования выявлены основные направления сотрудничества между органами городского самоуправления, с одной стороны, и администрацией железных дорог – с другой:

1) согласование позиций по выбору оптимальных вариантов соединения городов с вокзалами железных дорог (подъездные пути к железнодорожным станциям, финансовое обеспечение их обустройства);

2) регулирование имущественно-правовых отношений в сфере железнодорожного строительства и развития инфраструктуры уже находящихся в эксплуатации железных дорог (отчуждение земель и недвижимой собственности частных лиц и государства для железнодорожного строительства);

3) заключение договоров с управлениями железных дорог о финансировании городского благоустройства (дополнительный сбор с грузов железных дорог для финансирования городского хозяйства, проведение отдельных видов работ

по городскому благоустройству силами управлений железных дорог);

4) борьба за проведение железных дорог через свои населенные пункты или за их соединение с уже существующими железнодорожными магистралями линиями небольшой протяженности (обращение в официальные инстанции за поддержкой в реализации проектов, разрешение спорных ситуаций с собственниками земли).

В результате анализа установлено, что городские думы играли заметную роль в становлении железнодорожного транспорта в Беларуси. В свою очередь, железные дороги способствовали повышению благосостояния населения городов, через которые они проходили. С одной стороны, органы городского общественного управления добивались постройки усовершенствованных путей сообщений через свои города, тем самым обеспечивая им более высокие показатели экономического роста. С другой стороны, используя наработанные за многие годы сотрудничества связи с администрацией железных дорог, городские думы ходатайствовали перед их управлениями о выделении значительных денежных средств на нужды городского хозяйства. Взаимное переплетение интересов железнодорожного и городского хозяйства создавало условия для интенсификации урбанизационных процессов в Беларуси.

Особой настойчивостью в этом отношении отличались действия городской думы г. Невеля, которая 4 декабря 1886 г. обратилась к Витебскому губернатору с ходатайством поддержать направление железной дороги Великие Луки–Холм–Витебск через город Невель [1, л. 1]. Местные депутаты, высоко оценивая торгово-экономический потенциал своего города, жаловались на отсутствие удобных и дешевых путей сообщений. В докладе Невельской городской управы, сделанном на заседании думы 29 сентября 1886 г., подчеркивалось, что Невель является местом сбыта в Санкт-Петербург и Ригу сельскохозяйственных продуктов и сырья (до 5 млн пудов в год), поступающих в город из соседних Себежского, Опочецкого, Ве-

ликолуцкого, Городокского, Полоцкого и Велижского уездов [1, л. 3]. Все эти товары невелиские предприниматели вынуждены перевозить на расстояние 100 верст гужевым транспортом в Витебск и Полоцк для дальнейшей перегрузки на железную дорогу. Переплаты при подобном способе транспортировки грузов по сравнению с железнодорожным тарифом доходят до 300%. Депутаты ожидали, что проведение железной дороги снимет остроту транспортной проблемы и увеличит городские обороты. В итоге Невель станет важным пунктом транзитной торговли и это приведет к росту благосостояния населения города [1, л. 2]. Поэтому дума обратилась к Витебскому губернатору с просьбой ходатайствовать перед министром путей сообщения, чтобы железная дорога от Великих Лук к Витебску прошла через Невель [1, л. 3 об.]. 13 января 1887 г. Витебский губернатор обратил внимание Невельского уездного головы, что статья, опубликованная в частной газете «Свет», основана на недостоверной информации, и постройка железной дороги не планируется [1, л. 5].

Своевременное вмешательство органов городского самоуправления в работы по проведению изысканий железных дорог давало возможность максимально учесть интересы города. В 1876 г. в Министерстве путей сообщения разрабатывался проект Витебско-Оршанской железной дороги с последующим ее продолжением на Могилев и Киев. За соединение Западного и Южного края Российской империи с помощью обозначенной железнодорожной магистрали высказывались городские управы Витебска и Киева [2, л. 19]. Новый железнодорожный путь даст возможность быстро и выгодно транспортировать хлебные и другие грузы из Киева через Могилев, Оршу и Витебск в Балтийские экспортные порты [2, л. 20 об.]. До постройки Витебско-Оршанской железной дороги отправляемые из Киева хлебные экспортные грузы приходилось доставлять обходным путем или на подводах. Нерациональный способ перевозки приводил к удорожанию и

порче пшеничной муки, спрос на которую на внешних рынках постоянно возрастал.

В октябре 1872 г. под руководством инженера статского советника Янковского были проведены изыскания железной дороги Витебск–Орша. Планировалось, что начальным пунктом этой дороги станет существующий вокзал Динабургско-Витебской железной дороги, а первые ее 4 версты пройдут параллельно Витебско-Орловской железной дороге. Проектировщики рассчитывали, что новый мост на Двине для Витебско-Оршанской линии будет построен рядом с уже существующим мостом Витебско-Орловской железной дороги. По мнению инженеров МПС, самый выгодный в техническом отношении вариант расположения станции новой железной дороги – рядом или напротив существующего вокзала Динабургско-Витебской железной дороги [2, л. 2]. Однако Витебская городская дума заявила: «<...> предложенный проект не может устраивать город ни с экономической, ни с гигиенической стороны. Начало дороги должно быть не в третьей части г. Витебска, а во второй, с постройкой отдельного вокзала» [2, л. 18]. Инженер Янковский согласился с доводами витебских гласных и принял решение вести Витебско-Оршанскую железную дорогу со второй части Витебска. Станция в подобном варианте должна быть запроектирована на левой стороне Двины в этой же части города между Смоленским и Могилевским шоссе и Духовским оврагом [2, л. 10].

В 1908 г. Витебская городская управа обратила внимание на неудовлетвори-

тельное состояние городских мостовых. Специальная комиссия Витебской городской думы пришла к заключению, что при ограниченных средствах городского бюджета расходы на устройство мостовых в предыдущий период были доведены до минимума в ущерб их прочности и долговечности. Замошение производилось мелким неодинаковой формы камнем практически без песочной подсыпки. Крайне негативные оценки вызывали булыжные мостовые на улицах, которые служили подъездными путями к товарным станциям Риго-Орловской и Петербурго-Жлобинской железных дорог. Общая протяженность этих подъездных путей в начале XX в. составляла 6296 сажень погонных, а площадь 28482 саж². Выполнение всего объема работ могло обойтись в 179049 руб. 80 коп. [3, л. 13]. Витебская городская управа решила обратиться за финансовой помощью к администрации Риго-Орловской железной дороги. Служба сборов железной дороги согласилась оказать содействие городской думе в ремонте подъездных путей. Управление дороги препроводило в городскую управу сведения о перевезенных грузах по Риго-Орловской железной дороге от и до станции Витебск в 1905, 1906 и 1907 гг. [3, л. 10]. Данная информация была крайне важна, чтобы определить возможную сумму дополнительного сбора с грузов Риго-Орловской железной дороги для мощения мостовых в г. Витебске.

Таблица 1

Грузооборот станции Витебск

№	Наименование груза	1905		1906		1907	
		Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло	Отправлено	Прибыло
	Всего грузов малой скорости частных отправителей	1872763	5933088	1949403	6075748	19773252	6639294
	В том числе:						
1	Хлебный груз	283518	2128824	405397	2099316	387882	2284170
2	Каменный	1044	563748	579	817772	8610	1255711

	уголь						
3	Дрова	7405	374160	80	404304	11272	458461
4	Масло растительное, керосин	62234	86991	96771	107047	97593	146391
5	Масло минеральное	51268	242653	73956	271306	81451	277383
6	Лен, льняная пакля	798116	83323	477432	59572	508520	50061
7	Лесные строительные материалы	33871	487431	21209	157213	20423	130065
8	Железо, сталь, чугун	21826	163541	36016	222770	29776	173770
9	Сахар, патока	22925	168881	37357	215777	34548	211735
10	Сельдь, рыба	17530	146751	28957	159262	20588	167567
11	Соль	773	215553	3258	141131	1638	81700
12	Туки (удобрения)	17708	72436	10916	109946	5794	60768
13	Кожи	34966	78842	58294	103872	88608	72735
14	Пряжа бумажная, нитки	58551	7594	93730	9507	95055	7868
	Остальные грузы	461028	1112360	605451	1196953	581494	1261509

11 августа 1883 г. состоялось заседание городской думы г. Пинска, на котором обсуждался выбор места для подъездного пути к железнодорожной станции и возможность строительства на нем мостовой [4, л. 7]. В качестве отправного варианта для соединения центра города с железнодорожной станцией Пинской думой была определена Санкт-Петербургская улица до ее пересечения с железной дорогой. В таком случае требовалось отчуждение 550 саженей частных земель. Для сокращения расходов по отчуждению частного имущества городской голова предложил скорректировать направление подъездного пути. После согласования с администрацией железной дороги было решено провести подъездной путь по Санкт-Петербургской улице до соединения с каменной мостовой (487 саженей) [4, л. 7 об.].

Иногда требовалось вмешательство органов общественного самоуправления для урегулирования спорных вопросов, принадлежащих к сфере имущественно-правовых отношений. В подобных случаях от городской управы требовалось

принятие максимально объективных решений, так как здесь затрагивались интересы как населения города, так и железных дорог, линии которых были проложены по землям, принадлежащим частным лицам. Так, 27 ноября 1875 г. в Минскую городскую думу обратился наследник помещика Адама Смольского Ибрагим Смольский с заявлением о незаконном характере взимания городских повинностей с принадлежащей ему в Минске земли [5, л. 1]. В 1872 г. из владения Смольских было отчуждено под строительство Ландварово-Роменской железной дороги 1552 саж.² земли. Вместе с тем, по словам заявителя, городские повинности взимаются с полного количества земли. Смольский просил городскую думу восстановить справедливость, официально признав факт отчуждения земли под линию железной дороги, с последующим пропорциональным уменьшением числящихся на ней городских повинностей. Для доказательства своих слов Ибрагим Смольский предъявил удостоверение агента по отчуждению земель Вильно-Роменской железной дороги Павла Пястова от 18 ноября 1875 г., в котором подтверждались правильность

заявленной информации [5, л. 2]. Минская городская управа не сделала однозначного заключения по данному вопросу. Смольскому рекомендовали представить в управу все документы на находящуюся в его владении землю [5, л. 4].

В течение 23 лет с 1890 по 1913 г. городская дума, органы дворянского словного самоуправления и жители г. Игумена добивались соединения с помощью железной дороги своего города со станцией Марьина Горка Либаво-Роменской железной дороги. 31 января 1890 г. Игуменский городской голова и уездный предводитель дворянства обратились к минскому губернатору с просьбой поддержать в правительственных учреждениях Санкт-Петербурга проект соединения железной дорогой г. Игумена со станцией Марьина Горка с последующим строительством в уездном городе Игумене или в 2 верстах от него железнодорожного вокзала [6, л. 42 об.]. Пользу для государства при сокращении пути между названными населенными пунктами на 11 верст должностные лица г. Игумена усматривали в сбережении казенных денег при доставке почты на 309 руб. 54 коп., в случаях командировок чиновников на 149 руб. 80 коп. и в результате упразднения почтовой станции в с. Клинке 1080 руб., а также 200 рублей от ликвидации этапного дома. Общая сумма экономии тогда достигнет 1541 руб. 34 коп. в год.

В ходатайстве также отмечалось, что длина предполагаемой железной дороги должна составить 28 верст 80 саженей. Планировалось, что она проляжет на 4 версты 263 саж. по уже существующей дороге, обеспечивая тем самым снижение расходов. Технические условия проекта выглядели в следующем виде: из 28 верст общей протяженности новой железной дороги 16 верст предстояло прокладывать по песчаной почве, 102 сажени – по уже построенным мостам. Существенных затрат требовало устройство недостающих мостов через реки и гатей на болотах. Самый крупный мост через реку Волшу обойдется в 1350 рублей.

Необходимую под линию дороги землю изъявили согласие уступить бесплатно практически все землевладельцы: как помещики, так и крестьяне. Исключение лишь составил помещик Оссовский, мещанин Кримжановский и крестьяне 5 деревень (Иваничи, Избища, Заречье и др.), которые запросили за уступку земли 60–85 рублей за каждый морг (1600 саженей). На выплату компенсаций указанному землевладельцам было необходимо найти 5000 рублей. 14 февраля 1890 г. Игуменский городской голова информировал уездного предводителя дворянства о готовности жителей города Игумена ассигновать для этих целей 1000 рублей [6, л. 45]. Инициативу по выделению средств на выплату компенсации за отчуждаемую землю у частных лиц проявил местный помещик Корженевский. Правда через семь лет он подвергнет ревизии свои условия и сделает письменное заявление, что проектируемая железная дорога между ст. Марьина Горка и местечком Березино принесет для него больше вреда, нежели пользы. Корженевский готов уступить землю безвозмездно при условии, если в его владениях будет устроен железнодорожный полустанок [6, л. 78].

До 1897 г. в переговорах по реализации данного проекта наступило затишье. 28 января 1897 г. в письме о необходимости строительства железной дороги Игумен–Марьина Горка городскому голове написали жители г. Игумена. Они жаловались, что только железная дорога «<...> спасет наш бедный город Игумен, который лишен функциональных путей сообщения: за исключением разбитой проселочной дороги здесь нет ни судходной реки, ни железной дороги» [6, л. 68 об.]. Игумен расположен от ст. Марьина Горка Либаво-Роменской железной дороги на расстоянии в 39 в., от губернского города Минска – в 62 в., г. Бобруйска – 105 в., г. Борисова – 70 в. и ст. Витгенштейн Московско-Брестской железной дороги – 50 верст. Доставка в город и вывоз товаров по грунтовым дорогам и трактам затруднительны. Размеры денежных оборотов от продажи этих товаров доходят до 100000 руб. в

месяц. Благодаря железной дороге город, обладающий хорошим сообщением, смог бы довести эти обороты до 500 тысяч рублей в месяц [6, л. 70].

Игуменский уездный предводитель дворянства В.В. Столяров 27 января 1898 г. уведомил Игуменскую городскую думу, что согласен уступить безвозмездно под полотно планируемой железной дороги из имения Гануты нужное количество земли и лес, который будет находиться в полосе отчуждения [6, л. 75 об.]. Помещик из села Мандрово также выразил желание бесплатно уступить землю под полотно железной дороги, которая пройдет через его имение Ивановск. Если в ближайшее время будет подготовлен проект постройки железной дороги Игумен–Марьино Горка, план реализации строительного капитала и выяснится, кто будет осуществлять постройку (акционерное общество или частный предприниматель), то обозначенные заинтересованные лица согласны оказать денежную помощь [6, л. 76 об.]. Компенсировать затраты, понесенные в ходе постройки железной дороги, Столяров и его компаньон рассчи-

тывали из будущего дохода от ее эксплуатации. Оптимистичные прогнозные показатели коммерческой деятельности линии Игумен–Марьино Горка основывались на положительных финансовых результатах эксплуатации при аналогичных условиях железной дороги от ст. Осиповичи Либаво-Роменской железной дороги до Старых дорог [6, л. 78]. Более полные сведения об имущественно-правовых отношениях, возникавших при постройке новой железнодорожной линии, и их регулировании можно получить из составленной автором таблицы 2 [6, л. 80–84 об.].

В 1913 г. житель поселка, расположенного возле станции Пуховичи, Абрам Нисневич направил в Игуменскую городскую думу и Игуменскому уездному предводителю дворянства проект о проведении железнодорожной ветви, соединяющей город Игумен со станцией Пуховичи [6, л. 3]. 24 января 1913 г. названные инстанции г. Игумена обсудили предложение о постройке железной дороги, но до практической реализации дело не дошло.

Таблица 2

Владельцы земли, отчуждаемой под линию железной дороги

№	Название угодий	Владелец	Содействие при постройке железной дороги
1	имение Рудни	помещик Оссовский	безвозмездная уступка земли, предоставление древесины на 1000 руб.
2	имение между Марьиной Горкой и м. Березино	помещик Филиппов	безвозмездная уступка земли, финансовое участие в отчуждении крестьянских земель, предоставление шпал и телеграфных столбов. Поддержка проекта в официальных инстанциях Санкт-Петербурга
3	деревня Иваничи	крестьянский надел	
4	имение Новые Уволоки	помещик Корженевский	
5	деревня Избище	крестьянский надел	
6	имение Турин	помещик Юдко	
7	на старой дороге		
8	село Турин	крестьянский надел	
9	Туринская церковь	причт	
10	деревня Цешково	крестьянский надел	
11	имение Цешково	помещица Хмелевская	

12	имение Блонь	помещик Осмоловский	Бонч-
13	Блоньская церковь	причт	
14	деревня Заречье	Чересполосное владение крестьян и др. владельцев	
	Всего: 421 десятина	усадебная и пахотная зем- ля, сенокосы, выгоны	

Закключение. Безусловно, далеко не всегда предпринимаемые шаги могли обеспечить результат, так как окончательное слово принадлежало правительственным структурам или правлениям частных железнодорожных обществ. Тем не менее, жители городов в лице своих полномочных представителей (гласных) получили возможность бороться за повышение благосостояния своих населенных пунктов, где железным дорогам по праву отводилась определяющая роль.

Литература

1. Дело по представлению Невельского городского головы о проводе железной дороги через г. Невель (если будет утвержден проект соединения рельсовым путем г. Витебска) с г. Великие Луки // Национальный исторический архив Беларуси (далее: НИАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 38698. – 5 л.
2. Об изыскании места в городе Витебске для постройки станции Оршанско-Витебской железной дороги // НИАБ. – Фонд 2506. – Оп. 1. – Д. 23. – 20 л.
3. Заседание Витебской городской думы. Заседание 12 марта 1908 года // НИАБ. – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 4123. – 14 об. л.
4. Протокол заседаний Пинской городской Думы, заседание 11 августа 1883 г. Прошения жителей города // НИАБ. – Фонд 712. – Оп. 1. – Д. 22.
5. Дело Минской городской управы по ходатайству наследника Адама Смольского Ибрагима Смольского об уменьшении размера городских повинностей за отошедшее из их владения земли под полотно Ландварово-Роменской железной дороги // НИАБ. – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 86.
6. Дело о строительстве железной дороги от г. Игумна до станции Марьина Горка Либаво-Роменской железной дороги // НИАБ. – Фонд 327. – Оп. 1. – Д. 21. – 89 л.

Поступила в редакцию 15.05.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 111.8

Начала генезиса значений

Демидов А.Б.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Излагаются основы теории значений, которую разрабатывает автор. Теоретический базис включает идеализированные понятия побуждений и представлений. Исходным пунктом генезиса всевозможных значений, которые придаются представлениям, являются изменения самочувствия деятельного существа по оси «хуже-лучше». Эти изменения – самое первое, чему индивид должен придать значение. Стремление от худшего к лучшему побуждает индивида искать и создавать соответствующие средства, которые становятся значимыми. Различаются два способа придания значений: по самочувствию и по смыслу. Теория значений образует основу для практически значимой теории оценивания. Философия ценностей до настоящего времени не смогла дать удовлетворительных ответов об онтологическом статусе ценностей и конкретизировать само понятие ценностей. Предлагаемая концептуальная разработка является альтернативой известным теориям ценностей.

Ключевые слова: значение, ценность, смысл, аксиология, представление, побуждение, самочувствие.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 82–104)

Beginnings of the Genesis of Values

Demidov A.B.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masharov”, Vitebsk*

Basics of the theory of values which is developed by the author are stated. The theoretical basis includes idealized concepts of promptings and representations. Starting point of genesis of every possible value, which is attached to representations, is changes of self-perception of active beings on the axis of “worse–better”. These changes are the very first thing to which the individual should attach significance. The aspiration from the worst to the best induces the individual to search and create corresponding means which become significant. There are two ways of giving values: according to self-perception and according to sense. The theory of values forms the basis for practically important theory of estimation. The philosophy of values could not give till now satisfactory answers about the ontological status of values and concretize the concept of values. The offered conceptual work is alternative to known theories of values.

Key words: meaning, value, sense, axiology, representation, prompting, self-perception.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 82–104)

Теоретические построения в современных социально-гуманитарных науках нередко апеллируют к понятию о «ценностях». Это понятие используют для понимания и интерпретации мотивов социальных действий людей, для осмыс-

ления направленности социально-исторических процессов, для обоснования методологии культурологических и исторических исследований. Среди философских дисциплин особенно тяготеют к опоре на понятие «ценностей» социальная

философия, этика, эстетика, а философия ценностей, или аксиология, сделала это понятие основным предметом своих исследований. Вместе с тем, остаются без удовлетворительного ответа прямые и откровенные вопросы о том, что такое «ценности», существуют ли они и, если да, то как. Типичные попытки ответа имеют примерно такой вид: ценности – это значимости; это то, что должно признаваться всеми, даже если в некоторые моменты их не признает никто. Одна из самых авторитетных попыток охарактеризовать ценности принадлежит Г. Риккерт: «Ценности не представляют собой действительности, ни физической, ни психической. Сущность их состоит в их значимости, а не в их фактичности» [1, с. 94].

Нельзя сказать, что такие толкования делают понятие ценностей вполне понятным. Некоторую конкретизацию вносит разве что слово «значимость» или «значение», используемое для характеристики сути «ценностей». Естественно, далее должен подниматься вопрос о том, что такое «значимость» или «значение». Но и с этим понятием слишком много неясностей.

Цель настоящего исследования – попытаться более внятно, чем это делалось прежде, ответить на вопрос, что значит «значить».

Материал и методы. Материалом исследования служат понятия философии ценностей и эмпирические данные специальных наук. Используются методы диалектической логики, трансцендентальной аналитики, феноменологии.

Результаты и их обсуждение. Есть основания полагать, что собственная психическая активность (в отличие от пассивной восприимчивости) возникает у человеческой особи еще в пренатальной стадии существования. Вместе с тем особь начинает придавать значения некоторым событиям. Нет никаких способов посмотреть или подслушать начальные чувства и мысли особи или получить вербальные свидетельства у нее самой. Процесс начальной активации психики может быть только умопостижимым, не наблюдаемым, тем не менее, суждения о

нем не должны быть произвольными гаданиями, а должны коррелировать с установленными фактами наблюдаемой активности плода.

1. Общий обзор генезиса значений. В публикациях СМИ, рассчитанных на массовую аудиторию, особенно будущих мам и пап и потенциальных клиентов абортариев, нередко приписывают вынашиваемому плоду удивительные способности чувствовать и слышать все, что происходит, чуть ли не размышлять о бренности бытия и судить о не всегда благочестивых помыслах матери и окружающих людей. Подобные домыслы не согласуются с неплохо изученным поведением новорожденного, который в первое время безучастен почти ко всему, кроме своего страдания от недостатка питания и комфорта. В таком случае было бы странно предполагать, будто плод уже умел быть внимательным и понятливым к внешним событиям, тогда как более взрослый и развитый новорожденный почему-то не проявляет этих способностей.

1.1. Пренатальная стадия психики. Не следует приписывать ребенку, младенцу, новорожденному, а тем более плоду или эмбриону, все те психические и мыслительные способности, которые находят в себе взрослые люди. Да и взрослые обладают ментальными способностями в разной мере. Мы полагаем, что способность особи придавать чему-то значения не дана ей от рождения или зачатия, а вырабатывается ею самой при определенных обстоятельствах.

Известно, что формирование элементов нервной системы человеческого эмбриона начинается на 14–15-й день после овуляции. На 22-й день, когда длина эмбриона достигает 3 мм, начинает формироваться нервная трубка. Между 21-м и 32-м днем происходит органогенез глаз и уха. В нервной трубке можно различить полушария головного мозга и мозжечка. Формируются нервы от двигательных областей спинного мозга и спинных ганглиев. На 40–42-й день в области глаза начинается дифференцировка нервного слоя на различные ряды

клеток, развиваются структуры внутреннего уха, а длина эмбриона достигает 22 мм. К этому периоду относится начало двигательной активности человеческого эмбриона. Конец 8-й недели внутриутробного развития, когда длина человеческого эмбриона достигает 40 мм, масса – 0,5 г, принято считать окончанием эмбрионального и началом плодного периода. На 10-й неделе наблюдается рефлекторное движение губ, рефлекс сосания. На 12-й неделе, когда плод достигает 87 мм в длину и весит около 45 г, появляются дыхательные движения, а также рефлекторные движения пальцев в ответ на прикосновение. Специалисты высказывают мнение, что плод человека начинает чувствовать в возрасте 18–25 недель, однако нет доказательств, что до 30-й недели плод способен перерабатывать полученные ощущения. Имеются противоречивые данные о том, когда появляются болевые ощущения. Некоторые допускают, что у 6–8-недельного эмбриона проявляется способность реагировать на раздражение или причиняемую боль. Однако по другим данным и интерпретациям, чтобы плод испытывал ощущения необходимо сознание, которое, в свою очередь, опирается на связи между таламусом и корой головного мозга, а они появляются только на 23-й неделе после овуляции и еще не сформированы до 30-й недели [2].

Изучение органогенеза эмбриона и плода само по себе ничего не говорит о его психических способностях и активности. Когда к этим данным прибавляются данные наблюдений за поведением, можно более обоснованно судить о психической активности особи. Но и в этом случае психическая активность сама по себе не дана как факт, а лишь предполагается, допускается исследователями по аналогии с самими собой. Иного пути к пониманию психической жизни эмбриона и плода у нас нет.

Вопрос о том, когда человеческая особь (в стадии эмбриона, плода, новорожденного, младенца) начинает что-то чувствовать и сознавать, вызывает оживленные дискуссии. Этот вопрос

имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно заострившееся в связи с проблемой допустимости аборт. Суть проблемы в том, является ли аборт убийством человека (со всеми вытекающими юридическими последствиями), и с какого момента эмбрион или плод должен считаться человеком, имеющим право на жизнь, и чья жизнь защищена законом. Об актуальности проблемы свидетельствует тот факт, что спорят не только психологи, философы, медики, юристы, священнослужители, но и далекие от науки и законотворчества люди, потенциальные мамы и папы, непосредственно причастные и ответственные за принимаемые решения – это легко обнаружить на форумах в интернете. В дискуссиях используются многочисленные эмпирические данные о способностях и динамике развития человеческого эмбриона и плода. Чем больше приводится эмпирических данных, тем яснее становится, что сами по себе они не могут привести к общепризнанному решению проблемы, ключевую роль играют не эмпирические данные, а их интерпретации.

Для разработки концепции генезиса значений нужно выделить момент в существовании живого существа, когда этот индивид впервые придает чему-то значение. Говоря о «живом существе», которое придает значения, мы имеем в виду, прежде всего, конечно, человека потому, что только представители нашего вида прогрессируют в своей способности придавать значения разнообразнейшим предметам настолько далеко (в потенции – до бесконечности), насколько не способно развиваться ни одно другое существо известных нам видов. Поэтому развитие способности придавать значения именно у человека является шкалой, меркой для оценки способностей существ других видов. Ведь качества более развитого существа не могут быть измерены шкалой менее развитого существа, не содержащей в себе тех градаций, которые присущи более развитому существу. Тем не менее, говоря «живое существо» без указания вида этого существа,

мы подразумеваем, что вблизи начальной точки развития способностей придавать значения человеческая особь по своим способностям существенно не отличается от представителей множества других видов живых существ.

Нужно понять, как и при каких факторах начинается придание значений. Важно выделить именно первичные акты придания значений, потому что они имеют простейшую структуру, не осложненную переплетением необозримого множества факторов и связей, какая свойственна взрослому, многоопытному человеку.

Но действительно ли может быть такое состояние, когда человек способен чувствовать, не придавая ничему значения? Об этом невозможно спросить у младенца, новорожденного, а тем более у плода или эмбриона. И данные наблюдений «извне» – лишь косвенные свидетельства, которые можно интерпретировать по-разному. И все же у каждого взрослого человека есть опыт таких состояний, когда он способен чувствовать, не придавая ничему значения: его взору, слуху, осязанию, обонянию «открыты» какие-то формы, движения, цвета, звуки, запахи, но он не «внимает» им или их, не уделяет им внимания, безучастен к ним. И свое собственное состояние может быть не хорошим и не плохим, не удовольствием и не страданием, а безразличием, безмятежностью, апатией. Так бывает, например, в состоянии отрешенности, глубокой задумчивости, или в период перехода от сна к бодрствованию, когда у человека зрение и слух уже «открыты», но он еще «ничего не соображает», «не пришел в себя». Подобные состояния знакомы и тем, кто медитирует по методике йогов, достигает нирваны, т.е. намеренно вводит себя в состояние, когда он способен и думать, и чувствовать, но перестает придавать значение чему бы то ни было, т.е. прекращает деятельность по приданию значений.

1.2. *Придание значения изменению самочувствия.* Мы полагаем, что первый чувственный опыт, которому особь придает значение, состоит в различении из-

менений в собственном самочувствии. Самочувствие подвержено изменениям: оно может становиться хуже или лучше.

Трансцендентальный анализ понятия «придания значений» указывает, что простейшей, абстрактнейшей формой «придания значений» является акт не равнодушия, безразличия к чему-либо. Какие-то более конкретные и содержательные значения могут быть приданы чему-либо лишь при условии, что нечто принято во внимание, сделано предметом внимания. Безразличие, равнодушие к некоему предмету – свойство не самого предмета, а живого существа, которое почему-то обратило на него внимание.

Всякий раз, когда субъект становится безразличным к чему-либо, для этого находится мотив, основание, причина. Калан безразличен к камушку, который он таскает с собой, потому что им можно разбить раковину; он безразличен к раковине, потому что в ней скрывается моллюск; он безразличен к моллюску, потому что тот съедобен; калан безразличен к съедобным вещам, потому что в зависимости от того, поест он или нет, улучшается или ухудшается его самочувствие. На этом для калана завершается причинно-следственная, мотивационная цепочка: улучшение или ухудшение его самочувствия – «конечная причина» для того, чтобы он был безразличен к камушку и таскал его с собой под мышкой. Калан ничего не знает о процессах пищеварения, ассимиляции и диссимиляции, метаболизма, гомеостаза и т.п. – о тех процессах, ссылаясь на которые человек-ученый объяснял бы, почему у калана периодически улучшается или ухудшается самочувствие и почему периодически он чувствует голод. Но самому калану, как и любому другому способному чувствовать живому существу, нет нужды что-либо «знать» об этих процессах. Нет нужды предполагать, что калан имеет врожденное «знание» о значении камней или «инстинктивную» склонность к пользованию камнями. Вполне достаточно предположить, что калан чувствует изменения своего само-

чувствия, из-за чего он ищет и находит способы и средства для изменения своего самочувствия в лучшую сторону, становясь сначала безразличным к попадающимся вещам, а затем придавая особые значения тем вещам, благодаря которым удалось изменить свое самочувствие в лучшую сторону.

В изменении самочувствия особи нас, по всей видимости, больше должно интересовать изменение в сторону ухудшения, а не улучшения. Улучшение самочувствия особи скорее всего влечет покой, умиротворение или бесцельную активность просто от «избытка сил». Другое дело – ухудшение самочувствия. Оно может иметь количественные градации. При небольшом ухудшении наступает некоторое смутное и безотчетное беспокойство, которое нарастает при дальнейшем ухудшении, возбуждает хаотическую подвижность особи, а по достижении какого-то критического уровня беспокойство становится ужасом, хаотическая подвижность превращается в неудержимые панические метания, как, например, при ожоге или удушье. Возможно, что особь, не «зная» о способах и средствах избавления от страдания, все-таки посредством хаотической подвижности случайно, непреднамеренно достигнет какого-то избавления от страдания. По-видимому, эволюция живой природы выработала такой механизм хаотической подвижности организма в неблагоприятной ситуации, включающийся бессознательно и безотчетно, и человек от рождения снабжен им, как и другие живые существа.

1.3. *Придание значений времени, пространству, предметам.* Живой организм – открытая система, постоянно осуществляющая обмен веществ с окружающей средой и поддерживающая относительное динамическое постоянство внутренней среды (гомеостаз). В ходе метаболизма происходят колебания физических и химических параметров внутренней среды, которые не должны выходить за некоторые пределы. У высших животных и человека существенные или критические изменения параметров внутренней среды

сказываются на изменениях самочувствия особи.

Изменение самочувствия имеет длительность, совершается во времени. Допустим, в данный момент самочувствие особи «нейтральное», безразличное, умиротворенное. Затем появляется и нарастает какое-то неопределенное чувство угнетенности, вся определенность которого состоит в том, что особи становится хуже. Особь томится и ожидает, чтобы наступившего ухудшения не стало, чтобы вернулось состояние, которое было раньше. Все это дает особи представление о времени: во-первых, воспоминание и сравнение моментов «было лучше» и «стало хуже», во-вторых, ожидание изменения в лучшую сторону, в-третьих, длительность, тягучесть или скоротечность этого ожидания. Особь начинает придавать значение длительности и последовательности изменений самочувствия. Так представление о времени, которое И. Кант охарактеризовал как априорное, должно стать значимым для особи уже на ранней стадии психического развития. Кант не утверждал, как некоторые полагают, будто априорные представления, чувственные или рассудочные, являются «врожденными», но считал, что они вырабатываются самим субъектом. Чувственные априоры, время и пространство, по Канту, не даны в чувственном восприятии, не добываются путем «внешнего» опыта, но, напротив, являются его условиями, предпосылками, т.е. уже должны наличествовать у субъекта, чтобы «внешний» чувственный опыт был возможен.

Исходя из имеющихся данных, можно с уверенностью полагать, что человеческая особь уже в пренатальной стадии развития способна придавать значения некоторым событиям. Те феномены, которым придается значение на первых порах, имеют временной, но не имеют пространственного характера. Видимо, представление о пространстве должно возникнуть у особи позже, чем представление о времени.

Плод способен реагировать на изменения вкуса и запаха околоплодной

жидкости, на прикосновения или толчки на изменения освещенности и на звуки, но то, чему он придает значение, не имеет для него вида определенной вещи. Он придает значение изменениям своего самочувствия, происходящим под влиянием указанных воздействий, а не как-им-то вещам как источникам этих воздействий. Первые самочувствия плода не должны быть связаны с представлениями о пространственных формах вещей и отношений, но только с темпоральными формами.

Изменение самочувствия в худшую или лучшую сторону важно (значимо) само по себе, без его соотнесения с чем-то иным значимым, его значение не обусловливается значимостью чего-то иного. Сказанное не означает «абсолютной ценности» для особи ее собственного самочувствия. В ходе дальнейшего развития особь может приобрести способность пренебрегать собственным самочувствием ради того, чему она станет придавать более важное значение.

По-видимому, на первых порах особь, испытывая некритические ухудшения самочувствия, не совершает собственных действий для его улучшения, а ждет. Способность действовать еще должна быть выработана, освоена, понята. Возможность действовать ограничена, стеснена околоплодной средой. Плод все же имеет возможность сменить позу, подвигаться. Движения плода сначала хаотичны и непреднамеренны, обусловлены чувствуемым неудобством, томлением. Но когда оказывается, что в результате непреднамеренных движений наступает какое-то улучшение самочувствия, особь начинает придавать значение своей способности к движениям, начинает хотеть их, пробует двигаться, сверяя свои пробы с изменениями своего самочувствия.

Появление особи на свет сопровождается резким ухудшением самочувствия. Прежде всего, страдание от удушья, которое разрешается благодаря первому крику. Следующие факторы, ухудшающие самочувствие, холод и голод. Новорожденный покинул лоно, в котором поддерживалась постоянная комфортная

температура, и остался без питания через пуповину. Страдание возбуждает конвульсивные, непреднамеренные сокращения мышц, проявляющиеся в крике и хаотической подвижности новорожденного. Улучшение его самочувствия и, соответственно, успокоение достигается благодаря заботе взрослых. Новорожденный должен быть укрыт от холода и согрет. Вместо питания, поступавшего «самотеком» через пуповину, теперь начинается преднамеренная деятельность по кормлению. Полагают, что новорожденному и даже еще плоду от природы присущ «сосательный рефлекс», т.е. непреднамеренное, автоматическое действие, совершаемое без того, чтобы младенец сам придавал ему значение и стремился его совершить. Тем не менее, в короткое время новорожденный должен придать ему значение, ожидать его и стремиться к нему, поскольку сосание груди ассоциируется с насыщением и улучшением самочувствия. Также и крик новорожденного из непроизвольного через некоторое время становится произвольным действием для привлечения внимания к себе.

Если представления о времени начинают формироваться у особи в связи с ожиданием изменений в самочувствии, то представления о пространстве начинают формироваться в связи с собственной деятельностью особи ради улучшения своего самочувствия. Сначала вырабатываются представления о направлении и дальности. Накоплены эмпирические данные о том, как в течение первых дней и недель постнатального существования новорожденный не сразу приобретает способность фиксировать взгляд на каком-то предмете, поворачивать голову по направлению к источнику звука. Появляется стремление дотянуться до предмета. Представление о дальности связано с двигательными усилиями, затрачиваемыми на достижение цели. При этом придается значение и времени, требующемуся на достижение цели, времени ожидания.

Что же происходит в процессе выработки временных и пространственных

представлений? Особь не создает время и пространство в своем сознании, но постепенно начинает придавать значение тому (и вырабатывать представления о том), с чем объективно приходится иметь дело. А именно, особь придает значение тому, что для достижения цели нужно преодолеть некоторое расстояние в определенном направлении, потратив на это некоторое время и силы и терпя некоторое ухудшение самочувствия ради достижения цели.

Кажется парадоксальным и трудным для понимания то, что особь на ранних стадиях психического развития видит и не видит, слышит и не слышит, осязает и не осязает. Эта парадоксальность и трудность устраняются, когда мы допускаем, что младенец уже имеет множество элементарных ощущений, зрительных, слуховых, осязательных и т.д., но еще не придает им значения, не делает их предметами внимания. Соответственно, он не «видит» и того, что более или менее развитым людям представляется отдельными «вещами» с множествами присущих им свойств. Взрослые видят отдельные вещи, а не гомогенный континуум. Однако у новорожденного и младенца, видимо, дело обстоит наоборот: целостный образ вещи должен сначала сформироваться, стянуться в единство из множества уже данных в элементарных ощущениях ее свойств.

Питание новорожденного связано с такими «вещами», как грудь, соска, человек; тепло связано с пеленками и одеждами, с прикосновением к человеческому телу (матери или кормилицы). Они должны стать значимыми для малыша. Нет оснований предполагать, что новорожденный имеет какое-то представление о «причинности», т.е. рассматривает человека как причину улучшения самочувствия, но здесь бессознательно действует «умозаключение» вида *post hoc ergo propter hoc*.

1.4. *Придание значения общению.* Далее должно развиваться умение новорожденного видеть разницу между людьми. Не все люди и не в равной мере доставляют новорожденному улучшение самочувствия. Обычно новорожденный

особое значение придает своей матери. Тем более, что ее голос, вероятно, уже знаком новорожденному по его дородовому существованию, хотя тогда голос матери доносился и воспринимался несколько иначе.

Новорожденный почти не имеет способностей для того, чтобы своими силами улучшать свое самочувствие. Однако довольно скоро он находит первое средство, позволяющее влиять на ситуацию, — крик. Поначалу непроизвольному своему крику новорожденный начинает придавать значение, поскольку замечает, что в связи с криком скорее появляются люди, с которыми связано улучшение его самочувствия. Крики новорожденного начинают выполнять сигнальную и знаковую функции, в них появляются особые интонации и модуляции, различаемые матерью и близкими людьми. Когда новорожденный придает значение своему крику, а также другим «средствам коммуникации», которые получили у специалистов по детской психологии название «комплекса оживления», он выходит на качественно новый уровень придания значений. В действиях малыша появляется опосредованность. Он придает значение средствам воздействия на те «вещи» (на других людей), которые обеспечивают ему улучшение телесного состояния, благодаря чему улучшается самочувствие.

У младенца появляется «досуг», время, когда он бодрствует, не испытывая нужды в утолении физиологических потребностей. Незанятое время бодрствования действует томительно, ухудшает самочувствие. Для улучшения самочувствия требуется какое-то занятие, причем не связанное с удовлетворением физиологических потребностей, поскольку они уже удовлетворены. Томительную пустоту бодрствования должна заполнить игровая активность. У младенца появляется шевеление конечностями, игра с предметами, игра со звуками, гуление, лепет, псевдо-слова («мама» и т.п.). Это всего лишь отдельные звуки, не являющиеся частью языковой системы, значит, не являющиеся и словами, хотя

они производят на окружающих определенное действие, и поэтому ребенок придает им значение сначала как игровым вещам, потом и как средствам воздействия на людей.

Предметно-опосредованная деятельность должна предшествовать у ребенка освоению речи и языка. Ребенок должен придать вещи некоторое значение прежде, чем обозначать эту вещь каким-то знаком, жестовым или словоподобным, голосовым знаком. Значение, приданное вещи, пристанет также и к обозначающему ее знаку. Хотя значение вещи и значение ее знака не тождественны; знак, в отличие от обозначаемой им вещи, имеет иное назначение: коммуникативное влияние на других людей (возможно также – на животных, растения и неживые вещи, как это имеет место при анимизме).

Значением знака, в том числе слова, является не сам обозначаемый им предмет, а приданное ему значение. К тому же слово имеет не только значение, но и смысл, состоящий в его соотношении с другими словами и всей языковой системой в целом, в его роли, функции, выполняемой в системе, среди других знаков. Вообще смысл чего-либо – это системная функция, роль (кого-то или чего-то) по отношению к другим и системе в целом. Одни и те же вещи, слова, люди приобретают в разных «контекстах» разные смыслы.

Когда ребенок в какой-то мере овладевает речью, речевая коммуникация играет важнейшую роль в дальнейшем придании значений чему-либо. Посредством речи ребенку сообщается выработанный другими людьми опыт придания значений вещам, отношениям, символам, знакам. Посредством речевой коммуникации индивид научается придавать значение тому, что далеко выходит за пределы его индивидуального опыта.

Индивид становится общественным существом, «субъектом социальных действий». Под обществом мы понимаем систему взаимного обеспечения людей. Ребенок уже до рождения включен в систему общественных отношений, т.е. в

систему взаимного обеспечения людей, но сначала в качестве объекта, а не субъекта общественных отношений. Младенец, ребенок уже живет в обществе, еще не придавая значения, не замечая множества вещей или отношений, которые важны для взрослых как субъектов общественных отношений.

2. Абстракция значимого вообще. В подавляющем большинстве лингвистических, психологических, логических, философских словарей понятие значения истолковывается лишь в связи со знаками, в качестве свойства знаков. Обычно утверждают, что значением знака является его денотат (обозначаемый им предмет или класс предметов) или сигнификат (понятийное содержание знака). Упоминают также коннотат как эмоциональную (эмотивную) и прагматическую добавку к основному значению. Как редкое исключение «Логический словарь-справочник» Н.И. Кондакова толкует это понятие применительно не только к знакам, но к неопределенному множеству объектов: значение – «то, чем данный объект является для людей» [3, с. 185]; правда, и у этого автора нет дальнейшей конкретизации содержания понятия.

В обычной, не научной речи под словом «значение» подразумевается существование, важность чего-то, степень этой важности, ее положительность или отрицательность. Это обычное значение слова «значение» богаче научного. Скорее оно представляет тот феномен, который нас интересует постольку, поскольку мы стремимся понять «значимость ценностей», о которых Риккерт не очень внятно заметил: «Насчет ценностей, рассматриваемых для себя, не нужно спрашивать, действительны ли они, но только *значат* ли они» [4, с. 21].

2.1. Общий термин для именованного значимого. Значения суть всегда значения чего-то. Необозримо многообразие того, что может иметь для нас значение, это и погода, и числовые уравнения, и дурное сновидение, и абстракция трансцендентального единства апперцепции, и комариный писк, и даже «ничто», по

отношению к которому, как заметил М. Хайдеггер, люди способны испытывать ужас.

Для использования в теоретическом исследовании нужен обобщающий термин, пригодный к обозначению всякого того, что может иметь значение. Имеется ряд таких слов, как «вещь», «объект», «явление», «феномен», «предмет», с довольно абстрактным содержанием и широким объемом, которые близки к тому, что требуется, но они все же не выдерживают проверки на пригодность. Предпочтение перед ними, пожалуй, следует отдать слову «представление».

Слово «вещь» не подходит потому, во-первых, что значения могут придаваться не только чему-то вещественному, но и невещественному, например, равенству, математическому или социальному, не являющемуся вещью. Во-вторых, мы придаем значения непосредственно представлениям о вещах, а не самим вещам. Разумеется, значения придаются также и самим вещам, но не иначе как через посредство представлений о них.

У слова «объект» имеются некоторые преимущества перед словом «вещь», но есть и недостатки. Объектом (внимания, обсуждения, исследования) может выступать как нечто вещественное, так и невещественное, например, психика, закон, стоимость товара. В данном отношении объем понятия «объект» шире, чем объем понятия «вещь», и в этом можно усмотреть его преимущество. Однако нельзя забывать о том, что объект и наши представления о нем – не (всегда) одно и то же. Мы усматриваем некие значения в зависимости от того, каким нам представляется объект, а представляться он может по-разному; соответственно, и значения ему будут придаваться разные. Это значит, что те или иные значения мы относим непосредственно не к объекту, а к нашим представлениям о нем. Это во-первых. Во-вторых, далее мы попытаемся рассмотреть, как нечто поначалу незначимое для нас становится значимым, т.е. рассмотреть генезис значений, чтобы уяснить их «природу». Но слово «объект» именует то, чему уже

придано значение. Ведь «объектом» принято называть то, на что направлена деятельность субъекта, что уже выделено им, на что уже обращено внимание. По определению, без внимания (посредством субъективного акта) нет объекта. Нам же для исследования генезиса значений требуется нечто имеющееся в нашем представлении, но так, что мы еще не обращали на него никакого внимания, т.е. в полном соответствии с обыденным словоупотреблением – «не придавали ему никакого значения». Таковым может быть «незначительное представление». Как оно возможно – будет показано далее.

По сходным соображениям не годится для нашего исследования и слово «предмет». Оно предоставляет больше возможностей для оперирования им, чем слова «вещь» и «объект», поскольку не подразумевает непременно наличия «вещности» и «объективности». Согласно толкованию В.И. Даля, предмет – «все, что представляется чувствам: *предмет вещественный*, или уму и воображенью: *предмет умственный*» [5, с. 351]. Предметом можно называть почти все что угодно, но, в том числе нечто невещественное и вполне субъективное, поскольку таковое становится предметом внимания. И все же слово «предмет» означает то, на что уже обращено внимание и чему тем самым уже придано значение, но не то, в чем еще только может быть усмотрено хоть какое-то значение. В этом отношении оно подобно слову «объект», и его также приходится отклонить как неподходящее для решения наших задач. Поскольку необходимо исследовать генезис значений, сфера нашего рассмотрения должна охватывать как представления, еще не ставшие предметами внимания, т.е. которым еще не придано значений, так и представления, уже ставшие предметами внимания, т.е. которым уже приданы значения. Иначе говоря, нужно проследить становление представлений предметами внимания, т.е. процесс придания значений представлениям.

Остается еще испытать в качестве претендентов на роль требуемого термина слова «явление» и «феномен». На пер-

вый взгляд, возможность использовать их для обозначения того, в чем можно усматривать значения, выглядит привлекательно. Однако слово «явление» содержит в себе нежелательную многозначность. Им могут обозначаться как вещи или события, существующие или происходящие сами по себе помимо наших представлений, так и некие представления, явившиеся нам без непосредственного чувственного восприятия действительных вещей или событий. Для нас же, как уже сказано, важна именно данность в представлении – каким бы способом представление ни возникало. К тому же существует давняя традиция употреблять слово «явление» в паре со словом «сущность», которое означает нечто представленное посредством интеллигибельного постижения как то, что «стоит позади» явлений. Указанная многозначность не устраивала адептов феноменологии, сделавших ставку на слово «феномен», означающее в их терминологии само то, что непосредственно дано усмотрению, так что при таком подходе различие явления и сущности исчезает. М. Хайдеггер ювелирно ограничил понятие феномена, отделив его от видимости и явления и охарактеризовав его как *«само-по-себе-себя-кажущее»* [6, с. 28].

Разумеется, приверженцы феноменологии, как и все теоретики, вправе по своему уточнять содержание и объем понятий, как бы настраивая и заостряя термины, используемые в качестве инструментов теоретического исследования, на обработку определенного умственного материала. Но они слишком увлеклись «закланием в скобки» всего иного, кроме феноменов как таковых, – настолько увлеклись, что у них (особенно у Гуссерля) выработалась привычка забывать о действительности, которая стоит позади феноменов и обуславливает их. Однако не доказано, что некие феномены – «чистые» – могут существовать как *causa sui*, причина себя, существовать в качестве необусловленных чем-то иным, «без предпосылок». «Заклание в скобки» предпосылок, обуславливающих феномены, – это лишь умственная проце-

дура, исследовательский прием, состоящий в абстрагировании от предпосылок феноменов, но не делающий феномены в действительности необусловленными иной действительностью и, таким образом, не являющимися (не репрезентирующими) эту иную действительность. Любой феномен являет (репрезентирует) собою некие иные «сущности» и не может на самом деле перестать быть явлением чего-то иного, того, что не есть он сам. Никто из представителей феноменологии несмотря ни на какие остроумные ухищрения никогда не выделит в чистом виде, как некую квинтэссенцию, «само-по-себе-себя-кажущее» – кажущее только себя и ничего кроме себя.

В нашем исследовании мы не будем использовать слово «феномен» в качестве общего термина для обозначения всего того, чему могут придаваться значения. Ведь тогда пришлось бы постоянно делать оговорки, чтобы это слово не воспринималось в феноменологическом смысле. Мы просто оставим в бездействии это слово вместе с феноменологическим мифом о «непорочном зачатии» феноменов.

Итак, то, чему может (непосредственно) придаваться значение, мы будем называть словом «представление», не забывая, что в представлении представлено нечто иное, возможно, существующее объективно и вещественно, которое так – опосредованно, через представление – становится значимым для деятельного существа.

2.2. Представления как то, чему могут придаваться значения. Философия и наука не могут – во всяком случае «пока» – вполне удовлетворительно объяснить «механизм», благодаря которому у нас возникают и существуют представления, и что такое «я», имеющее какие-то представления. Однако это не мешает пользоваться термином «представление» для исследования того, как мы придаем нашим представлениям какие-то значения.

Наше употребление термина «представление» согласуется с трактовкой И. Канта, который писал: «Родом является *представление* вообще (*repraesentatio*)»

[7, с. 326]. Далее Кант в виде градации перечислил понятия, подчиненные родовому понятию «представление». Это – «представление с сознанием», «ощущение», «познание», подразделяющееся на «созерцание» и «понятие», и указал на идею как «понятие, ...выходящее за пределы возможного опыта». Кант выстроил этот ряд терминов для того, чтобы показать в нем место «идеи», которая, таким образом, является лишь разновидностью среди «всевозможных видов представлений», а потому не следует всякое представление называть «идеей».

Наше употребление термина «представление» согласуется с характеристикой, данной Гегелем: «Представление, т.е. нечто как предмет в сознании, означает, что это содержание есть во мне, что оно *мое*» [8, с. 293].

Итак, «представление» – при логическом соотнесении этого понятия с иными – это род, к которому относится все представляющееся (нам или нами) тем или иным способом. Такое словоупотребление приходится обстоятельно оговаривать хотя бы уже потому, что классическая философская терминология, применимая к области представлений, в последнее столетие-полтора претерпела значительные изменения под влиянием эмпирической или «позитивной» психологии. Во избежание недоразумений нужно условиться о содержании термина «представление». В современных психологических словарях обычно слово «представление» [9, с. 406] противопоставляется слову «восприятие»: обоими словами обозначают психические, чувственные образы, но восприятием называют образы, возникающие при непосредственном воздействии вещей на органы чувств, а представлением – образы, возникающие благодаря припоминанию и воображению. Аналогичные определения даются и в современных философских словарях: представление – «наглядный чувственный образ предметов и ситуаций действительности, данный сознанию, и, в отличие от восприятия, сопровождающийся чувством отсутствия того, что представляется. Различают

представления памяти и воображения» [10, с. 334]. Такие определения по сравнению с теми трактовками, которые встречались в классической философии, резко сужают объем понятия «представление», делая его вместо рода всего лишь разновидностью «чувственного образа». Каким же словом можно было бы обозначать что бы то ни было *представляющее* нам или нами? Такого слова в современном русскоязычном научном лексиконе, сложившемся под влиянием «позитивной» психологии, мы не находим, но оно необходимо для настоящего исследования. В таком случае уместно вернуться к прежнему значению термина «представление», исполнявшего определенную функцию и получившего признание у Канта и Гегеля в исследованиях трансцендентальной сферы.

Употребляемый здесь термин «представление» обозначает любые содержания сознания или психики невзирая на различие способов их происхождения, будь то непосредственное восприятие, или припоминание, или воображение, или понятие, в котором также нечто представлено. Такое словоупотребление не противоречит повседневной языковой практике, позволяющей называть представлением все, что так или иначе представлено нам или нами.

Второе существенное отличие употребляемого здесь термина «представление» от его трактовок в современных русскоязычных психологических и философских словарях состоит в том, что он не сужается лишь до наглядно-чувственного образа. Нечто представленное не обязательно представляется в наглядно-образной, созерцательной форме. Имеются такие представления, у которых нет наглядно-образных форм, таковы «благо», «бытие», «ничто», «справедливость», «число». Не имея наглядно-чувственных форм, они все же представляются нам или нами.

В-третьих, словом «представление» могут обозначаться не только субъективно-психические образования, но и объективные и представленные в вещно-материальной форме природные и соци-

альные отношения. Например, Николай Кузанский в формуле «все – во всем и каждое – в каждом» выразил мысль о том, что в каждой вещи представлены все прочие. К. Маркс в своей трудовой теории стоимости показал, что в стоимости товара представлен общественно необходимый труд для его производства. Открытие восьмой планеты Солнечной системы, Нептуна, состоялось в 1846 г. благодаря тому, что ее присутствие было представлено в возмущениях орбиты седьмой планеты, Урана.

Таким образом, значение термина «представление», используемого в настоящем исследовании, охватывает многие определения, выработанные в истории философии, и не сводится к зауженным трактовкам современных психологических словарей. Общим для многообразных видов представлений является то, что они выступают представителями того, чем они сами не являются: представление о доме является представителем дома, не будучи самим домом; представитель страны представляет страну, не будучи ею; стоимость товара представляет труд, общественно необходимый для его производства, не будучи сама этим трудом. Представление всегда есть «отсвет» (блик, рефлекс) того, что само не есть это представление.

Поскольку речь заходит о представлениях, с одной стороны, и о том, *что* в них представлено (представителями *чего* они являются) – с другой, едва ли можно уклониться от вопроса, каково соотношение между ними. Это вопрос об истинности представлений, который, однако, лежит несколько в стороне от линии движения к непосредственной цели данной статьи и потому откладывается для других публикаций. Здесь можно кратко высказать некоторые соображения против притязаний так называемой «корреспондентной теории истины» и «теории отражения».

От вещей, с которыми деятельному существу приходится иметь дело, у него имеются представительства, называемые в обыденном русском языке «образами». Пока никому не удалось рационально объяснить, как в ходе физического кон-

такта чувствующего тела с иными вещами у этого тела появляются образы вещей и «что такое» эти представления-образы. Однако никто не может отрицать наличия у себя образов (представлений предметов). Сомнению может подвергаться существование подлинных вещей «позади» этих образов, но не наличие образов. Далее высказываются сомнения в том, являются ли эти образы «копиями», «отображениями» или «подобиями» вещей. Доказать, что образы (представления предметов) суть отображения, подобные оригиналам, т.е. самим вещам, принципиально невозможно. Но по сути дела совершенно не важно, имеется ли подобие между вещами и их образами (представлениями). Это только кажется, будто без такого подобия наши представления совершенно не соответствовали бы действительности и, следовательно, все наши «знания» – никакие не знания, а лишь обособленная от реальности игра воображения.

Для деятельного существа в какой-то мере безразлично, как, «каким образом» в его психике представлены вещи. Деятель рано или поздно, приобретая опыт, приравнивается к самим вещам и отношениям – независимо от того, «каким образом» они представлены в его психике. Например, как известно, на сетчатку глаза попадает перевернутое отображение предметов, тем не менее, мы видим реальность не «вверх ногами». К тому же если человеку ради эксперимента надеть на глаза переворачивающую оптику, то через какое-то время он опять-таки перестает воспринимать мир перевернутым. Другой пример – наши манипуляции перед зеркалом (бритье, прихорашивание, нанесение макияжа), которые в силу приобретаемой привычки совершаются верно несмотря на то, что видимое положение вещей зеркально перевернуто.

Разнообразные приборы, создаваемые людьми для получения представлений о вещах и ориентировки своей деятельности по отношению к ним, часто представляют нам вещи не так, как можно было бы воспринимать их естественными органами чувств (если такое воспри-

ятие вообще возможно). Локаторы, например, предоставляют зрению мерцающие точки и линии, но люди тем не менее видят на мониторах локаторов не просто мерцающие точки, а положения и перемещения самолетов, кораблей и косяков рыбы, т.е. изображениям на мониторе люди придают значения соответствующих вещей, несмотря на такой своеобразный способ представительства этих вещей в психике.

Свидетельством того, что деятельные существа способны приравниваться к вещам, представленным в восприятии разными способами, являются новейшие исследования и практические результаты в области протезирования органов чувств, вернее, рецепторов, прежде всего слуха и зрения. К настоящему времени значительные результаты достигнуты в реабилитации или абилитации слуха посредством кохлеарной имплантации. Внутренняя часть кохлеарного имплантата, внедряемая посредством хирургической операции в височно-затылочную часть черепа, представляет собой чип, электроды которого контактируют со слуховым нервом. Этот прибор преобразует звуковые колебания в электрические импульсы, подаваемые на слуховой нерв, и таким образом восполняет неработоспособность волосковых клеток слуховой улитки. Однако способность к слуховому восприятию, ориентации и понимание речи появляется у пациента не в момент включения имплантата, а вырабатывается в течение длительного времени (нескольких месяцев или даже лет). Этот факт указывает на то, что подача сигнала на слуховой нерв не тождественна слушанию как деятельности. Человек или подопытное животное с кохлеарным имплантатом, чтобы слышать, должен научиться придавать значения представлениям, возникающим посредством вживленного устройства, прежде всего – обращать на них внимание, а затем – дифференцировать и интерпретировать.

Кроме кохлеарной имплантации возможно использование фокусированного ультразвука для абилитации слуха [11].

Этот метод, не требующий хирургического вмешательства, также демонстрирует, насколько разнообразны пути и средства, которыми могут образовываться в психике «представительства» вещей.

Сходным образом обстоят дела с реабилитацией или абилитацией зрения посредством «бионического глаза», компенсирующего недостаток рецепторов сетчатки – также посредством чипа, передающего электрические или химические импульсы на зрительный нерв [12]. И в этом случае животное или человек некоторое время осваивается, приравнивается к представлениям, получаемым благодаря имплантату, вживляемому под сетчатку. Имеются сведения о еще более «экзотическом» способе образования зрительных представлений посредством устройства «электрокожного зрения», которое подает электрические сигналы не на зрительный нерв, а на поверхность кожи [13].

Электронные протезы органов чувств пока значительно уступают естественным органам по эффективности, по тонкости дифференцирования оттенков свойств воспринимаемых вещей, хотя быстрый прогресс электронно-информационной техники позволяет рассчитывать в недалеком будущем на то, что бионические заменители органов будут не уступать естественным органам, а превосходить их. Конечно, деятельному существу не безразлично, насколько совершенны и эффективны его органы восприятия (естественные или искусственные), но в любом случае они позволяют деятелю иметь лишь представления о вещах, – иметь у себя их «представителей», никогда не тождественных вещам и все же репрезентирующих вещи и позволяющих деятелю практически сноситься с ними. Практическое достижение или недостижение целей при деятельности с вещами и среди вещей служит деятелю критерием достаточности или недостаточности его представлений о вещах и поводом для придания им значений и их переосмыслений.

2.3. *Представления незначимые и значимые.* На уровне обыденного мышления людям представляется, будто ве-

щи и существа, попадающие в поле восприятия, возбуждают определенные отношения к ним. Кажется, будто эти предметы сами по себе способны вызывать к себе влечение или отвращение, любовь или страх, восхищение или презрение, умиление или тревогу. Вещам примысливают способность детерминировать поведение человека посредством неких сил, физических, магнетических, суггестивных, магических. Кажется, будто банан сам по себе своим видом вызывает желание съесть его, будто вид лимона вызывает интенсивное выделение слюны, а вид змеи сам по себе вызывает испуг и отвращение.

Однако представления вещей в восприятии или воображении сами по себе ни к чему не побуждают деятеля. Сначала деятель должен придать некоторое значение представлениям, чтобы в дальнейшем они как уже значимые представления могли побуждать деятеля к чему-либо. Так, детей в городе специально приучают настораживаться при виде проезжей части улицы, а орангутангов в питомнике люди специально обучают бояться змей. Широко известные эксперименты И.П. Павлова по выработке «условных рефлексов» показали, что свет лампочки или звук звонка при определенных обстоятельствах могут побуждать подопытных к пищевому поведению. Правда, И.П. Павлов давал своим экспериментам физиологическую (по сути механистическую) интерпретацию, рассматривая подопытных как настраиваемые автоматы и не предполагая, что подопытные сами придают значения сигналам, т.е. проявляют спонтанность.

Из обыденного опыта известно, что человек может смотреть не видя, смотреть «отсутствующим взглядом», иметь в поле зрения какие-то предметы не замечая их, не выделяя, не придавая им значения. Аналогично человек может иметь слуховые восприятия, не слушая их, слышать речь, не слушая ее, не воспринимая ее смысла; он может иметь обонятельные восприятия, не замечая их; он может в задумчивости съесть что-нибудь вкусное или невкусное, не испытав удовольствия или отвращения; в пылу битвы он может по-

лучить телесное повреждение, не замечая боли. Эти наблюдения подтверждают, что вещи и их психические представления сами по себе не побуждают человека к определенной деятельности. Не представления предметов, а значения, приданные деятелем этим представлениям, побуждают к деятельности. Вещи и их психические представления сами по себе не имеют значений, пока деятель не придаст им каких-либо значений. Одна и та же вещь может иметь разное значение, например, для ребенка и взрослого. Ребенок способен ради забавы или любопытства испортить какую-нибудь вещь в доме, чрезвычайно ценимую взрослыми, не придавая ей того же значения, что и взрослые. Напротив, ребенок способен обратить пристальное внимание на такие вещи, которые взрослым неинтересны и неприметны.

Если представления о вещах можно в какой-то мере уподоблять «отпечаткам» вещей в сознании (такую трактовку давала «теория отражения», принятая в официальной советской философии), то значения, придаваемые представлениям, никак не являются «отпечатками» предметов. Значения производятся (создаются, порождаются) деятельными существами, а не просто запечатлеваются в их психике как если бы они были результатами воздействия вещей. Недостаток (или вовсе отсутствие) дифференциации представлений и побуждений в философских и психологических теориях не позволял осуществить анализ образования значений и способа существования. Говоря о представлениях, не принимали во внимание, что они значимые представления, а не просто «факты» как результаты беспристрастного отображения действительности и как содержания «атомарных высказываний».

2.4. Придание значений представлениям. Значение не вещь, но отношение деятельного существа к тому, что ему представляется. Наиболее абстрактное, бедное содержанием определение понятия «значение» таково: это – некое отношение деятельного существа к тому, что ему представляется. Но относиться к чему-то – это значит: быть или

стать безразличным к нему. Поэтому в самом общем смысле значение – это безразличие деятельного существа к тому, что ему представляется. Все, что становится предметом внимания, деятельного отношения, оказывается тем самым «нагруженным» значимостью.

Если некто придает тому, что ему представляется, какое-то значение, то в результате соответствующий объект-предмет-вещь не приобретает какого-то дополнительного объективного свойства. Значения придаются не так, как будто к какой-то вещи присоединяется другая вещь или свойство; не так, как табурету можно придать зеленый цвет, покрывая его краской; не так, как пластилину можно придать форму шара. То, что вещи придано в качестве материала или формы, продолжает существование в качестве объективного свойства, независимого от субъекта деятельности, тогда как значение, придаваемое чему-то, имеется и имеет силу постольку, поскольку совершается деятельность по приданию этого значения, поскольку поддерживается, возобновляется, вспоминается это значение. Нет значения без деятельности по приданию и вспоминанию этого значения. Значения – нечто делаемое, создаваемое, не существующее вне «делания», как не существует ходьба вне ее «делания» и независимо от деятеля, осуществляющего ее.

Это деятельное существо, способное придавать чему-то значения и обращаться с этим чем-то соответственно придаваемым значениям, будем для удобства называть деятелем, под которым подразумевается существо, способное не просто действовать, но осуществлять деятельность, действовать намеренно. Некоторые для выражения аналогичного понятия используют латинское слово *actor*, «актор».

Не всякое действие является деятельностью. Так, камень, лежащий на земле, действует на нее своим весом, но при этом он не осуществляет какую-либо деятельность и не является деятелем. Напротив, человек, давящий на землю с намерением уплотнить ее, осуществляет деятельность и проявляет себя как дея-

тельное существо. Камень – тело только действующее, человек – еще и деятельное. Деятельность отличается от просто действия тем, что она опосредована намерением, имеет намерение своим условием и причиной.

Действия являются намеренными, т.е. деятельностью, когда они обусловлены двумя факторами: 1) побуждениями, испытываемыми деятельным существом, и 2) представлениями этого существа об обстоятельствах деятельности. Поэтому можно сформулировать следующие дефиниции. *Деятельность* – это активность существа, которая обусловлена его собственными побуждениями и представлениями. Соответственно, *деятель* – это существо, осуществляющее деятельность, т.е. проявляющее активность, основанную на его собственных побуждениях и представлениях.

В качестве деятелей мы знаем прежде всего самих себя, людей. Деятельными нам представляются также многие живые существа, организмы, относительно которых мы уверены, что они способны, во-первых, испытывать некие побуждения (голод, усталость, боль) и, во-вторых, иметь представления об обстоятельствах деятельности. Пока не ясно, возможны ли кибернетические создания, которые могли бы соответствовать понятию деятеля.

Причины деятельности принадлежат самому деятелю, т.е. никакие внешние воздействия на деятеля как организменную систему, целое не являются сами по себе непосредственно причинами деятельности. Внешние воздействия должны сначала обусловить субъективные переживания деятеля и представления о предметах, чтобы затем деятель сам, исходя из своих собственных побуждений и представлений, а не по причине внешних воздействий как таковых осуществил некоторую деятельность.

Некоторые действия совершаются особым образом: произвольно, автоматически, рефлекторно. Например, веки глаз произвольно смыкаются, моргают, когда к глазам что-то приближается; рука произвольно отдергивается от чего-то

обжигающего или колющего. У новорожденных имеются сосательный и хватательный рефлексы, срабатывающие, по всей видимости, непреднамеренно, непроизвольно. В этих примерах действия совершаются деятелем, они целесообразны, однако в них нет преднамеренности. Итак, даже у существа, несомненно способного к деятельности, не все его действия представляют собой деятельность, несмотря на их видимую целесообразность.

Побуждения и представления деятельного существа, взятые в их единстве, – необходимые и достаточные условия осуществления деятельности. Побуждения без представлений или представления без побуждений могут обуславливать действия, но не деятельность.

С одной стороны, побуждение без связанных с ним представлений не может само по себе обеспечить намеренность действий. Такие побуждения испытываются живыми существами как беспредметная, неопределенная в предметном отношении напряженность. Всем знакомы из собственного опыта переживания беспредметной тревоги, неудовлетворенности. Бывает, например, что человек испытывает смутное беспокойство, и он не сразу догадывается, что он всего лишь «забыл» поесть. Беспокойство само по себе не указывает предметного ориентира и не обуславливает деятельность как намеренно ориентированные действия. Побуждение, не сопряженное с определенным представлением предмета, вызывает только хаотичную подвижность, но не предметно ориентированную деятельность.

С другой стороны, представления без побуждений не могут сами по себе обеспечить намеренных действий, т.е. деятельности. В представлениях как таковых, возникающих благодаря восприятию или воображению, нет какой-то «побуждающей силы». Когда деятельное существо имеет некие представления, они сами по себе ни на чем не настаивают, не зовут и не требуют, чтобы их выделили, заметили, приняли во внимание, придали значение и чтобы по отношению к ним

были совершены некие деяния. Так, поле нашего восприятия всегда содержит великое множество предметов, представленных посредством зрения, слуха, осязания, обоняния, которым мы не придаем особого значения, т.е. имеем представление, не обращая на них внимания, оставаясь безразличными к ним. Однако представления, не сопряженные с побуждениями, все же могут обуславливать действия, которые не являются намеренными и, таким образом, не являются деятельностью. Всевозможные непроизвольные движения, действия, происходящие автоматически, относятся к их числу, например, моргание, при котором некий приближающийся к глазам предмет успевает вызвать представление, за которым следует действие, прежде чем созреет некое намерение.

Итак, резюмируем: опираясь на обычный общеизвестный опыт и его анализ, можно констатировать, что бывают побуждения, не сопряженные с представлениями, и представления, не сопряженные с побуждениями; и те и другие порознь друг от друга могут вызывать действия, но не деятельность. Побуждения и представления – два фактора, необходимые для осуществления и ориентации деятельности, но недостаточные для деятельности, если они не сопрягаются между собой. Действия, не ориентированные побуждениями и представлениями в их единстве, не являются деятельностью. *Намеренность* как атрибут деятельности есть ее ориентированность побуждениями и представлениями в их единстве.

3. Побуждения к деятельности. Представления и побуждения – это две идеализации, которые составляют в развиваемой здесь концепции генезиса значений то, что в методологии науки принято называть термином «теоретический базис». Если экспликация термина «представление» потребовала от нас тщательной проработки, то со вторым термином – «побуждение» – дело обстоит несколько проще, поскольку это слово не представлено в качестве термина в философских и психологических словарях, и поэтому

не требуются особые оговорки насчет его значения, которое будет проясняться по ходу изложения.

3.1. *Побуждения как феномены.* Побуждения мы не находим во внешней действительности как некие вещи, доступные наблюдению, как, впрочем, не находим мы во внешней действительности и психических представлений. Но если представления можно некоторым образом рассматривать как «отпечатки» или «отражения» вещей, то побуждения уж наверно не являются «отпечатками», «отражениями» или «представителями» вещей. Они способны возникать спонтанно, без каких-либо воздействий извне. Мы можем в качестве мысленного эксперимента вообразить себе живое существо, самих себя, например, помещенным в «абсолютную пустоту», чтобы понять, что полное отсутствие вещей ничуть не помешает этому подопытному, испытывать некие побуждения, как удушье, холод, голод и, может быть, *horror vacui* (боязнь пустоты).

Побуждения – это *феномены* в той отчетливой определенности этого термина, какую придал ему М. Хайдеггер. Феномены – то, что кажет себя в себе самом, «себя-само-по-себе-кажущее» [6, с. 31]. Иначе говоря, побуждение как феномен – это такая психическая данность, которая не есть явление («отпечаток», «отражение», «представление») нашему сознанию чего-то другого, какой-то вещи или предмета. Позади феномена – в трактовке Хайдеггера, в отличие от Кантовской трактовки – нет какой-то вещи, которая бы его «аффицировала».

Побуждения как некие психические данности, переживания, характеризуются тем, что они – в отличие от «чистых» (незначимых) представлений предметов – понуждают действовать. В некотором смысле можно было бы сказать, что побуждения – это «причины» деятельности, что деятельность совершается «вследствие» них. Однако такое суждение без оговорок и уточнений было бы упрощением, огрублением сути побуждений.

Если в связи с побуждениями речь идет о причинности, или детерминизме, то это не механическая причинность.

3.2. *Побудительная детерминация.* К настоящему времени сформировались представления о множестве видов детерминации. В классической механике импульс, подействовавший на некое тело, предопределяет следствия этого воздействия, например, в каком направлении и с какой скоростью переместится тело, или какие деформации произойдут в нем, или какие последуют преобразования энергии. Напротив того, побуждение как «причина» не предопределяет, какие действия предпримет деятельное существо, испытывающее его, и даже предпримет ли оно вообще какие-то действия. Так, побуждения, называемые «голодом», «болью» или «половым влечением», могут не повлечь за собой никаких последствий или повлечь маловероятные, неожиданные, непредсказуемые последствия. Человек, испытывающий голод, может поискать что-нибудь пригодное для питания или добыть пищу охотой, или выпросить у кого-то, или отнять, или намеренно воздержаться от питания и довести себя до голодной смерти.

Говоря о деятельном поведении человека и его движущих силах, используют разные трактовки детерминизма. Так, М.Г. Ярошевский изложил последовательность применявшихся и применяемых в психологии разновидностей принципа детерминизма: предметно-механический, механический, биологический, психический, макросоциальный, микросоциальный детерминизм [14]. В суждениях о движущих силах поведения используют также понятия «свобода воли», «свободная причинность», «целевая причинность», выражающие тенденцию к индетерминизму, частичному или полному отрицанию необходимой связи причины и следствия.

Поскольку речь заходит о побуждениях как «движущей силе» деятельности, постольку уместно применение понятия побудительного детерминизма. Его характерные особенности заключаются в

том, что побуждения не причиняют определенных следствий, как в механике, а понуждают к действиям, при этом не предопределены ни цель, ни способ деятельности. Поскольку побуждениями не предопределена даже цель как нужный, требуемый или «должный» предмет, постольку побудительная детерминация не подходит и под понятие телеологии или целевой причинности. Побуждения сами по себе не имплицитно определяют следствий, а понуждают деятельное существо к разрешению переживаемой им напряженности, они «нудят» (обращаем внимание на различие слов «нудить», т.е. принуждать, и «нудить», т.е. нудно говорить).

3.3. Формирование предметной определенности побуждений. Своей нудностью побуждения принуждают деятельное существо к поиску чего-то сначала неопределенного, действия или предмета, способного снять нудное переживание. Первоначальную неопределенность своих побуждений люди выражают примерно такими словами: «Мне чего-то хочется, а чего – не пойму»; или: «Мне как-то не по себе», «Мне что-то нейдет». Побуждение, уже нудящее, но еще не определенное в предметном отношении, должно «встретить» свой предмет, чтобы получить посредством него свою предметную определенность. О таком событии встречи деятельного существа, испытывающего неопределенное побуждение, с неким предметом писал А.Н. Леонтьев: «Предпосылкой всякой деятельности является та или иная потребность. Сама по себе потребность, однако, не может определить конкретную направленность деятельности. Потребность получает свою определенность только в предмете деятельности: она должна как бы найти себя в нем. Поскольку потребность находит в предмете свою определенность (опредмечивается в нем), данный предмет становится мотивом деятельности, тем, что побуждает ее» [15, с. 312]. «Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный. Он отмечался уже Ч. Дарвином, о нем свидетельствуют некоторые данные И.П. Пав-

лова; о нем говорит Д.Н. Узнадзе как об условии возникновения установки, и его блистательное описание дают современные этологи. Этот чрезвычайный акт есть акт опредмечивания потребности – «наполнения» ее содержанием, которое черпается из окружающего мира» [16, с. 88].

Если взять, к примеру, побуждение, которое мы осознаем и определяем как «голод», то для индивида в начальном периоде его существования оно не имеет предметной определенности, не идентифицируется им как потребность съесть нечто съедобное. Сначала это – некое нудное, нудящее переживание, не привязанное в психике деятельного существа ни к каким конкретным представлениям и действиям. Первые события встречи и поглощения пищи имеют для новорожденного существа случайный характер, поскольку получение пищи не представляется как цель, имеющая определенный предметный вид. Соответственно, и нудящее переживание не опознается как «голод», потребность поесть. Только благодаря встречам индивида с предметами, снимающими нудные переживания, индивид начинает придавать определенное значение таким предметам, выделять их среди предметного континуума и впредь он уже заранее будет ожидать от таких предметов, что они избавят от нудных переживаний, поэтому он будет стремиться к таким предметам как определенным целям. В дальнейшем к тому же будет происходить дифференциация нудящих переживаний по мере развития у индивида понимания, что в одних случаях нудные переживания снимаются одними действиями и предметами, а в других – другими. Именно благодаря различию предметов, снимающих нудные переживания, вырабатывается способность различать более или менее отчетливо и разные виды нудящих переживаний, т.е. побуждений.

Правда, из повседневного опыта известно, что нудные переживания, возникающие по разным поводам и потому, казалось бы, должны быть различными,

могут побуждать обращаться к одним и тем же средствам их снятия; например, человек, морально огорченный неурядицами в отношениях с другими людьми, может пытаться снять свое нудное переживание так же, как и голод, – при помощи еды. Особая неразборчивость в средствах снятия нудящих переживаний наблюдается у младенцев и начинающих ходить детей, которые тянут в рот что попало, без различия съедобности и несъедобности. Это явление, пожалуй, объясняется тем, что младенец, уже поняв, что предметы, попадающие в рот, способны приносить удовлетворение, применяет выработанный образ действия к самым разным вещам. Устоявшаяся неразборчивость ребенка к вещам, принимаемым в рот, может обернуться явлением, которое в детской психологии называют «извращенным аппетитом» [17].

3.4. *Два способа придания значений представлениям.* Не всем представлениям придается значение. Но если чему-то значение придается, то это совершается двумя способами, которые различны в основаниях, по которым придают значения. В одних случаях таким основанием является непосредственно самочувствие деятельного существа, в других – функция, роль предмета по отношению к другим предметам, которым уже придано значение.

1) *Придание значений предметам по самочувствию.* Этот способ придания значений заключается в соотношении наших самочувствий с какими-либо предметами, способными, как представляется, влиять на них. Самочувствием здесь называется актуальная, действенная в данный момент, совокупность нудящих переживаний какого-либо существа. Некоторые нудящие переживания нам хочется продлить или прекратить, усилить или ослабить. Но одного лишь хотения повлиять на свои переживания обычно бывает недостаточно, и чтобы действительно повлиять на них, нужны какие-то действия и средства, но какие именно – обычно это выясняется в поиске с пробами и ошибками. Изменения, происходящие в нашем самочувствии,

нередко мы связываем с предметами какого-то вида ошибочно. Дальнейшая практика может подтвердить или опровергнуть предположенную связь. Но в любом случае, когда мы связываем изменения своего самочувствия с действиями и предметами какого-то вида, мы тем самым придаем некоторое значение этим видам действий и предметов.

Слово «самочувствие» в контексте нашей теории звучит несколько необычно. В повседневной речи им пользуются врачи, спрашивая у пациентов о скрытых от объективного наблюдения переживаниях и ощущениях, или родственники и знакомые, совершая при встрече ритуал проявления внимания друг к другу. Поскольку слово «самочувствие», включаясь в теорию, становится термином, нелишни будут некоторые пояснения. Главное, о чем нужно условиться, что понятие «самочувствие» не следует отождествлять с понятием «состояние организма». Состояние организма можно изучать объективными методами, не имея представления о его самочувствии. Что же касается самочувствия, то оно открыто только мне самому, переживается мною. Другие могут всего лишь судить по каким-то признакам о моем самочувствии и даже сочувствовать, но ни в коем случае не переживать непосредственно мое самочувствие. Оно, если воспользоваться выражением М. Хайдеггера, – *Jemeinigkeit*, «всегда-мое» [6, с. 53]. Это во-первых. Во-вторых, многие нудящие переживания связаны с состояниями «меня самого» в целом, а не состояниями только организма, понимаемого как физиологическая или биологическая система. Тракуемый подобным образом «организм» – только абстракция, аспект «меня самого», но не весь «я сам». Мне в моей целостности доступны такие переживания, как удивление, гордость, растерянность, обида, которые уж никак не являются проявлениями органических состояний.

Конечно, для науки вопрос о каузальных связях переживаний с состояниями организма – очень важный вопрос, в котором наука пока мало продвинулась, но для разработки нашей теории он несуществен; нам достаточно лишь констатиро-

вать факт наличия у нас нудящих переживаний, обозначив их совокупность термином «самочувствие» – независимо от разгадки «механизмов» связи между самочувствиями и организменными состояниями.

Исходя из собственного самочувствия, мы можем придавать значения тому, что, предположительно, способно влиять на состояния и изменения нашего самочувствия. Значения, придаваемые чему-либо по нашим самочувствиям, могут диссонировать со значениями, придаваемыми по функциям. Например, попав под дождь и испытав дискомфорт от сырости и холода, мы, скорее всего, придадим ему по своему непосредственному самочувствию значение нежелательного предмета. Однако, понимая положительную роль дождя по отношению к росту растений или прекращению лесных пожаров, мы ввиду этих функций придадим дождю значение желательного события. Или, к примеру, какой-то человек нам может быть чувственно неприятен, антипатичен, однако мы стараемся ужиться с ним ввиду его функциональной значимости.

2) *Придание значений предметам по их функциям.* Этот способ придания значений заключается в понимании функции, которую некий предмет выполняет по отношению к другим предметам или системе. Понимание функции предмета, его роли в каких-то событиях может достигаться «отстраненно», без прямого соотнесения предмета с нашими самочувствиями.

Таким способом мы придаем значения, например, вещам, которыми мы орудуем, осуществляя какие-то свои намерения. Так, основное значение ножа – его функция – состоит в том, чтобы резать или колоть им что-то. Орудия могут использоваться не только по своему основному назначению, но и для выполнения иных функций, подчас необычных и неожиданных: нож может послужить закладкой в книге, а его полированный клинок может быть использован как зеркало. Это показывает, что какое-либо значение не является свойством вещи,

но придается ей, хотя и с учетом ее собственных свойств.

Функциональное значение придается не только вещам, вовлекаемым в орудийную деятельность. Такого рода значение мы приписываем предметам всякий раз, когда усматриваем (возможно, ошибочно) их роль в каком-то событии.

Важная особенность второго способа придания значения предметам (по их функциям) состоит в том, что им придается значение постольку, поскольку нам представляется, что они играют какую-то роль по отношению к тем предметам, которым мы уже придали значение – иначе они были бы нам безразличны и незначимы. К примеру, нам встречаются многие виды жуков, которых мы едва отличаем друг от друга, и не знаем их названий, поскольку они не играют существенной роли в нашем существовании, однако многие знают и отличают колорадских жуков, потому что вред от них для картофелеводства огромен. Таким образом, колорадским жукам придается существенное значение только потому, что они влияют на другой предмет, картофель, которому уже придано значение как важному продукту питания.

Заметим, что придавать значения предметам, понимая их функции по отношению друг к другу без прямого их соотнесения со своими самочувствиями, могут не только люди, но и многие другие живые существа, животные. В наблюдениях этологов зафиксировано множество фактов, когда животные орудуют какими-либо вещами для достижения своих целей, проявляя таким образом свои способности к пониманию функциональных или причинно-следственных отношений между вещами. Такие способности не сводятся к произвольным «врожденным реакциям». Это следует иметь в виду, поскольку нередко животным несправедливо приписывают способность действовать только под влиянием собственных самочувствий или слепых инстинктов и рефлексов без какого-либо понимания функциональных отношений между вещами.

Значительной части вещей, существ, ситуаций, встречающихся в повседневной жизни, уже придано какое-то значение. Люди не столько индивидуально придают значения предметам, сколько усваивают значения от других людей в ходе общения, обучения, обмена мнениями: значения множества предметов хранятся, передаются, воспроизводятся в общественном сознании.

То обстоятельство, что функциональные значения предметам придаются только ввиду их связи с уже значимыми предметами, т.е. опосредованно, требует далее изучить вопрос о том, как впервые придается чему-то значение – без опосредования их уже значимыми предметами. Ведь понятно, что не будь способа непосредственного придания значений (по самочувствию), был бы невозможен и второй способ придания значений предметам по их функциям по отношению к уже значимым предметам.

Конечным основанием придания значений является колебание самочувствия деятельного существа по оси «хуже–лучше». Но при этом дело не сводится к гедонистическому принципу удовольствия и неудовольствия, так как его же собственное удовольствие для него может быть хуже, а неудовольствие лучше. Так, для калана таскать с собой камень, которым он орудует, раскалывая, например, раковины, хотя и обременительно, однако лучше, чем остаться без камня.

Заключение. Вышеизложенные сообщения о начале генезиса значений представляют собой часть обширного исследования, которое в системно-целостном виде можно обозначить как «теорию значений», а она в свою очередь является основой для «теории оценивания», или «эстиматики». Вся эта разработка задумана изначально с целью решения проблем теории ценностей, или аксиологии. Этот раздел философии интенсивно разрабатывался в 1890–1920-е годы. С тех пор интерес к философии ценностей не прекратился, но нерешенные в тот «классический» период проблемы относительно онтологического статуса ценностей, их природы и существа по-

прежнему дают поводы для критического отношения к философии ценностей в целом.

Автор этой работы предпринял попытку сосредоточиться на понятии значений, рассчитывая таким путем конкретизировать понятие ценностей. В процессе исследования стало проясняться, что не значения и оценки должны обуславливаться ценностями, как полагали неокантианцы, а наоборот – ценности (как социально легитимированные предпочтения) производны от значений и актов оценивания.

Несмотря на вполне ожидаемые упреки в «психологизме», «психологическом натурализме» и якобы неизбежно вытекающем из них релятивизме, особенно нестерпимом для специалистов по этике, автор счел оправданным принять самочувствие (точнее, его изменения по оси «лучше–хуже») в качестве первоосновы генезиса значений и показать, как на этой основе последовательно разворачиваются процессы придания значений множеству различных представлений. Ревнителям «антипсихологизма» следует заметить, что понятие самочувствия отличается от таких предлагавшихся ранее оснований для теорий ценностей, как чувство удовольствия и неудовольствия, интерес, потребность.

Одним из важнейших новшеств предлагаемого исследования является дифференциация двух способов придания значений: по самочувствию и по смыслу. Причем смысловое придание значений хотя и образуется на почве значений по самочувствию, однако не редуцируется к ним. Последнее обстоятельство должно снимать ожидаемые упреки в «психологическом натурализме».

Литература

1. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
2. Курило, Л.Ф. Развитие эмбриона человека и некоторые морально-этические проблемы методов вспомогательной репродукции / Л.Ф. Курило // Проблемы репродукции. – 1998. – № 3. – С. 39–49.

3. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1976. – 720 с.
4. Rickert, H. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft / H. Rickert. – Tübingen: Verl. von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1926. – XV, 144 s.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] В.И. Даля. Ч. 1–4. – М.: О-во любителей рос. словесности, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1863–1866. – 4 т.; 29. П. – 1865. – [2], 508 с.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. [с нем. и примеч.] В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
7. Kant, I. Werke in zwölf Bänden / I. Kant. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1977. – Bd. 3. – 340 s.
8. Гегель, Г.В.Ф. Философия религии: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1976. – 532 с. – Т. 1.
9. Большой психологический словарь / [Авдеева Н.Н. и др.]; под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – 3-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 666 с.
10. Лекторский, В.А. Представление / В.А. Лекторский // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с.
11. Вартанян, И.А. Коснуться невидимого, услышать неслышимое. Действие фокусированного ультразвука на органы чувств / И.А. Вартанян, Е.М. Цирульников. – Л.: Наука, 1985. – 143 с.
12. Palanker, D. Design of a high-resolution optoelectronic retinal prosthesis / D. Palanker, A. Vankov, P. Huie, S. Baccus // Journal of Neural Engineering. – 2005. – № 2. – P. 105–120.
13. Демирчоглян, Г. Скорая победа над слепотой / Г. Демирчоглян // Техника – молодежи. – 2000. – № 2. – С. 52.
14. Петровский, А.В. Основы теоретической психологии: учеб. пособие для студентов вузов / А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 525 с.
15. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики / А.Н. Леонтьев. – 4-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
16. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
17. Мэш, Э. Детская патопсихология. Нарушения психики / Э. Мэш, Д. Вольф. – СПб.: Прайм-Еврознак; АСТ, 2007. – 511 с.

Поступила в редакцию 16.11.2012 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 130.2:94

Город как место памяти: методологический анализ

Ростовская О.М.

Республиканский институт высшей школы, Минск

В данной статье автор представляет разрабатываемые им основания методологического подхода к исследованию исторического города, синтезируя понятия места, города и памяти, рассматривая феномен города в контексте философского осмысления памяти и воспоминания. Город понимается как коллективная историческая индивидуальность, которая представляет собой место памяти, выступая в роли мнемического субъекта и объекта коллективной памяти и индивидуальных воспоминаний. Процесс индивидуализации города рассматривается через призму идеи соборности, включая индивидуальные воспоминания, коллективную память и все когда-либо заполнявшие городское пространство культурные формы в их взаимосвязи в резервы фрагментарно проявляемой памяти города. Предлагается типология мест исторического города, содержащая эйдетически необъективированный и эйдетически объективированный типы, последний из которых включает аутентичные места, воссозданные места и места «замещённой» памяти. Акцентируется социальная обусловленность индивидуальности города как субъекта памяти, а также выделяется два уровня обнаружения его индивидуальности: первичного восприятия и перманентного познания и переживания.

Ключевые слова: город, память, место памяти, воспоминание, коллективная историческая индивидуальность.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 105–110)

City as the Place of memory: Methodological Analysis

Rastouskaya O.M.

Republican Institute of the Higher School, Minsk

In this article the author presents the bases of the methodological approach developed by her to the study of the historical city, synthesizing the concepts of a place, city and memory, considering the city phenomenon in the context of philosophical understanding of memory and reminiscence. The city is understood as collective historical identity which represents a memory place, acting as the mnemonic subject and object of collective memory and individual memoirs. The process of city individualization is considered through the prism of the idea of conciliarity, including individual memoirs, collective memory and all ever cultural forms filling the city space in their interrelation in reserves of fragmentary shown memory of the city. The typology of places of the historical city is offered by the author, which contains aidetically not objectivated and aidetically objectivated types, the latter including authentic places, recreated places and places of “replaced” memory. Social

conditionality of the identity of the city as the subject of memory is accented, and also two levels of detection of his identity are allocated: primary perception and permanent knowledge and experience.

Key words: city, memory, place of memory, reminiscence, collective historical identity.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 105–110)

Адрес для корреспонденции: e-mail: rosol@gmail.com – О.М. Ростовская

Феномен города как предмет социально-философского анализа приобрел актуальность в связи с ростом историко-аксиологического значения города в контексте современной культуры, характеризующейся стремлением к реконструкции прошлого и его переосмыслению. Отражением этого процесса стали дискуссии, эпицентром которых является проблематика памяти, получившая широкий резонанс в социально-гуманитарной сфере.

Принимая во внимание ряд мнемических концепций в философии и теории истории, мы руководствуемся необходимостью поиска такого подхода к осмыслению феномена памяти, который ориентирован на разработку методологических оснований познания города как места памяти, что и определяет цель данного исследования.

Материал и методы. При философском осмыслении феномена города, как носителя исторической памяти использованы следующие методы: анализ, синтез, абстрагирование, феноменологический метод познания, системный подход.

Теоретической основой осмысления проблемы города как места памяти послужили, прежде всего, труды представителей русской философии первой половины XX века (Л.П. Карсавин, Н.А. Бердяев и др.) и европейских исследователей (Ф. Йейтс, П. Нора).

Результаты и их обсуждение. В данной работе интенция анализа феномена города реализуется в контексте социально-философского исследования памяти. Социально-историческая память как одна из форм проявления памяти сверхиндивидуальной ограничена во времени социальными рамками, исторична, системна, сложноструктурирована и артефактна. Она присуща всякому месту, кодифицированному в социальном пространстве в результате фиксации в индивидуальном сознании, вследствие чего некое аморфное «место» приобретает значение места как культурной формы и места памяти. Всякое такое место трак-

туется как место памяти. Отсюда тезис: всякое место есть место памяти.

Дистанцируясь от концепции современного французского историка П. Нора, определявшего место памяти как «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которое воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [1, с. 79], и, таким образом, акцентировавшего социальную значимость и символичность мест, мы используем понятие «культурная форма» как аналог понятию «место памяти», под которым понимаем социокультурно образованный конструкт, синтез материального и идеального, смыслов и образов, имманентность которых в воспоминании преодолевается экстерииоризацией, внедряющей субъективные переживания «формы» в культурный контекст настоящего. Именно посредством воспоминания перцептуальное место естественного происхождения (природное явление или объект) становится культурной формой, тогда как артефакт есть априори культурная форма, и всякая коллективная историческая индивидуальность (народ, нация, община), и всякий индивид как социально-исторический субъект есть культурная форма (или место памяти). И само воспоминание, в котором индивидуализируется память, есть место памяти или культурная форма.

Таким образом, во-первых, индивидуальное социально обусловленное воспоминание соотносится с местом, которое есть место памяти, во-вторых, сверхиндивидуальная социальная память соотносится с местом, будучи фрагментарно проявленной в нем, как и во множестве других. Память не аморфна, она всегда воплощается в чем-либо или ком-либо, и этим ее воплощением является всякое место как потенциальное место воспоминания. Иначе говоря, место в социально-историческом контексте проявлено в разного рода объектах и субъектах – коллективных и индивидуальных, которые выступают в роли и субъектов, и объектов

памяти, но только личность репрезентируема субъектом воспоминания как экзистенциального опыта переживания. Место – эпицентр осуществления памяти: посредством разного рода мест память проявляется в индивидууме в форме воспоминаний-опыта (переживания) и воспоминаний-знания.

Город – место воспоминаний – мест экзистенциального опыта переживания актов социального взаимодействия.

Город – место памяти о себе самом, о прошлом от истока и до точки настоящего.

Город – отмеченный на карте истории хранитель мест и образов, воскрешающих в воспоминаниях его социально-историческое бытие. Это модель социального мира, конструируемая в непрерывном настоящем конкретного, событийного исторического пространства, которое хранит в себе запечатленное в местах и образах отражение своего социокультурного развития.

Город – незаконченный продукт культурной деятельности человека, но при этом сам он – коллективная индивидуальность, реализующая свой потенциал в историческом процессе.

Определяя город как коллективную историческую индивидуальность, мы заимствуем понятие коллективной индивидуальности у Л.П. Карсавина, который понимал ее как стяжённое всеединство, познаваемое символически, через свои индивидуализации. В данном смысле, например, народ как коллективная историческая индивидуальность есть стяжённое всеединство, и познается он посредством его индивидуализаций-личностей. Но именно в конкретной личности, которая есть момент всеединства и стяжённое всеединство, обнаруживаются высшая индивидуальность и ее индивидуализация [2, с. 167–170]. Существование коллективной исторической индивидуальности философ обосновывал именно фактом взаимодействия конкретных индивидов [2, с. 161]. А город есть не что иное, как место процесса социального и культурного взаимодействия.

Но если Л.П. Карсавин использовал понятия «коллективная индивидуальность» и «коллективная личность», то Н.А. Бердяев в отношении государства, общества, нации оперировал термином «коллективная реальность». Осмысливая вопрос о коллективных реальностях, он признавал их индивидуальностями, но никак не личностями ввиду отсутствия «экзистенциального центра», какой обладает лишь человеческая личность – существо социальное и космическое [3, с. 228]. Разделяя эту точку зрения, рассмотрим город как коллективную реальность – как коллективную индивидуальность, которой присуща память сверхличная, историческая, тогда как воспоминания – переживания – принадлежат личности, и в некоторой степени они всегда конфиденциальны, всегда субъективны, фрагментарны, но их социокультурная обусловленность – их укорененность в социальные рамки – способствует тому, чтобы считать воспоминания, наряду с другими местами памяти, культурной формой. Сам город и, в частности, все его исторические мемориальные места априори есть культурная форма, перманентная динамика которой – неотъемлемый признак социального бытия.

В контексте многочисленных подходов (интеграционный, коммуникационный, семиотический, средовой и др.) к исследованию города как исторического и социокультурного феномена мы обращаем особое внимание на концепцию историка и культуролога Н.П. Анциферова – наиболее близкую идее, репрезентируемой нами в рамках данной работы, – идее города как носителя не просто индивидуального образа, но, прежде всего, коллективной исторической индивидуальности с реализуемой вовне и интериоризируемой памятью, в резервах которой – все, что было, т.е. все, что составляет социальную и индивидуальную память в модусах знания и переживания, а также потенциально забвенное. Применяя к городу понятие индивидуальности, Н.П. Анциферов соотносил его с тем, что называл душой города. Таким образом, душа города и есть его индивидуальность, т.е. исторически сложившееся

единство элементов, составляющих городской организм, единство его анатомических и физиологических признаков, его «синтетический образ», образованный отложениями разных исторических эпох [4, с. 22–23, 124]. По мнению ученого, даже самые «безличные» на первый взгляд города имеют свои индивидуальные черты, свою особую индивидуальность, свое лицо [4, с. 21–22]. Полагаем, что такая методологическая ориентация исследования города, которая представляет собой индивидуалистический подход к познанию социального образования, может быть развита в контексте социально-философского осмысления исторической индивидуальности города как места памяти, который, репрезентируя себя как рефлексивная форма культуры, реализует память посредством культурных форм и в модусах индивидуальных воспоминаний.

Город как коллективная историческая индивидуальность есть мнемическое место и место мемориализации, где каждая создаваемая или воссоздаваемая культурная форма образована из множества чисел образов и смыслов; и целостный эйдетический исторический образ города есть динамичная конструкция мест и образов. Современность всегда более или менее выразительно контрастирует с обликом исторического города, с каждой новой эпохой, увеличивая концентрацию этого контраста. И на этом фоне выстраивается образ города, который, как ареал присутствия, сосуществования и взаимосвязи множества культурных форм, является своего рода интегрирующим Местом – «местом мест памяти». Однако память города всегда лишь фрагментарно познаваема через историю и символику городских мест памяти, оказывающих влияние на формирование модусов памяти единиц городского социума. С одной стороны, город – эфемерная коллективная индивидуальность, но с другой – это реально существующий субъект исторической действительности. Город хранит в себе, совершенно автономно, свою память, которая отнюдь не

является общим знаменателем воспоминаний городского сообщества. Воспоминания как отражение и переживание, присущие индивиду, и коллективная память общности горожан не самодостаточно для раскрытия смысла социально-психического бытия Места, поскольку они – только интенции, и их историческая рефлексия не эквивалентна памяти коллективной исторической индивидуальности города. Но, принимая во внимание, что процесс индивидуализации коллективной исторической индивидуальности в конкретной личности как субъекта истории констатирует идею соборности, полагаем, что доминирующим принципом бытия города является социокультурное единство и мемориальная преемственность его исторических мест, ретроспективная взаимосвязь которых позволяет рассматривать город (как место памяти) как объект воспоминаний и субъект памяти. Дихотомия, выраженная в динамичном потоке энергии актуальных воспоминаний и неторопливом, созерцательном бытии индивидуальности самого города, преодолевается через аккумуляцию памяти мест, интегрируя субъективные переживания в социальный опыт и социально-историческую память в модус индивидуального обосновывающего воспоминания, в модус знания. По отношению к последнему, т.е. к выявлению фактологической части – к извлечению отдельных, конкретных и актуальных в контексте настоящего знаний, применим метод социологии. Но только анализ модусов воспоминания как синтеза знаний и переживаний – как субъективного стяжённого и фрагментарного проявления памяти, экстериоризированного в дискурсе, дает способы интерпретации *memoria*.

Город как историческая индивидуальность становится объектом актуальных воспоминаний вследствие эйдетического видения его культурно-исторических мест. Исходя из этого, можно выделить два типа культурных форм исторического города.

1. Эйдетические объективированные места (эйдетически объективированный тип) – «оформленные», осязаемые, визу-

ально воспринимаемые потенциальным субъектом воспоминания культурно-исторические формы городского пространства. Среди них обозначим:

- 1) аутентичные места;
- 2) воссозданные места;
- 3) места «замещённой» памяти – следствие практики «замещения» культурных форм, т.е. смены их образа, смысла, их функционального назначения.

2. Эйдетические необъективированные места (эйдетически необъективированный тип) – культурно-исторические формы города, не обозначенные в современном городском контексте, эйдетически отсутствующие в социокультурном городском пространстве, однако хранящиеся в памяти города и, возможно, в социальной и индивидуальной памяти, но лишь как образы памяти – как мнемические эйдетические образы. Они возникают вследствие практики «стирания» исторической памяти путем разрушения культурных форм, что порождает кризис мемориальной преемственности и культурно-исторической идентичности. Урбанизация зачастую противоречит принципу сохранения и реставрации идентичности городского социума. Пространство города конструируется из актуальных паттернов, исключая его преемственное развитие. Как результат – стирание культурно-исторического образа города.

Как видно, культурные формы города возникают как аутентичные места, либо как места замещённой памяти. Впоследствии возможна их трансформация в эйдетически необъективированные места, которые либо такими остаются, либо становятся воссозданными местами, либо местами замещённой памяти. Предлагаемая типология позволяет, во-первых, рассматривать город как место памяти (субъект и объект памяти), проявленное во взаимосвязи множества мест-культурных форм – как эйдетически объективированных, так и не проявленных, во-вторых, выделять новые подтипы, учитывая специфику мест памяти каждого конкретного города, в-третьих, производить ретро-

спективный анализ мест города из точки настоящего.

Так как город во множестве его культурных форм есть фрагментарное, стяжённое проявление всеединой, сверхиндивидуальной памяти, он вписан в социокультурный контекст прошлого, настоящего и будущего. Социальная обусловленность индивидуальных воспоминаний столь же очевидна относительно города в том смысле, что историческая индивидуальность города социально обусловлена. Отсюда две основные задачи, стоящие перед исследователем-урбанистом:

- 1) выявить проявление общих социально-исторических тенденций;
- 2) определить индивидуальные черты исторического города.

Согласно вышеизложенному подходу, всякий исторический город репрезентируется как уникальный в своем роде субъект истории и памяти, индивидуальность которого становится объектом и местом воспоминания-знания и воспоминания-переживания посредством восприятия его культурных форм. Общей характеристикой для всякого исторического города (Рим, Париж, Москва, Смоленск или Полоцк, или др.) констатируется проявление коллективной индивидуальности в вертикальной и горизонтальной взаимосвязи его мнемических мест, наличие в городском пространстве как эйдетически объективированных, так и эйдетически необъективированных мест.

В данном ракурсе нельзя говорить о «типичном» городе, поскольку акцентируется индивидуальность исторического города как места памяти – способного помнить и быть вспоминаемым. Среди множества больших и малых городов с разной хронологической протяженностью их жизни и разным количеством и плотностью присущих им культурных форм всякий может стать примером. Основным критерий выбора города как объекта исследования связан с наличием двух уровней «обнаружения» индивидуальности. Первый уровень весьма поверхностный, но именно он формирует наше восприятие городов; это «взгляд путешественника», фиксирующий исторический облик

города и запечатляющий в памяти его образ. Второй уровень по своей протяженности соотносится с прошлым и настоящим измерениями бытия города как потенциальными модусами воспоминания о нем; он образуется в процессе длительного, постепенного, перманентного наблюдения и исследования города в единстве его нематериальных мест – переживания и познания души и тела города как культурно-исторического субъекта памяти и места, сформированного множеством воспоминаний. Соответственно, очевидная историческая индивидуальность места как общий критерий требует проникновения в те глубинные слои, следы которых недоступны взгляду ознакомительному. Таким образом, только наличие обоих уровней способствует раскрытию и научному познанию индивидуального в каждом конкретном историческом городе. Следовательно, для историка-урбаниста важно формировать эти уровни, используя все возможности, которые открывает память города посредством своих культурных форм – мест эйдетических и непроявленных.

Заключение. Резюмируя, отметим, что, синтезируя концепты места, памяти и города, мы определяем город как место па-

мяти в том смысле, что он есть коллективная историческая индивидуальность и субъект памяти, сосредоточие индивидуальных воспоминаний, коллективной памяти и других культурных форм, наполняющих историческое пространство бытия города, «обнаруживаемого» исследователем-субъектом воспоминания в процессе познания и переживания, в которых проявляется индивидуализация памяти Места.

Литература

1. Нора, П. Как писать историю Франции? / П. Нора // Франция-память / П. Нора, М. Озуф и др.; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 66–94.
2. Карсавин, Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 510, [2] с.
3. Бердяев, Н.А. Опыт эсхатологической метафизики / Н.А. Бердяев // Царство духа и царство кесаря / сост. и послесл. П.В. Алексеева. – М.: Республика, 1995. – С. 163–286.
4. Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма / Н.П. Анциферов. – 2-е изд., испр. и доп. – Ленинград: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1926. – 150 [1] с.

Поступила в редакцию 05.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 141.78

Постмодернистские рефлексии понятия о социальном прогрессе

Паршутто И.Н.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

Понятие социального прогресса широко употребляется в социально-философской мысли, играет важную роль в мировоззренческих ориентирах общества. Однако большинство философских трудов, посвященных социальному прогрессу, относятся к эпохе Нового времени. Следовательно, в настоящее время возникла необходимость исследовать понятие «социальный прогресс» в философии постмодернизма и соотнести его с современной интеллектуальной традицией.

Проведенные исследования показывают, что взгляды постмодернистов о социальном прогрессе были предвосхищены такими авторами, как Х. Арендт и В. Бенджамин. Они обосновали критическое отношение к понятию социального прогресса и сомнение в наличии самого прогресса.

Эту линию критики продолжили такие авторы, как Ж.-Ф. Лиотар, М. Фуко, Ж. Бодрийар, Ж. Деррида, Ж. Делёз. Постмодернисты не отрицают значимости и необходимости социального прогресса, но указывают на противоречия и проблемы, проявившиеся в истории последних полутора столетий. Последнее свидетельствует о том, что полного разрыва между интеллектуальными наработками модерна и постмодерна не произошло.

Ключевые слова: социальный прогресс, постмодернизм, модерн, концепт, сомнение, критика.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 111–116)

Postmodernist Reflections of the Conception about Social Progress

Parshuto I.N.

**Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk**

The conception of social progress is widely used in social and philosophical thought. It plays an important role in world outlook orientations of the society. However, most philosophical works on social progress refer to the period of New Time. Hence is the necessity, which arose at present, to investigate the conception of social progress in the philosophy of post modernism, and to correlate it with modern intellectual tradition.

Research shows that post modernist ideas of social progress were predicted by such authors as H. Arendt and

V. Benjamin. They presented grounds for critical attitude to the idea of social progress and hesitation about the presence of the progress itself.

This line of criticism was continued by J.-F. Liotard, M. Fuko, J. Bodriyard, J. Derrida, J. Deleas. Post modernists do not deny the significance and necessity of social progress but they stress the contradictions and problems in the history of the last century and a half. The latter testifies to the fact that complete split between intellectual work of modern and post modern did not happen.

Key words: social progress, post modernism, modern, concept, hesitation, criticism.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 111–116)

Адрес для корреспонденции: e-mail: parchyto@yandex.ru – И.Н. Паршутто

Понятие социального прогресса занимает с эпохи Нового времени ключевое положение в социально-философской проблематике. Данный концепт обстоятельно проанализирован в философии модерна и приобрел в ней явно ценностный характер. С появлением постмодерна, который подвергает ревизии ценности и идеи модерна, сформировалась потребность в переосмыслении прежних мировоззренческих установок в новой интеллектуальной ситуации. Возникшие интеллектуальные напряжения между мировоззренческими тенденциями модерна и постмодерна требуют анализа, для проведения которого целесообразно составить обобщенное представление о постмодернистских воззрениях на социальный прогресс.

Цель настоящего исследования – обобщение постмодернистских рефлексий по вопросу о социальном прогрессе.

Материал и методы. Объектом исследования выступают постмодернистские рефлексии понятия о социальном прогрессе. Данное исследование основано на трудах Х. Арендт, В. Беньямина, Ж.-Ф. Лиотара, М. Фуко, Ж. Бодрийара, Ж. Дерриды, Ж. Делёза. В нем использован метод текстологического анализа, который нацелен на исследование постмодернистских концепций через множественность, определение авторских размышлений о социальном прогрессе. А также компаративный метод, использованный для сопоставления постмодернистских и модернистских рефлексий о социальном прогрессе.

Результаты и их обсуждение. Вопрос о социальном прогрессе в постмодернизме представлен весьма разнопланово, но в то же время всех исследователей объединяет критическое отношение к понятию социального прогресса и сомнение в наличии самого прогресса.

Эта критика была начата не постмодернистами, а теми мыслителями, которые в значительной степени повлияли на возникновение постмодернистского стиля мышления. Вальтер Беньямин и Ханна Арендт не причисляются к постмодернистам, но их идеи и положения

предвосхищают ряд постмодернистских концепций. Именно они наметили проблемное поле последующих рефлексий социального прогресса в постмодернизме.

Между этими авторами можно заметить определенное сходство не только в том, что они предвосхитили некоторые аспекты постмодернистской критики, но и в тех мотивах, по которым они обращаются к вопросу о прогрессе – бедствия, причиненные фашизмом и Второй мировой войной. В идее прогресса они видят историческую предпосылку фашизма. По Беньямину, идеологи фашизма действуют от имени прогресса как исторической нормы [1, с. 231]. Арендт определяет соотношение фашизма и прогресса через власть, ее абсолютизацию и аккумуляцию, указывая на принцип прогресса – «все больше, все дальше, все могущественнее» [2, с. 28]. Схоже мыслители определяют мотив, давший импульс идее прогресса: борьба человека с природой. Беньямин указывает на неудержимое стремление человека покорить природу, Арендт – на влечение к познанию ее тайн [1, с. 233; 3, с. 365].

Беньямин характеризует прогресс метафорически, изображая ангела, уносимого ветром в будущее, но будущее находится за его спиной, а он видит лишь руины прошлого [1, с. 232]. Таким образом, философ указывает на стихийность прогрессивного движения и тревожную неизвестность его последствий в будущем. Ссылаясь на данную метафору, Арендт уточняет причины, по которым прогресс подвергается критике. Сомнения вызывает не сама идея прогресса, а конфликт его стремления к бесконечности с ограниченностью природы и возможностей человека: прогресс, достигнув предела, способен обернуться катастрофическими разрушениями [4, с. 211].

Таким образом, размышления Беньямина и Арендт о прогрессе вызваны несоответствием между тем значением, которое придавалось идее прогресса в эпоху модерна, и последующим ходом исторических событий. Они не объявляют прогресс невозможным, не отрицают его,

но выражают сомнение в его безоговорочной позитивности и бесконечности.

Традицию критического осмысления социального прогресса продолжают представители постмодернистского стиля философствования, привнося в нее новые грани и аспекты.

Жан-Франсуа Лиотар одним из первых предложил рассматривать феномен постмодерна в качестве философской категории. Анализируя статус знания в постмодерне, он дает обобщенную характеристику новой культурной ситуации. Мыслитель констатирует, что положение знания изменяется, технологическое развитие превращает его в товар, на передний план выступает не самоценность знания, а его экономическая стоимость, прибыль, получаемая от его реализации [5, с. 18]. Тем самым меркантильное отношение к знанию устраняет всякую возможность идеалов, утопических проектов [5, с. 14]. Это утверждение объясняет возникновение разрыва между технологическим и социальным прогрессом. Первый определенно подпадает под указанные изменения. Новые технические разработки, скорость, интенсивность их развития поддерживаются и стимулируются экономическими отношениями. Общество потребления нацелено на приобретение нового, на постоянное обновление потребностей, а значит, единственная возможность эффективного существования заключается в постоянном динамичном развитии. Социальный прогресс не может быть определен логикой потребления, экономической выгодой, что и определяет причины, по которым «великий рассказ утратил свое правдоподобие» [5, с. 92].

Научное обоснование социального прогресса в постмодерне возможно, согласно Лиотару, только через отрицание, поскольку знание в новой интеллектуальной ситуации определяется «как законное, только если оно опровергает предыдущее посредством аргументов и доказательств» [5, с. 67]. Это означает, что единственно возможное существование социального прогресса как научной проблемы возможно лишь через критику

предшествующих концепций прогресса. Прогрессивное социальное развитие можно утверждать лишь отрицанием.

Следовательно, Лиотар констатирует недоверие культуры и общества к социальному прогрессу, вызванное становлением иной мировоззренческой ситуации, ориентированной на ценности потребления и меркантилизма. В то же время Лиотар очерчивает возможность дальнейшего научного исследования в ситуации постмодерна. Этой возможностью выступает критическое осмысление существующих концепций социального прогресса.

Скептическое отношение к социальному прогрессу присутствует и у Мишеля Фуко. Он определяет возникновение теории прогресса как результат фундаментального соотношения пространства и языка [6, с. 147]. Язык соединяет разрозненное время через моделирование пространства, это происходит за счет связывания в единую структуру познания вещей [6, с. 147]. Подобно Лиотару Фуко задается вопросом о причинах трансформации знания и о последствиях, к которым они приводят [6, с. 243]. Изменения, произошедшие за последние столетия в социальной и политической сферах, привели к отказу от историчности, от последовательности в восприятии пространства, а значит, человек не обладает одной историей, а проживает множественность различных историй. Поскольку утрачено единое пространство, в котором существовало классическое знание, это значит, что все области знания существуют самостоятельно и обособленно [6, с. 387]. Это в свою очередь означает невозможность построения линейных прогрессивных схем развития. В очередной раз можно наблюдать, что критике подвергается не сама идея прогресса, а исторический контекст, в котором данная идея не была полностью реализована. Последнее обстоятельство может быть расценено в качестве дальнейшей возможности создания новых концепций социального прогресса.

Значительное место в постмодернизме по вопросу о социальном прогрессе за-

нимают исследования Жана Бодрийара. В ряде его книг подвергается анализу как сам концепт социального прогресса, так и причины, по которым происходят изменения в его интерпретации. Бодрийар определяет прогресс по традиционной схеме, как «добавление, улучшение, внесение усовершенствований» [7, с. 89]. При этом сравнивает его с накоплением знаний в физике, когда каждая последующая гипотеза присоединяется к предыдущей в структуре своей области и этот процесс формально не имеет завершения [7, с. 89]. Но ситуация изменяется с появлением новой виртуальной реальности, созданной цифровыми устройствами, с возникновением конфликта между реальными и виртуальными возможностями человека. В этой ситуации подобные улучшения теряют всякую значимость и необходимость. Не только изменения в структуре реальности трансформируют восприятие прогресса, но и сама социальная реальность перестает быть восприимчивой к данной идее социального прогресса.

Бодрийар обращается не к теоретической трактовке социального прогресса, а к его практической реализации. Ученый сопоставляет два процесса – появление масс как социального большинства и развитие социальной сферы как рационализации общественных отношений [8, с. 50]. Становление социальности, усовершенствование социальных отношений и организация жизнедеятельности свидетельствуют о реальном наличии социального прогресса в истории. Но в то же время официальная история выдвигала на передний план лишь достижения социализации, оставляя без внимания неудачи, скрывая не социализированные пережитки прошлого [8, с. 50]. Бодрийар заключает, что с нарастанием социализации сопротивление ей прогрессировало не в меньшей степени. Это означает одновременное созидание и разложение социальной организации общества [8, с. 73]. Рационализация общественных отношений приводит к возникновению «молчаливого большинства», особой организации общественных

связей, в которой каждый их субъект не воспринимает себя как единичный, обособленный атом, а считает себя частью целого, частицей общества, тем самым передавая всем субъектам социума и в то же время никому ответственность, инициативность, собственное мнение.

Отсутствие социальной активности приводит к разрушению самой социальной активности, массы разлагают законы и формы социальных отношений изнутри, являясь их же продуктом [8, с. 53]. Массовизация сталкивается с традиционными ценностями, идеями и идеалами. Но массе необходим не смысл, а зрелище, следовательно, идеалы утрачивают всякое значение, поскольку идеал – это проект, требующий воплощения, самоотдачи и борьбы за его ценности, массам же это непосильно [8, с. 15].

Таким образом, социальный прогресс теряет свое значение из-за собственных недостатков и противоречий, ввиду того, что само общество неспособно или не желает его реализовывать. Бодрийар предлагает три возможных прогноза для социальной сферы. Возможно, что, во-первых, социальность – это лишь симулякр, она никогда не существовала в действительности, соответственно и волноваться не о чем [8, с. 80]. Во-вторых, социальная область существовала и продолжает свое развитие и нарастание, захватывая все новые и новые не социализированные остатки, в то же время превращаясь в остаток [8, с. 84]. В-третьих, социальная среда существовала, но уже разрушена сама собой и не существует, а значит, что должна возникнуть некая новая форма социальных отношений, в противном же случае общество ждет гибель [8, с. 91].

Указанная противоречивость и вариативность создает для социума ситуацию выбора. Но «молчаливое большинство» не способно осуществить волевое решение, что приводит к стандартной ситуации внутриличностного конфликта безвольного человека. С одной стороны тоска по идеалам прошлого, с другой – отвлечение к их реализации. Признание возможности и молчание по поводу осу-

ществимости. Бодрийар констатирует: «наша проблема заключается в том, что наши старые ценности – революция, прогресс, свобода – исчезли, прежде чем мы к ним приблизились, так и не получив возможности материализоваться» [9, с. 92]. Современности оставлена лишь меланхолия и критика.

Таким образом, анализ, произведенный Бодрийаром, указывает на различные ответы по вопросу о социальном прогрессе. Социальный прогресс существует, наблюдается лишь временный кризис в его реализации. Социальный прогресс имел место в истории, но проект прогрессивного социального развития был провален самим обществом.

Вопрос о линейной социальной динамике затронут и в исследованиях Дерриды. Он указывает на присущий лишь Западу вопрос о великих идеалах и проектах, создание которых напоминает процесс творения метафор и метонимий [10, с. 447]. Прогресс может быть рассмотрен как метафора Запада, посвященная своим успехам и достижениям эпохи модерна.

Характеристика постмодернистских взглядов на социальную динамику будет неполной в том случае, если не обратится к идее о вечном возвращении. Именно в этом концепте Фридриха Ницше постмодернизм черпает вдохновение для утверждения таких понятий, как различие, несходство и разрозненность, создавая тем самым почву для конструирования концепций нелинейной социальной динамики [11, с. 359]. Жиль Делёз характеризует привычные европейскому мышлению понятия «настоящее», «прошлое» и «будущее» через концепт повторения: «настоящее это повторяющееся, прошлое само повторение, будущее повторяемое» [11, с. 123].

Заключение. Рефлексия предполагает деятельность субъекта по осмыслению волнующей его проблемы. Рефлексии крайне субъективны, но они могут быть вызваны общей внешней ситуацией. Концепт социального прогресса рассматривается в постмодернизме через критику и сомнение, и каждое исследование

представляет собой авторскую интерпретацию понятия социального прогресса.

Зачинателями критики выступили В. Беньямин и Х. Арендт, усомнившиеся в вопросе о безоговорочной позитивности и безграничности прогресса. Ж.Ф. Лиотар указал на конфликт мировоззренческих ориентиров и концепции социального прогресса, который возник вследствие изменения статуса знания в обществе постмодерна. М. Фуко утверждал, что современный человек утратил историческую целостность и линейное восприятие действительности. Это в свою очередь говорит об отсутствии возможности анализировать социальный прогресс в терминах концепций эпохи модерна. Ж. Бодрийар, обратившись непосредственно к анализу общества и процессу построения рационально обоснованных социальных отношений, обозначил важность социума в реализации общественного прогресса. Философ определил возникший в современной культуре своеобразный круг противоречий: социальный прогресс способствует развитию общества, субъекты социума, сопротивляясь общественному давлению, превращаются в массы, разрушая общественную динамику изнутри и препятствуя социальному прогрессу. Выход из данного круга возможен лишь через разрушение противоречия и создание новых форм социальных отношений.

Ж. Деррида останавливает критический взор на иллюзорности концепта социального прогресса, его метафоричности. Ж. Делёз придерживается концепции вечного возвращения, отрицая тем самым возможность линейного, необратимого развития и акцентирует внимание на феномене повторения.

Тем самым постмодернистские вариации на тему социального прогресса не отрицают его значимости и необходимости, но указывают на противоречия и проблемы, проявившиеся в истории последних полутора столетий. Последнее свидетельствует о том, что полного разрыва между интеллектуальными наработками модерна и постмодерна не произошло.

Литература

1. Беньямин, В. Озарения / В. Беньямин; пер. Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. – М.: Мартис, 2000. – 376 с.
2. Арендт, Х. Скрытая традиция: эссе / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. – М.: Текст, 2008. – 221 с.
3. Арендт, Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Х. Арендт; пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; под ред. д. М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
4. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт; пер. с англ. И.В. Борисовой, Ю.А. Кимелева, А.Д. Ковалева, Ю.Б. Мишкенене, Л.А. Седова; послесл. Ю.Н. Давыдова; под ред. М.С. Ковалевой, Д.М. Носова. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с.
5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. – 160 с.
6. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой; вступ. ст. Н.С. Автономовой. – СПб.: А-скад, 1994. – 406 с.
7. Бодрийар, Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту / Ж. Бодрийар; пер. с фр. Н. Сулова. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 199 с.
8. Бодрийар, Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / Ж. Бодрийар; пер. с фр. Н.В. Сулова. – Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000. – 95 с.
9. Бодрийар, Ж. Америка / Ж. Бодрийар. – СПб.: Владимир Даль, 2000. – 206 с.
10. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида. – М.: Академический Проект, 2000. – 495 с.
11. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 384 с.

Поступила в редакцию 25.03.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.0

Мастацкі канцэпт у кантэксте сучаснай навукі пра літаратуру

Дубоўская Т.А.
*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле з дапамогай дэскрыптыўнага і кампаратыўнага метадаў даследавання разглядаюцца культуралагічныя, псіхалінгвістычныя работы (айчынныя і замежныя даследчыкаў), якія прысвечаны тэарэтычнаму вывучэнню тэрміна “канцэпт”. На аснове прааналізаваных дэфініцый канцэпту ў сумежных навуковых дысцыплінах прапанаваны літаратуразнаўчы падыход да вывучэння мастацкага канцэпту, які разглядаецца даследчыкамі як сродак выяўлення індывідуальна-аўтарскага светабачання і як элемент нацыянальнай мастацкай карціны свету, нацыянальнай культурнай традыцыі.

Звяртаецца ўвага на структуру канцэпту і яго дыялагічную прыроду. Даецца азначэнне канцэптасферы як сукупнасці канцэптаў у канкрэтным мастацкім творы ці творчасці аўтара. Аналіз канцэптасферы дазваляе акцэнтаваць увагу на “пазатэкставых” сувязях твора, на ўключанасці апошняга ў камунікатыўны акт, гістарычны і культурны кантэксты канкрэтнай эпохі.

Ключавыя словы: канцэпт (мастацкі канцэпт, індывідуальна-аўтарскі канцэпт), нацыянальная мастацкая карціна свету, культурны вопыт, канцэптасфера, міждысцыплінарны падыход, камунікатыўны акт.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 118–123)

Artistic Concept in the Context of Modern Literature Studies

Dubovskaya T.A.
*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article reports findings of comparative and descriptive study into theoretical research of the term “concept” in culturological and psycholinguistic works of foreign and home scholars. Based on the analysis of definitions of the concept used in interdisciplinary research literature study approach to the study of artistic concept is proposed, which is considered by researchers as a means of individual author's world-view detection, as well as an element of national artistic picture of the world and national cultural tradition.

Attention is paid to the structure and dialogical nature of the concept. The concept sphere is defined as a set of concepts in a single or in all author's works. The concept sphere analysis emphasizes extra text connections of the work, its involvement in a speech act, in historical and cultural context of a given age.

Key words: concept, (artistic concept, individual author's concept), national artistic picture of the world, concept sphere, cultural knowledge, interdisciplinary approach, speech act.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 118–123)

Тэрмін “канцэпт” шырока выкарыстоўваецца ў розных дысцыплінах: філасофіі, кагнітыўнай псіхалогіі, кагнітыўнай і культуралагічнай лінгвістыцы. Найбольш аўтарытэтнымі даследчыкамі ў распрацоўцы праблемы канцэпту ў пазначаных галінах ведаў з’яўляюцца Д.С. Ліхачоў, Ю.С. Сцяпанаў, З.Д. Папова, І.А. Сцернін, У.І. Карасік, В.А. Маслава, С.Г. Варкачоў, А.С. Кубракова, В.М. Тэлія, А.П. Бабушкін, Л.У. Мілер, Н.С. Балотнава. Тэрмін “канцэпт” актыўна функцыянуе і ў літаратуразнаўстве, захоўваючы шматзначнасць, якая адпавядае распаўсюджанай у сучаснай навуковай парадыгме тэндэнцыі да між-дысцыплінарнасці. У працах вучоных (В.Я. Бяспалавай, Н.А. Бяловой, В.А. Маславай, Е.А. Лявонавай, Л.У. Іконнікавай) паняцце “канцэпт” звычайна выкарыстоўваецца пры аналізе канкрэтных твораў або творчасці таго ці іншага пісьменніка. Тэарэтычнай распрацоўцы дэфініцыі “канцэпт” прысвяцілі свае літаратуразнаўчыя артыкулы І.А. Тарасава, Т.І. Васільева, Г.А. Зябрава, Н.В. Красоўская. Адною з найбольш структураваных, падагульняючых сучасных літаратуразнаўчых прац з’яўляецца манаграфія Н.У. Валодзінай “Канцэпты, універсаліі, стэрэатыпы ў сферы літаратуразнаўства”, у якой даследуецца праблема літаратурных канстант (канцэптаў, універсаль, стэрэатыпаў) у тэарэтычным і гісторыка-літаратурным аспектах. У працы аўтар аналізуе розныя вызначэнні канцэпту, якія існуюць у межах філасофскага, псіхалагічнага, культуралагічнага навуковых дыскурсаў, і прапаноўвае свой падыход да вывучэння канцэпту ў літаратуразнаўчым кантэксце.

Актуальнай задачай для сучаснага літаратуразнаўства, у тым ліку беларускага, з’яўляецца тэарэтычная распрацоўка дэфініцыі “мастацкі канцэпт” ва ўласна літаратуразнаўчым аспекце.

Мэта працы – прасачыць гісторыю вылучэння і вызначэння дэфініцыі “канцэпт” (“мастацкі канцэпт”) у навуковых працах сучасных лінгвістаў, культуралагаў, літаратуразнаўцаў.

Матэрыял і метады. У аснове артыкула – аналіз літаратуразнаўчых работ, прысвечаных тэарэтычнаму вывучэнню тэрміна “мастацкі канцэпт”. На аснове дэскрыптыўнага метаду аналізуюцца розныя падыходы айчынных і замежных даследчыкаў (Е.А. Лявонавай, І. Забалотнай, В.А. Маславай, В.Я. Бяспалавай, Т.І. Васільевай, Н.У. Валодзінай, В.Г. Зусмана) да вывучэння гэтага паняцця. З дапамогай кампаратывнага метаду супастаўляюцца дэфініцыі мастацкага канцэпту, выяўляюцца падабенства, адрозненне, спецыфіка погляду вучоных на пазначаны тэрмін.

Вынікі і іх абмеркаванне. Слова “канцэпт” запазычана лінгвістамі з матэматычнай логікі. Трывала ў абсяг сучасных гуманітарных ведаў слова “канцэпт” уведзена С.А. Аскольдавым у 1928 годзе. У сваім артыкуле “Слова і канцэпт” ён дае наступнае вызначэнне: “Канцэпт ёсць мысленнае ўтварэнне, якое замяняе нам у працэсе думання няпэўнае мноства прадметаў аднаго і таго ж кшталту” [1, с. 267]. Аднак, нягледзячы і на іншыя працы расійскага філосафа па названай тэме, да сярэдзіны мінулага стагоддзя слова “канцэпт” не разглядалася ў якасці тэрміна ў навуковай літаратуры. Тлумачылася гэта тым, што доўгі час тэрміны “паняцце” і “канцэпт” атаясамліваліся ў навуцы (“Лагічны слоўнік-даведнік”

М.І. Кандакова, “Лінгвістычны энцыклапедычны слоўнік” В.М. Ярцавай, “Філасофскі энцыклапедычны слоўнік” пад рэдакцыяй Л.Ф. Ільчова).

Толькі з пачатку 90-х гг. XX ст. тэрмін “канцэпт” стаў актыўна ўжывацца ў лінгвістычнай літаратуры. Сёння большасць вучоных прытрымліваюцца думкі аб адрозненні канцэпту ад паняцця (Д.С. Ліхачоў, Ю.С. Сцяпанаў, В.А. Маслава, А.С. Кубракова, В.М. Тэлія, С.С. Нярэціна, Л.А. Касьян). Па-

няцце адлюстроўвае найбольш агульныя, важныя, значныя прыкметы прадметаў і з’яў. Сэнсавае ж нападўненне канцэпту заўсёды шырэйшае, большае, чым значэнне слова. Канцэпт адлюстроўвае не толькі аб’ектыўны змест, але і суб’ектыўны – асацыяцыі, думкі, фантазію чалавека. Змест канцэпту залежыць ад індывідуальнага культурнага вопыту асобы. Як зазначае І. Забалотная, “калі паняцце ўдакладняе, пастуліруе штосьці, звязвае разнастайнасць суб’ектаў у нейкае аб’ектыўнае адзінства, выконвае функцыі станаўлення думкі незалежна ад зносін, то канцэпт заахвочвае да разважання, накіраваны на дыспут з яго мноствам поглядаў і належыць філасофіі” [2, с. 89].

У наш час існуе вялікая колькасць дэфініцый і падыходаў да разумення паняцця “канцэпт”, і таму знайсці адно ўніверсальнае азначэнне проста немагчыма. Напрыклад, даследчыца кагнітыўнай лінгвістыкі В.А. Маслава прапаноўвае ў якасці рабочага наступнае: канцэпт – гэта “семантычнае ўтварэнне, якое вызначаецца лінгвакультурнай спецыфікай і тым ці іншым чынам характарызуе носьбітаў пэўнай этнакультуры. Канцэпт, адлюстроўваючы этнічнае светабачанне, маркіруе этнічную моўную карціну свету і з’яўляецца цаглінкай для будаўніцтва “дома быцця” (паводле М. Хайдэгера). Але ў той жа час – гэта нейкі квант ведаў, які адлюстроўвае змест усёй чалавечай дзейнасці. Канцэпт не непасрэдна ўзнікае са значэння слова, а з’яўляецца вынікам сутыкнення слоўнікавага значэння слова з уласным і народным вопытам чалавека (паводле Д.С. Ліхачова). Ён акружаны эмацыянальным, экспрэсіўным, ацэначным арэолам” [3, с. 36]. Гэта значыць, што акрамя паняццёвай асновы канцэпт уключае сацыя-псіха-культурную частку: асацыяцыі, эмоцыі, ацэнкі, нацыянальныя вобразы і канатацыі, характэрныя для пэўнай культуры. І тут нельга не пагадзіцца таксама з думкай даследчы-

ка Ю.С. Сцяпанавы, які сцвярджае, што канцэпты не толькі мысляцца, але і перажываюцца носьбітамі мовы. Яны з’яўляюцца прадметам эмоцый, сімпатый і антыпатый, а часам і сутыкненняў [4, с. 43]. Метадалагічнае значэнне мае і выснова В.А. Маславай аб тым, што “канцэпт мнагамерны, у ім можна выдзеліць як рацыянальнае, так і эмацыянальнае, як абстрактнае, так і канкрэтнае, як універсальнае, так і этнічнае, як агульнанацыянальнае, так і індывідуальна-асабістае” [3, с. 36].

Што да ўласна літаратуры, то тут тэрмін “канцэпт” толькі зацвярджаецца, таму існуе пэўная адвольнасць яго ўжывання, “размытасць межаў”, шматзначнасць. Канцэпт часта разглядаецца літаратуразнаўцамі ў двух накірунках: як індывідуальна-аўтарскае псіхічнае ўтварэнне і як элемент нацыянальнай мастацкай традыцыі, нацыянальнай мастацкай карціны свету [5, с. 742].

Індывідуальна-аўтарскі літаратурны канцэпт, на думку Г.А. Зябравай і С.В. Капусцінай, – гэта “базісная катэгорыя светабачання пісьменніка, якая ўвасаблена ў мастацкай тканіне яго твора (або шэрагу твораў)” [6, с. 10]. Індывідуальна-аўтарскія канцэпты дапамагаюць скласці духоўны партрэт пісьменніка на аснове канкрэтнага тэксту, выявіць яго светабачанне і спосабы мастацкага ўвасаблення гэтага светабачання. На аснове супастаўлення канцэптаў розных аўтараў можна вылучыць падабенства і адрозненне ў іх творчасці, прасачыць заканамернасці і дыялектыку функцыянавання канцэптаў у літаратурным працэсе [6, с. 8]. Даследчыца В.Я. Бяспалава разглядае мастацкі канцэпт як “адзінку свядомасці паэта ці пісьменніка, якая атрымлівае сваю рэпрэзентацыю ў мастацкім творы ці сукупнасці твораў і выражае індывідуальна-аўтарскае асэнсаванне сутнасці прадметаў і з’яў” [7, с. 6].

Канцэпт як элемент нацыянальнай культурнай традыцыі разглядае Н.У. Валодзіна. У сваёй манаграфіі “Канцэпты, універсаліі, стэрэатыпы ў

сферы літаратуразнаўства” яна дае наступную дэфініцыю мастацкага канцэпту: “Канцэпт – гэта сэнсавая структура, якая ўвасоблена ва ўстойлівых вобразах, што паўтараюцца ў межах пэўнага літаратурнага рада (у творы, творчасці пісьменніка, літаратурным накірунку, перыядзе, нацыянальнай літаратуры), якая валодае культурна значымым зместам, сяміятычнасцю і ментальнай прыродай” [8, с. 19]. Даследчыца зазначае, што літаратура, утрымліваючы “калектыўны духоўны вопыт, захоўваючы памяць народа, заключае ў сабе разнастайны спектр сэнсаў, асацыяцый і ўяўленняў, канстантны і гістарычна зменлівы, які суадносіцца з гэтымі канцэптамі; аднак актуалізацыя тых ці іншых канстант, сувязі, што ўзнікаюць паміж імі, залежаць ад творчай асобы пісьменніка і адначасна выяўляюць яе” [8, с. 12].

На думку Ю.С. Сцяпанавы, канцэпт – гэта “згустак культуры ў свядомасці чалавека; тое, у выглядзе чаго культура ўваходзіць у ментальны свет асобы” [4, с. 43]. Канцэпт разглядаюць у якасці асноўнай адзінкі нацыянальнага менталітэту як спецыфічнага індывідуальнага і групавога спосабу светаўспрымання і светаразумення. В.Г. Зусман вызначае літаратурны канцэпт як “вобраз, сімвал або матыў, які мае “выйсце” на геапалітычныя, гістарычныя, этнапсіхалагічныя моманты, што ляжаць па-за мастацкім творам” [9, с. 14]. Даследчык падкрэслівае, што менавіта “ўключанасць” у асацыятыўную прастору культуры робіць літаратурны вобраз канцэптам.

Разглядаючы канцэпт у літаратуразнаўчым аспекце, разгорнутае тлумачэнне тэрміну дае даследчыца Е.А. Лявонава: “Канцэпт – гэта складаны комплекс сэнсаў, пэўным спосабам структураваная сістэма ўніверсальных і індывідуальных значэнняў, якая дазваляе адэкватна спасцігнуць логіку аўтарскай задумы ці хоць бы наблізіцца да яе, убачыць свет вачыма пісьменніка і як непаўторна-ўнікальнай асобы, і як

прадстаўніка сваёй нацыі і сваёй краіны, і як чалавека ўніверсальнага, носьбіта прапам’яці, прагісторыі, пракультуры” [10, с. 12].

Мастацкі канцэпт мае шэраг сваіх спецыфічных рысаў, якія адрозніваюць яго ад канцэптаў іншага кшталту. Так, В.А. Маслава вылучае наступныя асаблівасці мастацкага канцэпту: “Па-першае, у аснове сувязі яго ляжыць асацыяцыя; па-другое, мастацкі канцэпт заключае ў сабе не толькі патэнцыю да раскрыцця вобразаў, але і разнастайныя эматыўныя сэнсы; па-трэцяе, мастацкі канцэпт імкнецца да вобразаў і ўтрымлівае ў сабе іх”; “у адрозненне ад абагульненых пазнавальных канцэптаў мастацкія канцэпты індывідуальныя, асобныя, размытыя і псіхалагічна больш складаныя; гэта комплекс паняццяў, уяўленняў, пачуццяў, эмоцый, часам нават валявых праяўленняў, якія ўзнікаюць на аснове мастацкай асацыятыўнасці” [11, с. 34–35].

Падобную думку выказвае даследчыца Т.І. Васільева, якая сцвярджае, што канцэпт – “ментальнае ўтварэнне свядомасці пісьменніка, якое рэалізуе сваё сэнсавое значэнне ў семантыка-асацыятыўным кантэксце літаратурнага твора. Мастацкі канцэпт знаходзіць сваё вербальнае выражэнне ў мастацкім вобразе, сімвале, з’яўляецца адзінкай карціны свету пісьменніка, пранізвае ўсю структуру твора, мае выйсце за яго межы, звязваючы пэўны мастацкі тэкст з іншымі творами пісьменніка, мастацкай літаратурай, культурнымі канстантамі нацыі” [12, с. 52].

Неабходна падкрэсліць, што мастацкі канцэпт валодае дыялагічнай, камунікатыўнай прыродай. У яго стварэнні ўдзельнічае не толькі пісьменнік, але і чытач. Канцэпт разлічаны на веды, памяць і фантазію чытача. Так, захоўваючы ў сваёй свядомасці ўнутраную форму канцэпту, чытач інтэрпрэтуе, рэканструюе яго, дзякуючы ўласнаму кагнітыўнаму вопыту, уласным асацыяцыям. Таму акрамя вербалізацыі канцэпту, яго ўнутранага нападўнення важная роля належыць та-

кому працэсу, як дадумванне, “дафантазіраванне”. Усё гэта сведчыць пра складаную структуру канцэпту, якая будзеца з ядра (слоўнікавага значэння слова, а таксама іерархіі ўсіх значэнняў слова) і перыферычных элементаў (культурнага вопыту, нацыянальнай традыцыі, асацыяцый і ўяўленняў чытача).

Паняцце канцэпту ў літаратуры цесна звязана з тэрмінам “канцэптасфера”. Канцэптасфера – гэта сукупнасць канцэптаў, з якіх складаецца светабачанне носьбіта мовы. Даследуючы канцэпты ў мастацкіх творах пэўнага аўтара, можна вызначыць канцэптасферу ўсёй творчасці пісьменніка, г.зн. яго мастацкае бачанне і ўспрыманне свету ў цэлым. Аналіз канцэптасферы дазваляе таксама звярнуць увагу на “пазатэкставыя” сувязі твора, на ўключанасць апошняга ў камунікатыўны акт, гістарычны і культурны кантэксты канкрэтнай эпохі.

Існуюць так званыя “ўніверсальныя”, асноватворныя канцэпты (дом, дарога, дзверы), “нацыянальныя”, або “этнакультурныя” (хата, шлях, брама), а таксама індывідуальна-аўтарскія (хата, пакрытая крыламі ластавак; дарога, закалыханая жытам; парэпаная рама дзвярэй – у паэзіі М. Танка). Вобразы-канцэпты з’яўляюцца культурнымі ўніверсальямі, нясуць глыбокі змест, канкрэтны, філасофскі і нават сакральны.

Заклучэнне. Такім чынам, канцэпт ўключае семантыку моўнага знака з яго канатацыйным элементам, а таксама ўласны і калектыўна-народны вопыт чалавека, яго ментальнасць. Канцэпты маюць эмацыйны і экспрэсіўны фон. У мастацкім творы канцэпт эстэтычна трансфармуецца, становіцца “мастацкім канцэптам” (тэрмін С.А. Аскольдава), які выяўляе асаблівасці стылю аўтара як эстэтычна арганізаванай сістэмы славаесных формаў, што ўвасабляюць у тэксце погляды пісьменніка на жыццё. Разам з тым мастацкі канцэпт уяўляе сабой складаную змештавую структуру, у якой зліваюцца ў адзінае цэлае

індывідуальна-аўтарскае разуменне і традыцыя нацыянальнага выкарыстання дадзенага канцэпту. Дзякуючы мастацкім канцэптам, чытач у творы можа ўбачыць як індывідуальна-аўтарскае асэнсаванне сутнасці прадметаў, так і погляд на іх у этнакультурным маштабе.

Літаратура

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность: антология; под ред. В.Н. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–280.
2. Забалотная, І. Канцэпт вайны ў кантэксте ўніверсальнага і нацыянальнага / І. Забалотная // Роднае слова. – 2012. – № 5. – С. 89–93.
3. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
5. Тарасова, И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения / И.А. Тарасова // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 4(2). – С. 742–745.
6. Зябрева, Г.А. Концепт-анализ в современном литературоведении: теоретическая и методологическая проекции / Г.А. Зябрева, С.В. Капустина // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей. – Магнитогорск: МаГУ, 2012. – Вып. IV. – С. 7–15.
7. Беспалова, О.Е. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / О.Е. Беспалова. – СПб., 2002. – 24 с.
8. Володина, Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения: монография / Н.В. Володина. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 256 с.
9. Зусман, В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка / В.Г. Зусман. – Н. Новгород: Деком, 2001. – 168 с.
10. Лявонова, Е.А. “Палову жыцця пішу на дарозе свае імёны, палову – закрэсліваю напісанае...” / Е.А. Лявонова // Роднае слова. – 2007. – № 12. – С. 12–15.

11. Маслова, В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.
12. Васильева, Т.И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта / Т.И. Васильева // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. – № 7(18). – Ч. 1. – С. 51–54.

Поступил в редакцию 17.05.2013 г.

Принят в печать 24.06.2013 г.

УДК 82-3(438)

Образ природы в художественной структуре исторического романа (на примере романа «Маслав» Ю.И. Крашевско- го)

Сенькевич Т.В.

**Учреждение образования «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина», Брест**

Образ природы является важным структурным компонентом исторического романа, обогащая событийный и романический планы повествования. Ю. Крашевский отводит важное место образу природы (пейзажи, картины природы, природная символика, мир природы и пр.) в своих произведениях, в том числе и исторических романах. Роман «Маслав» польского классика является тому подтверждением. Образ природы в произведении выполняет различные функции: создание особого эмоционального настроения, предвещение событий, особый способ выражения философско-исторических, нравственных взглядов художника слова. Нам представляется, что пейзаж у Крашевского субъективно-реалистический. Однако в силу специфики исторического повествования лирический пейзаж у польского прозаика не представлен, он отдает предпочтение психологическому и импрессионистическому и в собственно историческом, и в романическом (любовном) планах. Пейзаж позволяет определить вектор писательской стратегии в отношении универсальных художественных систем, так как содержит черты реалистического, романтического искусства слова с проявлениями символизма, импрессионизма, сюрреализма. Пейзаж Крашевского во многих случаях условен, обобщен, в нем преобладает не столько чудесное, сколько порой фантастическое.

Ключевые слова: структура образа природы, романтизм, импрессионизм, компонент, цветовая палитра, сезонный пейзаж, ряд автономных фантастических образов, принцип монтажа, лирическая миниатюра, антиномия, субъективно-реалистический пейзаж.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 124–130)

The Image of Nature in the Artistic Structure of the Historical Novel (on the Example of the Novel “Maslav” by Yu.I. Kraszewski)

Senkevich T.V.

Educational establishment “Brest State A.S. Pushkin University”, Brest

The image of nature is an important structural component of the historical novel, enriching eventive and romantic narrative plans. Landscapes, nature pictures, nature symbolism, the nature world and so forth have much significance in the works of J. Kraszewski including historical novels. The novel “Maslav” by this Polish classic writer is the proof of this fact. The image of nature in the work performs different functions: creation of a special mood, prediction of events, a special way of expressing historical and philosophical and moral views of the literary artist. We suppose that the description of nature in the books of Kraszewski is subjectively-realistic. Due to the specific character of historical narration the lyrical scenery of the Polish writer is not represented, he prefers the psychological and impressionistic scenery in the very historical and romantic (love) plans. Landscape determines the vector of the author's strategy in respect of universal art systems, as it contains the elements of realistic, romantic art of writing with the manifestations of symbolism, impressionism, surrealism. Kraszewski's landscape is in many cases arbitrary. Not only magical but also sometimes fantastic elements dominate in it.

Адрес для корреспонденции: e-mail: literas2006@mail.ru – Т.В. Сенькевич

Key words: *the structure of the image of nature, romanticism, impressionism, component, color palette, seasonal landscape, a number of autonomous fiction images, mounting principle, lyrical miniature, antinomy, subjectively realistic landscape.*

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 124–130)

В историческом романе образу природы отводится важная роль. Пейзажные зарисовки позволяют писателям усилить и обогатить психологическое начало. К тому же материальные объекты, детали природного мира наряду с бытовыми картинками, описанием обстановки, костюмом определенной эпохи и создают ее общую «декорацию». На этот общий фон и проецируется событийный план, что и позволяет сделать художественное повествование о далеком прошлом убедительным и достоверным.

В романе «Маслав» Ю.И. Крашевского, повествующем о Древнепольском государстве начала XI века, пейзажные зарисовки, в которых воплощены приметы, реалии времен года, времени суток, погоды, выполняют ряд функций. Реалистическим по своей природе пейзажам свойственны черты романтизма, импрессионизма и даже сюрреализма.

Цель данной статьи – исследование роли, места, функций образа природы в художественной структуре романа «Маслав» польского классика Ю.И. Крашевского на уровне проблематики, концептуального пространства произведения, речевой композиции.

Материал и методы. Объектом анализа является роман Ю. Крашевского, предметом – структура и функции образа природы в произведении. Методологию работы составляют структурно-типологический и историко-функциональный методы.

Результаты и их обсуждение. Мир природы, образ природы, пейзаж... Часто эти понятия воспринимают и трактуют как тождественные, но и литературоведы, и читатели согласны в том, что все они являются неотъемлемой составляющей художественной структуры произведения, независимо от его родово-жанровой принадлежности.

Определение образа природы, выявление его функций в произведении, композиция и пр. – объекты научного исследования Т.Я. Гринфельд, Л.В. Гурленовой, В.Е. Хализева и др.

В.Е. Хализев дает следующее определение образа природы: «Формы присутствия природы в литературе разнообразны. Это и мифологические воплощения ее сил, и поэтические олицетворения, и эмоционально окрашенные суждения..., и описания животных, растений, их, так сказать, портреты, и, наконец, собственно пейзажи (фр. *païs* – страна, местность) – описания широких пространств» [1, с. 206].

За довольно продолжительный период развития литературоведческой мысли сложилась целая система, терминологический корпус, позволяющий укрупнить, дополнить и значительно обогатить понятие «образ природы». Правда, по-прежнему самым распространенным и общеупотребительным остается «пейзаж» (А.И. Белецкий, А.Б. Есин). Но если А.И. Белецкий утверждает, что пейзаж – «всякое изображение природы» [2], то Е.А. Ширина вслед за К.В. Пигаревым, Т.Я. Гринфельд отмечает, что это прежде всего «описание, изображение внешнего вида, картина, ландшафт» [3], так как пейзаж, по ее мнению, появился позже, а вот образ природы известен и в мифах, и в фольклоре.

Исследование образа природы в прозаическом и поэтическом текстах базируется на разном инструментарии и принципах. Прозаические тексты актуализируют такие подходы, как время года, суток, географическое расположение, тематическое пространство. Е.А. Ширина дополняет этот перечень следующими характеристиками: «по совокупности впечатлений», подразумевая зрительный, акустический, обонятельный, осязательный, вкусовой планы; «по реальности восприятия (фактическое или вообра-

жаемое), по соотношению статических и динамических моментов» [3].

Пейзаж позволяет выразить авторскую позицию, он в большей степени презентует «тот пафос, который составляет настоящий предмет художественного изображения» [4; 1, с. 242], помогает прозаику в раскрытии, а реципиенту в постижении идейно-художественного содержания произведения, в некоторых случаях становится одним из важнейших способов создания образов-характеров. Жанровые модификации также по-разному эксплуатируют этот компонент художественной структуры. Образ природы органичен прежде всего в психологическом, философском, историческом романах.

Ю. Крашевский открывает роман «Маслав» картиной природы, которая запечатлевает страшное разорение, гибель всего живого в результате войн, ставших неотъемлемой составляющей жизни этой земли. Пейзаж становится констатацией, одновременно предзнаменованием грозных событий, которые предстоит пережить героям произведения. Природа будто зеркально отображает то, что сотворили жестокие варвары, уничтожившие посевы, замки и их обитателей, лишившие людей крова, земли предков, счастья, надежды.

В картине природы констатируем наличие различных цветов и оттенков: румяный, синий, желтоватый, зеленоватый, серый, черный. Олицетворение, придавая картине динамичность, в то же время наделяет ее чертами неживой, умирающей или уснувшей. Румяные и синие облака, действительно, – приметы реальной природной картины. Автор «растущевывает», размыкает очертания подвижного неба, на котором – только штрихи общего эскиза, написанного самой природой. Есть в этой картине некий магнетизм, она стремительно меняется, взгляд не успевает все зафиксировать. Два цвета (серый и черный) в своем внутреннем противостоянии-антитезе сведены к одной общей точке, что в том числе позволяет автору использовать

сравнение-уподобление (облака – войска).

Логичным продолжением картины становится пейзаж, который сотворил человек. Это приметы военной жизни, оставленная после боев разруха, когда все уничтожено, разграблено. Дорога как символ жизни не выводит к свету, наоборот, все на ней «взывает» о помощи, умоляет о пощаде.

Образ природы в произведении польского классика актуализирован в повествовании, как правило, тогда, когда нужно либо прокомментировать душевные переживания героев, либо предварить, создать своего рода лирическую экспозицию поворотному событию. Так, атаке черни Ольшовского городища предпослан пейзаж поздней осени, в котором воплощены и некая строгость, и достоинство, и сдержанная красота уходящей осенней поры, богатой красками. В картине, данной писателем, цветовые решения многообразны, выдержаны в рамках той цветовой палитры, которая нашла отражение уже в первой пейзажной зарисовке, открывающей роман: «бледно-желтый», «пурпурный», «черный и коричневый», «зеленоватый». Понятно, что поздняя осень внесла свои коррективы в цветовую гамму, в ней преобладают насыщенные тона, полутона в основном зафиксированы на пограничье: «Небо, зеленоватое в нижней своей части,верху сияло чистой бледной лазурью» [5, с. 137]. Пейзаж реалистический, избавлен от каких бы то ни было признаков символического или романтического, в нем все конкретно, без изысков. Это во многом объясняет представленный автором эпизод нападения врагов.

На фоне общих картин природы, которым в повествовании отведено небольшое место, особенно интересными представляются ключевые образы, обретающие характер символического знаменания, фактурные по исполнению, демонстрирующие мастерское владение писателем импрессионистическими приемами. Именно таким дан в романе образ месяца, который включен в ткань произведения в момент трагического разрешения общего для героев противостояния

конфликта. Скорбь, отчаяние, боль персонифицированы в образе матери Матлава. При первой встрече с героиней читатель сомневается, на самом ли деле женщина безумна: в ее словах, обращенных к сыну, есть логика и жесткая правда. Последнюю встречу матери и сына предваряет описание месяца и дуба. Начало пейзажной зарисовки не предвещает радостного свидания близких людей: «Над лесами, из-за черных туч, показался серп месяца, красный, кровавый, страшный, как вытаращенный глаз, из которого сочится кровь...» [5, с. 221]. Эта почти сюрреалистическая картина исполнена ужаса, мистики. Метаморфозы, происходящие с месяцем, стремительны и поражают своим качеством: «Черная тучка перерезала его пополам, он выглянул из-за леса, словно раненый, огляделся вокруг, побледнел и пожелтел» [5, с. 221]. Не меняется в этой общей картине, пожалуй, одно: предвестие кровавой, смертельной развязки, ибо в начале описания и в его продолжении усматривается угроза жизни, возможно, и сама смерть. Мистический ужас поглощает пространство пейзажа, и автор последующим описанием только усиливает впечатление жизненной катастрофы.

Монтажный принцип актуализирует прием градации: следующим образом этой фантастической картины становится «огромный высохший дуб», вернее, как уточняет автор, «только труп прежнего дерева»: «Кору с него содрали, весь он был опален снизу, ветер обломал ветви, и только несколько толстых сучьев отделялись от ствола, как обрезанные руки» [5, с. 221]. Представший в подобном жалком, немощном состоянии взору женщины исполин, воплощение природной мощи и силы, персонифицирует человека, прошедшего путь мытарств и испытаний и оказавшегося раздавленным обстоятельствами.

В романе Крашевского даны сезонные пейзажи (осенний, зимний, весенний), охватывающие разные времена суток. Явное предпочтение вечернему, ночному времени, а также сумеркам объясняется общим настроением повествования,

творческой задачей писателя сравнить угрозу, нависшую над Древнепольским государством, охваченным бунтами, в отсутствие короля, с тем временем суток, которое и концентрирует в себе темноту, мрак, безысходность жизни, трагизм событий.

Некоторые пейзажи писателя можно отнести к детальным, поскольку, описывая, что происходит на земле, в небе, он подробно указывает на приметы определенного времени года, суток. Не всегда Крашевский акцентирует внимание на ландшафте, но обязательно – на растительности, погоде, приметах.

Известно, что импрессионисты уделяли особое внимание свету и цвету, уникальную природу которых видели в способности к стремительной смене, к синтезу, обогащению, наполнению новыми красками, оттенками, полутонами. Пейзажам Крашевского присущи черты импрессионизма. Он не просто рисует кистью живописца-прозаика, его задача состоит в том числе и в передаче впечатления от увиденного, и картины обретают особенные черты: все либо в тумане, либо ночью, когда размыты границы, очертания предметов нечетки, когда звуки, голоса обретают особый, неземной, таинственный характер. Несомненно, у Крашевского подобное качество образа природы связано с психологизмом модели его реалистической прозы, открытой к включению иных художественных тенденций.

Пейзажи в романе Крашевского создают образный ряд. Писатель отдает предпочтение динамичному, активному пейзажу, что отвечает и его творческой задаче в целом: исторические события актуализируют движение, стремительную смену планов, фиксацию деталей и пр. Природа, несмотря на агрессивное вмешательство в нее воинственного и воющего человека, живет по своим сезонным, циклическим законам. Стабильность, демонстрируемая природным миром, есть в определенной мере гарантия того, что все военные конфликты носят временный характер, природа диктует свои правила и настойчиво показывает

людям, что их претензии на власть, борьба за утверждение каких-то их принципов – дело бессмысленное, ибо есть то вечное, чем не способен управлять человек с его амбициями.

Придавая важное значение пейзажу, Крашевский создает историческое полотно, в основе структурирования материала – иные принципы, да и задачи, решаемые автором, которые отличаются от задач, стоящих перед создателями иных жанровых разновидностей романов.

В основе пейзажного образного ряда – монтажный принцип, который позволяет писателю чередовать общий, крупный, первый планы, не составляющие цельной и целостной картины. Это невозможно в силу того, что место действия меняется, соответственно и картины природы всякий раз предстают новые. Во-вторых, автор изображает три годовых цикла (осень, зима, весна), что скорее напоминает сюжет, зафиксированный на киноплёнку, где камере отводится активная роль. Писатель совмещает вертикальное «видение» объектов и реалий природного мира с горизонтальным, попеременно воспроизводя мини-картинки, мини-эпизоды.

Пейзаж Крашевского отнести к ландшафтному нельзя: в описаниях прозаик переносит акценты именно на объекты и материальные предметы пейзажа. Поэтому это разновидность социального пейзажа – военный.

Образ природы в романе Крашевского выступает в двух ипостасях: самостоятельный и функциональный. Отдельные зарисовки природы в романе вполне можно назвать самостоятельными: вычленив из структуры текста, их можно представить в виде лирических миниатюр с собственной сюжетной линией. Лаконичные (чаще экспозиционные) зарисовки: мотивы ночи, мглы, ветра, сумрака, грозы; конкретные природные образы (костер, дуб, солнце, месяц); сюжеты, сопровождающие или иллюстрирующие темы любви, войны, смерти и др., позволяют говорить и о функциональной роли образа природы в произ-

ведении. Из образов чувственного восприятия в романе преобладают зрительные, слуховые, что характерно прежде всего для реалистического искусства слова и позволяет рассматривать материальные формы, элементы природного мира в трехмерном пространстве, заполняя его обилием света, разнообразными оттенками цвета.

Пейзаж у Крашевского динамичный, состоящий из отдельных микросюжетов, в совокупности отражающих переходы от вечера к утру (с последовательной фиксацией отдельных этапов), или чаще – от вечера к ночи. Пейзажных штрихов как отдельных элементов в картинах природы немало, но все-таки Крашевский как писатель-реалист явно отдает предпочтение развернутым динамическим пейзажам.

По отношению к изобразительному искусству пейзажи Крашевского маркируются как пейзажи-этюды и пейзажи-картины. Если же характеризовать картины природы в соответствии с их жанровыми чертами, то их можно назвать пейзажами-акварелями, поскольку зыбкость и размытость границ описываемых материальных предметов, смена ракурсов света, нечеткость, переходность, богатство цветовых оттенков и полутонов больше свойственны произведениям, в которых явлены черты импрессионистического искусства. Есть в романе и пейзаж-портрет (описание дуба). Пейзаж-предварение, или, как мы его назвали, пейзаж-экспозиция, открывает роман и своим эмоциональным пафосом, общим настроением располагает на трагические события, сложную сюжетную коллизию.

Природа в романе писателя – эстетический объект, движение, стихия, фиксирующая и отражающая сезонные, суточные, погодные изменения, реагирующая на присутствие человека, его воздействие на природный мир (гармоничное или агрессивное, воинствующее). Такие оценки-характеристики пейзажа свойственны реалистическому (движение) и романтическому (стихия) искусствам слова. Справедливы те исследования, кто считает, что внимание художни-

ков-реалистов к стихии обусловлено прежде всего их натурфилософскими воззрениями.

Природных образов у Крашевского немало, в основном, они носят конкретный характер, есть и условные образы, позволяющие актуализировать антиномию «небо–земля». Это объективно-реалистические образы (жаворонок, ласточка, аист, медведь, дерево), одновременно выступающие и в ипостаси реалистических образов лирико-философского содержания: мифологические образы (месяц, дуб, волк). И все-таки сквозным природным образом у Крашевского является ветер, который позиционирован как неумолимая природная стихия, порой кардинально меняющая знакомую героям картину. Этот образ активно «работает» на раскрытие и постижение идеи произведения, творческого замысла писателя.

Поскольку в произведении наряду с историческим повествованием мощной составляющей является психологическая, можно говорить и о психологической параллели образов природы и внутренних движений, чувств и переживаний героев. Многие вышеуказанные образы природы (прежде всего, ветер, дуб, месяц, ночь) несут в себе скрытый мифологический, философский, исторический смыслы, что помогает создать в целом психологический подтекст картины природы. Поэтому пейзаж Крашевского и психологический, построен по принципу психологической параллели, психологический контраст (состояние человека и мира природы) ему не свойствен.

Заключение. Пейзаж Крашевского мы определяем как субъективно-реалистический, в котором выделяют лирический, психологический, импрессионистический. Для прозаика характерны два последних типа. Лирический не актуализирован в силу разности задач лирической и исторической прозы; даже в романической (собственно любовной сюжетной линии романа) востребован психологический пейзаж.

Порой достаточно сложно определить в принадлежности картин природы в романе польского классика универсальной художественной системе: реализм или романтизм. От романтического пейзажа у Крашевского интерес к стихийным силам, вызывающим мощную эмоциональную реакцию: страх перед опасностью или неотвратимостью каких-либо событий. Поскольку повествование в романе замыкается на военных событиях, противостоянии людей с разными жизненными позициями, подобная реакция оправдана и ожидаема. Действительно, пейзаж Крашевского во многих случаях условен, обобщен, в нем преобладает не столько чудесное, сколько порой фантастическое. Тихим, умиротворенным пейзажем Крашевского не назовешь даже тогда, когда он описывает тишину, которая в основном предгрозовая по содержанию. То, что внимание писателя большей частью приковано к вечернему сумраку, ночи, пограничным природным явлениям, тоже можно назвать симптомами, признаками романтического искусства слова. Но порой практически невозможно определить грань, отделяющую романтический пейзаж от субъективно-реалистического импрессионистического. Лунные пейзажи доминируют в романе Крашевского над солнечными, и это соотносится с событийным планом повествования.

Функции пейзажа у Крашевского разнообразны: создание особого эмоционального настроения, предварение событий, особый способ выражения философско-исторических, нравственных взглядов художника слова.

Таким образом, в романе Крашевского «Маслав» образ природы позволяет раскрыть «внутреннее действие», создать определенное эмоциональное настроение, обогатить интеллектуальное содержание, органично соотносить событийный и любовный планы повествования.

Литература

1. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М., 2000. – 398 с.

2. Белецкий, А.И. Изображение живой и мертвой природы / А.И. Белецкий // Белецкий, А.И. В мастерской художника слова. – М., 1989.
3. Ширина, Е.А. Художественное осмысление природы в романе-эпопее М.А. Шолохова «Тихий Дон»: традиции и новаторство: автореф. дис. ... канд. филол. наук, спец. «Рус. лит.» / Е.А. Ширина. – М., 2001. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/khudozhestvennoe-osmyslenie-prirody-v-romane-epopee-m-sholokhova-tikhii-don-traditsii-i-nova> – Дата доступа: 11.11.2011.
4. Гегель, Г.Ф. Эстетика: в 4 т. / Г.Ф. Гегель. – М., 1971.
5. Крашевский, Ю.И. Маслав. Кунигас. Исторические романы: пер. с пол. / Ю.И. Крашевский. – М., 1994. – 432 с.

Поступила в редакцию 03.04.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 811.161.3'373.6

Касмонімы ў легендзе “Мірадж”: проблемы этымалогіі

Несцяровіч В.І.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У легендзе “Мірадж” з Кітаба А. Хасяневіча (1832) аб нябесным падарожжы прарока Мухамеда да Боскага трона для абазначэння наведаных ім сямі нябёсаў выкарыстана арабская лексіка. Высветленне матывацыйнай прыметы гэтых назваў складае змест публікацыі. У выніку праведзенага назірання высветлілася, што большасць касмонімаў этымалагізуюцца, матывацыйныя прыметы назваў пятага (Сафы), шостага (Халіса), сёмага (Фаўка), а таксама, з пэўнай агаворкай, чацвёртага (Мазіна) і, магчыма, першага (Рафа) нябёсаў дастаткова празрыстыя. Выбар найменняў у гэтых выпадках абумоўлены галоўным чынам найбольш выразнымі, кідкімі прыметамі, якімі характарызуюцца нябёсы або прадметы, што там знаходзяцца, а таксама ўражаннем наведвальніка і месцам, размяшчэннем аднаго неба адносна другога.

У публікацыі прыводзіцца таксама этымалагічная даведка арабскай назвы варотаў на першым небе (Хафіз).

Ключавыя словы: кітаб, легенда “Мірадж”, касмонімы, арабізмы, цюркская мова, беларуская мова, арабская мова, значэнне слова.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 131–136)

Astronyms in the Legend of Mi‘rağ: Problems of Etymology

Nesterovich V.I.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

For the description of the seven circles of heaven in the legend “Mi‘rağ” from the Kitab written by A. Khasianeyevich in 1832 about the ascension of Prophet Muhammad into heaven Arabic vocabulary is used. Finding out the motivational indications of these names makes up the contents of this publication. The research work revealed the fact, that the main part of the astronyms has been etymologized, the motivational indications of the names for the fifth (Safi), sixth (Halisa), seventh (Fawqa) and with the proviso for the fourth (Mezina), and perhaps for the first (Rafa) heaven are quite transparent. The choice of the names in these cases is

determined mainly by the most expressive catchy signs, which characterize heaven or objects there, by the impressions of the visitor as well, by the location of one heaven to another too. The etymology reference about the Arabic name for the gates on the first heaven (Hafiz) is also made in this publication.

Key words: Kitab, “Mi‘rağ” legend, astronyms, Arabisms, Turkic language, Byelarussian, Arabic, meaning of the word.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 131–136)

Словам “мірадж” (ар. *mi’rağ* ‘лесвіца, узыходжанне’) абазначаецца дзівоснае перанясенне прарока Мухамеда з Меккі ў Іерусалім і адтуль да Боскага трона. Пра гэтыя два факты з жыцця заснавальніка ісламу паведамляецца ў літаратурным творы, які дайшоў да нас у кітабах “літоўскіх” татар і таксама атрымаў назву “Мірадж”. Традыцыйна ён лічыцца легендай, хаця мае канкрэтнага аўтара [1, с. 369].

Легенда “Мірадж” была асабліва папулярнай у арабскай і персідскай літаратуры, а з прыняццем туркамі ісламу – і ў турэцкай класічнай і народнай літаратуры [1, с. 357]. З устанаўленнем трывалых сувязей паміж “літоўскімі” татарамі і Турцыяй гэты твор разам з іншай рэлігійнай літаратурай трапляе на этнічныя беларускія землі, дзе і ажыццяўляецца яго пераклад з цюркскай мовы на беларускую. Самай даўняй з вядомых з’яўляецца копія ў Кітабе Івана Луцкевіча 1-й паловы XVIII ст. Перакладзеная на беларускую мову легенда сустракаецца яшчэ ў некалькіх кітабах і падаецца сінхронна з цюркскім тэкстам або без яго. Апавяданне пра нябеснае падарожжа прарока Мухамеда ёсць і ў Кітабе А. Хасяневіча (1832), які і паслужыў крыніцай моўных матэрыялаў для гэтай публікацыі.

Паводле легенды з Кітаба А. Хасяневіча, прарок Мухамед на працягу ночы быў перанесены з Меккі ў Іерусалім, а адтуль на казачнай істоце па імені аль-Бурак здзейсніў узыходжанне на нябёсы, наведаў рай і пекла, меў размову з Алахам. Потым архангел Джабраіл вярнуў Мухамеда на зямлю, а аль-Бурак хутка перанёс Прарока ў Мекку. Пра сваё цудоўнае ўзыходжанне Мухамед расказвае чатыром праведным халіфам, якія без усякага сумнення паверылі ў яго начное падарожжа.

Характар і паходжанне твора абумовілі пранікненне ў мову беларускай копіі пэўнай колькасці арыенталізмаў, у

прыватнасці арабізмаў, якімі абазначаюцца назвы *нябёсаў*. У лінгвістычнай літаратуры, прысвечанай вывучэнню кітабаў, створаных у Беларусі, значэнні касмонімаў не тлумачацца, чым і абумоўлена актуальнасць публікацыі. Мэта артыкула – этымалагізацыя касмонімаў, выкарыстаных у легендзе “Мірадж”.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для назірання сталі арабскія назвы, дадзеныя нябёсам. У працэсе збору і аналізу фактычнага матэрыялу выкарыстоўваліся метады суцэльнага выяўлення, дэскрыптыўны, інтэрпрэтацыйны, супастаўляльны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Галіна Мішкінене і Хусейн Дургут, супастаўляючы цюркскі і беларускі варыянты легенды, адзначаюць, што пералік і назвы сямі нябесных сфер і матэрыялу, з якога яны зроблены, характэрны для легенды “Мірадж”. Але не ўсе назвы нябёсаў у кітабах “літоўскіх” татар супадаюць з адпаведнымі найменнямі ў старатурэцкіх тэкстах, якія бытавалі ў Турцыі. Напрыклад, другое неба ў Кітабе Луцкевіча называецца *nā’ūre*, а ў “Лалелі-II” (тэкст, які ўзнік у Турцыі на рубяжы XIV–XV стст.) – *aḥaz*, трэцяе неба ў Кітабе Луцкевіча – *zā’ire*, а ў “Лалелі-II” – *eiberā* [1, с. 367–368].

Не дзіўна, што назвы нябёсаў у старатурэцкім тэксце, які ўзнік і бытаваў у Турцыі, цюркскія. Некалькі дзіўным падаецца тое, што ў цюркскай частцы легенды з Кітаба Хасяневіча – назвы арабскія. Магчыма, гэта тлумачыцца, акрамя ўсяго, і тым, што з прыняццем ісламу цюркскія мовы запазычылі вялікую колькасць арабскіх лексем і арабскія назвы – адзін з вынікаў запазычвання. Задачай дадзенай публікацыі з’яўляецца высвятленне матывацыі арабскіх онімаў нябёсаў у Кітабе А. Хасяневіча.

Апавяданне ў легендзе вядзецца ад імені прарока Мухамеда. Назвы нябёсаў таксама гучаць з яго вуснаў. Узнікненне касмонімаў фармальна варта было б звязваць са светабачаннем самога

Прарока, з яго асацыяцыямі і ўражаннямі. Ва ўсякім разе пры іх этымалагізацыі гэта варта ўлічваць. Аднак нельга і недаацэньваць ролі народнай творчасці, вынікі якой маглі быць выкарыстаны аўтарам дадзенай легенды (успомнім сведчанне Г. Мішкінене аб несупадзенні асобных назваў нябёсаў у “літоўскіх” і турэцкіх кітабах).

Першае неба, якое наведвае прарок Мухамед у ходзе свайго незвычайнага падарожжа, называецца *рефе’е* [рафа́]. Указваецца таксама, што яно створана з дыму. Уваход на першае неба зачыняўся варотамі, назва якіх – *хафиз*: *з дыму стварона видзив небо першайе ў китабе рефе’е име ‘адни варота видзив име хафиз браме вежи ‘усе из сватласц* (100b10–101a1) [З дыму створана першае неба. У китабе яго называюць Рафа́. Бачыў адны вароты, называюцца Хафіз, аркі, вежы – усе са святла].

Слова *хафиз* (حافظ) у арабскай мове полісемантычнае, адно з яго значэнняў – ‘чалавек, які ведае на памяць Каран’ [2, с. 183]. Тут наўрад ці маецца на ўвазе ‘захавальнік Карана’ (які захоўвае Каран у сваёй памяці). У гэтым кантэксце больш падыходзіць першае значэнне слова ‘які аберагае, які ахоўвае’ [2, с. 182]. У назве варот, за якімі знаходзіцца першае неба, адлюстроўваецца *функцыя, прызначэнне* варот – імі аберагаецца ўваход на нябёсы. Пагэтакі вароты пільна ахоўваюцца воінствам анёлаў, якім кіраваў Ісмаіл: *пришов джебра’ил ў варота ‘ударив из середзини глас пришов хто йест рек йа йест чи ти джебра’ил варота адчини ‘увайду исма’ил мувил ведле себе хто йест скажи мне джебра’ил мувил семенча нехай табе при мне прарок пахвалноц света* (101a 2–5) [Падыходзіць Джабраіл, пастукаў у вароты. З сярэдзіны адгукнуліся: Хто тут? Адказаў: Гэта я. Гэта ты, Джабраіл? Вароты адчыні, дазволь увайсці, Ісмаіл. Спытаў [Ісмаіл]: Хто з табою побач, скажы мне? Джабраіл адказаў: Добрая вестка табе: са мною Прарок, дастойны пахвалы].

Але чаму першае неба называецца Рафа́? Вельмі магчыма, што *рефе’е* – ад ар. *rafa’a* ‘павышаць, падымаць, узвышаць’, напрыклад, павысіць значэнне чаго-н. і пад. [2, с. 305], ‘узвысіць’ у чых-н. вачах [3, с. 105]. Верагодна, неба, якое Прарок бачыў першым, зрабіла на яго вялікае ўражанне сваімі памерамі, а мабыць, і ўзвысілася ў яго вачах. Гэта, як здаецца, адно з магчымых тлумачэнняў унутранай формы назвы. Даводзіцца толькі прызнаць ужыванне дзеяслова ў якасці оніма нетрадыцыйным сродкам намінацыі.

Другое неба, паводле больш распаўсюджаных усходніх крыніц, было створана з медзі [4, с. 249]. Са сведчаннем у манускрыпце А. Хасяневіча гэта не супадае: *из железа стварона небо другойе пан бог што ‘уробиц будзе гатова наўре йест другому небу име* (102a4) [З жалеза створана другое неба. Бог што задумае – будзе гатова. Наўра называецца другое неба].

Даследчыкі кітабаў адносяць слова *наўре* да арабізмаў – даюць яму традыцыйнае тлумачэнне ‘назва другога неба’ [5, с. 773]. Тым часам Наўра (ناعورة) у арабскай мове мае значэнне ‘норыя, (вадзяное) арашальнае кола’ [2, с. 813]. Лексема *норыя* ёсць і ў беларускай мове, яна запазычаная і замацавалася ўжо з “навейшым” значэннем ‘каўшавы элеватар з радам чарпакоў на рухомым ланцугу для падымання сыпкіх цел, вады і г.д.’.

На другім небе Прарок бачыць незлічоную колькасць анёлаў, у абавязкі якіх уваходзіць назіранне за выкананнем вернікамі тых ці іншых рытуалаў на зямлі. З апавядання мы таксама даведваемся, што Прарок прывітаўся з імі, а яны пакланіліся яму. Вось фактычна і ўсе звесткі, але іх недастаткова, каб растлумачыць назву неба. Магчыма, другое неба нечым выклікала асацыяцыю з вадзяным колам – прыстасаваннем, якое шырока выкарыстоўвалася ў краінах Усходу для ірыгацыі. Аднак дадатковых сведчанняў пра гэта ў тэксце няма. Прызнаць

значэнне ‘норыя’ ўнутранай формай касмоніма Наура наўрад ці можна, ва ўсякім разе – без дадатковага культурна-моўнага абгрунтавання.

Трэцяе неба, паводле іншых усходніх крыніц, Бог стварыў з серабра, а чацвёртае – з золата. У легендзе з Кітаба Хасяневіча трэцяе неба створана таксама з серабра, а чацвёртае – з дыму. Трэцяе неба называецца *за’іре*, чацвёртае – *мезине*: *третейя неба пан бог стварив з сребра за’іре име ‘а саму зе сребра* (10262) [Трэцяе неба Бог стварыў са срэбра. Называецца Заіра. Усё са срэбра]; *з дыму ...пан бог чвартайе неба стварив име мезине* (103a1) [З дыму стварыў Бог чацвёртае неба. Імя [яго] – Мазіна].

Атрымліваецца, што першае і чацвёртае нябёсы створаны з аднаго і таго ж матэрыялу. Яўныя выдаткі, непазбежныя пры шматразовым перапісванні ці перакладзе, а магчыма, гэтая недарэчнасць была ўжо ў нейкім трэцім варыянце легенды. Сумніўна, што дым як будаўнічы матэрыял мае дачыненне хоць бы да аднаго з нябёсаў. Паводле іншых усходніх крыніц, першае неба створана з жалеза.

Што да слоў *за’іре* і *мезине* (верагодны варыянт прачытання: [за’іра], [мазіна]), якімі называюцца трэцяе і чацвёртае нябёсы, то гэтыя касмонімы таксама арабскага паходжання. Лексема *за’іре* адпавядае ідэі наведвання, што ў арабскай мове перадаецца словам *zījara* (زيارة) [зійара] ‘наведванне, візіт’ [2, с. 338], а дзеепрыметнік *za’ira* (زائرة) [за’іра] мае значэнне (літаральна) ‘якая наведвае’. Гэтая форма і выкарыстоўваецца ў якасці касмоніма. Але даводзіцца ўсё ж канстатаваць, што арабская назва неба Заіра значэннем арабізма *za’ira* (زائرة) ‘якая наведвае’ або ‘наведвальніца’ наўрад ці матывуецца.

Арабскае слова *мезине* суадносіцца з ідэяй упрыгажэння, дэкарыравання. Параўн.: ар. *zajīn* ‘упрыгожваць, прыбіраць’; ар. *zajjana* ‘упрыгожваць, дэкарыраваць, прыхарошваць’ [2, с. 341], а дзеепрыметнік *mezina* (منزينة) [мазіна] ад

гэтага караня з далучэннем афікса *те-* літаральна абазначае ‘якая ўпрыгожана’. Трэба думаць, чацвёртае неба, аздобленае золатам, зрабіла ўражанне на прарока Мухамеда сваёй *упрыгожанасцю*.

Калі ў манускрыпце А. Хасяневіча чацвёртае неба падаецца як створанае з дыму, а не з золата, як у найбольш пашыраных краінах Усходу варыянтах легенды, то ясна, чаму золата аказалася на пятым небе: *патайе неба зе злота йест видзев гори кеме не ўсе дарагийя камен сафы патего неба име* (109a4) [Пятае неба з золата ёсць. Бачыў [там] горы, камяні – усе дарагія камяні. Пятае неба называецца Сафы].

Назва пятага неба – Сафы. У арабскай мове яно адпавядае слову (صفي) – ар. ‘чысты, празрысты, ясны; бязвоблачны (пра неба)’ [2, с. 441]. Можна меркаваць, што яно ўразіла Прарока сваім выглядам, было *чыстае, яснае, бязвоблачнае*, хаця гэтыя характарыстыкі неба ў легендзе не адзначаюцца.

Шостае неба, паводле іншых найбольш распаўсюджаных версій, створана з ізумруду. У легендзе з Кітаба А. Хасяневіча неба называецца Халіса, але назва матэрыялу, з якога створана неба, адсутнічае: *шостайе неба видзев дараги камен брами бакшити ўсе з дарагога камене шостага неба име халисе* (109b10–110a1) [На шостым небе бачыў дарагія камяні, брамы, бакшыты – усе з дарагіх камянёў. Называецца шостае неба Халіса].

Тут Прарок бачыць дарагія ўпрыгажэнні, сапраўдныя, якія не з’яўляюцца падробкай. Гэтая акалічнасць магла быць матывацыйнай прыметай назвы, паколькі *halis* – ар. ‘чысты, непадроблены, сапраўдны, шчыры’ [2, с. 232]. Шостае неба ў іншых тэкстах кітаба называецца іменна Халіс. Так, у апавяданні “*и теж не йест прииента молитва ибрагима прароке за ойцем йего*” (145b1), дзе даюцца назвы нябёсаў, шостае неба мае назву *халис*: *шустему небу име йему халис йест* (145b20).

Акрамя гэтага, дарэчы прыгадаць, што цюркскі тэкст рыфмаваны, напісаны вершаванымі двухрадкоўямі, арабскае слова *halis* магло трансфармавацца аўтарам твора ў Халіса (ім заканчваецца першы радок) для стварэння рыфмы з цюркскім словам *gussa*, якім заканчваецца другі радок. У святле гэтага сведчання ёсць падставы лічыць назву Халіс зыходнай, а Халіса – вытворнай.

Сёмае неба, паводле беларускай копіі, створана з дыяменту, г.зн. з алмазу, і носіць імя Фаўка: *сёмайе неба видзев шчирого дийаменту име февке ла'ла* (110аб) [Бачыў сёмае неба – яно з алмазу. Называецца Фаўка].

Як вядома з іншых усходніх крыніц [4, с. 249], сёмае неба створана з рубіну. Корань *فوق* (ФВК) у арабскай мове мае значэнне ‘стаяць вышэй за што-небудзь’, а слова *fawqa* мае значэнні ‘над’, ‘вышэй, звыш’ і інш. [2, с. 613]. Звязваць паходжанне назвы Фаўка з прыназоўнікамі *над* або *звыш* наўрад ці карэктна. Больш верагодным было б тлумачэнне касмоніма праз слова *fawq* – ар. ‘верх, верхняя частка чаго-н.’ [2, с. 613]. Іменна сёмае неба і ёсць найвышэйшае, апошняе ў нябеснай іерархіі, якая замацавалася ў касмалагічных уяўленнях мусульман.

Значэнне слова (?) ці яго часткі (?) *ла'ла*, якое напісана следам за словам *февке* ў цюркскай і беларускай частках, выявіць не ўдалося. Уяўляецца, што *ла'ла* – гэта скажэнне нейкага слова.

Заклучэнне. У якасці назваў нябёсаў выступаюць арабскія словы розных часцін мовы (дзеяслоў, назоўнікі, а таксама прыметнікі і дзеепрыметнікі, якія ў арабскай мове належаць да назоўнікаў).

Большасць касмонімаў этымалагізуецца, матывацыйныя прыметы назваў пятага (Сафы), шостага (Халіса), сёмага (Фаўка), а таксама з пэўнай агаворкай, чацвёртага (Мазіна) і, магчыма, першага (Рафа) нябёсаў дастаткова празрыстыя. Выбар найменняў у гэтых выпадках

абумоўлены галоўным чынам найбольш выразнымі, кідкімі прыметамі, якімі характарызуюцца нябёсы або прадметы, што там знаходзяцца, а таксама ўражаннем наведвальніка і месцам, размяшчэннем аднаго неба адносна другога.

У аснове назвы варотаў (Хафіз), якімі аберагаецца ўваход на першае неба і ўвогуле на нябёсы, адлюстравалася іх асноўная функцыя.

Матывацыйныя прыметы касмонімаў-арабізмаў у назвах трэцяга (Заіра) і асабліва другога (Наура) прасочваюцца з пэўнай доляй дапушчэння, калі не сказаць, што зусім не вытлумачальныя.

Слоўнік

Джабраіл – архангел, на якога Богам была ўскладзена місія перадачы адкрыццяў прарокам. У хрысціянстве – архангел Гаўрыіл.

Ісмаіл – каранічны персанаж, прарок, сын Ібрагіма. Лічыцца прабацькам часткі арабскага этнасу.

Літаратура

1. Мишкинене, Г. Легенда “Мирадж” из Китаба Ивана Луцкевича / Г. Мишкинене, Х. Дургут // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašties tradicijos. – Vilnius, 2009. – С. 357–375.
У Кітабе А. Хасяневіча, манускрыпце першай трэці XIX ст., імя аўтара – Хаджы Махмуда – устанаўліваецца толькі па цюркскай частцы, паколькі ў беларускай яно напісана памылкова як “Мухаммед”.
2. Баранов, Х.К. Арабско-русский словарь / Х.К. Баранов. – 6-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985. – 944 с.
3. Борисов, В.М. Русско-арабский словарь: в 2 т. / В.М. Борисов. – 2-е изд., стереотип., с прил. новых слов. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1: А – О. – 1981. – 640 с.
4. Демидчик, В.П. Памятник белорусской литературы, писанной арабским письмом, и легенда о ночном вознесении Мухаммеда / В.П. Демидчик // Проблемы арабской культуры (Памяти академика И.Ю. Крачковского). – М.: Наука, Главная ре-

- дакция восточной литературы, 1987. – С. 238–253.
5. Кітаб Івана Луцкевіча: Памятник народной культуры литовских татар / авт. – сост. Г. Мишкинене. – Вильнюс, 2009. – 800 с.

Паступіў у рэдакцыю 12.04.2013 г.

Прыняты ў друк 24.06.2013 г.

УДК 811.161.1'373.211.5(476)

Отантропонимные виконимы Гомельской и Гродненской областей

Дорофеенко М.Л.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В науке периодически происходит детализация и систематизация имеющихся понятий, уточнение и расширение круга элементов, входящих в область ономастических исследований. В 2006 г. для обозначения названия внутрисельского линейного объекта появляется термин «виконим». Названия, являющиеся объектом исследования, выступают носителями исторически и культурно маркированной информации. Виконимия отличается от урбанонимии, имеет свою специфику, которую можно выявить при помощи многоаспектного изучения.

В статье анализируются тематические группы отантропонимных виконимов Гомельской и Гродненской областей, определяются особенности функционирования названий внутрисельских линейных объектов, мотивированных антропонимами. Виконимы обеих областей характеризуются наличием как общих, так и индивидуальных признаков, что может быть обусловлено экстралингвистическими факторами, оказывающими влияние на процесс номинации.

Ключевые слова: виконим, урбаноним, тематическая группа, прецедентность имени.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 137–143)

Viconyms of Gomel and Grodno Regions Derived from Anthroponyms

Dorofeenko M.L.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In science periodically detailization and systematization of available concepts, specification and expansion of a circle of the elements, which enter the area of onomastic researches, take place. In 2006 for designation of the name of intra rural linear object the term “vikonym” appeared. The names, which are the object of the research, act as carriers historically and culturally marked information. Vikonimy differs from urbanonimy, has

its specifics which can be revealed by means of multidimensional study.

In the article theme groups of viconyms of Gomel and Grodno regions derived from anthroponyms are analyzed, features of functioning of names of intra rural linear objects, motivated by anthroponyms are defined. Viconyms of both the regions are characterized by existence of both general and individual signs that can be caused by the extra linguistic factors which have impact on the process of the nomination.

Key words: vikonym, urbanonym, theme group, widely known name.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 137–143)

Адрес для корреспонденции: e-mail: mari008@mail.ru – М.Л. Дорофеенко

Во второй половине XX – начале XXI в. отмечаются существенные изменения в наборе единиц, которые составляют объект изучения ономастики, происходит уточнение, дополнение и корректирование существующего терминологического аппарата. В 2006 г. в топонимике появляется новый термин – «виконим», обозначающий наименования внутрисельских объектов. На целесообразность выделения названий сельских улиц в отдельную категорию обратила внимание А.М. Мезенко, выступившая с докладом «Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы» [1, с. 379] на XV Общеполюской ономастической конференции «Новые имена собственные. Новый взгляд» (21–23 сентября 2006 г.). Впервые были определены важнейшие приметы виконимов как особого вида топонимов, проанализированы особенности становления виконимики как раздела топонимики, рассмотрены структурные, ономообразовательные, лексико-семантические, грамматические отличия виконимов от урбанонимов. Виконимы все чаще становятся объектом исследования ученых из других стран: расширенное понимание термина находим в работе российского ученого Р.В. Разумова, использующего его не только для называния линейных объектов, расположенных на территории сельских населенных пунктов, но и в поселках городского типа [2].

Цель данного исследования – установление тематических групп и определение особенностей функционирования отантропонимных виконимов двух противоположных в географическом плане регионов – Гомельской и Гродненской областей. Названия, выступающие в качестве объекта исследования, – носители важной исторической и культурной информации – выполняют помимо основной адресной мемориальную функцию. Виконимика является новым и малоизученным разделом ономастики, поэтому разноаспектный анализ внутрисельских названий остается актуальным.

Материал и методы. Материалом исследования послужили отантропонимные внутрисельские названия Гомельской (274 – 30,0% от общего числа виконимов) и Гродненской (160 – 26,4%) областей. При обработке материала использовались дескриптивный, ареальный, сравнительный методы и элементы статистического анализа.

Результаты и их обсуждение. По источникам происхождения виконимы можно разделить на две группы – отапеллятивные, образованные от имен нарицательных, и отонимные, основой для образования которых выступили имена собственные. Каждая из групп формирует подгруппы, в зависимости от того, какой класс апеллятивов или онимов лежит в основе.

Отантропонимные виконимы, являющиеся объектом настоящего исследования, входят в группу отонимных образований и сформированы на базе имен, фамилий, отчеств, псевдонимов. Наряду с виконимами, образованными от антропонимов, в группе отонимных внутрисельских названий выделяются оттопонимные наименования, мотивированные ойконимами (комонимами, астионимами), гидронимами (лимнонимами, пота-монимами), микропонимами. В ономастике существуют научные исследования, посвященные изучению отантропонимных названий: А.Н. Соловьёв рассматривает антропоцентрический фактор в урбанонимии Смоленского края на примере урбанонимов, мотивированных именованиями людей или значимых групп [3]. Антропоцентрическая направленность исследований, проводимых в языкознании, свидетельствует о неразрывной связи человека с культурой и основывается на представлениях о нем как о всесторонне развитой языковой личности, обладающей индивидуальным языковым сознанием. Необходимым элементом в восприятии и интерпретации виконимов в общем и отантропонимных внутрисельских названий в частности являются фоновые знания («обоюдное знание реаллий говорящим и слушающим, являю-

щееся основой языкового общения» [4, с. 498]). Антропоцентризм в его лингвистическом понимании лежит в основе отантропонимных виконимов.

По мнению А.М. Мезенко, «в сознании народа как символы культуры присутствуют прежде всего ключевые имена культуры, изучение которых способствует постижению духа языка, специфики его использования представителями различных лингвокультур» [5, с. 389].

Рассматривая отантропонимные внутрисельские названия Гомельской и Гродненской областей, разделим их на три группы, придерживаясь семантической классификации урбанонимов, выдвинутой А.М. Мезенко [6, с. 112–123]. Каждая из групп будет включать в свой состав частные подгруппы, объединенные общей тематикой.

Первая группа объединяет названия, основой для номинации которых послужили имена различных государственных деятелей. Так, в виконимике Гомельской и Гродненской областей встречаются названия, присвоенные в честь:

а) основоположников научного коммунизма: *ул. Ленина* – дер. Абакумы Лоев. р-на Гм. обл., *ул. Энгельса* – п. Гудогай Остров. р-на Гр. обл., *ул. Ильича* – п. Каралин Гм. р-на Гм. обл.;

б) русских профессиональных революционеров: *ул. Лепешинского* (Пантелеймон Николаевич Лепешинский основал в указанном населенном пункте первую советскую опытно-показательную трудовую школу-коммуны, в деревне ему был установлен памятник и начал работу мемориальный музей) – дер. Литвиновичи Корм. р-на Гм. обл.;

в) деятелей международного рабочего движения: *ул. Розы Люксембург* – п. Копцевичи Петрик. р-на Гм. обл., *ул. Карла Либкнехта* – аг. Лунно Мост. р-на Гр. обл., *ул. Тельмана* – дер. Замок-Рог. р-на Гм. обл.;

г) советских партийных и государственных деятелей: *ул. Урицкого* – дер. Лясковичи Окт. р-на Гм. обл., *ул. К.К. Стриевского* – аг. Гольшаны

Ошм. р-на Гр. обл., *ул. Клещёва* – дер. Михновичи Калинк. р-на Гм. обл.

В данной группе виконимов Гомельской области наиболее частотными оказались *ул. Ленина* / *ул. В.И. Ленина* / *Ленинская ул.* (148 н.п.), *ул. Кирова* (34 н.п.), *ул. Калинина* (29 н.п.), *ул. Дзержинского* / *ул. Ф.Э. Дзержинского* (14 н.п.), *ул. Карла Маркса* / *ул. К. Маркса* (13 н.п.), *ул. Ворошилова* (11 н.п.), *ул. Фрунзе* (10 н.п.), *ул. Крупской* (8 н.п.), *ул. Фридриха Энгельса* (5 н.п.); Гродненской – *ул. Ленина* / *ул. В.И. Ленина* / *Ленинская ул.* (32 н.п.), *ул. Кирова* (9 н.п.), *ул. Ф.Э. Дзержинского* / *ул. Дзержинского* (3 н.п.), *ул. Машерова* / *ул. П.М. Машерова* (3 н.п.).

Общими основами для образования названий внутрисельских объектов явились фамильные антропонимы *Ленин*, *Киров*, *Дзержинский*. Многие из антропонимов, используемых для образования виконимов, обладают высокой степенью известности, то есть считаются планетарно прецедентными (данные в честь основоположников научного коммунизма, деятелей международного народного движения), остальные названия группы в большинстве случаев связаны с конкретной исторической эпохой и определенной страной, в пределах которой они и получили широкое распространение.

Вторую группу составляют наименования в честь участников военных событий:

а) военачальников прошлого. Антропонимами, послужившими основой для образования виконимов Гомельщины и Гродненщины, являются фамилии русских полководцев XVIII–XIX вв. – *ул. Суворова* – аг. Углы Браг. р-на Гм. обл., *ул. Кутузова* – дер. Малая Лапеница Волков. р-на Гр. обл.;

б) участников гражданской войны: *ул. Чапаева* – дер. Деречин Зельв. р-на Гр. обл., *ул. Будённого* – аг. Присно Ветк. р-на Гм. обл., *ул. Щорса* – дер. Косаковка Жл. р-на Гм. обл.;

в) участников революционного и национально-освободительного движения в Западной Беларуси: *ул. Артюха Малю-*

пищи Кор. р-на Гр. обл., ул. *С. Богданчука* – аг. Костени Слоним. р-на Гр. обл., ул. *Бритога* – аг. Малые Немки Ветк. р-на Гм. обл.;

г) участников Великой Отечественной войны:

- советских военачальников, маршалов, полководцев: ул. *Скрыганова* (по фамилии Викентия Васильевича Скрыганова, советского военного деятеля, Генерала-майора, Героя Советского Союза, уроженца деревни) – дер. Надейковичи Рог. р-на Гм. обл., ул. *Черняховского* – дер. Лесок Кор. р-на Гр. обл.;

- партизан и подпольщиков. Ключевыми в составе данной группы являются имена региональной известности: ул. *Белуша* (по фамилии Михаила Андреевича Белуша, участника партизанского движения на территории Барановичской области в годы Великой Отечественной войны, родившегося в указанном населенном пункте) – дер. Руда Липичанская Мост. р-на Гр. обл.; ул. *П. Василенко* (в честь Прасковьи Тимофеевны Василенко, уроженки деревни, руководителя комсомольского подполья на территории Свислочьского района в годы Великой Отечественной войны) – аг. Доброволья Свисл. р-на Гр. обл.; ул. *Дьячкиной*, ул. *Поликановой*, ул. *Пономарёвой*, ул. *Терехиной* (девушек-связисток) – аг. Погородно Ворон. р-на Гр. обл.;

- участников освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков: ул. *Алисейки* (в честь Владимира Титовича Алисейко, Героя Советского Союза, уроженца данной деревни) – дер. Косетов Калинк. р-на Гм. обл., ул. *Матросова* – аг. Коротковичи Жл. р-на Гм. обл., ул. *Гастелло* – аг. Большое Можейково Щуч. р-на Гр. обл., ул. *Заслонова* – дер. Уза Буда-Кош. р-на Гм. обл., ул. *Зои Космодемьянской* – аг. Папоротное Жл. р-на Гм. обл.;

д) воинов-интернационалистов: ул. *Мельниченко* – дер. Малый Боков Моз. р-на Гм. обл., ул. *Михаила Клявы* – аг. Белёв Житк. р-на Гм. обл., ул. *Виктора Лобача* – аг. Гринки Свисл. р-на

Гр. обл., ул. *Юрия Гавраша* – аг. Гожа Гр. р-на Гр. обл.

Частотные названия Гомельской области – ул. *Чапаева* (33 н.п.), ул. *Заслонова* (10 н.п.), ул. *Будённого* (6 н.п.), ул. *Гастелло* (5 н.п.), ул. *Жукова* (4 н.п.), ул. *Бумажкова* (3 н.п.), ул. *Олега Кошевого* / ул. *О. Кошевого* (3 н.п.), ул. *Матросова* (3 н.п.), ул. *Зои Космодемьянской* / ул. *З. Космодемьянской* (2 н.п.); Гродненской – ул. *Гастелло* (3 н.п.), ул. *Матросова* (3 н.п.), ул. *Чапаева* (3 н.п.), ул. *Заслонова* (2 н.п.), ул. *Черняховского* (2 н.п.). Общими для обеих областей являются прецедентные имена, но особенностью данной группы можно считать многочисленность онимов, связанных с историей края. Данная характеристика отличает виконимию от урбанонимии, где используются наименования, отмеченные высоким уровнем известности. В проанализированной группе названий находят отражение все три степени прецедентности: планетарная, или мировая, включающая виконимы, образованные преимущественно от фамилий военачальников прошлого и героев гражданской войны; общенациональная и региональная, включающие все остальные категории. Особым местным колоритом маркированы улицы, основой для образования которых послужили имена участников Великой Отечественной войны, имеющих отношение к рассматриваемому региону, воинов-интернационалистов.

В третью группу входят наименования, в основе которых лежат фамилии деятелей науки, культуры, искусства, героев мирного времени:

1) писателей:

- белорусских писателей, поэтов, драматургов: ул. *Максима Богдановича* – аг. Городец Рог. р-на Гм. обл., ул. *Мележа* – аг. Глинище Хойн. р-на Гм. обл., ул. *Серкова* (в честь белорусского советского детского писателя Ивана Киреевича Серкова, уроженца населенного пункта) – аг. Поколюбичи Гм. р-на Гм. обл., ул. *Дворчанина* (по фамилии белорусского писателя и общественного деятеля

Игната Семёновича Дворчанина, родившегося в указанной деревне) – дер. Погири Дятл. р-на Гр. обл., ул. *Я. Нёманского* – аг. Щорсы Новогр. р-на Гр. обл.;

- русских писателей, поэтов: ул. *Есенина* – аг. Красное Гм. р-на Гм. обл., ул. *Чехова* – аг. Михалишки Остров. р-на Гр. обл., ул. *Маяковского* – п. Новозахарполь Чеч. р-на Гм. обл.;

- писателей, поэтов других стран: ул. *Султана Джур* (узбекского советского поэта, участника освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков) – дер. Козероги Лоев. р-на Гм. обл.;

2) композиторов, музыкальных деятелей: ул. *Т. Лопатиной* (в честь Т.К. Лопатиной, заслуженного деятеля искусств БССР, создавшей в 1936 г. Озерщинский народный хор, который стал популярным не только в Беларуси, но и за ее границами) – дер. Озерщина Реч. р-на Гм. обл., ул. *Огинского* – дер. Малая Лапеница Волков. р-на Гр. обл.;

3) деятелей науки, исследователей: ул. *Вильямса* – п. Рассвет Добр. р-на Гм. обл., ул. *Мацепуры* – дер. Барбаров Моз. р-на Гм. обл., ул. *Ракицкого* – п. Криничный Моз. р-на Гм. обл., ул. *Бекиша* – аг. Трабы Ив. р-на Гр. обл., ул. *А. Снядецкого* (по имени врача, биолога, химика, профессора химии и фармакологии Виленского университета Анджея Снядецкого (1768 – 1838), музей которого находится в аг. Кольчуны) – аг. Кольчуны Ошм. р-на Гр. обл.;

4) космонавтов, летчиков: ул. *Гагарина* – дер. Рудня Корм. р-на Гм. обл., ул. *Терешковой* – дер. Ухватовка Рог. р-на Гм. обл., ул. *Титова* – дер. Лосево Гр. р-на Гр. обл., ул. *Чкалова* – аг. Кирowo Жл. р-на Гм. обл.;

5) героев мирного времени:

- председателей колхозов, СПК: ул. *Соболевского* – аг. Шерстин Ветк. р-на Гм. обл., ул. *Гринашкевича* – дер. Барановичи Кор. р-на Гр. обл., ул. *Сатыго* – аг. Турец Кор. р-на Гр. обл.;

- сотрудников милиции: ул. *П.И. Пилища* – дер. Давыдовичи Калинк. р-на Гм. обл.;

- новаторов с/х производства, Героев Социалистического Труда и т.д.: ул. *Вачинской* – аг. Путришки Гр. р-на Гр. обл.

Наиболее распространенные виконимы Гомельской области – ул. *Гагарина* / ул. *Ю.А. Гагарина* (96 н.п.), ул. *Пушкина* (19 н.п.), ул. *Максима Горького* / ул. *М. Горького* / ул. *Горького* (18 н.п.), ул. *Чкалова* (16 н.п.), ул. *Якуба Коласа* / ул. *Я. Коласа* (15 н.п.), ул. *Комарова* (14 н.п.), ул. *Янки Купалы* / ул. *Я. Купалы* (12),

ул. *Мичурина* (6 н.п.), ул. *Терешковой* / ул. *В. Терешковой* (6 н.п.), ул. *Титова* (6 н.п.); Гродненской – ул. *Гагарина* / ул. *Ю.А. Гагарина* (41 н.п.), ул. *Пушкина* (10 н.п.), ул. *Комарова* (7 н.п.), ул. *Мичурина* (6 н.п.), ул. *Мицкевича* / ул. *Адама Мицкевича* (5 н.п.), ул. *Якуба Коласа* / ул. *Я. Коласа* (4 н.п.), ул. *Ф.К. Богушевича* / ул. *Франтишка Богушевича* (3 н.п.), ул. *Максима Горького* / ул. *Горького* (3 н.п.).

В Гомельской и Гродненской областях функционируют шесть общих названий, что свидетельствует о предпочтении в номинации жителями двух разных регионов идентичных названий. В третьей группе в качестве основы для образования названий улиц задействованы онимы, характеризующиеся разным уровнем прецедентности: имена подгруппы, включающей фамилии летчиков и космонавтов, являются планетарно известными, деятелей культуры и науки – как планетарно прецедентными, так и общенациональными, героев мирного времени – региональными.

Заключение. В ономастике наблюдаются тенденции многоаспектного изучения имени собственного, а в связи с этим уделяется внимание духовно-практической деятельности человека и его языковой личности. Группа названий, символизирующая советскую эпоху, отличается разнообразием рубрик. Основным мотивом возникновения подобных ономастических единиц стало желание увековечить имена известных деятелей определенного периода истории. Подобные наименования выполня-

ют идеологическую функцию, то есть характеризуют систему взглядов общественного класса, общественно-политического строя, направления и редко связаны с территорией, на которой находится объект, носящий данное название. Виконимия Гродненской области отличается меньшим количеством наименований, мотивированных именами государственных деятелей, что может быть обусловлено экстралингвистическим историческим фактором (до 17 сентября 1939 г., когда произошло воссоединение Западной и Восточной Беларуси, Гродненская область входила в состав Польши).

Великая Отечественная война в контексте Второй мировой – событие, наиболее широко отразившееся в номинации сельских улиц. Отантропонимные виконимы, являясь особым фрагментом языковой картины мира, воплощают региональный, или краеведческий, компонент, выражаемый посредством названий, образованных от антропонимов. В сельской местности в качестве основы для номинации линейных объектов преимущественно используются имена либо местных жителей, либо людей, каким-либо образом связанных с конкретной территорией, что и прослеживается в виконимии обеих областей.

Среди названий, данных в честь деятелей культуры и науки, преобладают наименования, мотивированные именами белорусских и русских писателей. При этом в Гродненской области, по сравнению с Гомельской, больше виконимов, мотивированных именами белорусских писателей. Сравнивая внутрисельские названия, образованные от фамилий русских писателей, отметим их преобладание на территории Гомельщины, граничащей с Россией, в Гродненской области их зафиксировано меньше.

В урбанонимии и виконимии неодинаков список имен-символов эпохи и культуры. В урбанонимии символическое значение приобретают имена выдающихся представителей нации, в виконимии культурно и историко важными становятся в большинстве случаев ре-

гиональные прецедентные имена, известные в масштабах района или области.

Список сокращений

Агродорожок – аг.; **Браг. р-н** – Брагинский район; **Буда-Кош. р-н** – Буда-Кошелёвский район; **Ветк. р-н** – Ветковский район; **Волков. р-н** – Волковысский район; **Ворон. р-н** – Вороновский район; **Гм. обл.** – Гомельская область; **Гм. р-н** – Гомельский район; **Гр. обл.** – Гродненская область; **Гр. р-н** – Гродненский район; **дер.** – деревня; **Добр. р-н** – Добрушский район; **Дятл. р-н** – Дятловский район; **Житк. р-н** – Житковичский район; **Жл. р-н** – Жлобинский район; **Зельв. р-н** – Зельвенский район; **Ив. р-н** – Ивьевский район; **Калинк. р-н** – Калинковичский район; **Кор. р-н** – Кореличский район; **Корм. р-н** – Кормянский район; **Лоев. р-н** – Лоевский район; **Моз. р-н** – Мозырский район; **Мост. р-н** – Мостовский район; **н.п.** – населенный пункт; **Новогр. р-н** – Новогрудский район; **Окт. р-н** – Октябрьский район; **Остров. р-н** – Островецкий район; **Опш. р-н** – Опшмянский район; **пер.** – переулок; **Петрик. р-н** – Петриковский район; **п.** – посёлок; **Реч. р-н** – Речицкий район; **Рог. р-н** – Рогачёвский район; **Свисл. р-н** – Свислочьский район; **Слоним. р-н** – Слонимский район; **ул.** – улица; **Хойн. р-н** – Хойникский район; **Чеч. р-н** – Чечерский район; **Щуч. р-н** – Щучинский район.

Литература

1. Мезенко, А. Виконимика как раздел топонимики: состояние, перспективы / А. Мезенко // *Nowe nazwy własne – nowe tendencje badawcze* / ред. А. Cieślukowej [и др.]. – Kraków: PANDIT, 2007. – С. 379–390.
2. Разумов, Р.В. Система названий посёлка городского типа / Р.В. Разумов // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр., посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Л.А. Климковой / отв. ред. Е.Ю. Любимова; АГПИ им. А.П. Гайдара. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 407–411.
3. Соловьёв, А.Н. Антропоцентричный фактор в урбанонимии Смоленского

- края / А.Н. Соловьёв // Материалы международного методического семинара «Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние», Смоленск, 18 ноября 2010 г.; под общ. ред. И.А. Королевой. – Смоленск: СмолГУ, 2010. – С. 54–60.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. энцикл., 1966. – 605 с.
5. Мезенко, А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Учен. записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – Т. 24(63), № 2. – 2011. – Ч. 1. – С. 388–392.
6. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

Поступила в редакцию 27.03.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 801.3

Особенности вариативности адъективных устойчивых сравнений (на материале славянских, балтийских, германских языков)

Мужейко И.А.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

В данной статье исследуется вариативность – одно из свойств любых фразеологизмов на примере адъективных устойчивых сравнений некоторых славянских, балтийских, германских языков. В качестве фактического материала выступают сравнения русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского, шведского языков. Автор разграничивает вариант фразеологизмов и устойчивых сравнений, что объясняется особенностью логической схемы построения последних. Приведены примеры, иллюстрирующие лексические, грамматические, количественные варианты адъективных устойчивых сравнений во всех языках, представленных в исследовании. Статистические данные служат доказательством высокой степени вариативности анализируемых единиц, обусловленной их природой. Кроме того, абсолютные числа убеждают в том, что большинство вариантов оснований сравнений находятся в пределах синонимического ряда при определенном субъекте сравнения. В правой части сравнений встречаются грамматические, количественные и лексические варианты, что свидетельствует о том, что в сравнениях – инструментах чувственного познания и осмысления реальности – эталоны не статичны, а динамично изменяются вслед за окружающим миром.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, адъективные устойчивые сравнения, вариативность, вариант.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 144–149)

Variability Peculiarities of Adjective Similes (On the Material of Slavonic, Baltic, Germanic Languages)

Muzheyko I.A.

**Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk**

The article deals with the variability of adjective similes in some Slavonic (Russian, Belarusian, Czech, Bulgarian, Croatian), Baltic (Latvian) and Germanic (English, Swedish) languages. The variability is one of the characteristics of any phraseological unit. The author differentiates variants of phraseological units and adjective similes as the latter have a specific logical construction. Lexical, grammatical and quantitative variants are illustrated with the examples in all analyzed languages. Statistical data prove high degree of the adjective similes variability that is the essence of their nature. Besides the majority of similes foundations

variants are synonymous for a definite simile subject. Grammatical, quantitative and lexical variants of the adjective simile right part reflect dynamic changes of the world as the adjective similes are tools for perception and interpretation of reality.

Key words: phraseology, phraseological unit, adjective similes, variability, variant.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 144–149)

Адрес для корреспонденции: e-mail: ira_ur@tut.by – И.А. Мужейко

«Вариативность фразеологических единиц (ФЕ) – отражение диалектического соотношения общего и особенного, единого и разнообразного в языке», – подчеркивает Л.А. Лебедева [1] и подкрепляет свою мысль цитатой В.Г. Гака:

«В то время как лексико-грамматическая устойчивость признается характерным свойством фразеологии, в реальном бытии ФЕ могут подвергаться различного рода трансформации. Варьирование ФЕ – явление гораздо более частое, чем это может показаться с первого взгляда» [2].

Множество различных модификаций фразеологических единиц представляется строгой системой, которая исчисляется количеством определяемых моделей варьирования. Большинство ученых признает, что «варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности» [3] при тождественности образа. Все вариации, взятые на одном определенном уровне реализации ФЕ, связанные зависимостью одного типа и одним отношением к общепринятому образцу как представителю инварианта, образуют в своей совокупности уровневую парадигму того или иного вида.

Под вариативностью адъективных устойчивых сравнений (АУС) – особого пласта фразеологии – мы понимаем способность единиц к модификации в рамках определенных моделей. Вариативными мы считаем соответствующие одному понятию и близкие по эмоциональности АУС, в основе которых лежит один и тот же образ.

Цель статьи – определение особенностей вариативности адъективных устойчивых сравнений на материале ряда славянских, балтийских, германских языков.

Материал и методы. Объектом данного исследования являются АУС русского, белорусского, чешского, болгарского, хорватского, латышского, английского, шведского языков, полученные путем

сплошной выборки из лексикографических источников; предметом выступает план выражения единиц. При анализе фактического материала были использованы сопоставительный (для выявления сходства и различий АУС представленных языков как микросистем) и количественный (для подсчета частоты употребления вариантов АУС) методы.

Результаты и их обсуждение. Адъективные устойчивые сравнения в отличие от ФЕ обладают определенным набором элементов, состоящих между собой в тематических отношениях. Как единицы языка, сравнения строятся по определенной логической схеме *субъект сравнения–основание* (левая, тематическая часть – *объект сравнения* (правая, рематическая, эталонная часть), но как единицы речи АУС бесконечно вариативны при сохранении ими самостоительности. Мы вслед за Л.А. Лебедевой считаем, что «при всех возможных вариантах компонентного состава остается стабильным объект сравнения, приписываемый ему языковой традицией признак, а также субъектная отнесенность объекта сравнения» [1].

По мнению В.М. Огольцева, подавляющая часть сравнений складывается в процессе речевого общения – в устном народном творчестве (русс. *слабый/беспомощный/беззащитный как <малый/маленький> ребенок/дети*; бел. *злосныя/куслівыя як тыя мухі ў спасаўку/перад спасаю*; чешск. *krásný/hezký jako anděl/andělíček/andílek* букв. ‘красивый как ангел/ангелочек/ангелок’; болг. *нахален/досадан като <конска> муха* букв. ‘нахальный, надоедливый как <конская> муха’; хорв. *sijed/bijel kao ovca* букв. ‘седой/белый как овца’; лат. *neglits/nesmuks kā velns* букв. ‘некрасивый как черт’; англ. *as savage/sulky as a bear <with a sore head>* букв. ‘жесток/мрачный как медведь <с больной головой>’; швед. *trogen/tillgiven som en hund* букв. ‘верный/преданный как собака’), и лишь немногие берут начало как в отечественных, так и в зарубежных

книжных источниках (русск. *ревнивый как Отелло*; чешск. *zarostlý jako Tarzan* букв. 'обросший как Тарзан'), а также мифах (русск. *бедный как Ири*; чешск. *bdělý jako Argus* букв. 'бдительный как Аргус'; швед. *stark som en Herkules* 'сильный как Геркулес') и Библии (русск. *одинокый как Иов*; бел. *прадажны як Юда*; чешск. *nahý jako Adam* 'нагой как Адам'; болг. *мъдър като Соломон* 'мудрый как Соломон'; англ. *as rich as Croesus* 'богатый как Крез').

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, некалькированные АУС, возникшие из речевых, в большей мере вариативны, что обусловлено стремлением говорящих точно и ярко передать знание и отношение к окружающему миру.

Наш фактический материал, изобилующий различного рода вариантами, позволяет заключить, что благодаря своему происхождению АУС представляют собой более подвижную и гибкую систему устойчивых единиц по сравнению с собственно фразеологизмами, т.к. они более чутко реагируют на какие-либо изменения в обществе в силу самой природы единиц, призванных познавать реальность и выражать отношение к ней.

Очевидно, вариативность компонентов АУС обеспечивает их динамизм, способность к постоянному обновлению. Стабильность АУС, которая проявляется в определенности его грамматического строения, в устойчивости образной основы, гарантирует тождественность АУС во времени и пространстве.

Об относительной устойчивости АУС свидетельствуют допускаемые фразеологической нормой вариантность и факкультативность элементов АУС: русск. *болтливый как <базарная> баба*; *глупый, непонятливый, бестолковый, тупой как чурка*; бел. *багаты як зямля <святая>*; *злосны, ліхі, сярдзіты, куслівы як сабака*; чешск. *opilý jako <divoké> zvíře* (букв. 'пьяный как <дикий> зверь'); *čilý, mrštný, čiperný jako veverka* (букв. 'живой, юркий, проворный как белка'); болг. *дебел като <цыгански> тъпан* (букв. 'толстый как <цыганский> барабан');

упорит, инат като магаре (букв. 'настойчивый, упрямый как осел'); хорв. *mlad kao kaplja <rose>* (букв. 'молодой как капля <росы>'); *marljiv, radin kao pčela* (букв. 'прилежный, трудолюбивый как пчела'); лат. *lēns kā <dieva> jērs* (букв. 'кроткий как <божий> ягненок'); англ. *as lively, merry as a grig* (букв. 'веселый, радостный как сверчок'); *as quick as thought/thoughts* (букв. 'быстрый как мысль/мысли'); швед. *slug, listig som en orm* (букв. 'хитрый, коварный как змея').

Анализ фактического материала показал, что компоненты АУС могут быть представлены различными вариантами: лексическими, грамматическими, позиционными, количественными. Рассмотрим каждый из них подробнее.

Лексическими вариантами называются «разновидности фразеологических единиц, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям, по сочетаемости с другими словами и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе» [4].

Отметим, что в адъективных устойчивых сравнениях могут варьироваться как первые, так и вторые компоненты, при этом варьирующиеся слова должны находиться в синонимических отношениях, являться синонимами только в данном контексте, пояснять понятия одного семантического поля: русск. *выпуклые/выпученные как у рака*; *длинные и прямые как лошадиная/конская грива*; бел. *аграмністы/вялікі як хата*; *кучара-вы/кудравы як баран*; чешск. *hubený/vychrtlý jako kostlivec* (букв. 'худой/тощий как скелет'); *líný jako svine/vepř* (букв. 'ленивый как свинья/веپر'); болг. *румен/червен като ябълк* (букв. 'румяный/красный как яблоко'); *кръгъл като луна/месецина* (букв. 'круглый как луна/месяц'); хорв. *bijesan/ljut kao zmija* (букв. 'яростный/лютый как змея'); *zdrav kao drenovina/dren* (букв. 'здоровый как кизиловая древесина/кизил'); лат. *neglits/nesmuks kā velns* (букв. 'некрасивый/некрасивый как ведьма');

вый как черт'); англ. *as bold/brave as a lion* (букв. 'смелый/храбрый как лев'); швед. *rask/snubb/flink som en vessla* (букв. 'быстрый/проворный как ласка').

Грамматические варианты представляют собой «устойчивые сочетания слов, тождественные по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант, но отличающийся в морфологическом, синтаксическом или морфолого-синтаксическом отношении» [4]. К морфологическим относятся: а) варианты числа имен существительных: англ. *as safe as a house/houses* (букв. 'безопасный как дом/дома'), *as quick as thought/thoughts* (букв. 'быстрый как мысль/мысли'); б) варианты рода имени существительного: чешск. *mlsný jako kocour/kočka* (букв. 'жадный как кот/кошка'); в) вариация форм существительных с суффиксами субъективной оценки и без них: русск. *красивый как цветок/цветочек*, бел. *працавіты як мурашка/мурашачка*, чешск. *skromná jako fialka/fialinka* (букв. 'скромный как фиалка/фиалочка'); болг. *лек като перо/перце* (букв. 'легкий как перо/перышко'); г) вариация прилагательных с уменьшительно-ласкательными суффиксами и без таковых: бел. *зялёненькі як васілёчак*.

Для **позиционных вариантов** характерна перестановка компонентов без каких-либо структурных изменений, если это позволяет грамматическая организа-

ция языка, например: *верен как собака – как собака верен*. Позиционная вариативность свойственна в основном ФЕ с сочинительной структурой, реже встречается перемена порядка следования компонентов у ФЕ с подчинительной структурой. А.В. Кунин выделяет несколько структурных типов ФЕ. Но так как «у компаративных ФЕ только подчинительная структура» [5], то мы смело можем отнести АУС к «фраземам, т.е. ФЕ со структурой подчинительной связи...» [6].

Квантитативными являются «варианты с неодинаковым числом компонентов, образованные путем их усечения или прибавления» [4].

Но так как мы не ставили перед собой задачу выяснения этимологии АУС, то указать точно, в каком из случаев происходит усечение, а в каком – прибавление, не можем, поэтому и объединили эти две группы в одну.

Например: русск. *здоровый, сильный как жеребец – здоровый, сильный как жеребец стоялый*, бел. *багаты як зямля – багаты як зямля святая*, чешск. *červený jako jablíčko – červený jako panenské jablíčko*, болг. *сериозен като ибрик – сериозен като турски ибрик*, хорв. *pun kao šipak – pun kao šipak koštica*, лат. *lēns kā jērs – lēns kā dieva jērs*.

Относительные данные о вариантах элементов АУС представлены в таблице.

Таблица

Процентный состав вариантов АУС исследуемых языков

Варианты	Лексические		Грамматические				Квантитативные
			Левая часть	Правая часть			Правая часть
	Левая часть	Правая часть	Прилагательное с и без уменьшительно-ласкательного суффикса	Число имени существительного	Род имени существительного	Существительное с и без суффикса субъективной оценки	
Язык							
Русский	46,7%	0,8%	0,7%	0,7%	2,3%	4,6%	6,6%
Белорусский	7,8%	1,1%	0,9%	0,2%	0,3%	3,6%	1,9%

Чешский	19,3%	4,8%		0,2%	0,2%	3,2%	3,2%
Болгарский	13,7%	2,6%			0,4%	2,2%	1,8%
Хорватский	13,7%	0,7%			0,4%		2,4%
Латышский	0,6%						0,6%
Английский	3,1%			0,6%			0,9%
Шведский	6,0%						

С использованием статистического метода было подсчитано количество того или иного типа варианта АУС каждого языка исследования, после чего был выявлен процент явления вариативности от общего числа единиц.

Очевидно, что основания сравнений в значительно большей мере, нежели эталоны, обладают лексическими вариантами. Напротив, для правой части АУС характерны количественные и грамматические варианты, которые вносят некоторые оттенки значения в содержание уже созданного образа, закреплённого лексическим инвариантом. В левой части АУС выявлено весьма незначительное количество грамматических вариантов, равно как в правой части – лексических.

Анализ статистических данных показывает, что лексические варианты левой части АУС, выявленные в фактическом материале всех языков исследования, указывают на желание говорящих как можно точнее, скрупулезнее, филиграннее описать тот признак, на основании которого и осуществляется сравнение, а следовательно, передать знания о мире и отношение к нему.

Далеко не во всех АУС языков, представленных в исследовании, наблюдаются грамматические варианты, что отчасти объяснимо различным грамматическим строем данных языков. Однако, известно, что грамматика менее лабильна, чем лексика, что еще раз убеждает нас в выразительной гибкости АУС как системы благодаря наличию большого числа лексических вариантов.

Опираясь на мнение В.М. Огольцева о том, что «УС представляют собой ту первую стадию, в которой формируются метафорические фразеологизмы, состав-

ляющие ядро фразеологии» [7] и на исследование А.О. Долговой, доказывающей, что «большинство устойчивых сравнений не являются идиоматическими оборотами, хотя и представляют собой образно мотивированные фразеологизмы» [8], мы можем утверждать, что АУС в силу своей природы более чувствительны (рефлексивны) к социальным, историческим, культурным изменениям общества, что находит свое отражение в высокой степени вариативности компонентов АУС.

Закключение. Итак, как показало проведенное исследование, вариативности подвергаются как левая, так и правая часть АУС. При этом большинство вариантов оснований сравнений находятся в пределах синонимического ряда при определенном субъекте сравнения. В правой части сравнений встречаются грамматические, количественные и лексические варианты, что свидетельствует о том, что в сравнениях – инструментах чувственного познания и осмысления реальности – эталоны не статичны, а динамично изменяются вслед за окружающим миром.

Литература

1. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения во фразеологии и фразеографии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Л.А. Лебедева. – Краснодар, 1999. – 296 с.
2. Гак, В.Г. Фразеологическая трансформаторика и проблемы фразеографии (на материале русской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск: Наука и техника, 1987. – 64 с.
3. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Н.М. Шанский. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1972. – 368 с.

4. Кунин, А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и принципы составления англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук: 10.663 / А.В. Кунин. – М., 1964. – 1229 л.
5. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М.: Высш. шк., 1996. – 381 с.
6. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизир. описания / А.В. Кунин. – М.: Международные отношения, 1972. – 288 с.
7. Огольцев, В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. – 160 с.
8. Долгова, А.О. Грамматическая и лексико-семантическая структура устойчивых сравнений как класса фразеологических оборотов (на материале русского, английского и немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.О. Долгова; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2007. – 21 с.

Поступила в редакцию 20.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 811.111'373'0(043.3)

Семантические изменения как источник формирования негативно-оценочной лексики английского языка в среднеанглийский период

Никитенко Т.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье ретроспективно рассматриваются современные негативно-оценочные однословные лексические единицы английского литературного языка, которые впервые в таком значении были отмечены в границах среднеанглийского периода. Все исследуемые негативно-оценочные лексемы появились в результате семантических изменений. В статье указываются объекты оценки изучаемых слов, особенности их функционирования. На основе полученных данных делается вывод, что семантические изменения являлись ведущим способом пополнения негативно-оценочной лексики во время, которое традиционно принято считать среднеанглийским периодом. Устанавливается, что своеобразный пик роста количества негативно-оценочных лексем отмечен во второй половине XIV в. Данный факт объясняется в статье началом формирования английского литературного языка на диалектной базе Лондона.

Ключевые слова: негативно-оценочная лексема, семантические изменения, лексико-семантический вариант, ухудшение значения слова (пейорация), среднеанглийский период, национальный литературный английский язык.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 150–155)

Semantic Transformations as the Source of English Negative Evaluation Vocabulary during the Middle English Period

Nikitenko T.V.

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", Vitebsk

In the article negatively-loaded one-word modern English lexical units are considered retrospectively. All of them were found for the first time in their modern meanings in the Middle English period. The lexical units which are studied in the article arose due to semantic changes. The objects of the evaluative words and the peculiarities of their functioning are revealed in the paper. The obtained results allow to claim that semantic changes were the principal means of enriching negatively-loaded vocabulary in Middle English. It is found out that most of the studied words appeared in the second half of the 14th century. The fact is explained by the starting point of the formation of Modern Standard English on the basis of the London dialect.

Key words: negatively-loaded lexeme, semantic changes, lexico-semantic variant, pejoration, Middle English period, National Standard English language.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 150–155)

Адрес для корреспонденции: e-mail: tatnikita@gmail.com – Т.В. Никитенко

Оценка является универсальной категорией, и «вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о 'хорошо/плохо', – писала Е.М. Вольф [1, с. 9]. Система человеческих ценностей находит выражение в лексике языка. Следует признать, что в большинстве существующих работ раскрываются особенности экспрессивно-эмоционально-оценочных единиц в синхронном, преимущественно современном состоянии. Лишь некоторые вопросы, связанные с развитием пейоративного значения в словах (на материале английского языка), получили освещение в трудах лингвистов (например, [2–4]).

Изменения значений слов во времени – факт бесспорный [5, с. 112]. В основе семантических изменений наименований, или семантических трансформаций, лежат формально-логические отношения между понятиями. В результате выделяются пять основных отношений, которым соответствуют пять семантических процессов: 1) синонимия (при отношении равнозначности); 2) смещения, т.е. происходит замена одних сем в пределах одной семантической категории (при отношении внеположенности); 3) антонимия, в результате которой может развиваться энантиосемия (при отношении контрадикторности); 4) расширение и сужение значения (при отношении подчинения понятий). При учете коннотаций на основе отношений подчинения также может происходить ухудшение/улучшение значений слов; 5) перенос, порождающий метафору и разные виды метонимии (при отношении переименования) [6, с. 83–85]. На расширение семантической структуры слова также влияет семантическое калькирование, т.е. заимствование значения путем буквального перевода слова. В настоящем исследовании факты семантического калькирования относятся к семантическим изменениям как одному из источников пополнения лексического состава языка.

Автор одного из первых монографических исследований по проблемам ухудшения значений слов Х. Шрёдер указы-

вал, что не существует особых типов семантических изменений, в результате которых появляются негативно-оценочные значения в семантике лексических единиц [4, с. 57]. Рассматривая слово, которое подверглось процессу ухудшения значения, необходимо прежде всего ответить на вопрос: «Почему значение у слова изменилось?» [4, с. 57]. По словам исследователя, помимо общих причин следует особо подчеркнуть роль эвфемизмов, иронии, гиперболизации и перехода слова из одного функционального стиля в другой [4, с. 60].

Цель данного исследования – установление роли семантических изменений как одного из источников формирования негативно-оценочных (далее – НО) слов в среднеанглийский период, которые сохранились в том же значении в современном литературном английском языке.

Материал и методы. Материал исследования извлечен путем сплошной выборки из современных толковых словарей английского языка на основании формального критерия – наличия у слова или одного из его лексико-семантических вариантов негативно-оценочной пометы. Общий объем изучаемых слов и значений английского языка составляет 975 единиц. Все отобранные английские слова и значения были уточнены по двухтомному словарю «Shorter Oxford English Dictionary» (6-е изд., 2007) [7], который является сокращенным вариантом самого полного и авторитетного английского словаря «The Oxford English Dictionary». В настоящем исследовании используется последнее, 6-е издание указанного словаря, включающее новые слова и значения конца XX – начала XXI в. Семантизация английских НО слов и значений также приводится по словарю «Shorter Oxford English Dictionary». НО английские слова и значения представлены всеми знаменательными частями речи. Тематически лексика является разнородной. Все исследуемые единицы изучаются ретроспективно.

Основными методами, используемыми в данном исследовании, являются описательный, сопоставительный (в рамках которого проводится историко-семантический анализ), статистический, словарных дефиниций, также применялся прием сплошной выборки материала из лексикографических источников.

Представляется необходимым уточнить схему представления примеров НО слов в тексте настоящей работы.

Часть повторяющихся примеров для придания бóльшей наглядности была представлена в тексте статьи в виде таблицы. В текстовых примерах после НО слова (ЛСВ), выделенного курсивом, не приводится его толкование на английском языке, вместо этого дается его перевод, чаще всего сокращенный. В некоторых случаях дается переводной эквивалент НО слова (ЛСВ). Установлен следующий порядок описания НО слов (ЛСВ): после НО слова, выделенного курсивом, указываются: 1) самое первое значение слова и дата самой ранней его фиксации и 2) (через косую черту) современное НО значение указанного слова и дата самой ранней его фиксации со ссылкой на лексикографический или письменный источник.

Результаты и их обсуждение. В периодизации истории английского литературного языка выделяется донациональный (VIII–XV вв.) и национальный (XVI–XX вв.) периоды. В границах донационального периода выделяются древнеанглийский (VIII–XI вв.) и среднеанглийский подпериоды (XII–XV вв.). Современный национальный английский литературный язык начинает формироваться на базе лондонского диалекта со второй половины XIV в., а окончательно оформляется в XV в.

В связи с нормандским завоеванием в 1066 г. происходят существенные изме-

нения в языковой ситуации Англии – устанавливается англо-французское (англо-нормандское) двуязычие. Сложившуюся языковую ситуацию иногда называют троязычием [8, с. 272], поскольку в разных сферах коммуникации использовались латинский, французский и английский языки.

Латинский язык оставался языком церкви, использовался в административных целях (с XII в.), а также в произведениях некоторых писателей [8, с. 272]. Французский язык, являясь родным языком господствующей аристократии, использовался в престижной коммуникации; быстро и неравномерно внедрялся в различные слои английского общества [9, с. 98]. Английский язык оставался языком простого населения, численно которое составляло подавляющее большинство. Как отмечают многие исследователи, английский язык со второй половины XIV в. начал вытеснять французский из разных сфер общественной жизни [10, с. 170]. Рост экономических отношений между отдельными частями страны способствовал формированию единого языка на национальной основе вместо отдельных диалектов.

Проанализированные НО лексические единицы, впервые засвидетельствованные в период 1100–1500 гг., позволяют говорить о ведущей роли **человека** как объекта оценки. Зафиксированы новые негативно-оценочные значения слов, обозначающие **черты характера человека, его моральные качества, особенности поведения** и т.д. (таблица).

Семантические изменения лексем *craft* ‘ремесло; хитрость’, *crafty* ‘лукавый, хитрый’, результаты которых отмечены в изучаемый период, позволяют говорить о существовании модели семантической деривации ‘искусный, квалифицированный’ → ‘хитрый, лукавый’.

Таблица

НО единицы, в которых объектом оценки выступает **человек**

Слово	Первое значение	Современное НО значение	Дата и источник
<i>child</i>	‘ребенок’ (X) (OED, III,	‘несерьезный, незрелый чело-	XIII в.;

	с. 113)	век'	OED, III, с. 113
<i>childish</i>	'детский' (XI) (OED, III, с. 116)	'глупый (ведущий себя несоответственно своему возрасту)'	XV в.; OED, III, с. 116
<i>craven</i>	'побежденный; покоренный' (XIII) (OED, III, с. 1125)	'малодушный; трусливый'	XV в.; OED, III, с. 1125
<i>fickle</i>	'лживый, вероломный' (XI) (OED, V, с. 871)	'(о человеке) непостоянный; ненадежный'	1275; OED, V, с. 871
<i>lax</i>	'(о кишечнике) расслабленный' (1400) (OED, VIII, с. 721)	'нетребовательный; распущенный, расхлябанный'	1450; OED, VIII, с. 721
<i>mannish</i>	'свойственный мужчине' (888) (OED, VIII, с. 721)	'мужеподобная (о женщине)'	1374; OED, VIII, с. 721
<i>smooth</i>	'гладкий, ровный (о поверхности)' (1050) (OED, XV, с. 808)	'заискивающий, льстивый'	(13..); OED, XV, с. 808
<i>wordy</i>	'(о речи) содержащий много слов' (1100) (OED, XX, с. 534)	'(о людях) многословный; болтливый'	1382; OED, XX, с. 534

Так, в древнеанглийском лексема *craft* зафиксирована в значении 'мастерство, искусство' (888). В начале XIII в. (1205 г.) она засвидетельствована в своем современном неодобрительном значении 'умение заставить людей поверить во что-л.; обман, хитрость' (OED, III, с. 1104). Соответственно, у прилагательного *crafty*, известного с IX в. (OED, III, с. 1006), во второй половине XIV в. зафиксировано значение, соответствующее современному НО, – 'лукавый, хитрый' (OED, III, с. 1106). По такой же модели позже появились негативно-оценочные значения у лексем *artful* 'хитрый' (XVII в./XVIII в.), *cunning* 'хитрый, лукавый' (XIV в./XVI в.) и др. Заимствованное прилагательное *sly* (< др.-нор. *slægr* 'clever, cunning') отмечено в 1200 г. сразу в двух значениях: 'умелый, умный' и 'хитрый, коварный' (OED, XV, с. 763), которые, очевидно, были заимствованы.

В рассматриваемый период отмечено ухудшение значений женских номинаций как следствие семантических изменений. При этом изменения в семантике лексем могли происходить кардинально. Например, заимствование *virago* имело положительно-оценочные смыслы – 'женщина (Ева)' (1000), 'женщина-

воительница' (1387), но во второй половине XIV в. (1386) также зафиксирован ЛСВ 'сварливая женщина, мегера' (OED, XIX, с. 663), который имеет распространение в современном английском. Иногда новый ЛСВ «основывался» на отрицательных смыслах исходного значения, как в слове *slut*. Данная единица (невыясненного происхождения (OED, XV, с. 762)) в значении 'грязнуля, неряха (о женщине)' фиксируется в 1402 г., а ЛСВ 'потаскуха, шлюха' отмечен в 1450 г. (OED, XV, с. 762).

В изучаемый период также отмечены экспрессивные общеоценочные предикаты, пр.: *dog* 'подлец, сволочь' (XIV в.) (OED, IV, с. 921).

На основе образной ассоциации и имплицитного сравнения развивались новые ЛСВ, выражающие неодобрительное, презрительное отношение к их референтам, пр.: *moth-eaten* 'изъеденный молью' (вт. пол. XIV в.) / 'поношенный; потрёпанный' (вт. пол. XIV в.) (OED, IX, с. 1120); *den* 'нора' (XI в.) (OED, IV, с. 453) / 'укрытие, притон' (XIII в.) (OED, IV, с. 453) и т.д.

Зафиксированы глаголы, у которых в результате метафорического переноса появились образные негативно-оценочные значения, сохранившиеся в

современном употреблении, пр.: *fawn* '(о животных, особенно о собаке) выражать радость, виляя хвостом и т.д.' (XIII в.) / 'лебезить перед (кем-л.)' (XIV в.) (OED, V, с. 776); *swarm* 'роиться (о пчёлах)' (1386) (OED, XVII, с. 355) / 'толпиться' (1399) (OED, XVII, с. 356) и т.д.

Первые примеры словоупотреблений некоторых негативно-оценочных синонимичных слов (с точки зрения современного употребления) свидетельствуют о том, что они могли функционировать совместно. Тем самым, очевидно, это позволяло: 1) усиливать НО воздействие; 2) оказывать влияние на семантику рядом стоящего слова. Например, глагол *brag* (неизвестного происхождения) в современном употреблении функционирует как синоним дескриптивно-оценочного предиката *boast* 'хвастаться, похваляться'. Известно, что исходное значение глагола *brag* являлось нейтрально-оценочным: 'of a trumpet: to sound loudly; <...>' ('о трубе: издавать громкие звуки') (OED, II, с. 476). В XIV в. указанный глагол начал функционировать в переносном НО значении, которое тождественно современному 'похваляться' 'хвастаться', причем, как показывают ранние примеры словоупотреблений, он всегда встречался совместно с глаголом *boast*, который к этому времени имел значение 'хвастаться': *brag and boast* (OED, II, с. 476).

Некоторые лексемы, отмеченные в ранний среднеанглийский период, выходили из активного употребления, по крайней мере, об этом свидетельствуют письменные источники, но появлялись вновь, когда английский язык на национальной основе уже сложился. Примером может стать глагол *skulk* (1225), который имел широкое распространение и функционировал в значении 'to move in a stealthy or sneaking fashion, <...>' ('передвигаться незаметно и тайно') (OED, XV, с. 629). Производный ЛСВ, который соответствует современному НО 'скрываться, затаиваться (особенно имея злой умысел)', отмечен в 1300 г. На протяжении XV–XVI вв. глагол выпал из широкого употребления, войдя вновь в XVII в.

(OED, XV, с. 629). Симптоматично, что форма *skulking* 'незаметный, притаившийся' отмечена в 1619 г., а у производного существительного *skulk*, зафиксированного в значении 'человек, увиливающий от чего-л.' в 1320 г., следующий пример словоупотребления отмечен только в 1838 г. (OED, XV, с. 629).

Заключение. Проведенное исследование показало, что большинство из современных НО слов (ЛСВ), появление которых датируется границами среднеанглийского периода, возникло в результате семантических изменений. Своеобразный пик роста количества НО лексем в среднеанглийский период, возникновение которых связано с семантическими изменениями, отмечен во второй половине XIV в. Данный факт, очевидно, можно связать с началом формирования английского литературного языка на диалектной базе Лондона. В целом, XIV в. явился важным временным этапом для истории изучаемых слов, поскольку начиная со второй половины XIV в. (и в последующие века) наблюдается существенный приток слов (ЛСВ), которые сохранились в современном употреблении в том же значении и классифицируются как негативно-оценочные.

Принятые сокращения

ЛСВ – лексико-семантический вариант

OED – The Oxford English dictionary: in 20 vol. / prepared by J.A. Simpson, E.S.C. Weiner. – 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 20 vol.

Литература

1. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 260 с.
2. Hughes, G. An Encyclopedia of Swearing: the Social History of Oaths, Profanity, Foul Language, and Ethnic Slurs in the English-speaking World / G. Hughes. – New York: M.E. Sharpe, 2006. – 572 p.
3. Kleparski, G.A. Semantic change in English: a study of evaluative developments in the domain of humans: rozprawa doktorska / G.A. Kleparski; Katolicki Uniwersytet Lubelski, Wydział Nauk Humanistycznych. –

- Lublin: Redakcja Wydawnictw KUL, 1990. – 181 s.
4. Schreuder, H. Pejorative Sense Development in English / H. Schreuder. – College Park – Maryland: McGraph Publishing Company, 1970. – 196 p.
 5. Трубачев, О.Н. Труды по этимологии: слово, история, культура: в 2 т. / О.Н. Трубачев. – М.: Яз. слав. культуры: А. Кошелев, 2004. – Т. 1. – 2004. – 798 с.
 6. Гак, В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания / В.Г. Гак // Семантическая структура слова: психолингвистические исследования / А.А. Леонтьев [и др.]; отв. ред. А.А. Леонтьев. – М., 1971. – С. 78–124.
 7. Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles: 2 vol. / ed. by L. Brown (ed.-in-chief) [and others]. – 6th ed. – New York: Oxford University Press, 2007. – Vol. 1: A – M; Vol. 2: N – Z. – 3742 p.
 8. A History of the English Language / ed. by R. Hogg, D. Denison. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 495 p.
 9. Ярцева, В.Н. История английского литературного языка IX–XV вв. / В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1985. – 247 с.
 10. Ильиш, Б.А. История английского языка: учеб. для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / Б.А. Ильиш. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1968. – 419 с.

Поступила в редакцию 12.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 811.161.1:008:2

Концепт «Спаситель» в русской культуре

Бувевич А.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматриваются особенности отражения евангельского образа Спасителя в русском языке и в русской культуре. Актуальность исследования обусловлена активизацией интереса лингвистов к религиозной тематике и изучению религиозных концептов в лингвокультуре. Выбор концепта «Спаситель» в качестве объекта исследования детерминирован его значимостью в русской языковой картине мира, поскольку русская культура развивалась по сотериологическому пути, следовательно, ее ценностями являются доброта, жалостливость, милосердие, а нравственно-этическим идеалом выступает образ Христа-Спасителя. В статье рассматриваются особенности восприятия евангельского образа Спасителя в народном менталитете и его интерпретация в русской культуре, анализируется этимология лексемы «спаситель», выявляется ряд имен собственных, содержащих в своей основе лексему «спас». Материалом исследования послужили дефиниции этимологического, толкового и фразеологического словарей, русские пословицы и поговорки, тексты русских религиозных философов, православных богословов, а также тексты русских писателей и поэтов с евангельским образом Спасителя. В данном исследовании использовались методы концептуального и контекстуального анализа, элементы этимологического анализа, описательный метод.

Ключевые слова: язык, религия, православие, концепт, образ Спасителя, Спас, пасхальный жанр.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 156–161)

The Concept of Savior in Russian Culture

Buyevich A.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article considers the features of the reflection of the Gospel image of Savior in the Russian language and Russian culture. Topicality of the research is explained by the activated interest of linguists in religious subjects and the study of religious concepts in linguoculture. The choice of the concept of Savior as the object of the study is due to its significance in the Russian language picture of the world, since the Russian culture has been developing by soteriological way, therefore, its values, such as kindness, compassion, mercy, and moral and ethical ideal, are represented by the image of Christ the Savior. The article considers the features of the perception of the Gospel image of the Savior in the national mentality and its interpretation in the Russian culture, the etymology of the lexeme “savior” is analyzed, a number of proper names containing the lexeme “savior” are revealed. As the material of the research the definition of etymological, explanatory and phrasebook, Russian proverbs and sayings, texts of Russian religious philosophers, and Orthodox theologians, as well as texts of Russian writers and poets with the Gospel image of the Savior were used. The elements of etymological analysis, the method of conceptual and contextual analysis, descriptive method were used as the main research methods.

Key words: language, religion, Orthodoxy, the concept, the image of the Savior, Christ, Easter genre.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 156–161)

Адрес для корреспонденции: e-mail: annushka1981@tut.by – А.А. Бувевич

Язык и религия представляют собой две формы отображения мира в сознании людей, две стихии в душе человека, два самых глубоких взаимосвязанных начала в человеческой культуре. Религия – это основополагающие нравственные ценности, этические идеалы, «заветные смыслы, самые важные для человека и общества» [1, с. 4]. Отличительным признаком религии является вера в сверхъестественное, возможность контакта с ним, поиски связи с трансцендентным. В христианстве сверхъестественное персонифицировано в Боге, поэтому поиски человеком пути в трансцендентный мир означают желание установить связь с Богом. Путь в этот мир осуществляется посредством принятия идеалов, являющихся ценностными ориентирами в жизни человека и общества. Так, на основе мировоззренческих идеалов христианства формируются определенные духовные сущности – религиозные концепты, наполненные ценностными смыслами и составляющие сакральный центр культуры.

Хотя концепты при своем воплощении могут выражаться в образах, символах и в артефактах культуры, все же основной формой их выражения в жизненном мире человека является слово. Приобретая языковое оформление, вербализуясь, базовые религиозные концепты занимают важное место в национальной языковой картине мира и становятся частью семантического пространства языка определенного этноса.

В современном языкознании изучение религиозных концептов привлекает исследователей разных направлений, однако, несмотря на большое количество работ, посвященных данной проблеме (И.И. Бабенко, С.Г. Воркачев, И.А. Королёва, Л.П. Крысин, В.А. Маслова, О.Ю. Печёнкина, Н.В. Писарь, А.К. Погребняк, В.И. Постовалова, Ю.С. Степанов, Г.Н. Скляревская, Со Ын Ён, Н.В. Шведова и др.), интерес к теме не угасает.

Традиционным вероисповеданием русского и белорусского народов является православие, следовательно, культурные и духовно-нравственные ценности и

идеалы этой религии воплощаются и реализуются в религиозных концептах. В христианстве таким нравственно-этическим идеалом является образ Иисуса Христа, Спасителя мира.

Цель данной статьи – выявление особенностей отражения евангельского образа Спасителя в русском языке и, следовательно, в русской культуре.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили дефиниции этимологического, толкового и фразеологического словарей, русские пословицы и поговорки, тексты русских религиозных философов, православных богословов, а также произведения русских писателей и поэтов с евангельским образом Спасителя.

Для достижения поставленной цели исследования использовались методы концептуального и контекстуального анализа, элементы этимологического анализа, описательный метод.

Результаты и их обсуждение. В основе христианства лежит вера в то, что более двух тысяч лет назад Бог, оставаясь всемогущим и вездесущим, действием Святого Духа вселился в Непорочную Деву Марию и воплотился в человеческой природе: «не бойся принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого; родит же Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» [2, Мф.1:20–21]. Это Божественное Воплощение является уникальным событием в истории человечества, поскольку до рождения Иисуса Христа Бог оставался для людей невидимым и непознаваемым, но став Человеком, Бог явил Себя как Личность, познать которую стало возможно через изучение Священного Писания. Прожив трудную человеческую жизнь, претерпев искушения и расплатившись своей невинной Кровью за грехи людей, Бог Иисус Христос явил нам пример праведной жизни, став Спасителем всего человечества. Воскресение Христа-Спасителя означает для христиан победу над смертью и вновь обретенную возможность жизни с Богом. «Бог вочеловечился, чтобы че-

ловец обожился», – говорил св. Афанасий Великий [3, с. 260].

Для русского человека Христос-Спаситель, прежде всего, является воплощением доброты и терпения. Желание русского человека делать добро сочетается с такими чертами русского характера, как милосердие и жалостливость. Эти нравственно-духовные качества нашли отражение в русских пословицах и поговорках: «Милостивому человеку и бог подает», «Добра желаешь, добро и делай!», «Лучше жить в жалости, чем в зависти», «Сердце не камень. Человек жалюю живет» и др.

В образе Спасителя русский народ всегда видел страдающего и кроткого Бога: «русский народ в своей религиозности живёт со Христом страдающим... Это – русский Христос, такой близкий к скудному русскому пейзажу, неприглядным, серым деревням... Это Христос – друг грешников, убогих, немощных, нищих духом» [4]. Отсюда становится понятным практически неизвестное в других странах почитание русскими юродивых и страстотерпцев, в которых воплощается русская категория страдания по образу Христа, ведущего к спасению. В высшей степени символично для русской культуры, что первыми русскими святыми стали князья-братья Борис и Глеб, канонизированные как страстотерпцы. Известный философ Г.П. Федотов писал, что Борис и Глеб были не только первыми русскими святыми, но они открыли новую страницу в истории православной святости: «Подвиг непротivления есть национальный русский подвиг, подлинное религиозное открытие новокрещеного русского народа» [5, с. 24]. Они приняли смерть не от рук гонителей христианства за исповедание веры во Христа, а по образу Спасителя, без сопротивления, кротко и смиренно. Святые Борис и Глеб, зная о заговоре их старшего брата Святополка, не оказали ему сопротивления и добровольно пожертвовали своей жизнью во исполнение воли Божьей.

Мотив добровольного страдания особенно значим и для понимания образа русского юродивого, которого также можно считать культуросоставляющей

фигурой русского мира. Юродивыми были подвижники во имя Господа, добровольно принимавшие вид безумного и отказавшиеся от мирских благ и прелестей жизни. Буквально слово «юродивый» означает «уродливый», «ненормальный», но эта «ненормальность», будучи «юродством Христа ради», призвана подчеркнуть истину, произнесённую Спасителем: «Царство Мое не от мира сего» [2, Ин.18:36], и жители этого Царства кажутся «странными», т.е. странниками в мире. С христианской точки зрения высочайшей мудростью является жертвенная любовь к Богу и людям, поэтому юродивые, будучи Божьими мудрецами, подобно Спасителю, снисходили до жертвенного служения миру.

Для того чтобы понять, почему слово-концепт становится фактом культуры, необходимо рассмотреть и проанализировать исходную форму (этимологию) данного концепта. Так, по данным этимологических словарей лексема *спаситель* является производной от глагола *спасать* (*спасти*), от др.-русс. *съпасти*, ст.-слав. *съпасти*, *съпас*, родственного лат. *pasco*, *pastum*, “пасти, кормить” [6, с. 732]. В исходном значении *пасти* обозначает «водить домашний скот (коров, овец, коз) по тем местам, где произрастает корм для них, следить за ними, чтобы они не разбежались по сторонам, оберегать от опасностей разного рода» [7]. Необходимо отметить, что семантические компоненты этого слова (“водить”, “кормить”, “охранять от опасностей”) реализуются в производных словах: *пастбище*, *выпас*, *пастух*, *пастырь*, *запас*, *припасы*, *опасаться*, *опасный*, *опасность*, *опасение*, *спасти*, *спаситель* и др. Сходное семантическое развитие наблюдается в одно-коренном (индо-европейского происхождения) латинском слове *pasco* – пасу, питаю, кормлю, *pasuum* – пастбище, *pastor* – пастух, пастырь, *pastus* – корм, *pabulum* – пища, корм. По мнению К.А. Тимофеева, индо-европейский корень “ра-” имеет значение защищать и охранять [7]. Таким образом, для славянского *пасу* и латинского *pasco* можно предположить один и тот же осложненный суффиксом -

sk- корень “pa-”. Следовательно, в русском слове *спаситель* реализуется значение «тот, кто спас, спасает кого-то-н.» от опасности и беды, защищает и оберегает [8, с. 755].

Отличительной особенностью русского слова *спаситель* является также его созвучие со словом «пасха», которое в еврейском языке означает «прехождение, избавление». В православии именно Пасха (Воскресение Христа-Спасителя) является главным праздником верующих. Это день, когда Спаситель избавил весь род человеческий от греха, а значит и спас от смерти. Многие русские писатели, мыслители и философы связывали Пасху с национальным характером русского народа, прошлой и будущей историей России. Знаменательными оказываются слова Н.В. Гоголя о праздновании Святого Дня в России: «В русском человеке есть особенное участие к празднику Светлого Воскресенья. Он это чувствует живее, если ему случится быть в чужой земле. Видя, как повсюду в других странах день этот почти не отличен от других дней, – те же всегдашние занятия, та же вседневная жизнь, то же будничное выражение в лицах, – он чувствует грусть и обращается невольно к России» [9, с. 361–362].

Пасха получала разное художественное значение в русской литературе. Поэты чаще всего писали и рассуждали о последних событиях земной жизни Спасителя, обращались к темам и образам четырех Евангелий. Ликуяще, с искренней верой и пасхальной радостью раскрывает величие этого праздника В.К. Кюхельбекер в своем стихотворении «На Воскресение Христа» [10]:

*Душа моя, ликуй и пой,
Наследница небес:
Христос воскрес, Спаситель твой
Воистину воскрес!
Так! Ад пред Сильным изнемог:
Из гробовых вериг,
Из ночи смерти Сына Бог
И с Ним тебя воздвиг.
Из света вечного Господь
Сошел в жилище тьмы,
Облекся в персть, оделся в плоть –*

*Да не погибнем мы!
Неизреченная любовь,
Всех тайнств высота!
За нас Свою святую Кровь
Он пролил со креста.
Чистейшей Кровию Своей
Нас, падших, искупил
От мук и гроба, из сетей
И власти темных сил.
Христос воскрес, Спаситель мой
Воистину воскрес.
Ликуй душа! Он пред тобой
Раскрыл врата небес!*

В этом стихотворении раскрывается Богочеловеческая природа Спасителя: Он – Господь, Сын Бога, Который «*облекся в персть, оделся в плоть*», то есть стал Человеком, чтобы, пролив Свою Святую Чистейшую Кровь на кресте, раскрыть перед нами «врата небес» и избавить нас от смерти.

Пасха стала одним из ключевых эпизодов в произведениях Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, А.И. Куприна, И.С. Шмелева, И.А. Бунина и многих других писателей. Праздник Светлого Воскресения Спасителя дал русской литературе не только образы, мотивы, сюжеты и эпизоды, но и жанр пасхального рассказа. Герои этих русских пасхальных повестей живут не только в России, но и в православном мире русской жизни: радостно празднуют Пасху, красят яйца, разговляются пасхальным куличом, христосуются, – а самое главное, они открывают истинный духовный смысл праздника и уже не могут жить не по-христиански. О роли Пасхального времени и его значимости в жизни русского народа проникновенно писал основоположник пасхального жанра в русской литературе А.С. Хомяков в повести «Светлое Воскресенье»: «Нельзя не любить это веселое время, уже не говоря, что оно связано со всем, что есть самого святого в нашей вере. Это одно время в круглом году, когда каждый готов открыть другому всю свою душу, когда недруги готовы снова подать друг другу руку и забыть все прошедшее и когда все люди, высшие и низшие, равно чувствуют себя братьями в одном общем светлом торжестве».

ве!»; когда «нет той христианской души на земле, которая бы не радовалась и не приветствовала своего воскресшего Спасителя» [11].

Рассматривая концепт «Спаситель» в русском искусстве, необходимо отметить, что на Руси наиболее распространенной формой от имени Спаситель стало старославянское слово «Спас», вошедшее в названия русских православных праздников, икон и храмов. Испокон веков в России в августе христиане отмечают три праздника, которые в народе называют Спасами – медовый (Первый Спас), яблочный (Второй Спас) и ореховый, или хлебный (Третий Спас). Все эти праздники связаны с теми или иными эпизодами из жизни Христа-Спасителя: *Происхождение Честных древ Животворящего Креста Господня и Празднество Всемилоствому Спасу и Пресвятой Богородице, в народе называемый «Медовый Спас»; Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, двенадцатый праздник, в народе именуемый «Яблочный Спас»; Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа Господа Иисуса Христа, называемый «Ореховый Спас».*

В народном творчестве названия этих праздников вошли в состав некоторых пословиц, поговорок и примет: *Пришел спас – держи рукавички про запас; Пришел спас – всему час: плоды зреют; Второй спас всему час – шубу припас; Третий спас хлеба припас; Коль хорош Третий спас, будет зимой квас; Ласточки отлетают в три раза, в три спаса.*

Образ Спасителя широко представлен в текстах русской культуры: в иконах, музыкальных сочинениях, художественных произведениях.

В русской иконографии иконы Спасителя занимают главное место. Они могут быть различны по своему иконографическому типу, в каждой из них раскрывается определенный аспект исповедания, особый догматический и богословский смысл образа Спасителя. Основных иконографических типов шесть: Спас Нерукотворный, Спас Вседержитель (Пантократор), Спас на Престоле (Спас Златая риза), Спас Эммануил, Спас Благое Молчание, Спас в Си-

лах. Однако на Руси Спас Нерукотворный всегда был одним из самых любимых образов. Именно его обычно писали на знаменах русских войск. В начале XXI века в память о страшной Чернобыльской трагедии и христианском подвиге людей, не пожалевших своих собственных жизней ради всеобщего блага, была написана икона «Чернобыльский Спас», на которой впервые вместе с образом Спасителя и ликами святых были изображены люди, живые и мертвые.

Идея Христа-Спасителя, являясь основой русской классической музыки, пронизывает творчество русских композиторов: М.И. Глинки, С.В. Рахманинова, Н.А. Римского-Корсакова, П.И. Чайковского и др. Многие великие русские композиторы писали и собственно церковную музыку: для богослужебного употребления написаны «Литургия» П.И. Чайковского, «Литургия» и «Всенощное бдение» С.В. Рахманинова.

Особое восприятие Спасителя в народном менталитете нашло отражение и в русском языке. В отличие от большинства европейских языков в русском языке существует целый ряд имен собственных, мотивированных старославянской формой имени Спасителя – Спас:

- Спасов, Спасский, Спасюк, Спасокукоцкий: фамилии;
- Спасские: ворота, часы, вести;
- Спасская: церковь, башня, станция метро, улица, гостиница, ярмарка;
- Спасское: озеро, село, братство;
- Спасский: собор, монастырь, колокол, переулок, мост, уезд, район;
- Спас: остров, православный телеканал.

Лексема «Спас» также служит для образования некоторых составных топонимов: Спас-Деменск (город), Спас-Угол (село), Спас-Клепики (город), Спас-Заулок (село), Акатово-Спас (село), Спас-Шелутино (село), Спас-Загорье (село), Спас-на-Водах (церковь, часовня), Спас на Крови (храм), Спас на Бору (храм), Спас-Андроников монастырь, церковь Спаса Евфросиниева монастыря, Спас-Нередицкая церковь и др.

Заключение. Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют об уникальности образа Спасителя для

русской культуры. На протяжении многих веков вера в Христа-Спасителя питала душу русского человека. Во имя Спасителя пишутся иконы, возводятся храмы, строятся монастыри, совершаются празднества. Лексема «Спас» лежит в основе некоторых русских фамилий, названий городов, улиц, переулков. Благодаря духовному творчеству русского народа образ Спасителя широко представлен в народном творчестве, музыке и литературе.

Литература

1. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. – М.: ФАИР, 1998. – 352 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 1997. – 1337 с.
3. Св. Афанасий Великий. Слово о Воплощении Бога Слова и о пришествии Его к нам во плоти // Творения: в 4 т. – М., 1994. – Т. 1, гл. 54.
4. Флоренский, П.А. Православие / П.А. Флоренский. Православие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pilotchart.narod.ru/text/Florenskiy/Florenskiy_4.htm. – Дата доступа: 07.02.2013.
5. Федотов, Г.П. Святые древней Руси / Г.П. Федотов. – М.: Московский рабочий, 1990. – 121 с.
6. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т.: пер. с нем. / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3. – 832 с.
7. Тимофеев, К.А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения / К.А. Тимофеев // Русский филологический портал [philology.ru](http://www.philology.ru) [Электронный ресурс]. – Новосибирск, 2001. – 88 с. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/timofeev-01.htm>. – Дата доступа: 23.01.2013.
8. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд. доп. – М.: ИНФОТЕХ, 2009. – 944 с.
9. Гоголь, Н.В. Мертвые души. Выбранные места из переписки с друзьями / Н.В. Гоголь. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. – 432 с.
10. Кюхельбекер, В.К. На Воскресение Христа / В.К. Кюхельбекер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://azbyka.ru/stihi/kyuhelbeker/kyuhelbeker_na_voskresenie_hrista.shtml. – Дата доступа: 07.02.2013.
11. Хомяков, А.С. Светлое Воскресенье / А.С. Хомяков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/h/homjakow_a_s/text_1844_svetloe_voskresenie.shtml. – Дата доступа: 08.02.2013.

Поступила в редакцию 18.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 811.161.1'373.232

Место конвергенции в неофициальной антропонимии

Лисова И.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье исследуются границы и состав неофициальной системы именований, анализируются критерии разграничения неофициальных форм личных имен и прозвищ, предлагается дефиниция следующих терминов: неофициальный антропоним, неофициальная форма (модификат, дериват) имени, неофициальный антропонимный спектр имени. Рассматривается внутренняя пограничная зона неофициального именика – конвергенты, которые представляют собой пласт антропонимной лексики, обладающей признаками дериватов личных имен и прозвищ. Проводится разграничение заимствований в антропонимии и конвергированных форм имен. Предлагается классификация конвергентов, определяются основные способы их образования. Зафиксирована специфическая для конвергентной номинации прецедентная замена. Конвергированные формы имен анализируются с учетом их соотносительности с разными славянскими и неславянскими языками, ассоциативных связей, фреквентативных показателей. Выявляются особенности конвергентов, употребляющихся жителями Витебского и Браславского районов.

Ключевые слова: неофициальный антропоним, форма имени, дериват, модификат, прозвище, неофициальный антропонимный спектр имени, конвергенция, конвергент, прецедентная замена.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 162–167)

Convergence Place in Informal Anthroponymy

Lisova I.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article deals with the boundaries and composition of the informal system of naming, criteria for distinguishing informal forms of personal names and nicknames are proposed, as well as the definition terms of informal anthroponym, unofficial form (modifier, derivative) of the name, unofficial anthroponymic range of the name. In the present article the internal border zone of the informal list of names, known as convergents which represent the layer of anthroponymic vocabulary, possessing signs of derivatives of personal names and nicknames, is considered. Borrowings in anthroponymy and converged forms of names are distinguished. Classification of convergents is presented; main ways of their making up are defined. Specific for converged nomination precedent replacement is fixed. Converged forms of names are analyzed according to their correlation with various Slavic and non-Slavic languages, associative links, frequentative indicators. Features of convergents, used by residents of Vitebsk and Braslav areas are revealed.

Key words: informal anthroponym, name form, derivative, modifier, nickname, informal anthroponymic range of a name, convergence, convergent, precedent replacement.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 162–167)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Reallisowa@mail.ru – И.А. Лисова

В русле антропоцентрической парадигмы изучение принципов именования человека становится наиболее актуальным. С учетом возрастающего числа неофициальных имен, проникающих в официальную среду, в обществе возникла потребность четкого разграничения именных разрядов и сфер их употребления. Цель данной статьи – определение границ и состава неофициальной системы именований, ее внутренних пограничных зон.

Материал и методы. Материалом исследования послужили неофициальные формы имен 1176 жителей Витебского (2009–2012 гг.) и Браславского (2012 г.) районов. В 2009 г. на территории Витебщины межъязыковые конвергенты были зафиксированы у 14 женских (19 форм) и 10 мужских (15 форм) имен. Для определения степени влияния конвергенции на состав неофициального именика Витебщины и Браславщины и преобладающих типов конвергентов были проанализированы эмпирические данные

100 респондентов опроса 2012 г. каждого из районов. Конвергированные варианты были выявлены у 32 имен в Витебском (11 мужских и 21 женского) и 30 в Браславском (10 мужских и 20 женских) районах. Основными методами исследования стали анкетирование, словообразовательный, формантный, описательный с элементами обобщения и теоретизации, фреквентативный анализ.

Результаты и их обсуждение. Одним из проблемных является вопрос о месте прозвищ в системе неофициальных антропонимов, а также разграничении прозвищ и дериватов антропонимов. К неофициальным антропонимам традиционно относят 1) модификаты личного имени (*Маша, Макс*), 2) модификаты фамилий (*Вася от Васильев*), 3) формы, образованные от отчеств (*Санна*), 4) прозвища (*Белый*), 5) андронимы (*Антосиха*), 6) гинеконимы (*Ванин*), 7) никнеймы (*Ли Си Цын*). Регистрируются попытки уточнить терминологию в области неофициального именования: «недостаточно четко понимание отличия сокра-

щенных имен от ласкательных и от форм субъективной оценки вообще» [1, с. 46]. Т.С. Астахова отмечает, что «древнерусскому языку свойственна конъюнкция личного имени и прозвища, для современного русского языка характерна их дизъюнкция» [2, с. 10]. Поэтому важно выявить критерии разграничения этих антропонимических категорий. Т.В. Шенкнехт пишет о том, что «прозвище отличается от других вариантов антропонимов тем, что оно закрепляется за конкретным лицом и не сочетается с другими антропонимами» [3, с. 16]. По мнению Р.А. Мусаевой, «как полуимена, так и прозвища входят в разряд вспомогательных антропонимов, каждая из этих категорий характеризуется рядом специфических признаков» [1, с. 45–46]. Объединение и дополнение данных исследователей (Р.А. Мусаевой, О.А. Фоменко, Т.Т. Денисовой, Т.С. Астаховой) позволяет сформулировать перечень критериев разграничения прозвищ и модификатов антропонимов:

1. Прозвища всегда эмоциональны и экспрессивны, а модификаты имен могут быть нейтральными.

2. Основой варьирования имени являются именно межличностные отношения, коннотации стратегий общения, а яркие признаки индивида мотивируют прозвища.

3. Прозвища зачастую уместны, когда речь ведется об отсутствующем лице, тогда как модификаты имени, в первую очередь, употребляются в непосредственной межличностной коммуникации.

4. Прозвища часто имеют отрицательную коннотацию, за исключением небольшой группы внутрисемейных, а формы имен положительно окрашены. Однако, подобное деление условно, так как «трудность трактовки прозвищ таится в терминологическом дисбалансе. Если прозвища стали ассоциироваться с негативом (за глаза уничтожить человека, высмеять, подыграть чужому недоброму восприятию), то без терминологического определения остаются повторяющиеся положительные характеристики (*Кудесник, Мудрый*) и все обилие внут-

рисемейных ласковых именований (*Зайчик, Малыш* и т.п.)» [4, с. 65].

5. «Возрастной пик бытования прозвищ – школьная и студенческая среда. Чем старше человек, тем менее он стремится выделить себя прозвищем» [5, с. 19], тогда как формы имен в основном варьируются на протяжении всей жизни человека в разных ситуациях общения и относительно социального статуса коммуникантов.

6. Прозвища стилистически ограничены, тогда как, например, гипокористики могут фиксироваться во всех стилях языка (даже в документах, благодаря их проникновению в официальный именник).

Таким образом, прозвища представляют неофициальную сферу номинации, но являются лишь одной из разновидностей неофициальных именований наряду с неофициальными формами личного имени, фамилиями, отчествами, гинеконимами, патронимами и никнеймами.

Основываясь на данных положениях, можем предложить следующую дефиницию терминов «неофициальный антропоним» и «неофициальный антропонимный спектр». Неофициальный антропоним – это вариант номинации человека, употребляющийся в неофициальной сфере коммуникации, в интимно-личностной зоне участников общения, соотносимый с официальным антропонимом или элементом структуры личности именуемого (чертой характера, поведения). Неофициальная форма (модификат, дериват) имени – антропоним, функционирующий в неофициальном общении или любом дискурсе, моделирующем подобную ситуацию (например, художественном произведении), образованный от полной либо усеченной основы личного имени, фамилии либо отчества, обладающий определенным семантическим приращением (коннотацией), направленным на реализацию коммуникативной стратегии. В отношении одного человека в течение его жизни может использоваться несколько неофициальных антропонимов. Денотат при этом остается неизменным, меняются только

ситуации общения, коммуниканты, его социальные и психологические характеристики, поэтому в отношении одного человека выстраивается определенная номинативная модель – неофициальный антропонимный спектр личности. Неофициальный антропонимный спектр имени – это комплекс неофициальных антропонимов, образованных при помощи одного из способов дериватологии от полной либо усеченной основы, онимизацией или трансонимизацией, имеющих определенное семантическое приращение (коннотацию), употребляющихся в течение всей жизни одного конкретного человека в различных неофициальных ситуациях общения. Существование подобного спектра объясняет попытку некоторых исследователей (О.А. Фоменко) включить в систему прозвищ квалитативы.

В пограничную зону модификатов антропонимов и прозвищ входят дериваты личных имен и фамилий, именуемые нами конвергентами. В.А. Флоровская называет эту группу неофициальных антропонимов «прозвища от имен и фамилий» [6, с. 142]. Конвергенция (от лат. *convergo* – приближаюсь, схожусь) – сближение или совпадение двух и более лингвистических сущностей [7]. Конвергенты возникают в антропонимии, так как «в речевых реализациях антропоним обогащается разными связями с другими словами понятийной лексики» [8, с. 8]. В неофициальном антропонимиконе конвергенция проявляется не на уровне отдельных звуков, а на уровне фонетического облика имени в целом. У собеседника возникают ассоциации с именем того, к кому он обращается, в результате чего он привлекает формы, внешним обликом сходные либо с иностранными антропонимами (*Алекс* от *Александр*), причем форма может не существовать в исходном языке как модификат или официальное имя, а быть образованной по иноязычной модели, с использованием типичных или редких финалей (*Иннет* от *Инна*), либо с русскими или иностранными апеллативами (*Евгения* – *Женя* – *Женька* – *Жменька*). Процесс, отмечен-

ный в первой группе, назовем межъязыковой конвергенцией. Межъязыковые конвергенты помимо остальных семантических приращений обладают коннотацией заимствованности. Вторая группа семантически наиболее приближена к прозвищам, однако имеет иные коннотации, зачастую это коннотации стратегий общения (термин Л.И. Зубковой) [9, с. 100–102]. Данные конвергенты могут образовываться как с помощью типичных для языка аффиксов (*Валентина* – *Валюта*), так и путем онимизации или прибавления нетипичных финалей (*Роман* – *Ромашка*), причем в последнем случае путь образования недостаточно ясен, т.к. внешний облик исходного имени и полученного модификата крайне близок. В отличие от прозвищ, внутриязыковые конвергенты не содержат в себе эмоционально-оценочной семы, не характеризуют именуемого, не акцентируют его типичные черты. А.В. Суперанская констатирует факт существования форм имен, максимально приближенных к словам русского языка [10, с. 30]. Подобные формы могут иметь не все, а только некоторые личные имена.

К основным способам появления конвергентов можно отнести: суффиксацию (*Ленор* от *Елена*, *Полинус* от *Полина*), усечение (*Алекс* от *Алексей*, *Муля* от *Муляшова*), прецедентную замену – появление в неофициальной парадигме антропонима имени (одночленной или двучленной модели) известного деятеля культуры или искусства (часто зарубежного), имя которого внешним обликом напоминает исходное или его форму (*Кирк* в парадигме имени *Кирилл*; Кирк Дуглас – американский актер; *Жан Поль* в неофициальных вариантах антропонима *Полина*: по аналогии с именем Жан-Поль Бельмондо). К конвергентам не

относятся формы недавно заимствованных русским именем антропонимов типа *Эрик*, *Сюзанна*, поскольку их парадигма имеет отдельные особенности и зачастую ограничивается привнесенными на русскую почву иноязычными вариантами или типичными для системы модификатами (*Сюз*, *Сюзанчик*). Эти личные имена представляют группу заимствований, а не конвергентов, функционирующих в неофициальном антропонимном спектре наряду с традиционными вариантами (*Ваня*, *Ванечка*, *Вано*).

Первое место по частотности употребления (47%) среди форм, собранных в 2009 г., занимают конвергенты, сближенные с антропонимной системой английского языка (*Александр* – *Алекс*, *Акс*, *Лекс*; *Екатерина* – *Кэт*, *Кэтрин*). Приблизительно с той же частотностью (41%) актуализируются имена французского языка (*Сергей* – *Сержио*, *Серж*; *Снежана* – *Жанет*; *Надежда* – *Надин*). Редкими в употреблении являются варианты номинации, соотносящиеся с личными именами немецкого (2 формы: *Екатерина* – *Катрина*; *Ирина* – *Ирэна*), польского (1 форма: *Алик* от *Алексей*) и португальского (1 форма: *Марианна* от *Мария*). Актуализация конвергированных форм – явление более распространенное в городском неофициальном именнике. В 2011 г. межъязыковые конвергенты были пополнены новыми группами: сближенные с 1) белорусской (*Антось* от *Антон*), 2) латышской (*Андрис* от *Андрей*) системами именования. Белорусские варианты включены нами в систему конвергентов по причине их функционирования (как и других) в парадигме одного официального русского имени в речи русскоговорящего населения.

Таблица

Типы конвергентов в именниках Витебского и Браславского районов

Район	Межъязыковые конвергенты								Внутриязыковые конвергенты
Язык	англ.	фр.	нем.	польск.	бел.	лат.	ит.	укр.	
Витебский	21	17	7	1	6	1	0	0	16
Браславский	9	7	3	1	10	0	3	5	10

Внутриязыковые конвергенты представлены вариантами, сближенными с апеллятивами и онимами самых разных сфер человеческой деятельности (названиями предприятий или их продукции: *Марко от Марк, Витоша от Виталий и Виталина*; названиями растений: *Ветка от Виолетта*; названиями животных: *Галчонок от Галина*; предметов: *Юла от Юлия* и пр.).

По данным опроса 2012 г., конвергированные варианты были выявлены у 32 имен в Витебском (11 мужских и 21 женского) и 30 в Браславском (10 мужских и 20 женских) районах. Однако в первой исследуемой зоне зафиксировано 69 употреблений конвергентов, а во второй – 48. Типы конвергентов распределены в полученном материале согласно приведенной таблице.

На территории Витебского района конвергенция в неофициальном именнике происходит активнее, чем на территории Браславского. Межъязыковая конвергенция широко представлена в неофициальных антропонимиконах двух районов. Часто путем конвергенции в двух именниках распространяют свои неофициальные парадигмы имена Наталья (*Натали*), Екатерина (*Кэт, Катярина, Катрин, Катринушка, Катажына*), Кристина (*Тина, Тинка, Кристэн*), Александр (*Алекс, Александро, Сандро*). Межъязыковая конвергенция с апеллятивной лексикой представлена только одним вариантом, употребляющимся в г. Браславе (*Дзённік от Денис*). Несмотря на расположение региона на западе страны англоязычные конвергенты уступают белорусскоязычным. Внутриязыковые конвергенты, соотносимые с апеллятивами, представлены 23% именований Витебщины и 21% именований Браславщины. Подобные формы образуются от апеллятивов, обозначающих предметы, растения, абстрактные термины: (Витебский район: *Жень-Шень от Евгений, Валенок от Валентин, Игрек от Игорь*. Браславский район: *Валюта от Валентина, Крестик от Кристина*).

Заключение. Неофициальные антропонимы включают в свой состав дериваты имен и прозвища, которые отличаются структурно, функционально и семантически. Конвергенты – один из видов неофициальных форм имен, включенных в парадигму официального антропонима. В неофициальных именниках жителей Витебского и Браславского районов роль конвергентов велика. Они преобладают в спектре форм личных имен молодого поколения. Ведущие позиции занимает межъязыковая конвергенция (англоязычные варианты). Конвергенты имеют общие черты как с дериватами личных имен (соотнесенность с официальным именем, возможность образовать его только от одного официального имени, наличие коннотаций стратегий общения, положительная оценка собеседника, функционирование в присутствии именуемого) и фамилий, так и с прозвищами (яркая эмоционально-экспрессивная окрашенность, употребление относительно респондентов молодого поколения, стилистическая ограниченность, с апеллятивами).

Литература

1. Мусаева, Р.А. Кумыкская антропонимика. Прозвища и полуимена: дис. ... канд. филол. наук 10.02.02. Языки народов Российской Федерации (тюркские языки) / Р.А. Мусаева. – Махачкала, 2008. – 167 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kumykskaya-antropnimika-prozvischa-i-poluimena>. – Дата доступа: 08.01.2013.
2. Астахова, Т.С. Система именований лиц в истории русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.С. Астахова. – М., 2012. – 28 с.
3. Шенкнехт, Т.В. Прагматический потенциал антропонимических номинаций / Т.В. Шенкнехт. – Барнаул: Азбука, 2007. – 114 с.
4. Харченко, В.К. Лингвогенеалогия: имя собственное в жанре семейных родословных / В.К. Харченко, Е.М. Черникова. – М.: URSS: Либроком, 2010. – 187 с.
5. Денисова, Т.Т. Прозвища как вид антропонимов и их функционирование в современной речевой коммуникации: (на материале прозвищ Шумяцкого и Ершичско-

- го районов Смоленской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.Т. Денисова. – Смоленск, 2007. – 22 с.
6. Этнография имен: сб. ст. / ред.: В.А. Никонов, Г.Г. Стратанович. – М.: Наука, 1971. – 263 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 25.12.2012.
8. Ботвина, Н.В. Коннотативные антропонимы в русской художественной речи: (10.02.01): (на материале сатир. произведений послевоен. периода): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Ботвина. – Киев, 1988. – 24 с.
9. Зубкова, Л.И. Своеобразие и типы антропонимической коннотации / Л.И. Зубкова // Филологические науки. – 2009. – № 1. – С. 65–73.
10. Суперанская, А.В. Словарь народных форм русских имен / А.В. Суперанская. – М.: URSS, 2010. – 368 с.

Поступила в редакцию 18.02.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 821.112.2

Жанровая трансформация мемуарного наследия Ипполит Клерон в «Разговорах немецких беженцев» И.В. Гёте

Семченко Л.И.

*Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»,
Полоцк*

Анализируется жанровое своеобразие рассказа французской актрисы XVIII столетия – Ипполит Клерон. Ее воспоминания о призраке бывшего поклонника были опубликованы в журнале «Correspondance littéraire» за 1794 г. и использованы И.В. Гёте при написании истории певицы Антонелли из «Разговоров немецких беженцев» (1795). В процессе обработки материала Гёте вносит ряд существенных изменений в сюжет и композицию (разработка первой и сокращение заключительной частей, введение мотива дружбы, столкновение противоположных мировоззренческих позиций). Это приводит к изменению жанровых характеристик первоисточника, все больше приближая его к жанру новеллы. Необычный случай – момент осознания и демонстрации героями их внутренней сущности, постичь которую лишь с помощью разума не представляется возможным.

Ключевые слова: индивидуальность, разум, композиция, жанр, новелла.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 168–175)

Genre Transformation of Hippolyte Cleron Me- moirs in “Conversations of German Refugees” by J.W. Goethe

Siamchonak L.I.

Educational establishment “Polotsk State University”, Polotsk

The genre peculiarities of a short story by Hippolyte Cleron, a French actress of XVIII century are analyzed. Her reminiscences of the ghost of her former admirer were published in the “Correspondance littéraire” (1794)

miscellany, and were used by J.W. Goethe while creating the story of Antonelli singer from the “Conversations of German Refugees” (1795). While refining the material, Goethe adds some significant changes to the plot and the composition of the narrative (extends the first part, and abridges the last one, introduces the motif of friendship, clashes the opposite visions), which novelizes the original source. An unusual occurrence incites the protagonist to the realization of her nature, which is impossible by means of intellect.

Key words: individuality, intellect, composition, genre, novella.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 168–175)

Адрес для корреспонденции: e-mail: m.siamchonak@gmail.com – Л.И. Семченко

Конец XVIII – начало XIX столетия – период формирования новых представлений о человеческой природе, заявляющих о себе возникновением целого ряда дисциплин антропологической направленности, одной из которых явилась физиогномическая теория И.К. Лафатера (Johann Caspar Lavater, 1741–1801). Приверженцем этого учения на некоторое время становится И.В. Гёте. Основу физиогномики составляла абсолютная уверенность в возможности познания человеческой индивидуальности путем исследования особенностей внешности индивида. Конечной целью своей исследовательской деятельности Лафатер провозглашал создание максимально полной классификации типичных физиогномических особенностей, служащих индикатором характера человека. Молодой Гёте с энтузиазмом воспринял основные положения этого учения и некоторое время активно участвовал в работе по сбору материала для вышедших в 1770-х гг. «Физиогномических фрагментов» («*Physiognomische Fragmente*»). Однако уже в письме к Лафатеру от 22 февраля 1776 года писатель выражает сомнение в эффективности предлагаемой методики [1, с. 27], а в начале 1780-х гг. и вовсе отвергает возможность познания человеческой индивидуальности. Отголоски этой полемики находят свое художественное выражение на страницах краткой повествовательной прозы писателя послереволюционного периода.

В творческой биографии Гёте середина 90-х годов XVIII столетия отмечена интенсивной работой сразу над несколькими произведениями, герои которых пытаются разгадать тайну личности. Несостоятельность просветительской веры в неограниченные возможности познания человеческой индивидуальности автор демонстрирует, прежде всего, обращаясь к изобразительным возможностям новеллистического жанра. В 1794 году Шиллер обращается к Гёте с предложением принять участие в создании нового журнала «Оры» («*Die Morgen*») и просит его опубликовать в нем роман о Виль-

гельме Мейстере, над которым тот работал. Но выполнить эту просьбу не представлялось возможным, так как права на публикацию романа уже были обещаны книгоиздателю Фридриху Унгеру, и Гёте пишет для Шиллера новое произведение. «Хорошо слаженная сюита из рассказов во вкусе «Декамерона» Боккаччо»¹, – так охарактеризует Шиллер в письме к Х.Г. Кёрнеру от 7 ноября 1794 года предложенные ему «Разговоры немецких беженцев» [2, с. 80]. У знаменитого итальянца Гёте заимствует не только основной принцип композиционного построения своего сборника рассказов, но и его умение создавать нечто новое с опорой на уже известные сюжеты: из шести вставных рассказов «Разговоров» лишь один является продуктом оригинального творчества Гёте-писателя, все остальные были позаимствованы им из различных источников. Так в 1794 году во втором номере рукописного журнала «*Correspondance littéraire*», поставляемого к Веймарскому двору, были опубликованы воспоминания знаменитой французской актрисы Ипполит Клерон (полное имя – Жозеф Ипполит Лерис де Латьюд) об истории с призраком. Именно этот текст, как убедительно доказывает немецкий исследователь Э.Ф. Хофман [3], и послужил основой для создания истории певицы Антонелли у Гёте.

Цель данной статьи – сопоставительный анализ жанрового своеобразия истории о призраке бывшего поклонника в мемуарах французской актрисы Ипполит Клерон и на страницах гётевского повествовательного цикла «Разговоры немецких беженцев». Выявление специфики малой повествовательной прозы И.В. Гёте, стоявшего у истоков формирования жанра новеллы в немецкой литературе, является неременной предпосылкой исследования жанровой системы немецкого рассказа конца XVIII – начала XIX столетия.

Материал и методы. В исследовательской работе «*Die Geschichte von der Sän-*

¹ Здесь и далее при отсутствии ссылки на русское издание перевод наш. – Л.С.

gerin Antonelli in Goethes Unterhaltungen und ihre Quelle in der «Correspondance littéraire» Э.Ф. Хофман [3, с. 125] указывает на фактическую идентичность текста истории о призраке из второго номера журнала «Correspondance littéraire» за 1794 год с текстом письма госпожи Клерон к Я.Г. Мейстеру, опубликованного в ее мемуарах в 1799 году. Приведенные немецким исследователем результаты сопоставительного анализа дают нам право использовать в качестве исходного материала текст первого печатного издания воспоминаний французской актрисы. Он появился в Цюрихе в 1798–1799 годах под названием «Размышления о себе самой и о драматическом искусстве» [4]. Таким образом, основным объектом исследования жанрового своеобразия малой повествовательной прозы И.В. Гёте выступают: вставной рассказ «История о певице Антонелли» повествовательного цикла «Разговоры немецких беженцев» и мемуары французской актрисы Ипполит Клерон, являющейся автором исходной версии истории о загадочных звуках. Методологическую базу работы составили: сравнительно-исторический и системно-структурный методы анализа художественного произведения, а также концепция диалогичности художественного мышления, представленная в работах М.М. Бахтина.

Результаты и их обсуждение. История о призраке бывшего поклонника была рассказана госпожой Клерон в одном из ее писем к Я.Г. Мейстеру, швейцарскому писателю и политическому деятелю, эмигрировавшему во Францию. С 1773 года Мейстер является сотрудником, а затем и редактором «Литературной корреспонденции» Фридриха Мельхиора Гримма, знакомившей своих королевских подписчиков и их приближенных с последними событиями культурной жизни Парижа. Именно со страниц этого рукописного издания история не продолжительной дружбы актрисы с неким молодым купцом стала достоянием гласности.

Взяв за основу своего повествования рассказ госпожи Клерон, Гёте вносит в

него ряд дополнений, значительно меняющих ценностно-смысловую картину происходящего, а, соответственно, и жанровую природу всего произведения. Сюжет истории, повествуемой актрисой, условно можно разделить на три части. Первая сообщает подробности ее знакомства и дружбы с неким молодым человеком из Бретани. Во второй речь идет о загадочных явлениях, преследующих девушку в течение двух с половиной лет после смерти бывшего поклонника. И, наконец, беседа с пожилой дамой об обстоятельствах смерти умершего друга, потрясение от услышанного и пространственные размышления красавицы о причинах случившегося. На первый взгляд кажется, что необычное событие, лежащее в основе всей этой истории, как у госпожи Клерон, так и у Гёте, одно и то же – загадочные явления, окружающие героиню после смерти ее бывшего поклонника. Категоричный отказ красавицы в последний раз навестить страстно влюбленного молодого человека, лежащего на смертном одре, становится причиной сильнейшего ожесточения умиравшего. В последние мгновения своей жизни он клянется и после смерти лишить возлюбленную покоя. Именно вторую часть истории (непосредственно повествующую о явлениях загадочных и необъяснимых) Гёте оставил без каких-либо значимых изменений. Необычный характер разворачивающихся в ней событий полностью соответствовал тематике новеллистического жанра, его стремлению к нарушению запретов и традиций, профанации священного, отклонению от упорядоченного и регламентированного мироустройства. Ведь согласно гётевскому определению, новелла есть ни что иное, как «случившееся *неслыханное* событие» [5, с. 215]. Категория «беспрецедентности» выделяет череду последовавших после смерти генуэзца происшествий из «обычной организации действительности» [6, с. 245] и разрушает императивное единство традиционного для эпохи Просвещения рационалистического представления о мире и человеке. Четко сформулированная убеж-

денность Клерон о присутствии в мире неких сил, влияющих на происходящее, уступает у Гёте место лаконичному замечанию старика-рассказчика о представившейся возможности «воочию убедиться, что человек может сдержать слово и за гробом» [7, с. 148].

В ходе художественной обработки Гёте существенно меняет соотношение композиционных частей имеющегося в его распоряжении первоисточника. Это, в свою очередь, приводит к смещению акцентов на уровне композиционно-речевого целого произведения. Значительно расширяя и более детально разрабатывая первую часть повествования, автор максимально сокращает заключительный эпизод, вносящий ясность в обстоятельства смерти молодого генуэзца. Беседа госпожи Клерон с пожилой дамой, представившейся лучшим и единственным другом бывшего поклонника актрисы, сокращена у Гёте с пяти страниц оригинального текста до двух абзацев. Но их оказывается достаточно, чтобы заставить читателя взглянуть на все происходящее уже с новых позиций, вступающих в противоречие с традиционной ценностно-смысловой картиной мира. Теперь уже не пожилая дама, ухаживавшая за умирающим генуэзцем, а сам рассказчик становится инициатором встречи с этой женщиной. Встреча и, что особенно важно, прояснение обстоятельств смерти молодого человека осуществляется у Гёте «после первого же странного явления» [7, с. 148], хотя читатель и узнает обо всем лишь в заключительном замечании священника. Стало быть, красавица Антонелли, будучи преследуемой таинственными звуками, в отличие от исторической Клерон, прекрасно осознавала возможность существования некой взаимосвязи между смертью молодого человека и аномальными явлениями. В таком случае, быстрое привыкание героини к тем или иным звукам, ее дважды подчеркиваемое легкомысленное отношение ко всему происходящему позволяют говорить о сознательном утверждении героиней собственных жизненных позиций. А пред-

смертные слова генуэзца: «Она избегает меня, но и после моей смерти она не найдет покоя раньше чем это сделаю я» [7, с. 148] – проливают свет на истинную причину конфликта, лежащего в основе гётевского повествования. Необычные события, преследовавшие красавицу на протяжении полутора лет, явились необходимым условием самообнаружения характера героев, реализации их индивидуального «Я», их внутреннего «демона», заявляющего о себе, в одном случае, через таинственные звуки, а в другом – через внутреннюю независимость и самообладание.

Сопоставительный анализ гётевского текста истории с положенными в ее основу мемуарами показал, что одним из важнейших изменений, предпринятых автором в процессе обработки оригинального текста, явилось введение мотива дружбы, которую певица предложила своему новому знакомому. В мемуарной версии сближение мадам Клерон с молодым купцом не исключало возможности возникновения между ними чувственной любви. Сообщив читателям о питаемых молодым человеком надеждах на более «нежный прием», актриса, словно между делом, замечает: «И кто знает?...», «Может ли вообще кто-либо что-либо обещать?...» [4, с. 294]. Высказывания подобного рода, равно как и последовавшие за ними многоточия, красноречиво свидетельствуют об обоюдном интересе молодых людей друг к другу. Однако зародившаяся симпатия постепенно исчезла еще до наступления непосредственной физической близости: хорошо присмотревшись в ходе частных бесед к истинному нраву своего поклонника, актриса неожиданно для него разрывает все отношения и удаляет его от себя. Особый акцент мемуаристка делает на механизме обнаружения истинного нрава молодого человека. «Своими искренними ответами на вопросы, подсказанными мне собственным разумом² и любопытством, он сам похоронил все свои надежды» [4, с. 294]. Опираясь на «собст-

² Курсив наш. – Л.С.

венный разум» как основу познания человеческой индивидуальности, госпоже Клерон, действительно, удастся узнать истинную сущность своего нового друга. Его болезненная стеснительность по поводу собственного третьесловного происхождения заставляет ее сделать предположение о его таком же неуважительном отношении к другим людям, к их чувствам и желаниям.

Гёте, напротив, предельно драматизирует события, доводит отношения между молодыми людьми до их апогея, выступающего одновременно отправной точкой при обнаружении существующих противоречий в характере персонажей. С одной стороны, Антонелли – женщина, никогда «не испытывавшая склонности к самопожертвованию» и не имевшая никакого желания «признавать за кем бы то ни было исключительные права на нее» [7,

с. 142]. С другой стороны – страстное желание молодого человека стать единственным предметом любви, дружбы и привязанности прекрасной певицы. Гётевская героиня стремится вернуть себе былые позиции, утраченные ею в тот момент, когда, уступив просьбам своего поклонника, она пошла на сделку со своим «Я». Через образ главной героини – певицы Антонелли – Гёте еще раз вступает в полемику с популярным в эпоху Просвещения учением И.К. Лафатера и демонстрирует несостоятельность просветительской веры в неограниченные возможности познания человеческой индивидуальности. Если рассудительность госпожи Клерон позволила ей разобраться в истинной сущности своего поклонника еще до наступления близких отношений, то для Антонелли единственной возможностью постижения внутренней сути ее друга становится практическое познание. Только оказавшись в рамках интимной зоны общения, снимающей все социальные запреты и условности, генуэзец обнаруживает заложенные в нем индивидуальные качества. Неизбежная, присутствующая в нем от рождения страстность натуры, скорректированная в процессе

социализации, утратив контроль со стороны разума, постепенно возрастая, выходит наружу в виде мощного заряда энергии, обусловившей появление загадочных звуков.

Значительными с точки зрения жанровой трансформации становятся поправки, внесенные немецким писателем в формулировку последних слов умирающего влюбленного. «Это ей ничего не даст; и после моей смерти я буду преследовать ее ровно столько, сколько делал это при жизни», – такими словами завершил свое проклятие господин фон S* [4, с. 318]. И, действительно, Клерон дважды называет цифру два с половиной года: сначала, ссылаясь на продолжительность своего знакомства с молодым человеком из B*** и до его смерти, а затем, сообщая о длительности тайственных преследований. Аналогичное сходство обнаруживается и в указании времени смерти друга актрисы, тайственные одиннадцать часов ночи, так полюбившиеся загадочному призраку. Заметим попутно полное отсутствие подобной хронологической симметрии у Гёте. Таким образом, исчезновение странных звуков обусловлено в истории Клерон не восстановлением равновесия, утраченного в результате осознанных действий персонажа, и выведением ситуации на новый уровень гармонического развития мировых сил, а всего лишь временными рамками действия проклятия главного героя.

Если теперь мы обратимся к гётевскому варианту, то заметим, что условие, при котором Антонелли могла быть избавлена от преследовавших ее загадочных явлений, принципиально меняется: «Она избегает меня, но и после моей смерти она не найдет покоя *раньше меня*», – восклицает оскорбленный отказом генуэзец. Последовавшая за этим череда попыток склонить взор красавицы в свою сторону завершается сценой в коляске, выступающей здесь в качестве кульминационного пункта развития событий. Именно в этой сцене красавица-певица впервые за все время вспоминает о своем бывшем друге, претендовавшем при

жизни на всю ее любовь и внимание. «Вот, кажется, дом, где умер господин ****?», – спрашивает Антонелли ее спутница. «Сколько помню, это должен быть один из тех двух домов³», – отвечает ей красавица. Вспомнив, наконец, об умершем друге, певица, словно между делом, дополняет свой ответ безразлично равнодушным «сколько помню», не отступая тем самым ни на миг от принятого ею однажды решения. И как только невидимому духу удастся хоть в малой степени достичь желаемого, он тут же начинает успокаиваться и с этого момента уже больше не пытается вселить ужас в душу возлюбленной. Добившись своего, невидимый дух, словно отдает дань уважения твердости и решительности певицы, а затем, обретя, наконец, душевный покой, и вовсе пропадает. Таким образом, череда единичных ситуаций столкновения исторической Клерон с явлениями необъяснимыми и таинственными приобретает у Гёте динамичный характер. Ничем не примечательная для актрисы сцена в коляске приобретает благодаря изменению предсмертного пророчества поклонника черты типичного для новеллы кульминационного пункта, что приводит к принципиальному смещению акцентов на уровне композиционной организации произведения.

Необычное событие новеллистического повествования – это уже не один из фактов бытия в рамках определенной парадигмы альтернативных решений. Свою значимость оно приобретает именно в силу своей исключительности, разрушающей и расширяющей принятую ранее систему представлений. Художественный мир истории госпожи Клерон характеризовался фактическим отсутствием присущего гётевской новелле дискуссионного контекста. Точка зрения рассказчика в ней совпадала с позицией главной героини, выступающей в роли повествователя. Сообщение пожилой дамы о предсмертном проклятии бывшего друга актрисы, доведенного до отчаяния

ее отказом посетить его в последний раз, повергает Клерон в ужас. Обывательский характер мировидения героини обнаруживается через страх, пронзивший актрису при мысли о «всех тех силах неба и ада, что, объединившись, станут ее терзать» [4, с. 318]. При личной встрече с пожилой дамой, упрекнувшей Клерон в нежелании в последний раз утешить умирающего друга, актриса пытается обстоятельно аргументировать причину своего отказа. Убедив себя в несостоятельности трактовки произошедшего с точки зрения религиозной этики, актриса старается нащупать иную систему координат для определения своего мироощущения, и объясняет все произошедшее через существование неизвестного ей «нечто», «оказывающего огромное влияние на все, что происходит в этом мире» [4, с. 320]. Доводы рассудка, избавившие женщину от осознания вины с точки зрения религиозного сознания, оказались бессильны перед сознанием социальным, определяемым многовековой культурной традицией. По сути, Клерон лишь заменяет Божественное провидение неизвестным «нечто», манифестирующим все ту же высшую силу, управляющую миром. Замкнутость и завершенность художественного мира рассказа госпожи Клерон вытекает из сходства позиций главных героев, а вместе с ними и повествователя в оценке происходящего. «Дикаркой (варваркой)» [4, с. 317–318] называет бывший друг свою возлюбленную, подчеркивая тем самым игнорирование последней норм и традиций цивилизованного общества. В рамках этого внутренне завершенного миропонимания загадочные явления, преследовавшие актрису после смерти ее друга, – не более чем наказание за нарушение определенных этических норм.

Система персонажей гётевской версии истории о призраке представлена через столкновение нескольких принципиально противоположных личностных голов. С одной стороны, все события изложены в форме рассказа старика, являющегося к тому же лицом духовным, а потому выступающего в качестве вырази-

³ Ср. нем. «Es ist eins von diesen beiden, *soviel ich weiß*» (курсив наш. – Л.С.).

теля сознания если и не религиозного, то традиционного, так или иначе соотносящего жизненную позицию героя с внутренне завершенным миропорядком. Вторым голосом, выражающим принципиально иной жизненный опыт, становится главная героиня этой истории – певица Антонелли. О расхождении их мировоззренческих установок свидетельствует введенное Гёте замечание повествователя о данном им совете навестить умирающего друга: «Я посоветовал ей, даже *просил* (курсив наш. – Л.С.) ее воздать другу эту последнюю дань любви; она как будто бы *колебалась*, однако, по некотором размышлении, *решилась* и отослала слугу с окончательным отказом; больше он не возвращался» [7, с. 144]. Принятое Антонелли решение – сознательное утверждение героиней собственных жизненных позиций, пусть даже и идущих вразрез с принятыми этическими и культурными нормами. Возможность двоякой трактовки произошедшего Гёте подчеркивает введением в текст еще одного замечания рассказчика: «Три месяца подряд в один и тот же час гремел выстрел в одно и то же окно, не повреждая стекла, и, что особенно примечательно, всегда незадолго до полуночи: *дело в том, что в Неаполе живут по итальянскому времени, и полночь там особого значения не имеет* (курсив наш. – Л.С.)» [7, с. 146]. У госпожи Клерон крик невидимого духа был четко связан по времени с моментом смерти ее поклонника. У Гёте такой связи нет. Появление загадочных звуков незадолго до полуночи приобретает для рассказчика в этом случае более глубокий религиозный смысл. Полночь – час Рождения Христа, момент инициации (перехода из одного состояния в другое), от жизни греховной к надежде на спасение. Появление загадочных звуков *до* наступления полночи имело для священника символический смысл, свидетельствовало о невозможности совершения перехода в новое, более светлое состояние. В то же время, для всех остальных героев этой истории, носителей иной культурной традиции, полночь «особого значения не имеет». А

потому и попытка трактовки рассказанного единичного случая с точки зрения устоявшейся культурной традиции, а именно, в качестве неизбежного наказания красавицы за ее эгоистичный отказ выполнить последнюю просьбу умирающего друга, представляет собой лишь одну из мировоззренческих позиций, выражающую обыденно-прозаический взгляд на мир и человека.

В силу своей законченности постулируемая традиционным сознанием картина мира оказывается не в состоянии объяснить таинственные явления, лежащие в основе рассказанной истории. А потому весь ход развития событий ведет к постепенному разоблачению этого поверхностного, обывательского взгляда на действительность, представляя мир и человека более глубоким, разносторонним, до конца не познанным. Повествование о преследующих девушку устрашающих звуках – демонстрация жизненной энергии демонического «нечто», являющегося органической составляющей личности, постичь которое лишь с помощью разума невозможно. Отсюда и многократные указания на тщетность попыток друзей певицы выяснить природу таинственных звуков.

Заключение. Творческие поиски Гёте конца XVIII столетия отличаются широкой жанровой палитрой. Они свидетельствуют о многочисленных попытках писателя, направленных на обнаружение наиболее адекватного типа художественного целого для отражения негативного опыта революционных и послереволюционных потрясений. В ходе художественной обработки истории госпожи Клерон, взятой за основу рассказа о певице Антонелли, Гёте вносит в ее содержание ряд изменений. Новая версия рассказа о загадочном явлении духа бывшего поклонника приближает повествование к ценностно-смысловой картине мира новеллы. Необычный случай, лежащий в основе новеллистического жанра, выступает в качестве катализатора раскрытия механизма проявления первичного знания, лежащего вне области компетенции прославляемого просве-

тителями рассудка. Новеллистическое повествование Гёте ориентируется преимущественно на любовную проблематику, обнаруживая в ней наиболее плодотворную почву для раскрытия природы человеческой индивидуальности.

Литература

1. Niekerk, C. Bildungskrisen. Die Frage nach dem Subjekt in Goethes "Unterhaltungen deutscher Ausgewanderten" / C. Niekerk. – Tübingen: Stauffenburg-Verl., 1995. – 162 s.
2. Schiller, F. 7.11.1794 // Schillers Werke. Nationalausgabe, 27. Band: Schillers Briefe 1794–1795 / Hg. von Günter Schulz. – Weimar, 1958. – S. 80.
3. Hoffmann, E.F. Die Geschichte von der Sängerin Antonelli in Goethes Unterhaltungen und ihre Quelle in der "Correspondance littéraire" / E.F. Hoffmann // Goethe Jahrbuch. Einhundertzweiter Band. – Weimar: Hermann Boehlaus Nachfolger, 1985. – S. 105–143.
4. Clairon, Claire Jos phe Hippolyte Leris de LaTude. Betrachtungen über sich selbst und über die dramatische Kunst / Hypolite Clairon. Aus der franz. Hs. Uebers. – Zurich: Orell; Fuessli, 1798. – 320 s.
5. Эккерман, И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И.П. Эккерман; пер. Н. Ман. – М.: Художественная литература, 1981. – 687 с.
6. Михайлов, А.М. Новелла / А.М. Михайлов // Теория литературы. Том III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении) / отв. ред. Л.И. Сазонова. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 592 с.
7. Гёте, И.В. Разговоры немецких беженцев / И.В. Гёте // Собрание сочинений: в 10 т.; пер. с нем. С. Шлапоберской; под общ. ред. А. Аникста и Н. Вильмонта; коммент. Н. Вильмонт. – М.: Худож. лит., 1978. – Т. 6. – 477 с.

Поступила в редакцию 22.01.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 821.161.3-343.09

Самабытнасць беларускай аўтарскай казкі пачатку XX стагоддзя

Падстаўленка В.Ф.
*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле даследуюцца ідэйна-тэматычныя, вобразныя і жанрава-стылявыя адметнасці беларускай аўтарскай казкі на матэрыяле твора “Вежа Міру” Максіма Багдановіча. Сцвярджаецца: творчасць Багдановіча ўяўляе сабой мастацкі прыклад сінтэзавання самых розных традыцый і пачаткаў. Тут адметна спалучаны ідэі сусветнага мастацтва і айчынай культурнай спадчыны, элементы беларускай фальклорнасці і іншанацыянальных міфалагічных плыняў, аўтабіяграфічная рэфлексійнасць і аналітычны погляд на гісторыю і сучаснасць. Усё гэта крэатыўна апрацавана і даведзена да ўзораў класічнасці. Антываенная скіраванасць тэматыкі казкі Багдановіча, прыпавесцінасць яе зместу і маральна-духоўная канцэнтраванасць праблематыкі дэтэрмінавалі набліжанасць аналізуемага твора да антыўтопіі.

Робіцца вывад: багацце ідэйна-тэматычных, вобразных і жанрава-стылявых рашэнняў у “Вежы Міру” абумоўлівае чытацкую цікавасць і значнасць вывучэння твора ў сучасным літаратуразнаўстве. Асаблівы інтарэс і давер рэцыпіентаў да дзівосных падзей дзякуючы не пераконваючай рэалістычнай атрыбутыўнасці і тыповасці вобразаў, а, фактычна, супрацьлеглым шляхам – шляхам стварэння новага міфа, Кнігі кніг, Казкі казак.

Ключавыя словы: аўтарская казка, гуманістычнасць, вобразная сістэма, жанрава-стылявыя адметнасці, фальклорна-казачныя і міфалагічныя элементы.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 176–183)

Peculiarities of the Belarusian Author Written Fairy Tale of the Early XX century

Podstavlenko V.F.
*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

The article investigates the ideological and thematic, figurative and genre and style features of the Belarusian author written tales on the material of “The Tower of the World” by Maxim Bogdanovich. It is stated that creativity of Bogdanovich is an art example of synthesizing a variety of traditions and principles. It noteworthy involves ideas of world art and national cultural heritage, elements of Belarusian folklore and foreign mythological currents, autobiographical reflection and analytical look at the history and the present. All this is creatively processed and brought to classic standards. Anti-war orientation of the tale subjects by Bogdanovich, parable content and moral and spiritual concentration of problems conditioned proximity of the analyzed work to the dystopia.

Conclusion is made that the wealth of the ideological and thematic, figurative and genre and style solutions in the “Tower of the World” determines the reader's interest and the importance of studying the work by modern literary criticism. Particular interest and trust of recipients in the surprising events appear not due to convincing and realistic attributiveness and typology of images, but, in fact, the opposite way - by creating a new myth, the Book of books, Tale of Tales.

Key words: author written tale, humanism, image system, genre and style features, folk and fairy and mythological elements.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 176–183)

Адрас для карэспандэнцыі: 210002, г. Віцебск, вул. 3-я Прадзільная, д. 38; маб. тэл.: 8(029)590-18-38 (МТС) – В.Ф. Падстаўленка

Пачатак XX стагоддзя ў беларускай літаратуры з’яўляецца, бяспрэчна, прагрэсіўным перыядам, у якім былі развіты ўжо існуючыя жанравыя формы і прэзентаваны новыя. Прыкладам апошняга можна лічыць і аўтарскую казку. Як вядома, да распрацоўкі казак у гэтыя гады звярталіся Я. Колас (“Казкі жыцця”), В. Ластоўскі (“Дзед і ўнук”, “Певень і гуся”, “Вуж куртаты і мужык багаты”), Цётка (“Журавель і Чапля”). Згаданыя аўтары свядома арыентаваліся на фальклорна-казачную традыцыю, апелюючы тым самым да нацыянальнай памяці беларусаў, пры гэтым агульнавядомыя сюжэты фрагментарна звязвалі з актуальнымі з’явамі рэчаіснасці. Самабытным прыкладам у дадзеным жанравым кантэксце бачыцца казка “Вежа Міру” Максіма Багдановіча.

Мэта дадзенай работы – аналіз ідэйна-тэматычнай, вобразнай і жанрава-стылявой спецыфікі казкі “Вежа Міру” М. Багдановіча.

Матэрыял і метады. Аб’ектам даследавання ў артыкуле стала казка “Вежа Міру” Максіма Багдановіча як мастацкі прыклад унікальных ідэйна-тэматычных, вобразных і жанрава-стылявых рашэнняў у межах нацыянальнай пражытай жанравай сістэмы першых гадоў мінулага стагоддзя. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў, якія дазволілі аб’ектыўна ахарактарызаваць мастацкі твор.

Вынікі і іх абмеркаванне. Творчасць Максіма Багдановіча ўяўляе сабой мастацкі прыклад сінтэзавання самых розных традыцый і пачаткаў. Тут адметна спалучаны ідэі сусветнага мастацтва і айчынай культурнай спадчыны, элементы беларускай фальклорнасці і іншанацыянальных міфалагічных плыняў, аўтабіяграфічная рэфлексійнасць і аналітычны погляд на гісторыю і сучаснасць. Усё гэта

крэатыўна апрацавана і даведзена да ўзораў класічнасці.

Бясспрэчным з’яўляецца той факт, што М. Багдановіч бліскуча выступаў у шматлікіх жанрах, пры гэтым асобныя з іх былі не толькі ўпершыню ўведзены ў нацыянальны літаратурны кантэкст, але і адразу прафесійна, дасканалы прадстаўлены. Гэта адносіцца, напрыклад, да жанравай формы літаратурнай казкі. Нагадаем, што ў 1915 годзе Багдановічам была напісана казка “Вежа Міру” – унікальны твор нават у межах усёй беларускай прозы пачатку XX стагоддзя.

Увогуле, у супастаўленні з грунтоўна прааналізаванымі паэзіяй і крытыкай названага аўтара яго малая проза пярэдняму застаецца перспектыўным навуковым аб’ектам. У гэтым артыкуле мы паспрабуем шматаспектна раскрыць ідэйна-тэматычную, вобразную і жанрава-стылявую спецыфіку казкі “Вежа Міру”.

Перадусім варта спыніцца на фальклорна-міфалагічнай аснове згаданага твора. Тут працягваецца пісьменніцкая тэндэнцыя паяднання індывідуальна-мастацкага і вусна-паэтычнага народнага светаў, распачатая аўтарам яшчэ ў апавяданнях “Музыка”, “Мадонна”, “Сон-травя”. У “Вежы Міру” багдановічаўская апеляцыя да міфа была выклікана неабходнасцю пошукаў арганічнай формы выяўлення набалелых філасофскіх канцэптаў. Так, міфалагічная ідэя ўсталявання гармоніі, міру ў татальнай хаатычнай прасторы набывае тут звышактуальны і гістарычна дэтэрмінаваны характар – неабходнасць спынення сусветнай вайны і абароны жыцця.

Фальклорна-казачныя і міфалагічныя элементы ў “Вежы Міру” ўзаемадапаўняюцца і цудоўна карэлююцца з іншымі жанрава-стылявымі складнікамі. Гэта ў многім тлумачыцца навукавай пазіцыяй Багдановіча, у адпаведнасці з якой аўтарам адзначалася, што казка

складаецца з рэшткаў міфа [1, с. 421]. Абодва кампаненты (фальклорна-казачны і міфалагічны) канструктыўна ўплываюць на мастацкі свет твора, пісьменнік арыентуецца на іх, экстэнсіфікуючы міфапаэтычную сістэму беларусаў, альбо часам адштурхоўваючыся ад яе.

Для твора Багдановіча ўласціва міфалагічная ўніверсалізацыя, вынікамі якой становяцца ўмоўнасць падзей, тытанізм учынкаў герояў, касмізм іх мыслення і інш.

Паказаная ў казцы гісторыя дзівоснага вострава Чатырох вятроў праецыруецца на жыццё ўсёй зямлі, прычым жыццё не толькі сучаснае аўтару, а з моманту ўзнікнення чалавецтва. На гэтую адметнасць указвае філасофска-міфалагічны характар аповеду ў творы, паспяхова зададзены з самага яго пачатку і вытрыманы да фіналу: “С давніх пор под покровом вечности, среди неподдающегося измерению и учёту пространства веков, на перекрёстной грани четырёх дорог, в могучих объятиях седого гиганта Океана, — как дитя в люльке, качался остров” [1, с. 136].

Дзякуючы моўным канструкцыям кшталту “с давніх пор”, “от начала веков” у творы пазітыўна праяўляецца мастацкі прыём легендарна-эпічнага паглыблення ў часе, поўнай рэалізацыі якога спрыяюць усе кампаненты казкі.

Мастацкі час у “Вежы Міру” неакрэслены ў рэальных гістарычных межах, а ў пачатку апавядання максімальна абстрактны. Аўтарам удала апрабоўваюцца розныя магчымасці трансфармацыі шчыльнасці мастацкага часу, у выніку тэмп аповеду вар’іруецца ад звышпаскарэння да традыцыйнай для жанру казкі часавай дыскрэтнасці, фрагментарнасці. Змена шчыльнасці дадзенай катэгорыі адбываецца пры мастацкім пераходзе ад апісальнай плыні да наратыўнай, прадэманстраваным у дэталёва распрацаваным цэнтральным эпізодзе казкі.

Неаднастайнасць уласцівая і для мастацкай прасторы твора, якая дыферэнцыруецца на *макрасвет* (свет вечны, дзе пануюць прыродныя стыхіі) і *мікрасвет* (востраў і яго цэнтр — царскі палац). Прынцыпы функцыянавання гэтых светаў сутасна ідэнтычныя. Мастацкае апісанне механізмаў сусветнага існавання мэтанакіравана зводзіцца ў фокус паказу драматычнага жыцця на востраве, што падкрэслівае думку аб сімвалічнай ролі названай лакальнай прасторы, якая выступае ўвасабленнем чалавечага грамадства і Быцця ўвогуле.

Багдановічаўскі мастацкі свет — гэта катэгорыя антынамічная, супрацьлеглая, яна мадэлюецца на палярных тэндэнцыях у сваім развіцці. Звернемся да найбольш канструктыўных з іх:

- 1) *індывідуалізм—калектывізм*. Пры гэтым аўтарам вылучаюцца розныя формы індывідуалізму: індывідуалізм на дэструктыўна-дэманічнай аснове (пазіцыя цара) і індывідуалізм на стваральна-міратворчым базісе (пазіцыя царэўны);
- 2) *мяккасць—жорсткасць*. Гэта выяўляецца як у агульнай мастацкай светабудове казкі, так і ў лакальных межах канкрэтных вобразаў. Напрыклад, выключная жорсткасць цара і яго выключная любоў да дачкі;
- 3) *самаахвярнасць* (вобраз царэўны)—*эгаізм* (вобраз цара);
- 4) *прыродная стыхійнасць* (макрасвет у казцы)—*манаскі аскетызм* (патэнцыяльнае, пажаданае знаходжанне царскай дачкі ў вежы).

Мастацкая прастора ў творы ўключае трыхатамічныя ўзроўні: ніжэйшы (мора, царства смерці), сярэдні (востраў), вышэйшы (неба). Трактоўка ніжэйшага ўзроўню ў Багдановіча класічная: стаўленне да смерці негатыўнае, у сувязі з гэтым гучыць матыў змагання ці спрэчкі з ёю. Мора, водная прастора ўспрымаецца як “калыска жыцця”,

асяродак прыгажосці і пастаянных жарцей.

Сярэдні ўзровень прэзентуецца як цэнтральная прастора з прэтэнзіяй на галоўнасць.

Семантыка неба ў творы мае амбівалентны характар. Тут месцазнаходжанне вышэйшых сіл, не толькі носьбітаў існай духоўнасці і гармоніі, але і дэструктыўных, зацікаўленых у чалавечых войнах. Іманентная супрацьлегласць верхняга свету тлумачыцца тым, што ён выступае варыяцыйнай зямлю (сярэдняга) свету, у якім мае месца татальнае падзенне нораваў, аднак ёсць і рэдкія прыклады чалавекалюбства.

Традыцыйнае апісанне верхняга свету як духоўнага часткова трансфармуецца за кошт алюзій на антычныя міфы, у якіх жыхары Алімпа рэдка былі ўзорамі дабрачыннасці. У Багдановіча персаніфікаваныя сілы прыроды асацыятыўна адлюстроўваюць грамадскія імператывы. І тут пісьменніцкая пазіцыя максімальна крытычная, бо пад вонкавую ідылію і прагрэсіўнасць камуфлююцца дэструктыўнасць і гвалт.

Адзначаная тэза самабытна і пастамацку ярка прамаркіравана ў пачатку твора, дзе паэтычна апісваецца саюз сонца з востравам: “Его (востраў. – В.П.) обнимало никогда не остывающим пламенем, жгучей страстью пылавшее солнце. Под расплавленным золотом горячего дыхания солнца, как в пылающем горниле <...> выковывался вечный нерушимый союз солнца с островом. Золотым широким поясом, как обручальным кольцом, плотно обхватывало солнце остров <...> не жили и лелеяли его Океаниды, и золотой сетью послушных лучей, как в клещах, держало его в своих объятиях страстное солнце” [1, с. 136–137]. У працытаваным урыўку відавочны сэнсавы дуалізм мастацкіх вобразаў: сонца – ласкавае і спапяляльнае, азначаны саюз – гэта шчасце, вяселле, але і палон для вострава.

Іманентная амбівалентнасць характэрная і для самога вострава

Чатырох вятроў, які стаў ёмішчам усяго пад маскай ідэальнага. Востраў сімвалізуе ростані, трагічнае прадчуванне наступстваў непазбежнага выбару, адказнага і цяжкага, бо ёсць магчымасць памыліцца і ў здзяйсненні лепшага зрабіць для астатніх горш. Таксама за ўсёй прэпазіцыйнасцю, выключнасцю дадзенага вобраза ў ім імпліцытна сцвярджаюцца ідэі “маленькасці”, безабароннасці, лёгкай згубы.

Таму пры характарыстыцы вострава аўтарам развіваецца матыў страчанага раю, а пасля ідэалістычнага апісання гэтага вянца крэатыўных пошукаў Акеяна шматразова выкарыстоўваюцца ідэйна значныя мастацкія паўторы: “...всё было здесь. Всё было могуче и сильно. Всё было разнообразно и обильно” [1, с. 137]. У выніку ідылічная карціна развенчваецца.

У гарызантальнай мастацкай прасторы казкі акцэнтны зроблены на вобразах палаца і вежы, якія ўспрымаюцца апазіцыйна, як сімвалы злачыннага матэрыяльнага і духоўнага, гуманістычнага. Пануючыя ў палацы раскоша, моц і тыранічная ўлада – гэта нішто, “столб пыли на солнце, готовый разлететься от малейшего движения” [1, с. 139], таму царэўна, якая была ўвасабленнем сапраўднай маральнай велічы, “жила одинокой, печальной, прозрачной и хрупкой, как девственная лилия” [1, с. 139]. Багдановіч знайшоў, на нашу думку, геніяльную метафару для азначэння жыцця ў палацы – “клокочущая радость жизни”. Прыведзеная фраза грунтуецца на антынамічнай семантыцы: радасць, але “клокочущая”, як кроў. Вонкавая ідылія, пад шылдай якой хаваюцца глыбокі катастрофізм грамадства, гвалт і смерць. Таму жаданне царэўны жыць асобна ў вежы бачыцца для яе адзіна магчымым, бо гэта выбар шляху да маральна-духоўнага станаўлення.

Ініцыянаванне гераічнай пабудовы крыштальнай вежы можна трактаваць як пачатак барацьбы за чалавецтва і яго маральнасць, супрацьстаянне злу

дабрынёй і літасцю. Мастоцкім увасабленнем апошняга з’яўляюцца ў казцы белыя аблокі, пра якія царэўна кажа: “Когда увижу я где-нибудь войны, междуусобицы, кровь, буду срывать клочья белых облаков и забросаю ими тех, кто будет воевать” [1, с. 140]. Вобразы белых аблокаў сімвалізуюць у творы і вышэйшыя стваральныя сілы, з якімі гераіня размаўляе ў сваім сне-папярэджанні: “Будто стоит она высоко, высоко, на самой вышке хрустальной башни. А кругом всё облака белые, жемчужные, воздушные” [1, с. 142].

Вобразы вышэйшых нябесных сіл, вежы Міру і царэўны аўтар канстантна апісвае пры дапамозе аднолькавых эпітэтаў, што мае сваю логіку, бо пералічаныя мастацкія аб’екты карэлююцца з агульнай маральна-духоўнай сферай. Аднак таксама неабходна адзначыць, што крышталёнасць, празрыстасць вежы можна інтэрпрэтаваць і як ілюзорнасць, немагчымасць дасягнення мэты, бо на падмурку грахоўнасці не можа быць створана маральнасць. Гэта парадокс і тупіковы шлях адначасна.

Сістэма суб’ектнай арганізацыі ў казцы разгалінаваная, яна ўключае ў сябе герояў з рэалістычнай асновай (перадусім, цар і яго дачка), міфалагічныя, антычныя вобразы, метафарычныя прыродныя сілы (Акеян, Акеяніды, Леда, Вулкан і інш.). Характары большасці герояў статычныя, за выключэннем вобраза цара. У адносінах да гэтага персанажа пісьменнікам практыкуецца мастацкі прыём зменлівай характарыстыкі. Так, першапачаткова аўтарам развіваецца тэзіс аб выключнасці, манументальнасці вобраза цара: “Над людьми царил царь, крепостью и мудростью своей, превзошедший всех царей” [1, с. 137]. Аднак пры сутыкненні з носьбітам сапраўднай маральна-духоўнай велічы (дачкой) тытанічны імідж героя рэдукуецца, ператвараецца ў нішто, “горстку пепла”. Між тым дэструктыўнасць персанажа захоўваецца, як вынік – трагічны маштаб падзей у творы ўзрастае з-за

таго, што ўпартае прапагандаванне царом аберацыйных ідэй і шляхоў іх дасягнення памнажае кола чалавечых ахвяр.

Пры раскрыцці герояў Багдановіч пазбягае партрэтнай і псіхалагічнай дэталізацыі. Замест гэтага аўтар прымяняе падзейна-акцэнтаваныя характарыстыкі персанажаў, якія звязваюць казку з навелістычнымі структурамі. Так, напрыклад, у мастацкую гісторыю ўключаецца нечаканая падзея (прапанова царэўны пабудаваць вежу), якая кардынальна трансфармуе пратаганіста альбо істотна мяняе шкалу яго жыццёвых каштоўнасцей, самаацэнку, ацэнкі іншых.

Распрацоўка Багдановічам міфалагічных вобразаў таксама мае сваю адметнасць. Адзначаная група персанажаў захоўвае сваю традыцыйную стэрэатыпнасць рэцэпцыі, а змяняюцца толькі іх ролевыя магчымасці: багі ў творы перасталі быць галоўнымі крэатарамі ўсіх працэсаў і з’яў у Сусвеце, амаль згубілі свой надзвычайны статус, уступаюць у саюз з царом, нават знаходзяцца ў больш прыніжаным становішчы, чым той, хто “спорил со смертью и богами” [1, с. 138]. Аднак у казцы сцвярджаецца, што “вышэйшасць” такога звышчалавека мае не пазітыўныя, а негатыўныя вынікі.

Самабытнасць пісьменніцкага творчага мыслення выяўляецца і ў жанравасціх і сюжэтна-кампазіцыйных аспектах. Багдановіч абапіраўся на распаўсюджаны чарадзейна-казачны матыў (пераадоленне выпрабаванняў царэўны), але ідэйна насычаў яго навацыйным філасофскім сэнсам: пабудова вежы Міру, якая б маніфэставала ідэю спынення сусветных войнаў.

Відавочна, што дзеянне, найчасцей незвычайнае, з’яўляецца базісным імператывам казкі, а сюжэтны рух тут узрастае дзякуючы падзейнай насычанасці і частым дыялогам паміж персанажамі, што і назіраецца ў творы Багдановіча. Больш таго, дыялог у

казках выконвае і функцыі наратыўныя, бо паралельна інфармуе аб здзейсненых і патэнцыяльных падзеях і ацэньвае іх удзельнікаў.

Як і ў любой казцы, у “Вежы Міру” шматаспектна рэалізуецца катэгорыя чарадзейнага, што бачна ў жанрава спецыфічных апісаннях чароўна-фантастычнай прасторы, надзвычайных магчымасцях цара, звышзадачы царэўны, цудадзейным знікненні вежаў, сувязях герояў з вышэйшымі сіламі і г.д. Фальклорная жанравая традыцыя ў аўтарскай казцы праяўляецца, скажам, у апавядальных паўторах, трохступеньчатай сюжэтабудове, што паказальна адлюстравана ў эпізодзе трох спробаў стварэння крышталнай вежы.

Істотным фактарам развіцця кожнага жанра выступае яго карэляцыя з іншымі жанравымі формамі. Дадзеным момантам тлумачыцца шмакампанентная інтэграцыя структурных, сюжэтных і стылявых элементаў у “Вежы Міру”. Так, аналізуючы мастацкі прыклад пачынаецца пралогам, у якім разгорнута апісваецца востраў Чатырох вятроў і яго адметныя стасункі з навакольным светам. Гэта ўскладняе кампазіцыю твора і з’яўляецца адступленнем ад традыцыйнай казачнай структуры. У адпаведных жанравых узорах культываваўся шчаслівы фінал, а ў “Вежы Міру” пазітыўнага вырашэння канфлікту не адбываецца. Тут ёсць толькі частковае падсумаванне магістральных падзей, прадстаўлены своеасаблівы сюжэтны пералом, але фінал твора адкрыты, скіраваны як на тагачасную рэчаіснасць, так і на любы соцыум і гістарычны перыяд.

Думаецца, антываенная скіраванасць тэматыкі казкі Багдановіча, прыпавесцінасць яе зместу і маральна-духоўная сканцэнтраванасць праблематыкі дэтэрмінавалі набліжанасць аналізуюмага твора да антыўтопіі. Паспрабуем аргументаваць

наступнымі жанравымі супастаўленнямі:

1. Для антыўтопіі характэрна адкрытасць пісьменніцкай пазіцыі, у якой прамаркіраваны індывідуальны пратэст супраць негатыўных сацыяльных з’яў. У тэксе “Вежы Міру” мае месца відавочная крытычнасць грамадскіх законаў. Больш таго, антыўтапічная канцэпцыя аналізуемай казкі даводзіць да абсурду, самавыкрыцця сацыяльныя і асобныя антыноміі. Сама мастацкая задача твора Багдановіча была антыўтапічнай – папярэджанне аб небяспецы тымчасовых грамадскіх імператываў.
2. Аб’ектам увагі ў антыўтопіі становіцца не падзея, а асоба, яе характар, спадзяванні і г.д. У сувязі з гэтым галоўны канфлікт у такіх творах грунтуецца на супрацьстаянні асобы грамадству, што наўпрост праецыруецца на вобраз царэўны і яе трагічнае існаванне на востраве.
3. Як і ў Багдановіча, сюжэт антыўтопіі сканцэнтраваны, утрымлівае аднатыпныя сітуацыі. Сюжэтная разгалінаванасць не дапускаецца, каб магістральна правесці галоўныя ідэі.
4. Аналізуемая казка мае некалькі ўзроўняў рэцэпцыі і можа варыянтна інтэрпрэтавацца дзіцячай і дарослай аўдыторыямі. Гэта характэрна і для антыўтопіі, у якой канстантна маюць месца два сюжэтныя планы: рэалістычны і іншасказальны, што дазваляе ўлічыць розную ступень чытацкай аналітычнасці.
5. Ва ўтопіі і антыўтопіі апісанне свету замяняецца адным тэрытарыяльна нязначным аб’ектам (востраў Чатырох вятроў М. Багдановіча, востраў Утопія Т. Мора). “Вежа Міру” – гэта твор антыўтапічнай жанравай

скіраванасці з рэалістычна набліжанай асацыятыўнасцю. У адрозненне ад утапічных прыкладаў ідэйны змест тут не дэкларуецца прамалінейна, а раскрываецца праз казачна-фантастычныя калізій і іншасказальнасць.

6. Згодна з антыўтапічнымі жанравымі традыцыямі, у Багдановіча мінімізаваны партрэтныя і (асабліва) псіхалагічныя замалёўкі галоўных герояў. Дамінантай у характарах персанажаў выступаюць іх маральныя/амаральныя якасці.
7. Схема раскрыцця мастацкага канфлікту ў антыўтопіі наступная: для сцвярджэння існых жыццёвых каштоўнасцей пратаганісту неабходна прайсці праз пакутлівыя выпрабаванні. Такія ж трагічныя падзеі вызначаюць змест і “Вежы Міру”.
8. Як справядліва адзначаецца ў навуковай літаратуры, рух часу ў антыўтопіі не істотны, фактычна, ён накіроўваецца ў бясконцасць. А ў артыкуле мы ўжо спыняліся на тым факце, што хранатоп у казцы Багдановіча з’яўляецца ўніверсальна абстрактным.

Прыведзеныя доказы дазваляюць пераканацца ў антыўтапічнай жанравай сутнасці аналізуемага твора.

Адзначаныя жанравыя адметнасці арганічна карэлююцца са шматлікімі рамантычнымі праявамі “Вежы Міру”. Мастацкі альянс антыўтопіі і рамантызму бачыцца заканамерным, бо, па слухных словах вядомай даследчыцы Т.І. Шамякінай, антыгуманістычным тэндэнцыям сучаснасці, эгаізму рамантыкі супрацьпаставілі ўзвышаны духоўны свет асобы, “якая імкнулася набыць паўнату жыцця ў творчым далучэнні да вечных каштоўнасцей прыроды, гісторыі, культуры” [2, с. 305].

Рамантычнай у Багдановіча з’яўляецца сама ідэя незадаволенасці рэальным светам, імкненне героя адасобіцца ад яго. У дадатак да

названай ідэі аўтарам прапануецца новая – ідэя гармоніі Прыроды і асобы, так усеагульна і не дасягнутая ў казцы, але магчымая на падставе духоўнага ўзвышэння чалавека.

Самотны, пакутлівы герой лічыцца адным з вечных вобразаў рамантыкаў, варыяцыяй яго можна назваць і царэўну з “Вежы Міру”, аднак рамантычны “сусветны смутак” у беларускага аўтара звязаны не са страчаным рэальным часам, а са страчаным маральна-духоўным базісам, закладзеным яшчэ ў межах біблейскай антрапалагічнай канцэпцыі.

Акцэнтаваны рамантыкамі тэзіс пра дамінаванне індывідуальнага над калектыўным (асабліва ў барацьбе з Ліхам) паказальна прадэманстраваны ў казцы праз канфлікт паміж царэўнай і яе бацькам, спецыфіка вырашэння якога была ўжо разгледжана вышэй.

У “Вежы Міру” рамантычныя тэндэнцыі праявіліся і ў пісьменніцкай апеляцыі да антычнай міфалогіі, біблейскіх матываў і вобразаў, у неўтаймаванасці і стыхійнасці мастацкага свету, у дэманічнасці вобразаў і іх іманентнай антаганістычнасці і г.д.

Заклучэнне. Такім чынам, багацце ідэйна-тэматычных, вобразных і жанрава-стылявых рашэнняў у казцы Багдановіча абумоўлівае чытацкую цікавасць і значнасць вывучэння твора ў сучасным літаратуразнаўстве. Асаблівы інтарэс і давер рэцыпіентаў да дзівосных падзей узнікаюць дзякуючы не пераконваючай рэалістычнай атрыбутыўнасці і тыповасці вобразаў, а, фактычна, супрацьлеглым шляхам – шляхам стварэння новага міфа, Кнігі кніг, Казкі казак.

Літаратура

1. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – 2-е выд. – Мінск: Беларус. навука, 2001. – Т. 2: Маст. проза, пераклады, літаратурныя артыкулы, рэцэнзіі і нататкі, чарнавыя накіды. – 600 с.

2. Шамякіна, Т.І. Мифалогія і беларуская літаратура: нарысы і эсэ: для ст. шк. узросту / Т.І. Шамякіна. – Мінск: Маст. літ., 2008. – 391 с.

Паступіў у рэдакцыю 04.01.2013 г.

Прыняты ў друк 24.06.2013 г.

УДК 821.161.3-121.09

Жанр драматычнай паэмы ў беларускай савецкай літаратуры 20–30-х гадоў XX стагоддзя

Харошка Г.П.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

Навуковы артыкул прысвечаны аналізу творчых пошукаў У. Дубоўкі і П. Глебкі ў жанры драматычнай паэмы 20–30-х гадоў XX стагоддзя. У ім падкрэслваюцца моцныя і слабыя бакі твораў названых аўтараў. На прыкладзе паэм У. Дубоўкі “І пурпуровых ветразей узвівы”, “Штурмуйце будучыні аванпосты” і П. Глебкі “Арка над акіянам”, “Над Бярозай-ракой” сцвярджаецца думка, што драматычная паэма, як жанр, у беларускай савецкай літаратуры 20–30-х гадоў развівалася не так інтэнсіўна і прадуктыўна, як ліра-эпічная. Створаныя У. Дубоўкам і П. Глебкам паэмныя варыянты былі па-мастацку недасканалымі. Нягледзячы на пэўныя недахопы, драматычны вершаваны эпас 20–30-х гадоў існаваў і быў, несумненна, важным этапам у развіцці беларускай савецкай, а пазней і сучаснай драматычнай паэмы ў цэлым. У. Дубоўка і П. Глебка сваімі творамі спасцігалі ўнікальнасць самога жанру, пракладвалі нялёгкі шлях беларускай драматычнай паэме ў будучыню, узбагачаючы яе эстэтычнымі і стылістычнымі асаблівасцямі.

Ключавыя словы: драматычны вобраз, характар, жанр, форма, эпас, канфлікт, сюжэт, паэма.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 184–198)

Genre of Dramatic Poem in Belarusian Soviet Literature of the 20-s–30-ies of the XX Century

Kharoshka G.P.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

This scientific article deals with the analysis of V. Dubovka's and P. Glebka's literary searching in the genre of dramatic poem in the 1920–1930-ies of the XX century. Both strong and weak sides of the works by these authors are stressed in it. On the example of V. Dubovka's poems “I purpurovykh vetrazey uzvivy”, “Shturmuite buduchini avanposty” and P. Glebka's “Arka nad akiyanam”, “Nad Byarozai rakoy” idea is stressed that the dramatic poem as a genre in Belarusian Soviet literature of the 1920–1930-ies did not develop as quickly and productively as the lyrical and epic poem. The poem variants by V. Dubovka and P. Glebka were artistically not perfect. In spite of vivid drawbacks dramatic poetic ethos of the 1920–1930-ies existed and was, certainly, an important stage in the development of the Belarusian Soviet, and later, contemporary dramatic poem in general. V. Dubovka and P. Glebka understood the uniqueness of the genre by their poems, paved a hard way for Belarusian dramatic poem into the future, and enriched it with esthetic and stylistic features

Key words: dramatic image, character, genre, form, ethos, conflict, story, poem.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 184–198)

Адрас для карэспандэнцыі: г. Віцебск, вул. Чкалава, д. 47, корп. 2, кв. 49; тэл.: 309-55-16 (маб.) – Г.П. Харошка

У 20–30-я гады мінулага стагоддзя плённа развівалася беларуская савецкая паэзія. Гэта быў час, калі беларуская літаратура дабілася значных поспехаў у развіцці беларускага савецкага вершаванага эпасу, калі паэма стала вядучым жанрам – паграмадзянску актыўнай, эстэтычна значнай. Нездарма прафесар А.М. Вазнясенскі ў той час адзначаў, што паэма стала “гераінай сярод сучасных літаратурных жанраў”. Менавіта ў адзначаны час беларуская паэма захавала сваю нацыянальную годнасць і мастацкую каштоўнасць, якія былі ўласцівы ёй яшчэ ў дарэвалюцыйны перыяд. Збярогшы ўсё лепшае, беларуская савецкая паэма пад уплывам сацыяльна-гістарычных, эканамічных зрухаў прыкметна змяніла свае знешнія і ўнутраныя якасці, набыла новую ідэйна-эстэтычную значнасць. Тут дзейнічала дыялектыка традыцыйнага і наватарскага. Пра гэта красамоўна сведчаць значныя набыткі паэтычнага жанру, паспяховае творчае авалоданне не толькі традыцыйна-апавадальнай формай, але лірычнымі і драматычнымі вершамі. У гэты час паспяхова працавалі ў жанры паэмы Я. Купала, Я. Колас, У. Дубоўка, П. Глебкі, А. Куляшоў, П. Броўка, М. Танк, М. Чарот, П. Трус, М. Лужанін, А. Звонак і інш. Кожны з іх меў свой паэтычны голас, асабісты погляд на жыццё, на час.

Між іншым, многія беларускія навукоўцы, ды не толькі яны, даследуючы паэзію 20–30-х гадоў XX стагоддзя, па невядомых прычынах не змаглі дакладна разабрацца ў агульных заканамернасцях развіцця жанравых форм савецкай паэзіі, яе ідэйна-эстэтычных прынцыпаў. Мала ўвагі яны надавалі паэме, яе відавочным формам. У большасці выпадкаў даследчыкі літаратуры вылучалі толькі галоўныя разнавіднасці паэмы – ліра-эпічную і лірычную, пакінуўшы ў баку іншыя яе жанравыя адгалінаванні. Такі спрощаны падыход да паэмы, безумоўна, звужаў рамкі пазнання форм

вершаванага эпасу, збядняў яго жанравыя межы і магчымасці. Ёсць падставы сцвярджаць, што 20–30-я гады – перыяд моцнай актывізацыі розных відаў паэмы. Творчы рух паэтаў абудзіў да жыцця і такую яе форму, як драматычную паэму. Канешне, пытанне аб тым, як склаўся яе жанравы лёс, само па сабе не можа быць адназначным. Скажаць, што драматычная паэма ў нацыянальнай літаратуры спыніла сваю традыцыю, заснаваную Я. Купалам, ніяк нельга. Вядома, гэты жанр не дамінаваў у нацыянальнай паэзіі. Аднак да яго звярталіся розныя прадстаўнікі тагачаснай беларускай савецкай літаратуры.

Найбольш шырока драматычны жанр быў прадстаўлены ў рускай паэзіі. Да яго звярталіся такія вядомыя майстры паэтычнага слова, як С. Ясенін (“Пугачоў”, “Краіна нягоднікаў”), М. Цвятаева (“Мяцеліца”, “Арыядна”), Б. Карнілаў (“Соль”), М. Забалоцкі (“Урачыстасць земляробства”, “Шалёны воўк”, “Вёска”), І. Сяльвінскі (“Рыцар Іаан”), В. Каменскі (“Сцяпан Разін”), П. Антакольскі (“Рабесп’ер і Гаргона”, “Франсуа Війон”, “Камуна 1871 года”) і інш. Што да беларускай драматычнай паэмы гэтага перыяду, то яна бытвала і ў пэўнай ступені развівалася як неад’емная частка нацыянальнай паэзіі. Шляхі развіцця беларускага савецкага вершаванага драматычнага эпасу ў 20–30-я гады XX стагоддзя, яго ідэйна-мастацкія пошукі звязаны з творчасцю У. Дубоўкі і П. Глебкі.

Мэта артыкула – аналіз драматычных твораў У. Дубоўкі “І пурпуровых ветразей узвівы”, “Штурмуйце будучыні аванпосты” і П. Глебкі “Арка над акіянам”, “Над Бярозай-ракой”, асэнсаванне іх жанрава-стылёвых і ідэйна-эстэтычных асаблівасцей.

Матэрыял і метады. Асноўнымі для навуковага аналізу абраны прыёмы гісторыка-кантэкстуальнага, структурна-тыпалагічнага, канткрэтна-гістарычнага метадаў, якія дазваляюць больш глыбока і ўсебакова ахарактарызаваць

літаратурныя творы У. Дубоўкі і П. Глебкі.

Пры напісанні навуковага артыкула былі выкарыстаны набыткі даследаванняў, змешчаных у манаграфіях і навуковых працах А. Лойкі, Д. Бугаёва, М. Ароцкі, Л. Смальянавай, А. Рагулі і інш.

Вынікі і іх абмеркаванне. Уладзімір Дубоўка – чалавек высокай грамадзянскай і маральнай загартоўкі, паэт, “народжаны бурнай і гераічнай рэчаіснасцю, якую ён успрыняў усёй сваёй душой, у высокія ідэалы якой верыў і за ажыццяўленне якіх змагаўся сваёй паўсядзённай працай і мастацкай творчасцю” [1, с. 36–37]. Ён быў з тых аўтараў, якія імкнуліся даць нашаму народу такое мастацтва, якое дапамагло б будаўніцтву новага грамадства, упрыгожвала і надавала асэнсаванасць чалавечаму жыццю. Узоры такога мастацтва Дубоўка ствараў шляхам абнаўлення жанравых форм паэзіі. Ён разумее, што новыя мастацкія задачы, асваенне новых пластоў рэчаіснасці выклікаюць неабходнасць пошукаў новых форм, прыёмаў пабудовы драматычнага дзеяння і стварэння драматычных характараў. Пра гэта красамоўна сведчыць яго вершаваны цыкл “Трохі восені і жменя кляновых лістоў” (1929), які мае падзагалавак “Вершы з заўвагамі”, а таксама паэмы “Кругі” (1929), “І пурпуровых ветразей узвівы” і “Штурмуеце будучыні аванпосты” (1929). У жанравых адносінах выклікаюць асаблівую цікавасць дзве апошнія паэмы “як значныя і арыгінальныя творы беларускай паэзіі 20-х гадоў” (Д. Бугаёў), якія, на жаль, у літаратуразнаўстве застаюцца пакуль яшчэ недастаткова даследаванымі. Няма глыбіні ідэйна-мастацкага аналізу, дакладнага вызначэння іх жанравай прыроды. Некаторыя даследчыкі (Л. Смальянава, Ю. Пшыркоў) у свой час былі схільныя лічыць, што паэмы У. Дубоўкі “І пурпуровых ветразей узвівы” і “Штурмуеце будучыні аванпосты” – традыцыйна ліра-эпічныя творы з

элементамі драматызацыі. Магчыма, можна было б і пагадзіцца з думкай паважаных вучоных, калі б з эстэтычнай структуры паэмы не вынікала і нешта зусім іншае. Несумненна, што як па змесце, так і па сваёй канфігурацыі гэтыя творы значна набліжаны да драматычнага жанру, і мы паўнапраўна можам іх назваць драматычнымі паэмамі. Падобнае сцвярджанне грунтуецца на тым, што ў названых творах аўтар, праўдзіва раскрываючы праблемы тагачаснай рэчаіснасці, стварыў сапраўдныя драматычныя характары, выразна абазначыў канфлікт, умела пабудаваў эмацыянальна-мастацкія дыялогі і маналогі. А гэта і ёсць неабходныя прыкметы драматычнага жанру, пра які мы скажам крыху пазней. Праўда, гаварыць пра жанравую паўнату дубоўкавых паэм, лічыць іх чыста драматычнымі патрэбна абачліва і ў вядомым сэнсе ўмоўна. Умоўна па той простае прычыне, што ў дадзеным выпадку неабходнымі не аказаліся і такія структурныя кампаненты, як падзел сюжэта на дзеянні на раздзелы, наяўнасць рэмарак, якія часткова кампенсуюць дэфіцыт прамога і непасрэднага аўтарскага роздуму. Акрамя таго, у творах адсутнічае абавязковае ў такіх выпадках нарастанне напружання і драматычнага “выбуху”, што, па сутнасці, і акрэслівае адметнасць жанру. Гэтага ў паэмах У. Дубоўкі няма, але адсюль нельга рабіць паспешлівую выснову, маўляў, паэмы страчваюць рысы драматычнага жанру. Зусім не. Творам уласцівыя тыя асноўныя структурныя збудаванні, якія набліжаюць іх куды больш да жанру драматычных паэм, чым, як адзначалася раней некаторымі даследчыкамі, да традыцыйных ліра-эпічных вершаваных форм. Ва ўсялякім разе сама фактура вышэйзгаданых твораў красамоўна пра гэта сведчыць. І мы маем, думаецца, усе падставы сцвярджаць, што У. Дубоўка – адзін з тых беларускіх паэтаў, якія ўдыхнулі новае жыццё ў звыклы жанр беларускай

драматычнай паэмы. Пазней гэты жанр атрымае далейшае развіццё ў творчасці П. Глебкі, А. Куляшова, З. Астапенкі, М. Танка, К. Кірэенкі, М. Арочкі, В. Коўтун, Р. Баравіковай і іншых майстроў нацыянальнай паэзіі.

Зварот да драматычнай формы паэзіі не быў у творчасці У. Дубоўкі выпадковым: само жыццё прымушала яго пайсці ў значнай ступені на эксперымент, шукаць такія мастацкія формы, якія змаглі б перадаць спецыфіку і традыцыі новай рэчаіснасці. Як вядома, 20-я гады мінулага стагоддзя азнаменаваліся вострай дыскусіяй па пытаннях станаўлення і развіцця беларускай савецкай літаратуры, яе эстэтычных прынцыпаў і арганізуючых форм. Адданы ідэалам рэвалюцыі, У. Дубоўка не мог не ўключыцца ў гэтую барацьбу за новае мастацтва, высокае па майстэрству, насычанае новымі думкамі і пачуццямі. І паэт свядома абраў для палемікі іншую форму – вострадраматычную. Менавіта яна для У. Дубоўкі была “прымальнай, каб умяшчацца ў вострадыскусійнае абмеркаванне кардынальных праблем, што выспелі ў канцы 20-х як у сферы сацыяльнага жыцця, так і ў самім мастацтве” [2, с. 111]. Сапраўды, менавіта такая драматызаваная форма садзейнічала найбольш поўнай рэалізацыі магчымасцей пошукаў супярэчлівай ісціны, якая таілася ў складанасцях тагачаснай рэчаіснасці. Адным словам, У. Дубоўка пракладаў шлях новай беларускай савецкай драматычнай паэме, развіццё дзеяння ў якой ажыццяўлялася не столькі логікай учынкаў дзеючых асоб, колькі развіццём іх унутраных перажыванняў, эмоцый, роздумаў. Адсюль і напружанасць дыялогаў і маналогаў дзеючых асоб: Лірыка і Матэматыка, Пасажыра і Кандуктара. Зразумела, гэта былі ўмоўныя абазначэнні супрацьлеглых пазіцый, кантраснае ўвасабленне персаніфікаваных ідэй, а не жывыя, рэальныя, псіхалагічна індывідуалізаваныя драматычныя

персанажы. Але такія паэтычны прыём быў апраўданы на той час. У гэтым плане У. Дубоўка ішоў якраз за Я. Купалам. Умоўнасць надавала вобразам асаблівую значнасць і вагу, вяла да разняволення пэўных валявых якасцей герояў. Кожны з іх дзейнічаў адпаведна сваёй прыродзе, сваім перакананням і пачуццям. Так, на вобразах Лірыка і Кандуктара У. Дубоўка змог сканцэнтраваць усю вагу не толькі ўласнай маральнай патрабавальнасці, але і грамадскай: гэта пытанне аб тым, у чым заключаюцца высокія маральныя ідэалы чалавека рэвалюцыйнага часу. У гэтых вобразах мы знаходзім тую меру ўзнёсласці, мастацкага завастрэння, якая ў іх “рэвалюцыйнасці” агаляла ўзнёслыя пачуцці, высокія мэты, высакародныя парывы духу. Нездарма Лірык і Кандуктар увасабляюць у сабе мудрасць народа, яго розум і волю. З дыялогаў і маналогаў мы бачым, як палка абараняе свае перакананні Лірык, у многім падзяляючы погляды і думкі тых, хто лічыў, што маладая савецкая літаратура павінна развівацца на аснове авалодання багаццем класічнай спадчыны і, у першую чаргу, на традыцыях народнай творчасці:

*Цудоўны скарб у творчасці народнай
для нас сабраны мудрымі дзядзі.*

*Яго адкінуць – значыць без пашаны
паставіцца да продкаў працавітых*

.....

Мая ўвага выбірае тое,

Што створана працоўнаю сям’ёю
[3, с. 117–119].

Думка Лірыка дынамічная і эвалюцыйная. Ён – увасабленне дыялектыкі быцця, безупыннае сутыкненне і ўзаемадзеянне супярэчлівых пачаткаў. Лірык зыходзіць з патрабаванняў самога жыцця, самога часу. Вызначаючы мастацтва як адлюстраванне жыцця народа, герой сцвярджае, што яно ўплывала на чалавечую свядомасць у мінулым і цяпер, на новым гістарычным этапе, дапамагае людзям працы ў будаўніцтве новай культуры.

Супрацьлеглая пазіцыя склалася ў Матэматыка. Ён адмаўляе прагрэсіўныя погляды Лірыка, не разважае, а гаворыць гатовымі, завучанымі формуламі, вульгарызуючы агульнавядомыя ісціны:

*З тваёй упартасці смяцца трэба.
У гэтым бачу вынік шавінізму
і бачу тормаз развіцця культуры*
[3, с. 119].

Пра дыялог такога тыпу пісаў у свой час М. Бахцін, разумеючы пад ім “дыялог не толькі сацыяльных сіл у статыцы іх суіснавання, але і дыялог часоў, эпох і дзён, які памірае, жыве і нараджаецца; суіснаванне і сутыкненне зліты тут у непарыўнае канкрэтнае адзінства супярэчлівай рознагалосай разнавіднасці” [4, с. 176].

Дыялог Лірыка і Матэматыка як бы завяршае, падсумоўвае дзеянне, выконвае ролю разгорнутага аргумента ў спрэчцы. Як правіла, у дыялогах і маналогам асобы, якія спрачаюцца, больш свабодна і пераканаўча тлумачаць сваю пазіцыю. Спрэчка, супрацьлегласць, а хутчэй за ўсё канфлікт у многім вызначаюць раз’яднанасць двух пачаткаў – свету “трафарэтнага розуму” і свету жывой рэчаіснасці. Канфлікт паміж Лірыкам і Матэматыкам адлюстроўвае барацьбу грамадскіх сіл, розных інтарэсаў і поглядаў на жыццё.

Палеміка, якую мы бачым паміж Лірыкам і Матэматыкам, на першы погляд, быццам бы не стварае драматычнага дзеяння. Можна нават падацца, што ў спрэчках герояў няма прыкмет драматычнага напаўнення. Але гэта не зусім так. Паглыбляючыся ў змест паэмы, узіраючыся ў абрысы герояў, мы бачым, што Лірык і Матэматык у многім антаганістычныя. Пра эстэтычную сутнасць падобнага антаганізму пісаў у свой час В.Р. Бялінскі: “Калі двое спрачаюцца аб якім-небудзь прадмеце, тут няма не толькі драмы, але і драматычнага элемента; але калі дыспутуючыя, жадаючы ўзяць верх адзін над другім,

стараюцца закрануць адзін у другога якія-небудзь бакі характару ці закрануць слабыя струны душы і калі праз гэта ў спрэчцы выказваюцца іх характары, а канец спрэчкі ставіць іх у новыя адносіны адзін да аднаго, – гэта ўжо свайго роду драма” [5, с. 62].

У. Дубоўка добра валодае майстэрствам дыялогу, што павялічвае ў яго паэме эфект драматычнага дзеяння. Аўтар выкарыстоўвае напружанасць дыялогавай формы з мэтай раскрыцця маральнай пазіцыі герояў, іх учынкаў. Адсюль характэрнае для ўсёй паэмы цэнтраімклівае развіццё паэтычнага дзеяння, якое падпарадкавана вырашэнню галоўнай ідэі – сцвярджэнню прынцыпаў сапраўднага мастацтва. Гэта – ідэйная вяршыня дубоўкавай паэмы, якая ўвабрала ў сябе кульмінацыю супрацьстаяння натуральнага ў сваім развіцці “жывога жыцця” і патрабавання рашучай, але адвольнай штучнай яе рэфармацыі. Ідэя паэмы паказвае, як далёка пайшоў У. Дубоўка наперад у параўнанні з іншымі творцамі ў правільным разуменні сацыяльных і духоўных праблем гэтага перыяду. Аўтарскі голас у паэме амаль нейтральны, “галасы герояў”, іх ідэйна-маральная канцэпцыя набылі ў гэтым творы незалежнасць і аб’ектыўнасць. Ісціна не навязваецца аўтарам “ад сябе”, яна нараджаецца ў спрэчках, дыялогах і маналогам герояў. Прынцып ідэйна-мастацкай паліфаніі ажыццёўлены ў паэме паступова, наколькі гэта дазваляюць мастацкія магчымасці драматычнага жанру. Паэт не спяшаецца ўмешвацца ў ход падзей, а выступае хутчэй як каментатар, які ацэньвае, асэнсоўвае і абагульняе падзеі. Такі эстэтычны прынцып, закладзены ў змесце паэмы, адкрываў перад

У. Дубоўкам шырокія магчымасці для шматбаковага асвятлення так званай рэвалюцыйнай рэчаіснасці, для глыбокага раскрыцця асобы. Драматычная форма ў творах паэта з’явілася своеасаблівым мастацка-тактычным прыёмам публічнага

выступлення па праблемах, якія хвалявалі яго і ўсіх тых, хто быў заклапочаны далейшым развіццём беларускай савецкай літаратуры і культуры ў паслярэвалюцыйны перыяд.

Мастацкія пошукі ў жанры драматычнай паэмы таксама прыкметныя і ў творы У. Дубоўкі “Штурмуецца будучыні аванпосты”. У адрозненне ад папярэдняй паэмы, гэты твор прыкметна вылучаецца сваёй складанай кампазіцыйнай пабудовай. Невыпадкава У. Дубоўка назваў яго “камбайнам” (што ў перакладзе: “камбінаваць, спалучаць, зменшваць”). Паэма ўвабрала ў сябе розныя формастваральныя жанрава-структурныя элементы. Але пры больш уважлівым аналізе формы і зместу твора мы знаходзім у ім трывалыя структурастваральныя элементы, якія ўваходзяць у драма-паэтычны жанр. Яны праяўляюцца ў першую чаргу ў спосабе арганізацыі мастацкай гаворкі і звязанай з ёй канцэнтрацыі выяўленчых сродкаў, якія вырашаюць эмацыянальныя адносіны пісьменніка да рэчаіснасці. Гэта ажыццяўляецца праз арганізуючае паэтычнае слова, якое прысутнічае ў большасці дыялогаў і маналогаў, а таксама ў прыёмах стварэння вобразаў, у самім мастацкім падыходзе да жыццёвага матэрыялу. Але гэтыя структурастваральныя формы, на жаль, не ствараюць прамога, моцнага драматычнага дзеяння ў паэме. Ёй не хапае вастрыні канфлікта напружанасці ў яго развіцці пэўнай “аголенасці” ідэйных жыццёвых пачаткаў, якія ўступаюць у супрацьборства. Аднак, нягледзячы на некаторыя недахопы, якія тлумачацца ў многім і цензурнымі абмежаваннямі, паэма ўяўляе немалую цікавасць як прыклад стварэння беларускага драматычнага эпасу. Паэт шукаў канкрэтна-пачуццёвыя, індывідуальна-непаўторныя формы для ўвасаблення новага жыццёвага зместу. Пісьменнік, па словах Д. Бугаёва, імкнуўся ў мастацка-драматызаваанай форме “адказаць на пытанне аб існаванні

чалавечага шчасця, якім шляхам можна прыйсці да яго” [6], пераадольваючы старыя сацыяльныя, бытавыя і псіхалагічныя традыцыі вёскі. Гэта ідэя ўвасаблена, зноў-такі, у дыялогу паміж Кандуктарам і Пасажырам. Кожны з іх з’яўляецца носбітам пэўных поглядаў на пастаўленыя праблемы і выказвае іх палемічна завострана. Пасажыр, пад якім разумеецца селянін, скардзіцца на сваё цяжкае жыццё (на вёсцы ўжо прыступілі да калектывізацыі). Кандуктар раіць яму перабудаваць жыццё шляхам адмаўлення ад сваёй уласнасці і ўступіць у калгас. Дыялог паміж Кандуктарам і Пасажырам, такім чынам, перадае настрой і думкі розных сацыяльных пластоў тагачаснага грамадства. Пасажыр не ўяўляе, як пераадолець інерцыю адвечнага ладу жыцця, кінуць звыклае і пайсці ў нязведанае:

*Ды цяжка адкінуць, пакінуць
усё, што ў стагоддзях збірана.
Не выганіш гэтага кліна,
бо будуць няўгойныя раны*
[3, с. 178].

Таму Кандуктар неабыхавы да набалелых пытанняў селяніна, які хацеў бы спадзявацца на нейкую “прасветленасць” наперад, але нярадасныя ўспаміны пра мінулае жыццё не дазваляюць пакуль так лёгка паверыць у новае чалавечае жыццё:

*Пасажыр,
Дык што ты мне радзіш для злomu,
дык што ты мне радзіш, браточак?
Павінен я кінуць, зрачыся
ўсяго, што з маленства мне міла?*
[3, с. 178].

Які пераломны, напружаны, псіхалагічна адказны і адначасова трагічны ў чалавечай сваёй сутнасці момант у жыцці селяніна! Гэта мы адчуваем па вастрыні самога пытання і дыялагічнага напаўнення, які перарастае потым у дыялог-спрэчку. Дыялог паміж Кандуктарам і

Пасажырам сапраўдны, ён па сваёй сутнасці вельмі драматычны і адлюстроўвае розныя погляды, мэты, інтарэсы, пачуцці, думкі, вядзе да нечаканых паваротаў у адносінах персанажаў і разам з тым ліквідуе расцягнутасць выказвання, зберагаючы яго каларыт. Вызначаючы дзеянне ў слове, дыялог у гэтым выпадку сам па сабе з'яўляецца крыніцай далейшага яго развіцця, ён дае магчымасць поўна і глыбока абмаляваць характар дзеючых асоб. Праз дынамічную дыялогавую форму паэту ўдалося з неабходнай паўнотой перадаць настрой Пасажыра, яго роздумы, некаторую насцярожанасць да новага. Калгас і вабіць, і палохае; адзінае, што цвёрда ўсвядоміў герой паэмы, – далей так жыць нельга, патрэбны нейкія перамены. І Кандуктар канчаткова яго пераконвае, што калгас – гэта адзіны правільны шлях, па якім у той час, магчыма, магла пайсці вёска.

*Ідзі,
Уздыдзі
і з узгорку
пабачыш яснейшую мэту.
Стань вольны!
Будзь вольны,
як сокал,
зрачыся спрадвечнай пакуты!
Гавораць з табою лісточкі? –
З сусветам тады загаворыш!
Тут сэрца тваё –
на шматочкі,
там –
веліч,
узвышшы,
там зоры!
Даволі,
даволі пакуты!
Да меж вашы душы прыкуты? –
Знішчайце памежкі
і рэжце!*

[3, с. 179].

Такі адкрыты, узнёслы, але разам з тым і стрыманы дыялог, які сведчыў не толькі пра пазіцыю Пасажыра, але і выяўляў пазіцыю самога аўтара. Іншая справа, што, з сучаснага пункту

гледжання, у пытанні пра калгасы ён не меў рацыі.

Але не будзем вінаваціць, мінулым часам, У. Дубоўку ў яго недальнабачнасці. Магчыма, ён памыляўся, а магчыма, і не мог выказацца так, як хацеў, як думаў. У любым выпадку сказанае вышэй у сваёй сутнасці нічога не мяняе: высокі мастацкі ўзровень твора, драматызм і напружанасць сітуацый, якія мы аналізуем, застаюцца нязменнымі.

У сваёй паэме У. Дубоўка “адкрытым тэкстам засведчыў не дэкларатыўны падыход, а цвяроза дыялектычны” [2, с. 112], г.зн. ён горача абараняў думку пра тое, што толькі прадуманыя, гуманныя формы жыцця могуць даць чалавеку сапраўднае шчасце, знішчыць “усялякі прыгон над духам, над сэрцам, над чынам”, прывядуць да той маральнай перамогі, якую палымяна жадаў паэт. Нельга зараз не згадаць пра трагічнасць лёсу паэта, які горача верыў у лепшую будучыню, у сацыяльныя пераўтварэнні, адстойваў іх, змагаўся за іх усёй сваёй творчасцю, аднак быў названы “ворагам народа”, рэпрэсаваны і бязвінна дваццаць восем гадоў быў адарваны ад роднай зямлі, мовы, свайго народа... І многія яго творы так і засталіся толькі задумамі, так і не былі напісаны. Магчыма, ён яшчэ ўнёс бы немалы ўклад у далейшае развіццё беларускай драматычнай паэмы...

Асабліва хочацца падкрэсліць, што ў сваёй паэме “камбайне” аўтар дасягнуў пераканаўчага ўнутранага адзінства дзеяння. Разнародныя структурныя элементы (лірычныя, фальклорныя, маналагавыя, дыялагавыя, драматызаваныя і інш.) знаходзяцца ў складаным шчапленні і ўзаемадзеінічаюць адзін з другім, ствараючы адзіны драматычны вузел паэмнага мыслення твора, яго ідэйны пафас. І ў паэме “Штурмуецца будучыні аванпосты”, як і ў папярэднім творы, У. Дубоўка ўмела выкарыстоўвае фальклор. Зварот да казак, баек, легенд быў важным, неабходным прыёмам у драматызацыі мастацкіх вобразаў. Паэт

вельмі паслядоўна і свядома ўводзіць у твор фальклорны матэрыял, які ўзнаўляе нацыянальныя традыцыі. Гэтыя абставіны ніколі не супярэчаць жанравай прыродзе паэмы, наадварот, яны ўказваюць на тое, што ў дубоўкавых паэмах як бы аб'ядноўваюцца і пераплятаюцца традыцыі драматычнай і рамантычнай плыней паэм Я. Купалы, якія ў многім абапіраюцца на фальклор. Фальклорны матэрыял дазваляе паэту ўмела ствараць дыялогі і маналогі, маляваць характары на мяжы рэальна-канкрэтнага, згодна з законам мастацка-рэалістычнай тыпізацыі.

Такім чынам, драматычныя паэмы У. Дубоўкі, па сутнасці, не толькі давалі новыя моманты ў вырашэнні набалелых праблем, але і стваралі глебу для плённага развіцця беларускай драматычнай паэмы 20–30-х гадоў XX ст. Схільнасць аўтара да абнаўлення драматычнага жанру рэалізоўвалася, як бачым з мастацкай практыкі У. Дубоўкі, у розных формах. Часам творы аўтара былі далёкія адзін ад аднаго па жанравых і стылёвых прыкметах. А гэта гаворыць аб тым, што тэндэнцыя да абнаўлення драматычнай паэмы вызначалася ў агульным імкненні родаў літаратуры да ўзаемаўзбагачэння і ўзаемапранікнення. Драматычная паэма як з'ява ў асобе У. Дубоўкі пашырала свае мастацкія межы шляхам засваення вопыту лірычнай і драматычнай плыней. Галоўная накіраванасць жанру – пранікненне ў глыбіню чалавечай свядомасці, асваенне канфліктаў, якія адбываюцца “ў кулісах чалавечай душы”. У агульным руху абнаўлення драматычнага жанру не менш актыўнай аказалася тады і даўняя тэндэнцыя драматычнай паэмы да ўдакладнення і прасвятлення ўласнай аўтарскай пазіцыі, аўтарскай свядомасці ў структуры самога аб'ектыўнага па сваёй прыродзе літаратурна-мастацкага твора. Новыя мастацкія задачы, пранікненне ў новыя для драматычнай паэмы пласты рэчаіснасці выклікалі патрэбу ў новых формах, у новых прыёмах пабудовы

драматычнага дзеяння і стварэння драматычнага характару. А гэта сведчыць пра тое, што ў беларускай літаратуры

20-х гадоў XX стагоддзя нараджаўся драматычны жанр, у якім рух дзеяння ажыццяўляўся не столькі логікай учынкаў дзеючых асоб, колькі развіццём унутраных перажыванняў, эмоцый, разваг. Такія якасці мы будзем знаходзіць у творах іншых майстроў беларускай літаратуры 30-х гадоў.

Паўны ўклад у станаўленне і развіццё жанру драматычнай паэмы ў адзначаны перыяд зрабіў П. Глебкі. Паэтычная творчасць з'яўлялася пачатковым этапам, які падрыхтаваў лірыка да працы над драматычнай паэмай. Творчыя пошукі паэта фарміраваліся ў дастаткова складаных умовах: сацыяльна-эканамічныя, палітычныя ўзрушэнні наклалі прыкметны адбітак на характар творчага таленту П. Глебкі. На змену эмацыянальна-лірычнай стыхіі ў яго паэзію прыходзіць эпіка-драматычнае бачанне свету. Драматычная форма адкрывала перад паэтам новыя магчымасці для адлюстравання тых складаных працэсаў, якія адбываліся ў краіне і ў свядомасці і псіхалогіі народных мас. Калі для іншых паэтаў савецкай літаратуры (М. Цвятаева, Б. Карнілаў, М. Забалоцкі, І. Сяльвінскі, В. Каменскі, П. Антакольскі і інш.) зварот да жанру драматычнай паэмы ў той час быў творчым уварваннем у сферу іншага жанру, то для П. Глебкі ён з'явіўся сінтэзам паэтычных пошукаў і адкрыццяў 20-х гадоў, хоць у гэтым кірунку яго часам падпільноўвала і няўдача. У прыватнасці, паэма “Арка над акіянам” (1929), задуманая як драматычная, не адносіцца да ліку твораў, якія б прынеслі аўтару славу. Аднак прапанаваны Глебкам “паэмны” варыянт дае нам магчымасць гаварыць аб імкненні аўтара асвоіць драматычны жанр. Канешне, у адрозненне ад іншых лірычных і ліра-эпічных паэм, у гэтым творы адчувалася нешта новае, паэтычна свежае. Аўтар выкарыстоўвае

тут дыялогі і маналогі ў раскрыцці ўнутранага свету сваіх герояў, імкненца завязаць драматычны вузел. Успомнім хаця б перыпетыі барацьбы інжынера Яновіча за фантастычную “арку над акіянам”, якая магла б злучыць усіх працоўных зямлі мірным шляхам. Шлях да гэтага герой бачыць толькі ў тэхнічным прагрэсе, не заўважаючы іншых форм. У рэшце рэшт герой заблытваецца і заканчвае жыццё самагубствам. Безумоўна, у выбары праблемы і ў стварэнні вобраза тут шмат надуманага: паэт, як справядліва адзначае Л.П. Смальянава, “не знайшоў тых пераканаўчых прычын, якія б дапамаглі патлумачыць драму Яновіча” [7, с. 55]. Створаны аўтарам вобраз Яновіча ў нейкай ступені супярэчлівы. З аднаго боку, ён паказаны як натура шырокая, творчая, а з другога – герой не знаходзіць у жыцці рэальнага прымянення сваім здольнасцям, надломліваецца і гіне, у той час як аб’ектыўныя ўмовы садзейнічаюць яго развіццю. Патрэбна адзначыць, што падзеі, адлюстраваныя ў паэме, падаюцца праз маналогі і дыялогі, асобныя рэплікі. Гэта ёсць ні што іншае, як драматычныя прыёмы, якія ствараюць бачнасць драматычнага дзеяння і не больш. Хоць яны і сведчаць пра наяўнасць у паэме П. Глебкі некаторых прыкмет драматычнага жанру. Да недахопаў можна аднесці і тое, што ў паэме слаба паказаны канфлікт, прыглушана вастрыня барацьбы супрацьлегласцей. Гэта цягне за сабою некаторую надуманасць сюжэтных хадоў, якія абцяжарваюць стварэнне паўнацэнных драматычных характараў. У некаторых выпадках П. Глебкі недастаткова глыбока пранік у псіхалогію і ва ўнутраны свет дзеючых асоб (Аліса, Яцына), у сутнасць драматызму абставінаў. Абраны П. Глебкам трагічны зыход героя ў паэме не апраўданы ні абставінамі, ні самой логікай развіцця характару Яновіча. Таму імкненне аўтара стварыць драматычны вобраз, які б выводзіў і саму паэзію ў разрад

драматычнага жанру, не дало чаканага выніку, таму што сюжэтная канва драматычнай паэмы патрабуе рэалізацыі канфлікта ў драматычным дзеянні. А гэтага ў паэме П. Глебкі мы не знаходзім.

Агульнавядома і тое, што драматычная паэма як жанр грунтуецца яшчэ і на спосабе арганізацыі мастацкай мовы і звязанай з ім канцэнтрацыі выяўленча-выразных сродкаў, якія падкрэсліваюць эмацыянальныя адносіны пісьменніка да рэчаіснасці. Таму мова як адзін з важных мастацкіх кампанентаў у паэме “Арка над акіянам” П. Глебкі таксама недастаткова індывідуалізаваная, а гэта збядняе працэс адлюстравання яркіх драматычных характараў, таму твор па знешняй канфігурацыі больш падобны да паэмы драматызаванага тыпу (гэта значыць набліжаны да яе элементамі дыялога і маналога), а не да драматычнай формы паэмы. Такім чынам, зварот П. Глебкі да драматызацыі эпічнага жанру і адыход ад эмацыянальна-рамантычнай трактоўкі жыццёвага матэрыялу на гэтым этапе не былі яшчэ да канца падрыхтаванымі ні ў творчым, ні ў светапоглядавым сэнсе. Імкненне аўтара сцвердзіць сябе ў жанры драматычнай паэмы пераконвае нас у тым, што яго героі мелі неабходную патрэбу ў паглыбленым паэтычным асэнсаванні. Нельга было іх ляпіць, як муляжы, на адзін манер. Яны патрабавалі больш глыбокага раскрыцця ўнутранага свету, паказу іх жарсцей і рамантычных парываў. Гэта тлумачыцца і недахопам майстэрства: няўменнем аўтара ўвасобіць гістарычны матэрыял у драматычна-мастацкіх вобразах, паказаць агульнае ў індывідуальным. Без названых якасцей драматычны твор па сутнасці не існуе. Тым не менш, драматызаваная паэма “Арка над акіянам” (называем яе так, таму што яна не ўвабрала таго неабходнага, чаго патрабуе жанр драматычнай паэмы, а мае толькі некаторыя адпаведныя ёй элементы), будучы этапным творам у

сістэме паэмна-драматычнага жанру, вызначае і характэрны талент Пятра Глебкі: імкненне да тэндэнцыі драматызацыі эпічнага жанру, цікавасць аўтара да найбольш вострых сітуацый, дзе сутыкаюцца супярэчлівыя лініі і чалавечыя характары. Паэт гэта добра разумеў.

Абраны Глебкам драматычны жанр і яго эстэтычныя асаблівасці ў далейшай яго творчай практыцы ўзбагачаліся, шліфаваліся шляхам творчага асэнсавання вопыту іншых літаратур. Творчая вучоба ў Шэкспіра, Пушкіна, Антакольскага, Карнілава і інш. у далейшым давала магчымасць П. Глебку больш паспяхова пранікнуць у сферу чалавеказнаўства, асвоіць канфлікты, якія адбываліся на ўзроўні душы. Настойлівыя крокі ў асваенні гэтага цяжкага і разам з тым спецыфічна ўніверсальнага жанру прынеслі Глебку пэўны поспех. Ім былі створаны драматычныя творы “Над Бярозай-ракой” (1939) і “Свет з Усходу” (1946). У жанравых і ідэйных адносінах нас цікавіць больш паэма “Над Бярозай-ракой”, “пакідаючы якую-небудзь надзею на поспех у будучым”, бо твор “Свет з Усходу” не адрозніваецца сваёй тэматычнай і жанравай арыгінальнасцю, бо ён у той час сведчыў пра “банкруцтва таленту (Глебкі. – Г.Х.), які быў атручаны афіцыёзам унітарнага мыслення” [8]. У крытыкаў прысутнічае доля іспіны, і мы з ёй салідарныя. Такі ж лёс напаткаў і іншыя творы паэта. Тое ж самае можна сказаць і пра паэму “Арка над акіянам”, аб якой мы гаварылі раней.

Паэму “Над Бярозай-ракой” П. Глебкі абазначыў як драматычны твор. Такое вызначэнне мы знаходзім і ў рускай савецкай крытыцы [9]. Блізкае меркаванне па гэтым пытанні прысутнічае і ў беларускім літаратуразнаўстве [14], дзе сцвярджаецца думка пра належнасць “Над Бярозай-ракой” да драматычнай паэмы. З чаго зыходзіць сам аўтар і крытыка, вызначаючы жанравыя межы твора? Звернемся да самой паэмы.

Паўната падзейнасці, фактура твора даюць магчымасць гаварыць пра яго эпіка-драматычны змест. Акрамя таго, знешнія атрыбутыка дыялогавых і маналогавых форм, рэмарак, наяўнасць канфлікта і вырашэнне яго дазваляюць сцвярджаць пра далучанасць “Над Бярозай-ракой” да жанру драматычнай паэмы.

Твор ствараўся аўтарам па слядах гераічных падзей. У аснове яго сюжэтнага дзеяння – адзін з кульмінацыйных момантаў барацьбы супраць белапольскай інтэрвенцыі – бітва за горад Барысаў у 1919 годзе. Гэтая тэма ў 20–30-х гадах XX стагоддзя была не новая ў беларускай літаратуры. Гераіка рэвалюцыі і грамадзянскай вайны трывала ўвайшла амаль ва ўсе роды і жанры літаратуры: “Бацькаўшчына” К. Чорнага, “Дрыгва” Я. Коласа, “Партызаны” К. Крапівы, “Калі ўзыходзіць сонца” С. Баранавых, “Праз горы і стэп” П. Броўкі і інш. Паэма П. Глебкі па сваім духу, тэматычным напавенні была блізкая да твораў беларускіх пісьменнікаў. Але асабліва яна сугучная драматычным паэмам рускіх аўтараў М. Асеева “Прэскакоў” і Б. Карнілава “Соль”. А гэта наводзіць на думку пра тое, што беларуская драматычная паэма 20–30-х гадоў узаемадзеінічала са шматнацыянальным савецкім драматычным эпсам, пераймала стылёвыя і мастацкія якасці. Тут можна гаварыць не толькі пра жанравае, але і пра тэматычнае падабенства паэм беларускіх і рускіх аўтараў. Але, у адрозненне ад рускіх паэтаў, у сваёй задуме П. Глебкі хацеў стварыць твор, у якім бы адлюстравалася найвышэйшы драматызм барацьбы беларускага народа ў перыяд белапольскай інтэрвенцыі. Творчая задума, безумоўна, патрабавала ад паэта такой формы, якая па-сапраўднаму ўвабрала б у сябе ўсю вастрыню і напружанасць дадзенага перыяду. Драматычная паэма давала магчымасць Глебку засяродзіць увагу на

важных, рашаючых момантах
вызваленчай барацьбы.

Паэма “Над Бярозай-ракой” складаецца з чатырох актаў, дзевяці карцін, звязаных паміж сабой асноўнай сюжэтнай лініяй, якая развіваецца дастаткова імкліва і мэтанакіравана. Такая структура і памер верша давалі паэту магчымасць узнавіць самыя разнастайныя характары і сітуацыі, найбольш паглыбіць аб’ём жыццёвых з’яў. Улічваючы папярэдні вопыт у стварэнні драматычнага жанру, паэт імкнуўся да большай псіхалагізацыі канкрэтных вобразаў і індывідуалізацыі ў раскрыцці характараў. Гістарычныя падзеі падаюцца ў паэме праз успрыняцце шырокіх мас народа, яны раскрываюцца ў вострых драматычных канфліктах і сітуацыях, у непасрэднай барацьбе герояў за свае сацыяльныя і нацыянальныя правы. У гэтым нельга не ўбачыць творчы рост П. Глебкі ў абраным жанры. Дзеянне ў паэме развіваецца па логіцы жыцця, гістарычных фактаў. Учынкі і выказванні герояў не толькі адпавядаюць іх сацыяльнаму і палітычнаму абліччу, але належным чынам “узгоднены” з іх асноўнымі рысамі характару. Так, гераічная сутнасць характару Азорыча вызначаецца ў трагічнай абстаноўцы: па даносе замаскіраванага шпіёна Бэсмана ён трапляе ў варажую турму. Выключнай мужнасцю і высокім ладам душы, адданасцю агульнай справе вызначаецца лінія яго паводзін і ўчынкаў. Выратоўваючы аднавяскоўцаў ад рэпрэсій, ён вядзе акупантаў у лес на пошукі партызан і паўтарае падзвігі Сусаніна. Паэт некалькімі штрихамі, як гэтага патрабуе жанр, паказвае жыццёвы шлях Азорыча, падкрэслівае яго гераізм, патрыятызм, усведамленне неабходнасці ахвяры ў імя агульнанародных інтарэсаў. П. Глебкі ўмела выкарыстоўвае маналогі. З дапамогай іх паэт дасягае пэўнага драматычнага напэўнення вобразаў. Так, ва ўзнёслых маналогах Азорыча сцвярджаецца патрыятызм,

самаадданая любоў да роднага народа, адданасць яму. Праз маналогі героя выкрываецца і асуджаецца зло, гвалт, у іх гучыць перакананне і правата. Не маючы магчымасці змагацца з ворагам “зброяй”, ён працягвае змагацца словам:

*Не плач, матуленька, не плач,
Ты прычакаеш скоро шчасця.
Нядарам ты жыццё дала,
Хоць мне і суджана прапасці.
Будзе гаротны, забіты наш край
Сонцам свабоды гарэць!*
[11, с. 102].

Аўтар паказвае ўсю глыбіню характару героя, яго ўнутраны стан, і гэта адбываецца тады, калі закранаюцца інтарэсы Радзімы, народа:

*На партызан павесці? Не, панок,
Ніколі вырадкаў здрадлівых
На нашай не было зямлі,
Каб вас, разбэшчаных і хцівых,
Супроць сваіх людзей вялі.
Мне лепш ад ваших рук загінуць.
Дык хоць народная сляза
Маю аплача дамавіну,
А не бур’ян і не лаза*
[11, с. 107].

Усё жыццё героя вырашаецца ў гэтай востра-драматычнай, па сутнасці, трагічнай сітуацыі.

У параўнанні з папярэднімі творамі і яго героямі, П. Глебкі ў дадзенай паэме зрабіў прыкметны крок наперад на шляху стварэння гераіка-драматычнага характару, паказу чалавека ў шырокай сферы яго жыцця і барацьбы. Гаворка ідзе пра пошукі розных стылёвых прыёмаў паэта з мэтай дасягнення паўнаты вобразнага ўяўлення. Гераіка падзвігу патрабавала ад паэта пэўнага стылю і спосабаў характарыстыкі героя. Таму ў рэпліках, маналогах і дыялогах Азорыча пераважаюць элементы эмацыянальнай прыўзнятасці, што адпавядае пачатковым прынцыпам фарміравання вобраза, яго драматычнага характару. Праўда, інтанацыі гэтыя не заўсёды паслядоўна

вытрыманы – часам у мову героя пранікае размоўна-бытавая стыхія, якая некалькі парушае стылістычную аднароднасць вобраза (“Раз чалавеку ў жыцці памерці трэба – трэба памерці талкова” і інш.). Але такіх момантаў у паэме мала, часцей – узвышаныя інтанацыі, характэрныя для драматычнага жанру. Прыкладам могуць служыць вобразы Таццяны Марыч і маці Азорыча Насты. Патрэбна адзначыць, што гэтыя персанажы як бы дапаўняюць Азорыча, хоць самі яны ад прыроды драматычныя. Да таго ж Таццяна Марыч паказана ў паэме як вобраз гераічны і рамантычны. Гэта шчырая і адданая справе барацьбы дзяўчына, лепшыя рысы характару якой фарміраваліся пад уплывам яе настаўніка – Азорыча. Яна вельмі цяжка перажывае адступленне Чырвонай Арміі, гатова пайсці на ўсё, каб дапамагчы ёй, каб выратаваць з няволі Азорыча. Гераіня застаецца ў тыле ворага для сувязі з партызанскім атрадам Валюшына (дарэчы, гэты вобраз у паэме не атрымаў свайго развіцця, ён аказаўся невыразным). Арыштаваная па даносе Стрыжа Таццяна аказалася вартай свайго настаўніка. У цяжкіх умовах яна праяўляе мужнасць і адданасць справе, увасабляючы лепшыя рысы беларускай жанчыны. Цэласнасць натуры Таццяны, яе душэўнасць і чуласць падкрэсліваецца ў шматлікіх эмацыянальна-ўзнёслых маналогам. Адзін з іх з вялікай сілай гучыць у першым акце паэмы, калі, пасля адступлення войск, яна застаецца адна:

Вось і адзінокая... Дзе ж вы, хлопцы, дзе?

*Труднымі дарогамі доля вас вядзе.
З кім я прывітаюся, як не будзе вас?
Дзе я з вамі стрэнуся ў гэты цяжкі час?*

*А ні смеху ветлага, а ні ветлых слоў
Я ад вас увечары не пачую зноў.
Ціхая, самотная буду скрозь блукаць,
Пра свайго каханага стану ўспамінаць.
А ці ён паранены ў баях ідзе,
Ці яго забітага пахавалі дзе.*

*Сэрца адзінокае апануе сум,
І ніхто не ўзрадуе, не развее дум*
[11, с. 14].

Гераіня свядома ідзе на самадданы і разам з тым самаахвярны ўчынак. Вобраз Насты, маці Азорыча, паказаны ў лірычным і драматычным ракурсах. Гэта па-сапраўднаму ўражлівы і драматычны персанаж, які ўвабраў у сябе лепшыя рысы жаночасці і мацярынства. Вобраз маці ў беларускай літаратуры традыцыйна шматзначны. Гэта і сумленне людское, і сумленне грамадскае; гэта і маці-радзіма. У душы Насты жыве адно пачуццё – любоў да сына. Яна гатова дзеля яго шчасця і справы ахвяраваць сваім жыццём. Высокія пачуцці сыноўняга доўгу ў ёй арганічна аб’ядноўваюцца з такімі ж высокімі маральнымі задачамі. Вобраз маці напісаны Глебкам па-сапраўднаму паэтычна і ўзнёсла. Вось яна схіляецца над забітым сынам:

*Тарас, дзіця маё, даруй мне, сыне,
Не ведала я тайных дум тваіх...
Што ж ты маўчыш? Не чуеш? Кроў...
Забіты!*

*Устань, Тарас! Мне страшна тут.
Адна, кругом балота, лес гамоніць...
Пагавары са мной, скажы мне слова.
І я адна, і ты цяпер адзін.
Як мала ў нас было такіх хвілін!
Маўчыш, астылі рукі, твар халодны...*

*.....
Не ўстанеш ты і не заплачаш болей,
Не выпаліш слязьмі горкай долі
І не адпомсціш ім, разбойнікам тваім,
Тваім забойцам. Вусны анямелі,
Маўчаць...*

[11, с. 108].

Гэты маналог напісаны Глебкам у духу Шэкспіра і па ўсіх законах паэма-драматычнага мастацтва. У ім прысутнічае роздум паэта над лёсам чалавека-змагара за народную справу. Пра змястоўнасць такога тыпу маналога добра ў свой час сказаў нямецкі паэт І. Бехер: “Самапазнанне складаецца не толькі з гульні суб’екта ў пытанні і

адказы, а можа ўзняцца над суб'ектам, гучаць як з'ява, нават як праграмная прамова. Маналог можа быць як заключэннем, так і пралогам, ён можа быць і ўпрыгожаннем для чалавечай ролі, якую дадзеная фігура павінна ўзяць на сябе" [12, с. 262]. Па гэтай прычыне вуснамі маці аўтар сцвярджае думку аб тым, што жыццё, адданае за свой народ, як бы рана яно ні абрываўлася, пражыта не дарэмна. Такія людзі заўсёды знаходзяць паслядоўнікаў, нараджаюць новую хвалю супраціўлення, натхняюць новых змагароў за народную справу. Смерць Азорыча – апафеоз гераічнага духу, які працягвае сцвярджаць сябе і пасля смерці героя. Азорыч – выразнік свабоды народных мас – уносіцца над злом, перамагае яго веліччу сваёй маральнай пазіцыі, непахіснасцю гуманістычных перакананняў. Тым самым паэт сцвярджае перамогу Чалавека над злом, якое пануе ў свеце. Гэта і вызначае асноўны ідэйны пафас паэмы "Над Бярозай-ракой".

Беручы матэрыял з самай гушчыні падзей, П. Глебкі змог пранікнуць у духоўны свет сваіх герояў, уважліва ўгледзецца ў іх канкрэтныя лёсы. Гэта не толькі вобразы Азорыча, Марыч, Насты, але і іншых персанажаў, у прыватнасці С. Аржанікідзе, канкрэтнай гістарычнай постаці.

Пры аналізе ідэйна-тэматычнага боку паэмы, яе мастацкіх асаблівасцей звернем ўвагу на жанравую форму самога твора. На наш погляд, паэма "густа населена" персанажамі, што абцяжарвае стварэнне аўтарам паўнацэнных, яркіх драматычных характараў. Па законах жанру ў драматычнай паэме павінна дзейнічаць адна незвычайная постаць, вакол якой канцэнтраваліся б дзеянні, аб'ядноўваліся ідэі і г.д. Тут жа дзеючых асоб многа, як у п'есе, і ўсе яны розныя як па характары, так і па сваёй унутранай сутнасці. Але ж па законах жанру колькасць дзеючых асоб у драматычнай паэме павінна быць строга

абмежаванай. Іх перанасычэнне, як у дадзеным выпадку, надае твору некаторую сцэнічнасць, а гэта таксама паслабляе адзнакі драматычнага вершаванага жанру. Нельга назваць драматычнай паэму, скажам, з пяціцудзсяці дзеючымі асобамі. Законы драматычнай паэмы жорсткія. У сюжэтным аб'ёме паэт абавязаны ва ўсёй паўнаце ўзнавіць жыццё сваіх герояў, раскрыць іх духоўны і маральны свет. Таму ў драматычнай паэме важная канцэнтрацыя падзей, таму ў ёй не можа быць ні аднаго "лішняга" дзеючага персанажа. Хаця, як нам вядома, жанравыя межы любога твора надта ўмоўныя, паколькі жанры ўвогуле рэдка існуюць у літаратурнай практыцы ў чыстым выглядзе. Таму, на наш погляд, асаблівасць паэмы "Над Бярозай-ракой" заключаецца ў тым, што яе драматызм – тэатральна-кінаматаграфічнага характару: рух агульнага канфлікту складваецца ў мантажнае перапляценне асобных сцэн, заснаваных на "лакальных" канфліктах, з глыбінных пераклічак і ўнутраных суадносін дзеючых у гэтых сцэнах персанажаў, якія часам нават не сутыкаюцца адзін з другім. Падобная пабудова вызначае і агульны рытм паэмы – нервовы, трывожны, які нараджаецца з паслядоўнасці самых разнастайных, нязменна экспрэсіўных сцэн. П. Глебкі, па нашым меркаванні, было важна не толькі перадаць у форме вершаваных дыялогаў вастрыню надта незвычайнай сітуацыі, больш уважліва ўгледзецца ў твары яе ўдзельнікаў, каб вызначыць (магчыма, у першую чаргу, для самога сябе) матывы іх думак і пачуццяў, а за іх паводзінамі, рухамі і ўчынкамі адчуць складанасць і драматызм часу.

Творчыя пошукі П. Глебкі нам падказваюць, што паэт імкнуўся да ўзбагачэння і развіцця традыцый беларускай драматычнай паэмы. Канфліктнасць, эпіка-драматычнае адлюстраванне падзей і характараў, патэтыка і лірызм, шматфарбнасць паэтычнай мовы – усё гэта дазваляе аднесці паэму "Над Бярозай-ракой" да

ліку драматычных жанраў. Ва ўсялякім разе паэмны дух у гэтым творы, безумоўна, прысутнічае, але, нам здаецца, у структурна-кампазіцыйным плане твор мае складаную прыроду (элементы драматычнай паэмы, драмы псіхалагічнай, драмы натоўпу), і таму немагчыма адназначна вызначыць яго жанравыя межы. Ёсць падставы лічыць гэты твор і вершаванай драмай (значная ўдзельная вага падзейнага матэрыялу, выразны, паслядоўна разгорнуты канфлікт з усімі ўласцівымі яму элементамі), і драматычнай паэмай (свабодная структура, агульны маналагічна-дыялагавы лад). Найбольш правільным будзе, відаць, прызнаць, што твор “Над Бярозай-ракой” знаходзіцца на мяжы двух жанраў, і такая ўскладненасць яго відавочна прыроды абумоўлена імкненнем паэта данесці да чытача складанасць і разнапланавасць адносін чалавека са светам у пераломныя гістарычныя перыяды.

Заклучэнне. Такім чынам, на падставе аналізу даследаванага матэрыялу можна зрабіць наступную выснову: драматычная паэма як жанр у беларускай савецкай літаратуры 20–30-х гадоў развівалася не так інтэнсіўна і прадуктыўна, як, скажам, ліра-эпічная. Вельмі часта ёй не хапала ідэйнай глыбіні, жанравай акрэсленасці і паўнаты. Паэмныя варыянты былі няроўнымі і недасканалымі ў мастацкіх адносінах. Але, нягледзячы на пэўныя недахопы, драматычны вершаваны эпас 20–30-х гадоў усё-такі існаваў і быў, несумненна, важным этапам у развіцці беларускай савецкай, а пазней і сучаснай драматычнай паэмы ў цэлым. Па сутнасці, аўтары і іх творы адкрывалі новыя мажлівасці ў вырашэнні не толькі набалелых сацыяльных і нацыянальных праблем, але і спасцігалі ўнікальнасць самога жанру, пракладвалі нялёгкі шлях нацыянальнай драматычнай паэме ў будучыню, узбагачалі яе ідэйна-эстэтычнымі і структурна-стылёвымі асаблівасцямі. Гэтымі творамі аўтары

закладвалі новыя прынцыпы паэтычнай тыпізацыі ў драматычнай форме, глыбока заглядаючы ва ўнутраны свет сваіх персанажаў. У. Дубоўка і П. Глебка да таго ж спрабавалі развіваць традыцыі нацыянальнай класікі, бліжэйшая крыніца якіх знаходзілася ў творчасці Я. Купалы. Прыведзены паэмны матэрыял даваеннага перыяду сведчыць аб тым, што драматычная паэма як жанр шукала сваё месца і прызнанне ў беларускай паэзіі.

Літаратура

1. Лойка, А. Пясянр высокіх дум і глыбокіх пачуццяў / А. Лойка // На высокай хвалі. – Мінск: Народная асвета, 1980. – 224 с.
2. Арочка, М. Беларуская савецкая паэма / М. Арочка. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 336 с.
3. Дубоўка, У. На ўзвышшы / У. Дубоўка. – Мінск: Маст. літ., 2007. – 190 с.
4. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Худ. лит., 1975. – 501 с.
5. Белинский, В.Г. Полн. собр. соч. / В. Белинский. – М.: Изд. АН СССР. – Т. 5. – 1954. – 663 с.
6. Бугаёў, Д. Далягляды паэта / Д. Бугаёў // Літаратура і мастацтва. – 1970. – 17 ліп.
7. Смальянава, Л.П. Шляхі паэтычнага эпаса / Л.П. Смальянава. – Мінск: Выд. БДУ, 1977. – 160 с.
8. Рагуля, А. З напісанага застаецца / А. Рагуля // Літаратура і мастацтва. – 1990. – 27 ліп.
9. Жиженко, В. Певец мужества / В. Жиженко // Сов. Отчизна. – 1955. – № 4.
10. Барсток, М. Адданы сын народа / М. Барсток // Літаратура і мастацтва. – 1980. – 4 ліп.
11. Глебка, П. Зб. твораў: у 4 т. / П. Глебка. – Мінск: Маст. літ., 1985. – Т. 3. – 334 с.
12. Бехер, И.Р. В защиту поэзии / И.Р. Бехер. – М.: Изд. Иностран. лит-ра, 1959. – 372 с.

Паступіў у рэдакцыю 04.02.2013 г.

Прыняты ў друк 24.06.2013 г.

УДК 811.111'271

Сокращения в электронной деловой переписке на английском языке

Воробьева О.И.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье рассматривается функционирование сокращенных языковых единиц в электронной деловой переписке на английском языке. В ходе проведенного исследования установлено, что в данной сфере делового общения широко используются лексические и графические сокращения различных видов. Выявлено, что особенности употребления сокращений заключаются в большом количестве заимствованных из латинского и французского языков единиц, использовании фонетического и консонантного письма, преобладании трех- и четырехкомпонентных сокращенных единиц, включении в состав сокращений служебных слов и др. Обнаружено, что трудности при переводе английских сокращений в электронной деловой переписке связаны с высокой омонимичностью сокращенных единиц, а также в ряде случаев с расплывчатостью грамматической информации о слове.

Ключевые слова: электронная деловая переписка, сокращенная языковая единица, лексические сокращения, графические сокращения.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 199–205)

Shortenings in Electronic Business Correspondence in English

Vorobyova O.I.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

The article deals with the functioning of shortened language units in electronic business correspondence in English. In the process of the research it is found out that in this sphere of business communication lexical and graphical shortenings of different types are widely used. It is defined that the specific features of the use of shortenings are a great number of borrowings from Latin and French, phonetic and consonant writing, dominating three- and four-component shortenings, functional parts of speech inclusion into the structure of shortenings and others. It is found out that difficulties at translating English shortenings in electronic business correspondence arise because of a great amount of homonyms among shortened units and the obscurity of grammar information about the word in a number of usages.

Key words: electronic business correspondence, a shortened language unit, lexical shortenings, graphical shortenings.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 199–205)

Деловые письма – различные по содержанию документы, пересылаемые по почте, курьером, электронной почтой или посредством факсимильной связи и служащие средством общения юридических и физических лиц. Их отличительной чертой является формализованный характер внешних и содержательных элементов письма (формат бумаги, состав реквизитов, жесткая текстовая структура, формулы речевого этикета и др.).

Деловая переписка в Великобритании, США и других англоязычных странах значительно отличается от традиций составления деловых писем в нашей стране. Знание норм этикета в деловой переписке на английском языке является важной составляющей профессиональной компетенции секретаря, бизнесмена, переводчика.

Электронные деловые письма менее регламентированы по сравнению с традиционными, их стиль более личный и теплый. Вместе с тем, в них широко используются элементы стандартизации (термины, номенклатурные знаки, устойчивые обороты). Своеобразным метаязыком электронной деловой переписки становится огромное количество сокращений, служащих экономии речи и письменного текста и одновременно представляющих определенную сложность для переводчика.

Известно, что сокращения являются одним из наиболее трудных для понимания и перевода элементов иностранных специальных текстов. Полное понимание сокращенных лексических единиц возможно лишь при отличном знании предмета, которому посвящен конкретный текст, а также в том случае, когда читающему заранее известно значение используемых в тексте сокращений. Тем не менее, знакомство с основными закономерностями аббревиации и способами образования сокращений существенно облегчает задачу понимания и перевода сокращений.

Таким образом, целью нашего исследования является анализ структурно-семантических типов и специфики функционирования сокращений в электронной

переписке на английском языке, а также выявление трудностей, с которыми сталкивается переводчик в процессе расшифровки и перевода английских сокращений.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили образцы написанных на английском языке электронных деловых писем различной функциональной направленности (письмо-запрос, просьба, приглашение, подтверждение, извещение, напоминание, предупреждение, декларация (заявление), распоряжение, отказ, поздравление, благодарность, жалоба, сопроводительное, гарантийное, информационное, рекламное письмо и др.).

Для решения поставленных задач использовались структурные методы морфемного и словообразовательного анализов, для исследования лексического значения использовался семантический анализ.

Методологической основой работы послужили работы лингвистов, посвященные проблемам словообразования в английском языке (J. Aitchison [1], H. Marchand [2], О.Д. Мешков [3], и др.), лингвистическим, психолингвистическим и когнитивным аспектам формирования аббревиатур (Д.И. Алексеев [4], Э.Р. Мустафинова [5], Т.А. Щелок [6], А.П. Шаповалова [7]).

Результаты и их обсуждение. Многочисленные сокращения в современном английском языке становятся достоянием всего языкового сообщества, отражая важные социальные понятия, которые употребляются для обозначения предметов реальной действительности, в повседневной жизни, политике, науке, экономике и т.д. Ряд сокращений употребляется в ограниченном контексте, предназначенном для определенной социальной группы.

Проблемы сокращенных лексических единиц как специфического языкового явления в современных языках привлекали внимание многих исследователей. К числу наиболее обстоятельных трудов по этим вопросам можно отнести работы Д.И. Алексеева [4], О. Есперсена [8],

В.Г. Павлова [9], А.П. Шаповаловой [7] и др. В трудах Е.П. Волошина [10], Л.П. Ступина [11], Е.Н. Ардаматской [12] и др. выявлены лингвистические факторы появления и активизации сокращений в современном английском языке, рассмотрены подходы к их исследованию и классификации, внешние факторы развития процесса аббревиации. Особый исследовательский интерес представляют механизмы образования сокращенных слов, их структурно-семантические особенности, специфика функционирования в современном английском языке. До сих пор остается много неясного в вопросе о природе сокращений, об их взаимосвязи с системой языка, нет строгой, четкой классификации структурных типов сокращенных единиц, не приведен строгий научный анализ особенностей отдельных структурных типов. Чрезвычайно много неясного в вопросе о лексико-семантических особенностях сокращений, закономерностях их семантического развития.

Сокращение определяется как единица устной или письменной речи, состоящая из отдельных элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы, с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи. Причины появления сокращений в английском языке объясняются учеными по-разному: природой языка, общей тенденцией английского языка к моносиллабизму, стремлением к устранению семантической и формальной расчлененности наименований, стилистическими соображениями. Кроме лексических, к факторам появления сокращений можно отнести еще и экстралингвистические факторы: мода на сокращения, удовольствие, получаемое говорящими от игры лингвистическими средствами, а самое главное – психофизиологические свойства человека, в частности, особенности его оперативной памяти, которая, как известно, не удерживает одновременно больше определенного для данного языка количества единиц (из чего вытекает

основная идея сокращения как упрощения речевой коммуникации).

Все сокращенные единицы разделяют на графические и лексические.

Под графическими сокращениями подразумеваются сокращения, применяющиеся только в письменной речи, не имеющие своей особой звуковой формы, реализующейся в устной речи как соответствующая несокращенная форма. Графические сокращения также подразделяются на точечные, дефисные, косослинейные, курсивные, нулевые, комбинированные.

Лексическое сокращение – это единица языка, обладающая не только внешней (звуковой) стороной, но и внешне выраженным значением, и существующая в речи как нечто уже существующее и лишь воспроизводимое в речи. Классификация лексических сокращений крайне затруднена специфичностью их структуры, большой вариативностью, возможностью взаимодействия различных способов аббревиации с другими способами словообразования.

Лексические сокращения подразделяют на синтаксические (*sitters – baby-sitter*), фонеморфологические (*mike – microphone*), фонографические (*Dr – doctor*), смешанные (*Eurasia – Europe and Asia*).

Общепринятой [2; 4; 11] классификацией лексических сокращений является следующая: усечения, слова-портмоне (или стяжения, слияния) и акронимы. Ряд ученых разделяют понятие «акроним» и «аббревиатура» и предлагает интегральный термин для их обозначения «инициализм» [7; 9; 12].

Акронимами называют ряды начальных букв (иногда начальных морфем слова или слогов), образующих новую лексическую единицу. Слова-портмоне определяются как слова, образующиеся путем сочетания одной словообразовательной основы (либо ее заместителя в виде сокращения) с осколком второй исходной основы. Усечение – это сокращенное слово, образованное из начала, середины или конца исходного слова.

Нами проанализированы наиболее часто употребляемые в сфере деловой переписки сокращения и выявлены ниже следующие особенности их употребления.

Диапазон реализации номинативной функции сокращений в деловой переписке очень широк: от названий конкретных объектов (*GNP – gross national product; SUV – sports utility vehicle*) до наименования абстрактных субстанций и явлений (*IOW – I owe you*). Многие сокращения, используемые в электронной деловой переписке, были заимствованы из языка рекламы, СМИ, Интернета.

Во-первых, сокращению подвергаются выражения, выступающие в речи в роли вводных слов со значением отражения порядка мыслей и их связи: *BOT – back on topic; BTW – by the way; IOW – in other words*. Во-вторых, сокращаются словосочетания с главным словом – глаголом в форме повелительного наклонения: *RBTL – (read between the line), Pto – please turn over*,

ROI – return on investment, CFM – confirm.

В следующую группу могут быть включены различные знаменательные слова, сочетания слов и предложения с высокой частотой употребления: *HTH – Hope this help; LSR – later; FYI – For your information; ATM – At The Moment // Now; C.O.D. – cash on delivery*.

Становятся сокращенными также устойчивые словосочетания: *SULSR – see you later; TIE – take it easy; ATB – All the best; WRT – with respect to*, а также сочетания слов, выражающие отношение говорящего к предмету говорения, но не влияющие на содержание высказывания: *ONNA – Oh no, not again; FWIW – for what it's worth*.

Исследование способов образования лексических сокращений в деловой переписке обнаружило следующие их виды.

Преобладают сокращения инициального типа, составленные из начальных букв компонентов словосочетания, – аббревиатуры: *EGM – extraordinary general meeting; IPO – initial public offer; ETA – expected time of arrival; TE (tax exempt);*

AWB – air waybill; B/E – bill of exchange; ETA(eta) – estimated time of arrival. Реже встречаются аббревиатуры из сочетания начальной части (буквы) слова с целым словом, не подвергшимся сокращению, например: *H-bomb, H-bag – hand bag*,

X-card, а также сокращения слогового типа, т.е. составленные из начальных слогов слов, составляющих словосочетание, например: *Wi-Fi – Wireless Fidelity; telecom – telephone communication; inco – International commerce*. Достаточно употребительны сокращения – акронимы: *forex – foreign exchange; VAT – value added tax*.

К графическим сокращениям, употребляемым в процессе деловой переписки, относятся, во-первых, общепринятые графические сокращения, такие, как *i.e. – id est; p.h. – per hour; no. – number; e.g. – exempli gratia*. Одной из культурно-исторических особенностей английского языка является большое количество заимствованных из латинского и французского языков сокращений, сохранивших свое значение в английском языке.

Во-вторых, можно выделить ряд англоязычных сокращений, характерных для электронной деловой переписки, регулярно воспроизводимых в ней: *FYA – for your amusement; IWBNI – It would be nice if; KIS – keep it simple; NRN – No response necessary; TFS – Thanks for sharing; WOBTAM – Waste of both time and money; gtc – good till cancelled; o/no – order number; pst – posted*.

Особые трудности при переводе на русский язык могут вызвать сокращения, которые приобрели характер идеограмм и давно уже утратили (а может быть, и никогда не имели) свое буквальное значение, например: *LOL (laughing out loud) – громко смеюсь*. В электронном дискурсе на русском языке подобные аббревиатуры не используются. По всей видимости, их закреплённость за латинским алфавитом создает дополнительные трудности при наборе текста на кириллице.

Нередко при сокращении используются символы вместо слов: *some \$; 100£; R & D research and development; 911 Emer-*

gency, call me // Someone needs you to call them about something that is important; XXXXX (error). Английские слова в деловой переписке могут быть сокращены с помощью фонетического письма следующим образом: *2day, b4, 4me*. Цифры «2» и «4» используются вместо аналогично звучащих слогов – *for(e)* и *to*: *F2F – face-to-face; 2bctnd – To be continued // We'll talk about it later; 2WIMC – To whom it may concern // Formal greeting.* Стремление к компактной подаче информации приводит к деморфологизации слов. Так создается своего рода игра, демонстрирующая возможности аббревиации.

Мы обнаружили следующие структурно-семантические виды графических сокращений в деловой переписке: буквенные сокращения, слоговые сокращения, усеченные слова.

Буквенные сокращения образуются из начальных букв сокращенных слов и словосочетаний. Такие инициальные сокращения слов произносятся полностью как исходные слова: *REYRTLX – refer to your telex; rml – regarding my letter.*

Сокращенные единицы слогового типа образуются из начальных слогов слов, составляющих словосочетание, например: *nem.con. – от лат. «nemine contradicente» – без возражений, yourlet – your letter.* Выделяются сокращения смешанного типа, совмещающие элементы двух предыдущих, например: *Abs E – absolute error;*

Rt. Hon – Right Honourable.

Среди усеченных слов преобладает усечение конечной части слова (апокопа). Это наиболее распространенный тип сокращения в электронной деловой переписке. Специфика общения в сети проявляется в том, что при быстром темпе коммуникации намного удобнее «узнавать» слово по первым буквам. Факт преимущества апокопы перед другими типами усечений связывается некоторыми учеными также с «концентрацией внимания в начале слова и наличием ударения на начальном слоге в большинстве английских слов» [1; 10]: *POS – position; Best regs – best regards; art – article; arrv – arrival; dep – departure;*

dept – department; disc (discount) – 1. скидка 2. учет векселя.

Достаточно распространенным является также усечение отдельных элементов слова, главным образом, гласных букв (синкопа): *shortg (shortage); shpd (shipped) shpmt, shpt (shipment); bkgs (bookings); ltr (letter).* Прием консонантного письма, т.е. использование при написании слов его ключевых (как правило, согласных) букв, широко распространен в электронном дискурсе на английском языке, в то время как практически не используется в электронных текстах на русском языке. Это объяснимо тем, что в русском языке твердость/мягкость согласного определяется следующим за ним гласным.

Сокращения в деловой переписке, как и сокращенные единицы в целом, характеризуются высокой омонимичностью, и чем меньше число знаков, тем она выше, например:

M – 1. (March) – март 2. (mass) – масса 3. (medium) – средство, способ 4. (middle) – 1) середина 2) средний 5. (Monday) – понедельник.

dd 1. (dated) – датированный 2. (delivered) – доставленный 3. (delayed delivery) – доставка задержана 4. (demand draft) – тратта, срочная по предъявлении

pc – 1. (personal computer) – персональный компьютер 2. (payment in cash) – уплата наличными 3. (percentage) – процентное содержание 4. (price) – цена.

Немало омонимичных сокращений встречается среди апокопных сокращений, на что следует обращать особое внимание при их переводе. Например, употребляемое в деловой переписке сокращение *inst.* может иметь следующие значения:

1. (installation) – установка; монтаж 2. (instalment) – очередной взнос 3. (instruction) – инструкция 4. (instrument) – инструмент, прибор.

Сложность перевода апокопы состоит в том, что вместе с окончанием отсекается грамматическая информация о слове, его облик становится расплывчатым и единственной подсказкой о том, какое из однокоренных слов используется говорящим, является контекст.

В нижеследующем электронном письме – извинении за утеранный платеж – именно контекст позволяет определить частеречную принадлежность выделенных жирным шрифтом апокопных и синкопных образований и правильно перевести сообщение.

*For the **att** of the Managing Director
Dear Peter,*

*Thank you for your **asst** and **arrg** in helping us to locate your payment of July 15, 2011 which had not been credited to your **a/c**. **Pls acpt** our apology for this error and for the overdue notices we sent to you. We appreciate your patronage and are sorry for the inconvenience caused by this error.*

*Yours faithfully,
W. and T. Brown, Ltd,
Thomas Brown,
Director*

*Вниманию управляющего
Дорогой Петр,*

Спасибо за Вашу помощь нам в поисках Вашего платежа от 15 июля 2011 года, который не был зачислен на Ваш счет. Пожалуйста, примите наши извинения за эту ошибку, и за те неправомерные уведомления, которые мы послали Вам. Мы ценим Вас, как постоянного клиента и просим извинения за те неудобства, которые были вызваны этой ошибкой.

*Искренне Ваш,
W. and T. Brown, Ltd
Томас Браун,
Директор*

Возможно, из стремления избежать омонимии, вызывающей определенные трудности при их расшифровке и затрудняющей их понимание, создаются трех- и четырехкомпонентные сокращенные единицы, а также происходит включение в состав сокращений служебных слов (артиклей, предлогов): *AAMOF as a matter of fact; AFAIK as far as I know; F.O.T – free of tax; a.s.a.p. (as soon as possible)*.

Закключение. Исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активно развивающихся областей современного дискурсивного

анализа. Компьютер, изначально ориентированный на оптимизацию обработки информации, в ходе своего развития превращается в посредника в процессе коммуникации. Общение в интернете осуществляется средствами естественного языка, который не только обслуживает коммуникацию, но и становится основой любого социального взаимодействия в Сети. Новые функции способствуют трансформации языка в различных аспектах: на уровне лексики, правил построения высказывания, жанрово-стилистических норм, коммуникативных стратегий.

Информативная емкость, удобство произнесения, легкая запоминаемость сокращений способствуют росту их числа и использования в различных областях коммуникации, а значит и возрастает необходимость их исследования. Вместе с тем, сокращения остаются во многих отношениях загадкой в лингвистическом плане, поскольку применительно к ним приходится рассматривать под специфическим углом зрения такие фундаментальные проблемы, как проблема структуры слова и его значения, проблема морфемы и др. Этой сложностью объясняется множество мнений, а порой и противоречивый подход к сокращенным единицам.

В ходе проведенного нами исследования установлено, что в электронной деловой переписке на английском языке широко используются сокращения различных видов – среди лексических сокращенных единиц преобладают инициализмы буквенного типа (аббревиатуры), среди графических – усечение последней части слова (апокопа). Выявлено, что особенности употребления сокращений заключаются в большом количестве заимствованных из латинского и французского языков единиц, использовании фонетического и консонантного письма, преобладании трех- и четырехкомпонентных сокращенных единиц, включении в состав сокращений служебных слов и др. Обнаружено, что трудности при переводе английских сокращений в электронной деловой переписке

связаны с высокой омонимичностью сокращенных единиц, а также в ряде случаев с расплывчатостью грамматической информации о слове.

Данное исследование имеет перспективы развития в плане изучения культурно-национальной маркированности сокращений, участия языковой личности в их порождении и восприятии, а также влияния современных англоязычных аббревиатур на дискурс других лингвокультурных сообществ.

Литература

1. Aitchison, J. Words in the mind: An introduction to the mental lexicon. / J. Aitchison. – Oxford: Blackwell, 2001. – 103 p.
2. Marchand, H. The Categories and Types of Present-day English Word-formation. A Synchronic-Diachronic Approach/ H. Marchand. – Wiesbaden, 1991. – 220 p.
3. Мешков, О.Д. Словообразование современного английского языка / О.Д. Мешков. – М.: Наука, 1976. – 245 с.
4. Алексеев, Д.И. Аббревиация в русском языке: автореф. ... дис. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Д.И. Алексеев. – Воронеж, 1977. – 31 с.
5. Мустафинова, Э.Р. Аббревиация в русском языке: когнитивный аспект: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Э.Р. Мустафинова. – Барнаул, 2001. – 20 с.
6. Щелок, Т.И. Графические сокращения как предел семантической целостности слова (на материале графических сокращений русского и немецкого языков: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Т.И. Щелок. – Барнаул, 2003. – 23 с.
7. Шаповалова, А.П. Аббревиация и акронимия в лингвистике / А.П. Шаповалова. – Ростов н/Д, 2003. – 80 с.
8. Jespersen, O.A. Modern English Grammar on Historical Principles. Part VI. Morphology / O.A. Jespersen. – London, 1946. – 408 p.
9. Павлов, Г.В. Функционирование сокращений в современном немецком языке (номенклатурные и речевые сокращения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Г.В. Павлов. – М., 1970. – 32 с.
10. Волошин, Е.П. Аббревиатуры в лексической системе английского языка: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.П. Волошин. – М., 1967. – 26 с.
11. Ступин, Л.П. Аббревиатуры и проблема их включения в толковые словари / Л.П. Ступин // Вопросы теории и истории языка. – СПб., 2003. – С. 291–296.
12. Ардаматская, Е.Н. Акронимия как форма адаптивности языковой системы (на материале английской морской терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Н. Ардаматская. – Л., 1987. – 19 с.

Поступила в редакцию 05.04.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

УДК 821.161.1-31.09

Поэтика сказа в «Бухтинах вологодских» В.И. Белова

Романова С.В.

**Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск**

В настоящей статье рассмотрено художественно-эстетическое своеобразие сказовой манеры повествования в произведении «Бухтины вологодские» В.И. Белова. В творчестве писателя сказ выступает как литературный жанр. Сказовая манера письма писателя близка к сказу фольклорному. Влияние фольклорной поэтики проявляется у Белова на всех уровнях сказа. Это дает возможность писателю отразить все стороны народной жизни, его духовного уклада. В анализируемых взаимоотношениях участников речевого акта в триаде «рассказчик–автор–слушатель» показательна идейно-художественная близость героя-рассказчика литературного рассказчику народному. Доминантой речевого поведения рассказчика явился близкий народному пониманию добродушно-ироничный юмор, утверждающий позитивное мироощущение. Сказ у В.И. Белова – это не искусная стилизация, он рождается органически из глубокого и точного знания реальной действительности, быта, нравов и обычаев народной жизни.

Ключевые слова: сказовая манера письма, триада «рассказчик–автор–слушатель», речевая манера повествования рассказчика.

(Ученые записки. – 2013. – Том 15. – С. 206–213)

The poetic of tale in “Stories of Vologda” of I. Belov

Romanova S.V.

**Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk**

In the present paper the artistic and aesthetic identity of a fantastic manner of narration in his work “Stories of Vologda” of I. Belov considers. In the works of the writer tale acts as a literary genre. Fantastic style of letter writer is close to the folk tale. The influence of folk poetics manifest Belov at all levels of the fable. This gives the opportunity to the writer reflect all sides of people’s life, his spiritual way of life. In the analyzed mutual relations of participants of the speech act in the triad «storyteller–the author–the listener» the ideological and artistic proximity hero–the narrator of the literary story–teller folk. The dominant speech behavior of the narrator was close to the popular understanding kindly ironic humor, claiming a positive attitude. The tale of V.I. Belov is not clever pastiche, it is born organically from a deep and accurate knowledge of real life, everyday life, the manners and customs of the people’s life.

Key words: fantastic style of writing, triad “storyteller–author–listener”, speech style of narrative storytelling.

(Scientific notes. – 2013. – Vol. 15. – P. 206–213)

Адрес для корреспонденции: e-mail: lana-sev@yandex.by – С.В. Романова

С началом 60-х годов прошлого века в русской литературе формируется особое идейно-содержательное направление, которое критики с некоторым уничижительным подтекстом окрестили «деревенской прозой».

Среди ярких представителей ее – Ф.А. Абрамов, В.Г. Распутин, В.М. Шукшин, В.П. Астафьев, Б.А. Можаев. Каждый из них по-своему осмысливал драматическую судьбу крестьянства и русской деревни, проблемы нравственности и исторической памяти народа, сохранения традиций, взаимоотношений человека и природы.

В этой когорте «деревенщиков» В.И. Белов уже первыми своими произведениями вызывал у критиков реакции самые противоположные: одни упрекали его в идеализации деревенской жизни, в утопическом желании автора вернуться к прежнему укладу, другие восхищались его способностью ярко передать одаренность и духовность русского народа, умением объективно изображать события.

Среди литературоведческих исследований творчества писателя особое место занимают монографии Ю. Селезнева [6] и Л. Ершова [3]. Авторы анализируют литературное наследие Белова в целом, прослеживая динамику творчества от самых ранних его произведений, повестей «Деревня Бердяйка», «Привычное дело», «Плотницкие рассказы», до философских по глубине обобщений истории русской деревни романа «Кануны» и очерков о народной эстетике «Лад». Литературоведы при этом подчеркивают точное знание писателем русского быта, традиций и нравов крестьянства, неразрывную связь его судьбы с судьбой народной.

Зарубежным читателям творчество В.И. Белова представили немецкий филолог В. Казак и английский ученый-литературовед Дж. Хоскинг. В своих статьях они называют писателя «знаковой фигурой в русской литературе», «летописцем советской деревни» [цит. по: 5]. Среди ведущих исследователей творчества В.И. Белова можно назвать английского ученого Джеффри Хоскинга, авто-

ра статьи «Василий Белов – летописец советской деревни», открывшего проблему прозы Белова на Западе.

Ярким образцом русской «деревенской прозы», принесшим автору широкую известность, стали повести «Привычное дело» (1966) и «Бухтины вологодские» (1969).

Критики и исследователи творчества Белова обращают внимание преимущественно на идейно-содержательную составляющую его произведений, лишь вскользь касаясь их эстетических достоинств. Поэтому предметом нашего анализа является художественно-стилевое своеобразие сказовой манеры повествования в повести «Бухтины вологодские» В.И. Белова.

Сказовая манера повествования была присуща отдельным писателям XIX в. – А.С. Пушкину, Н.В. Гоголю, Н.С. Лескову, однако исследование сказа как структурно-типологического и художественного образования началось в первые десятилетия XX в.

Отдельные признаки сказовых форм теоретически осмыслил Б.М. Эйхенбаум. Он отметил социальную обусловленность сказа, его устный, импровизационный, театрализованный характер. В.В. Виноградов определил основные структурные характеристики сказа, указав на необходимость четкого разграничения автора и повествователя. М.М. Бахтин предложил понимание сказа как установку на чужую речь [4].

Комплексное теоретическое исследование сказа как особой повествовательной формы, его художественно-эстетических функций в литературных произведениях провели авторы монографии «Поэтика сказа», вышедшей в издательстве Воронежского университета в 1978 году. В ней впервые в литературоведении теоретически обобщен опыт изучения сказа предшествующими авторами, определены типологические признаки его поэтики, проанализирован конкретный опыт использования в современной литературе.

По мнению исследователей, сказ представляет собой специфическую раз-

новидность стилизации под разговорную, художественно необработанную речь. Для реализации сказовой манеры повествования выделяется ряд приемов и типов речевого поведения в триаде «рассказчик–автор–слушатель».

Жанровая специфика сказового повествования требует разграничения повествователя, стилизованного под рассказчика, и автора. Рассказчик выступает от имени себе подобных в манере устной, демократически ориентированной речи. Независимо от того, наделен ли рассказчик индивидуальной характеристикой или нет, за ним всегда угадывается коллектив. Помимо автора и рассказчика, специфика сказовой манеры повествования предполагает наличие в системе слушателя (или читателя). Рассказчик всегда рассчитывает на сочувствие «своей» аудитории, «своего» слушателя, автору же важно, чтобы читатель воспринял повествование так, как он, автор. Единство рассказчика и слушателя, читателя и автора, а также взаимодействие внутри каждой из этих пар и обуславливают замкнутость системы сказового повествования.

Своеобразие сюжетно-композиционной организации сказа заключается в снижении роли фабульного развития. На первый план выступает образ рассказчика с его речевой манерой повествования, через которое обнаруживается его мироотношение.

В результате складываются определенные особенности речевого поведения героя-рассказчика: спонтанная и хаотичная речь, создающая иллюзию устного изложения, а также выстраивание разговорной интонации, рассчитанной на «своих» слушателей. Индивидуальными свойствами речи рассказчика являются также просторечие, диалектизмы, неграмотность, ошибочное произношение, провалы в памяти и др.

На этой теоретической и методологической основе мы приступим к предмету нашего исследования, поскольку писавшие прежде о творчестве Белова критики и литературоведы, этой стороны его стиля касались попутно, между прочим.

Цель статьи – определение художественно-эстетической функции сказовой манеры письма в повести «Бухтины вологодские» В.И. Белова.

Для реализации данной цели намечены следующие задачи:

- выделить типологические признаки сказа как особой повествовательной формы;

- проанализировать взаимоотношения участников речевого акта в триаде «рассказчик–автор–слушатель».

Материал и методы. В качестве объекта исследования мы выбрали произведение В.И. Белова «Бухтины вологодские», которое является образцом мастерства сказовой манеры повествования писателя.

Для реализации нашей цели мы обращаемся к аналитическо-описательному и конкретно-историческому методам исследования.

Результаты и их обсуждение. Само название произведения «Бухтины вологодские, завиральные в шести темах» нас подводит к мысли о формообразующем начале сказового повествования писателя. Бухтина – по толковому словарю Даля – «ложь, враки, нелепые слухи; шутка, прибаутка, красное словцо, побывальщина. Однако у Даля враль – это не только лгун, но и говорун, шутник [2].

«С бухтинами не расстаюсь, иду вдоль своей жизни», – говорит Кузьма Иванович Барахвостов [1, с. 815]. Он, главный герой произведения, исполняет в нем функции собственно рассказчика. В образе Кузьмы Ивановича В.И. Белов воссоздает цельный характер, который является воплощением народной культуры и традиций. На первый взгляд, кажется, что перед нами образ шутника и балагура, а сват Андрей характеризует Кузьму Ивановича как «плута и жулика». Однако, эта оценка, скорее выражает признание смекалки, хитрости и находчивости главного героя.

Рассказчику выпало родиться в тяжелое время, когда вечные ценности подменялись новыми понятиями, новым образом жизни: «Вижу – на белом свете дым коромыслом, ничего не поймёшь.

Бабы встали супротив мужиков, детки против родителей. Хлеба нет, вина вдоволь. Народ от работы отвык, только шумим да ждем братской помощи» [1, с. 816]. Здесь следует отметить, что голос героя-рассказчика созвучен голосу автора, его видению ситуации, аккумулирует в себе чувства народа, выражает его смятение, растерянность, страх перед происходящими переменами. И в то же время именно в нем В.И. Белов воплощает силу характера и негибкость, одаренность русского народа. «Бухтины» – это своего рода его «защитная реакция». Рассказчик не лишен серьезного отношения к жизни, обращаясь к «бухтинкам», он пытается сохранить спокойное и позитивное мироощущение: «с бухтинками идти веселей», «бухтина душу без вина веселит, сердце примолаживает» [1, с. 816].

В каждую «бухтинку» герой-повествователь вкладывает душу, для него – это не просто выдумка, а проживание самой жизни во всей недостающей полноте. Поэтому Кузьма Иванович с таким «надрывом» ищет якобы пропавшую, словно какую-нибудь вещь, «бухтинку». И даже в этом незамысловатом и простом эпизоде раскрывается богатство и широта души, глубина чувств и переживаний рассказчика: «Ах, ты господи... Вишь ты, что получилось. Вот беда-то! Не успел на сарай сходить, её уже нет. Пропала... Ну-ко погляди под ногами-то. Под лавкой. Нету? Хм... Виринея, а ты чего расселась, давай тоже ищи. Бухтина не иголка, должна быть. В шкапу-то глядела? За печкой? ...Надо придумать новую. Жаль, бухтинка-то была хорошая. Ядреная. Ну да куда не девается. Ах вот она, мокрохвостка!» [1, с. 855].

Народ в деревне любит Кузьму Ивановича за его веселый нрав и отношение к жизни: «Народ меня уважал. Большой и маленький. Которое – за бухтину, которое – так». Но не только и не столько за «бухтину» его уважали, а ещё и за мастеровую хватку в печном деле. Печь в быту деревенской жизни, можно сказать, главное. Именно такая хватка, смекалка, изворотливость вызывают уважение

и доверие, поэтому люди и обращаются к герою в самые трудные моменты: «Бывало, чаю сядешь попить – бегут. Посылали больше ребятишек: «Дядя Кузя, зовут!» ...Все бросаю, иду» [1, с. 840].

В любых ситуациях герой находит выход, оставаясь верным традициям и жизненному укладу в деревне. Его «смешливые» байки не противоречили взглядам, ценностям народного мировосприятия, были по-своему близки и дороги всем слушателям: «Было делов с ней-то... с кукурузой-то... Даю бабам приказ: «Поливать парным молоком! Два раза в сутки, утром и вечером! Тепла, вижу ей очень мало. Кольшек на меже вбили, солнышко на веревочку привязали... Пошла королева-то!» [1, с. 845].

За голосом Кузьмы Ивановича всегда угадывается единое с группой себе подобных людей понимание мира, общий, народный голос: «Русских печек осталось считанные единицы. Мерзнут, как воробы в крещенье, а печи подай новомодные. Холодно, и полежать, когда заболешь, негде» [1, с. 854].

Характерной чертой рассказчика является его лукаво-критическое отношение к существующим порядкам в современной деревне. Изменения, происходящие в жизненном укладе людей, затрагивают всех, а рассказчик выражает свое, якобы индивидуальное, мнение. В его речи нет сарказма, но чувствуется ирония: «Главная стычка вышла, когда вступили в колхоз... Мы все сорок хозяйств на собрание за полчаса ликвидировали. Установили одно большое и наиболее»; «Я свою агитацию двигаю дальше»; «Будешь ходить в розовой кофте», «Ребят родишь, растить не придется. Всех на государство сдадим...»; «Всем была корова добра и доила по пуду. Бывало, подойдет ко крылечку, все понимает, только не говорит... Как только стали пасти всех коров вместе, начала портиться. Избаловалась, дисциплины не признает. Бодаться выучилась, рога то и дело ломает. Скакать привыкла чуть не до князька» [1, с. 826–830].

Эта художественная роль сказа первая – характеристика персонажа, героя. «Бухтины» героя представляют собой особую форму монологической речи, основная сюжетная линия постоянно прерывается внезапными эпизодами, событиями, которые неожиданно всплывают в повествовании рассказчика. Основу сюжета составляет биография героя, которая и представлена в шести темах. Но общий тон повествования часто сбивается отдельными, не совсем логически оправданными, воспоминаниями героя. Например, герой рассказывает, как случайно женился на косоглазой невесте, а затем вводит в повествование историю о том, как они со сватом выравнивали глаза его жене. В этих сюжетных поворотах В.И. Белов оттеняет черты характера, определяющие менталитет русского человека, – мягкость, сердечность, даже покорность обстоятельствам. Сначала Кузьма Иванович растерялся, когда узнал, что невеста у него косоглазая, но со временем смирился. Душевность и любовь жены обогрели сердце мужа: «Попробую с косоглазой жить, может и ничего. С того дня Вирька да Вирька. Уж много годов с ней маюсь, а пораздумать – так вроде и хорошо...» [1, с. 823].

Отношение автора прослеживается на протяжении всего повествования, читатель чувствует симпатию писателя к герою, отсюда – нередкое созвучие их мыслей в «Бухтинах»: «Правда, она что ость в глазу. Сидишь втемную, зажмуря глаз, – не больно. Как только глаз откроешь – колется, хоть ревом реви. Так и сидим, никому глаза открывать неохота» [1, с. 831]. Конечно, здесь автор не является субъектом речи, и по отношению к нему речь повествователя воспринимается как «чужая», но полное единомыслие писателя и рассказчика легко угадывается в подобных отступлениях.

Так В.И. Белов реализует одну из основных художественных функций сказа – двухголосое повествование, которое нередко отождествляет автора и рассказчика. Хотя последний представлен здесь как комический персонаж, наделенный

собственной речевой манерой повествования.

Еще одна художественная функция сказа – косвенная характеристика слушателя, сюжетно пассивного, но в подтексте монологов Кузьмы Ивановича воспринимаемого как активного участника диалога. Так, в эпизоде, когда у рассказчика пропадает бухтинка, он говорит: «Пропала. Да нет, не Виринея. Куда Виринея денется? Кабы уехала на недельку – перекрестился бы локтем». Такая речевая ситуация предполагает слушателя. В нашем случае слушателем является собиратель фольклора, и хотя после слов Кузьмы Ивановича ответной реакции никакой не следует, мы ощущаем присутствие другого человека. Далее Кузьма продолжает свой монолог: «Чево? Никуда не поедешь? Знамо, не поедешь, такую старую и в багаж не примут, не то что своим ходом» [1, с. 855]. В.И. Белов сознательно не выстраивает диалога и здесь, но вводит прием переспрашивания, который наводит на мысль, что Виринея сначала отвечает мужу: «Никуда не поеду», а Барахвостов как бы вторит ей в этот момент: «Чево? Никуда не поедешь?».

Или, например, в другом эпизоде, где Кузьма Иванович начинает рассказывать собирателю фольклора о командированных в деревню, которые, по его мнению, делятся на три главные категории, он прерывает свое повествование фразой: «Погоди, не перебивай, все расскажу сам» [1, с. 846]. В этой речевой ситуации мы опять-таки угадываем присутствие человека, который внимательно слушает, и даже хочет принять участие в разговоре.

Рассказчик выстраивает повествование, всегда учитывая особенности своих слушателей. Диалогические отношения героя с ними развиваются при помощи разнообразных средств и приемов. Так, рассказывая о рыбалке, Кузьма Иванович обращается к собирателю фольклора: «Так вот, братец, я хоть и сделал себе хорошую уду, а ловил по своему новому способу» [1, с. 839]. Прямое обращение

«братец» указывает нам на присутствие слушателя.

Пассивно в этой роли собиратель фольклора выступает и в других эпизодах, в которых рассказчик использует риторические вопросы. Например, делаясь опытом своей службы в качестве бригадира деревни, Кузьма Иванович спрашивает: «Переходящий вымпел из рук не выпускали: три года лежал в моем шкапу. Каким способом?». Подобными вопросами герой держит речевую ситуацию «под контролем», вызывая интерес к теме у слушателя. Вопросы такого характера предполагают ответ скорее не от слушателя, а от рассказчика, и Кузьма Иванович сразу же сам и отвечает: «Очень просто. В соревнованье голова нужнее всего» [1, с. 843].

Часто повествователь прибегает к употреблению конструкций с усилительными частицами и междометиями. В эпизоде, когда к главному герою стали приходить письма с «того света», чтобы готовился к смерти, Кузьма Иванович вздыхает: «Ох, не везет, только успел наладить личную жизнь» [1, с. 852].

Использование просторечных форм для выражения своего отношения к чему-либо помогает выстраивать повествование естественным способом. В сюжете, когда Кузьма Иванович решил «Николин день отгулять, вино не торопясь выпить да и умереть», попадает он на «тот свет» несвоевременно, там его еще никто не ждет. Однако, обращая на себя внимание, герой добивается своего. Только и на «тот свет» просто так не попадешь, сначала надо «сдать все анализы». Поэтому и очевидна реакция Кузьмы Бархвостова в сложившихся обстоятельствах: «Дурак, я, дурак, вишь, разговорился» [1, с. 849].

Употребление в речи обращений, переспрашиваний, риторических вопросов, междометий и других разговорных формул указывает также на хаотичное повествование рассказчика, которое воспринимается, в свою очередь, как реальное, однородное и естественное. У читателя не складывается ощущение чего-то ис-

кусственного, созданного какими-то обстоятельствами «извне».

Импровизационный характер речи героя определяет и ее лексику, и стиль. Употребление привычных словосочетаний в измененном, «неграмотном» виде, тавтология, вводные слова, инверсионные обороты создают ощущение устной речи: «Дело было в шестнадцатом году. Начал я тогда задумываться, родиться мне или погодить... И на белый свет в такое время заявляться не больно приятно: шла первая германская...» [1, с. 815], «Под осень на огородах ставят клепцы, как на зайцев. Еще ничего не созрело, а мы уже идем в поход, чужая репа испокон веку своей слаще» [1, с. 819].

Рассмотрим также индивидуальные особенности речевого поведения рассказчика. Стилеобразующей чертой характера героя-рассказчика является юмор. Но повествователь изображает жизнь не карикатурно, а во множестве ее реальных событий: «Началась общеколхозная жизнь. Мою Виринеею поставили в передовые доярки... К моему прискорбью, спать перебралась на ферму. Я как адъютант за ней следом... Все бы ладно, да сват Андрей подсатанивает: “Ты, Кузьма, только не отелись гляди. Дело ночное, ошибиться недолго”» [1, с. 827].

Народно-поэтическая манера повествования рассказчика обнаруживает себя через вкрапление в произведение фольклорных элементов.

Сам сюжет часто выстраивается, совпадая с сюжетами сказок-небылиц русского фольклора. Вот как оформлен рассказ о спивающемся медведе: «Был у меня один знакомый медведь... Тот медведь пил всю осень, до самого снега. Берлогу искать не стал, от зимней спячки отказался. «Миша, – говорю, – подумай ты головой! Войди в чувство, остановись! Вон у тебя уже и глаза посинели, глядят не в ту сторону. Похудел весь, морда опухла. Долго ли до греха? Попадешь в больницу. Либо и совсем на дороге замерзнешь». Рыло вниз опустит, молчит. Соглашается. А что толку? Люди пошли совсем бессовестные, спаивают медведя

нарошно. Сушняку воз наломает – ему стопочку для начала» [1, с. 838]. Эта небылица в устах рассказчика цель имеет явно дидактическую. Барахвостов наблюдает не один случай такого спаивания – не медведей, а соседей, среди которых есть, возможно, и Михаил. Но как он тактичен в своих воспитательных поучениях, прибегая к такому иносказанию.

От имени рассказчика встречаются в произведении частушки, анекдоты: «Меня мамушка рожала, Вся земелюшка дрожала, Тятка бегает, орет, Зимогора бог дает!» [1, с. 816], «У тальяночки ремень,

А я о дролечке ревел, Я еще бы поревел, Да товарищ не велел» [1, с. 819]; «Сапожник сидит, голенище тачает, сам рассказывает: «Вот, ребяташки, иду я вчерась из бани, гляжу, а лиска по полю попрыгивает. И прямо к церкви. Забегала на колокольню да и давай звонить. Вот бомкает, вот бомкает. Отзвонила, курицу у дьячка свистнула да и в лес. Рыжая!» [1, с. 817] и др.

Среди других стилистических приемов, восходящих к поэтике сказа, в повести также встречаются алогизмы («А давай ногами меняться! Я тебе свою укороченную, а ты мне свою длинную. Мы потому тихо идем, что ноги разные у обоих» [1, с. 832]), каламбуры («С каких позиций сиганул по окну? С улицы» [1, с. 822]).

Свое повествование рассказчик выстраивает и в разговорно-бытовой манере, которая выражается в употреблении просторечия и диалектизмов: «сивые дурь», «фулиган», «труперды», «ерепенится», «тюмы (удары)», «лошники (место, где по утрам одна за другой садятся домашние куры, чтобы снести очередное яйцо)», «вомелы (очень сильно)» и др.

Таким образом, монолог рассказчика, стилизованный под ритм разговорной речи и рассчитанный на «свою» аудиторию, имеет ряд индивидуальных особенностей, которые проявляются в народно-поэтической и разговорно-бытовой манерах повествования.

Заключение. В творчестве В.И. Белова сказ выступает как литературный жанр. Эта жанровая определенность сказа обусловлена и его близостью к сказу фольклорному. Влияние фольклорной поэтики проявляется у Белова на всех уровнях сказа: сюжетно-композиционном, стилевом, языковом и др. Повествование в такой сказовой манере неслучайно: таким образом писатель отражает все стороны народной жизни, его духовного уклада, черты национального характера. Доминантой речевого поведения рассказчика явился близкий народному пониманию добродушно-ироничный юмор, утверждающий позитивное мироощущение.

Анализ идейно-эстетического своеобразия сказовой манеры повествования в повести В.И. Белова позволяет сделать следующие выводы о творческой индивидуальности писателя. Ее определяет самобытность жизненного материала, им используемого, знание вековых русских традиций и ценностей, афористичность и искрометность народного юмора, неподдельная любовь автора к своему народу, к малой родине – вологодской земле. Сказ у писателя – это не искусная стилизация, не забота о сугубо формальных аспектах произведения. Он рождается органически из глубокого и точного знания реальной действительности, быта, нравов и обычаев народной жизни.

Литература

1. Белов, В.И. Привычное дело: повести и рассказы / В.И. Белов. – М.: «Эксмо», 2005. – 864 с.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – М., 1995 (по 2 изд. Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля. 1880–1882).
3. Ершов, Л.Ф. Истоки души народной: Василий Белов / Л.Ф. Ершов // Современник. – М., 1984. – С. 212–246.
4. Муценко, Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Муценко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж, 1978. – 284 с.
5. Овчаренко, А. Творчество В. Белова в восприятии советской и зарубежной критики /

- А. Овчаренко // Вопросы литературы. – 1983. – № 8. – С. 31–53.
6. Селезнев, Ю.И. Василий Белов: раздумья о творческой судьбе писателя / Ю.И. Селезнев. – М.: «Советская Россия», 1983. – 144 с.

Поступила в редакцию 03.06.2013 г.

Принята в печать 24.06.2013 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
 - индекс УДК;
 - название статьи;
 - фамилия и инициалы автора (авторов);
 - организация, которую он (они) представляет (-ют);
 - введение;
 - раздел «Материал и методы»;
 - раздел «Результаты и их обсуждение»;
 - заключение;
 - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается короткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не

принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles

written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
 - UDK index;
 - title of the article;
 - name and initial of the author (authors);
 - institution he (she) represents;
 - introduction;
 - “Material and methods” section;
 - “Findings and their discussion” section;
 - conclusion;
 - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be

identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).

13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:

- summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
- title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
- author's home address, telephone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
- expert conclusion on the feasibility of the publication.

14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.

15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 15

Компьютерный дизайн

Т.Е. Сафранкова

Корректор

Л.В. Моложавая

Подписано в печать 24.06.2013. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 25,22. Уч.-изд. л. 16,72. Тираж 100 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
ЛИ № 02330/110 от 30.01.2013.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.